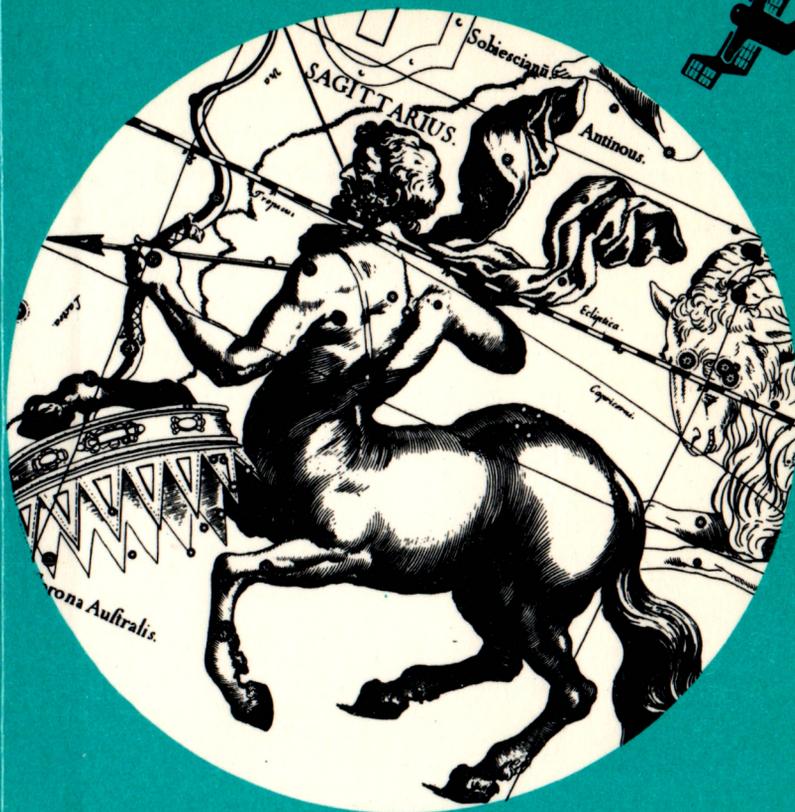

ДОРОГА МИРОВ

ДОРОГА
МИРОВ

1

Щ **КОЛА**
Е **ФРЕМОВА**

ДОРОГА МИРОВ

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Том 1

МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ”
1990

ББК 84 Р7
Д 64

Д 64 Дорога миров: Сборник фантастики, т. 1 /Сост. А. Н. Каширин. — М.: Молодая гвардия, 1990.— 304 с.

Сборник фантастических рассказов и повестей, составленный по материалам очередного совещания, проведенного Всесоюзным творческим объединением молодых писателей-фантастов при ИПО ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

ISBN 5-235-01391-3

Д $\frac{4702010200}{078(02) - 90}$ без объявл.

ББК 84 Р7

ISBN 5-235-01391-3

© Всесоюзное творческое объединение молодых писателей-фантастов, Новосибирск; 1990
© Издательство «Молодая гвардия», 1990

РАЗНЫЕ ДОРОГИ К ОДНОЙ ЦЕЛИ

«Фантаст создает в своем воображении новый мир...» Примерно так высказался во время беседы с представителями ВТО МПФ Станислав Лем. И только от автора, силы его чувств и убежденности, от степени причастности к проблемам извечным и болям современности зависит, станет вымышленный мир живым, близким читателю или останется убого намалеванной декорацией.

Разных людей объединяет ВТО МПФ. Различен возраст, профессии, жизненный опыт. Поэтому поэту рознятся и создаваемые им миры.

Разные люди читают фантастику. Одни глотают все без разбора, и прочитанное не оставляет никакого следа в их душе.

Другие, пресыщенные донельзя, ищут в новых произведениях нечто сверхнеожиданное, сверхоригинальное, сверх-сами-не-знают-что. Скептицизм, разрушение — их девиз, право созидания заранее предоставляется раз и навсегда определенным кумирам, только в их творениях настойчиво отыскиваются отсутствующие там мысли, неведомые «смысловые» слои.

Но, к счастью, есть и третья категория читателей — и, судя по письмам, полученным редколлегией «Румбов фантастики», самая многочисленная. Такие читатели умеют сопереживать автору и его героям, не прощают небрежности и непрофессионализма, благодарно реагируют на удачи и находки. Имея свою шкалу ценностей, определив свой круг интересов, не замыкаются в нем, признают за другими право на собственное мнение, в споре умеют уважительно относиться к позиции оппонентов. На таких читателей прежде всего и рассчитан очередной двухтомник, подготовленный Всесоюзным творческим объединением молодых писателей-фантастов при ИПО ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

Эти книги увидели свет после очередного Всесоюзного семинара ВТО МПФ. На сей раз молодые фантасты собирались в Тирасполе — гостеприимном зеленом городке на юго-востоке Молдавии. Прогулка по Днестру и шумное многоцветье южных базаров, споры о фантастике и чтение рукописей до боли в глазах — такой запомнилась эта неделя июня 1989. Как всегда, появились новые имена. Среди них — киевлянин В. Гусев. Его рассказ «Последний из марсиан» опубликован во втором томе этого сборника. Маленьких любителей фантастики ожидает встреча с прелестными повестями А. Куркова — в этот сборник они не вошли, но обещаем, что встреча не за горами.

Впрочем, основу «Дороги миров» составляют произведения авторов, выступавших в сборниках, подготовленных ВТО МПФ, и раньше. Грустновато-лиричный мир героев А. Силецкого дополнит рассказ «О без вести приходящих», три новых рассказа расширят границы сказочно-фантастического мира С. Булыги. Все более решительно прокладывает свою дорогу на поприще исторической фантастики Л. Вершинин. Откликаясь на многочисленные просьбы поклонников творче-

ства Е. Сыча, мы решили опубликовать в этом сборнике его повесть «Соло», впервые увидевшую свет на страницах альманаха «Енисей». Любителям приключенческой НФ рекомендуем повесть Е. Ленского «Рай-на-задворках». В общем, фантастические миры, представленные на страницах этого двухтомника, столь же фантастически разнообразны как и вся сегодняшняя советская НФ.

Но и общее, объединяющее начало у этих произведений есть. И это тоже традиция ВТО МПФ. Верность заветам И. А. Ефремова никогда не была для нас пустым лозунгом, имя великого писателя и мыслителя, его идеи объединяют очень разных авторов, разные пути, которыми они идут единой дорогой советской фантастики.

Виталий ПИЩЕНКО

Мастера

ЮРИЙ МЕДВЕДЕВ (Москва)

СОЗЕРЦАТЕЛИ НЕБЕС

От автора. Фантастический рассказ «Созерцатели Небес» был написан в 1972 году. В основе повествования — воспоминания о моих азиатских странствиях в пятидесятые годы. Однако, «по законам того времени», «Созерцатели Небес» были многожды отвергаемы разными редакторами, и лишь в 1983 году вышли — главой повести «Чаша терпения». Да и то уже после сверки, без ведома автора, была внесена такая правка, что нарушились элементарные логические связи.

Предлагаю вниманию читателей рассказ «Созерцатели Небес» в первоначальной редакции.

Сколько себя помнил, Мурат жил с дедом в уйгурской деревушке, в трех часах ходьбы от города Кульджи. Мурат был десятым ребенком в бедной семье, дед привез его из Урумчи и, по существу, усыновил. Едва восходило солнце, белобородый Турсун будил внука и они шли на огород — клочок земли шагов двадцать в длину и вдвое меньше в ширину. Но на этом клочке Турсун знал буквально каждую пядь. Там стояли на кольях, в несколько этажей, ящики с прорастающей рассадой редиски, моркови, свеклы, помидоров, там росли в плетеных корзинах дыни и арбузы, там зеленели и краснели (в других корзинах, поменьше) стручки четырех сортов перца.

Все эти ящики, корзины, железные кастрюли с дырявым дном были соединены друг с другом паутиной веревки и проволоки, и, следя за солнцем, дед с помощью большого деревянного колеса и других колесиков, тоже деревянных, разных рукояток и рычажков управлял механизмом своей живой Вселенной. Одни ящики и корзины прощались с тенью, другие задвигались, третьи поднимались на высоту протянутой руки деда. Три, подчас четыре урожая умудрялся собирать с апреля по ноябрь Турсун, и того, что давал огород, им хватало до следующего лета.

Со временем Мурат освоил хитроумную систему, к двенадцати годам он стал заправским огородником. Теперь дед даже позволял себе вздремнуть часок-другой после обеда или отправиться в горы на поиски целебных

трав. На стенах глинобитной мазанки, где жили дед с внуком, висели пучки растений, мешочки семян, в деревянном сундуке поблескивали пузырьки с барсучьим салом, целебным маслом облепихи, мумие. Вся деревушка лечила хворобы у Муратова деда, будь то водянка, слабость печени, отрыжка, кровохарканье или ушиб. Больницы в деревушке не было, как и школы, и Мурат выучился читать по единственной дедовой книге — «Канону врачевания» благословенного Абу Али Хусайн ибн Абдуллах ибн Хасан ибн Али ибн Сины. Собственно, книг, составивших канон, было целых пять, толстенных, увесистых, пахнущих пряностями.

«Берут сагапена, горечавки, мирры, опопанакса и белого перца — каждого по два мискала, очищенных костянок лавра — четыре мискала, растирают и замешивают с водой,— читал Турсун нараспев при свете копилки.— Оно помогает от всякого кашля, всякой текучей материи, внутренних гнойников; его изобрел Абуллу-кийус,— да продлятся потомки его на тысячу лет и десять тысяч дней...»

Под присмотром деда и Мурат собирал травы в горах. За одиннадцатым перевалом высоко над ручьем в скале чернели дыры. То был подземный город Созерцателей Небес. Там обитали когда-то почитатели бога Будды, не захотевшие покориться исламу, рассказням хитроумного Магомета.

— Еще во дни моей молодости из пещер выходили люди в фиолетовых и желтых одеяньях,— говорил дед, и глаза его слезились от яркого света, и струилась борода по плечу на ветру.— Они спускались с гор и расплачивались за покупки старинными серебряными монетами. Но теперь больше уж не спускаются — как видно, повымерли все... А когда я умру, ты, Мурат, отправляйся в Чарын, к брату моему Ришату. И «Канон врачевания» передай ему. Ничего, что тяжелы книги. Знание не тяжело. Ты на ослика нагрузи и иди. Там граница, но родственников вроде бы пускают. Я б и сам ушел к Ришату, да больно стар, упокоюсь здесь. Говорят, уйгуры на той стороне богато теперь живут, как в древности одни правители жили — елики.

— Дедушка, ты не умрешь,— говорил Мурат,— я отыщу для тебя бессмертную траву, и разотру в ступке, и смешаю ее с девясилом, семенами айвы, цветками гранатника и сельдереем.

И опять вышибал ветер слезы из дедовых глаз.

Однажды осенью дед впервые взял с собою внука в Кульджу. Они нагрузили двух осликов корзинами с овощами, дед ехал верхом, а Мурат шел по земле: жалел тонконового Рафика. Город немного испугал Мурата: так много было людей, лошадей, чихающих грузовиков. В глухом, заросшем травой переулке, на подходе к базарной площади, послышался жалобный собачий визг. Визг доносился из-за камышового забора. Мурат взобрался на ослика и увидел чужой огород, только без корзин, кастрюль и колес. Несколько мужчин в синих куртках, вооружась длинными бамбуковыми палками, били по очереди метавшуюся возле железного колышка собаку. Пес был мохнатый, коротконогий, с маленькими ушами торчком.

Не раздумывая Мурат перемахнул через забор, юркнул у кого-то под ногами и накрыл собаку своим телом. Вслед за тем он получил удар бамбуком по спине, да такой, что рубаха лопнула с треском.

— За что собаку бьете? — закричал он и заплакал от нестерпимой боли.

— Убирайся подобру-поздорову, щенок;— коверкая уйгурские слова, прогундосил пузатый детина и снова замахнулся палкой.— Убирайся! Из собачки этой мы сперва сделаем живую отбивную, а потом зажарим на вертеле. Мотай отсюда!

Плачущий Мурат кинулся защищать обреченного пса. Мальчишке всыпали еще несколько палок, но он не переставал кричать:

— Отдайте мне собаку! Отдайте собаку! Дедушка даст за нее мумие и женьшень! Большой корень, длинней ладони!..

Детина долго радовался выгодной сделке: на полученный корешок можно было купить свору собак. Дедушка намазал вспухшую спину Мурата бальзамом из глиняной баночки и долго еще оглядывался на пузатого, что-то шепча.

На базаре они купили псу ошейник и ближе к вечеру отправились домой. Так у Мурата появился четвероногий друг. Его называли Токо. Незаметно он вырос в могучего пса с широкими лапами и черной шерстью на загривке. Теперь, уходя в горы за травами или за сухим кустарником — кураем, которым зимою топили печи, мальчик брал с собою Токо. Пес разрешал нагружать на себя курай, как на ослика. Он добросовестно отработывал свой хлеб. Со временем Токо наловчился добывать в за-

рослях зайцев, сурков, лисиц, даже приволок как-то шакала. За лисиц и зайцев дед Турсун сурово отчитывал пса.

— Большой грех убивать лису, о-ох, большой. Раньше лиса была человеком, да стала морочить других людей разными хитростями, вот и наказал ее бог. И тебя, Токо, накажет.

— А кого еще бог, наказал? — спрашивал Мурат.

— Слона. Он был хлебопек, обвешивал покупателей. Медведя — продавал худую краску. Волка наказал. Этот был мясник в другой жизни, торговал мясом дохлых овец. Тащи лису обратно, Токо, тащи!

И чудо! — Токо хватал мертвую лису за загривок и уволакивал в заросли шиповника. Вот каким догадливым оказался чуть было не забитый палками пес.

Однажды, в пору цветения урюка, когда южные склоны гор заалели от тюльпанов, в деревушку приползли три крытых брезеном грузовика. Они остановились перед домом дряхлого Рената Умарова — единственного книгочея по всей округе. Из грузовиков выскакивали коротко стриженные парни в синих куртках с блестящими значками. Часа полтора, не обращая внимания на собравшуюся детвору и лай собак, значкастые читали нараспев из тонких книжечек. Ими предводительствовал лысый толстяк с розовыми, как у младенца, щеками. Тем временем под тарахтенье незаглушенного мотора из кузова одного грузовика поползла в небо надуваемая кишка, которая оказалась вовсе не кишкой, а здоровенным, вровень с тополями, верзилой. Он тоже был в синей куртке и в здоровенной приплюснутой кепке, а блестящий его значок был не меньше крышки от котла, даже больше — с медный таз. Великан плавно покачивался на легком ветерке. Мурат догадался, что он хочет подняться повыше, над тополями, над горюю на другом берегу реки, а может, и над снеговыми вершинами. Но ему мешал пеньковый канат, его удерживала тяжесть переставшей тарахтеть машины: видать, слишком крепко вцепилась она в землю четырьмя грязными лапами. При появлении великана собаки завыли и дали деру, а Мурат пошел домой, обо всем рассказав деду.

После обеда всю деревушку согнали к великану. Прошел слух: мол, кого-то будут арестовывать то ли за недоимки, то ли за какие-то преступления в прошлом. Поговаривали, что в одном грузовике уже сидят арестованные из соседних сел, и среди прочих — Ваха-тибетец,

продававший еще в войну пирожки с человеческим мясом. На дощатом возвышении стоял старик Умаров со связанными веревкой руками. Рядом с ним дюжина значкастых и тот, розовощекий. На этот раз они гундосили по книжечкам не так долго, а затем розовощекий, указуя рукой на великана и частенько ему кланяясь и улыбаясь, сказал:

— Перед лицом великого кормчего мы со всей серьезностью должны заявить, что в вашем пускай и небольшом селе свили себе ядовитое гнездо гнуснейшие отщепенцы, ревизионисты, предатели народных интересов,— говорил он по-уйгурски чисто, без акцента.— И хотя в антипартийной группе всего два человека, которых и людьми-то совестно назвать, этих выродков, однако возглавляет ее, эту подлую змеиную шайку, гоминдановец, убийца и контрреволюционер, некий Умаров.

Все знали, что старик Ренат безвыездно прожил в родном селе восемь десятков лет и ничем, кроме записывания старых песен и легенд, не занимался, не считая работы на огороде. Народ начал смущенно переглядываться.

— Сей выродок и отщепенец осмелился написать письмо самому великому кормчему, где усомнился в благородных целях и задачах культурной революции. Тем самым оборотень выплеснул ведро помоев на всех нас. В частности, он нагло посмел заявить, что ныне якобы происходит варварское разрушение памятников глубокой старины, гонения на интеллигенцию.

— Не якобы, а вьявь! — громко сказал Ренат Умаров.— Кто подверг бомбардировке знаменитый монастырь Ганден в Тибете? Кто его полностью разрушил? Кто взрывает в наших горах древние памятники зодчества?

Коротким ударом ребром ладони по шее розовощекий заставил старика умолкнуть и продолжил речь:

— Я спрашиваю вас: какой кары достоин порочащий имя великого кормчего, сеящий волчье семя религиозного дурмана? Вы скажете единогласно — расстрелять мерзавца. И правильно скажете. Но мы не убиваем таких дряхлых врагов. Мы даем им возможность тяжким трудом смыть свои преступления. И потому отщепенец Умаров приговаривается — единогласно! — к высылке в пустыню. А его книги, все эти молитвы против драконьего сглазу, двусмысленные, неприличные загадки и поверья будут сегодня же вечером уничтожены!

— Опомнитесь! Я собирал их всю жизнь! Там «Сутра золотого блеска»! Там «Алмазная колесница»! Это же прошлое тысячелетие! — выкрикивал старик Ренат и снова получил удар по шее.

В небе гроыхнуло. Прикочевавшая из-за горы туча наваливалась темно-синим брюхом на деревушку. Ветер стих. Замолкли птицы. Великан рвался в небо.

— Единогласно осужденный всеми вами преступный Умаров, — зачастил розовощекий, — будет сослан в пустыню не один. Вместе со своим гнуснейшим сообщником, хотя тот и не подписывал письма великому кормчему. Я говорю о самозваном врачевателе, насадителе преступных суеверий Шамаеве. Суд над ним ввиду приближающейся грозы состоит завтра поутру.

— Дедушка, а Токо в пустыню взять нам разрешат? — спросил Мурат.

— Молчи, Мурат, — сказал дед и зашатался. Колени у него подогнулись, он упал наземь. Соседи привели его домой под руки.

Такой грозы давно никто не помнил. До вечера бились в небе длинными мечами злые демоны, и прозрачная кровь из их ран проливалась на испуганную траву...

Вечером, отбиваясь от Токо дубинкой, в глинобитную мазанку вломился розовощекий.

— Пса на цепь, а то пристрелю! — скомандовал он, и Мурат загнал Токо в будку. Когда он вернулся в дом, гость сидел за столом с двумя бутылками рисовой водки.

— Дай, думаю, переночую у колдуна, авось не превратит в свинью, — ухмылялся розовощекий. — Может, отвару какого нацедишь, чего-то сердчишко пошаливает, брюхо из штанов лезет, как квашня. Давай, давай, не жалея. Завтра все равно все твои зелья-притиранья в реку спустим. И поделом тебе, колдун: не плоды суеверья.

Лежащий на низкой деревянной кровати дед отвернулся к стене.

— Ты нос не вороти, колдун, не вороти. Лучше о закуске позаботься, о грибочках да огурчиках. А с кровати слазь. На ней спать буду я. А ты в пустыне и без кровати дуба дашь.

— Никуда я, сынок, отсюда не поеду. Жить-то мне осталось всего ничего, — вздохнул Турсун.

— Еще как поедешь, старый хрыч. Побежишь в пустыню резвее жеребчика. — Он нехотя поднялся, подошел к кровати, пинком сбросил деда на пол. Задержался дед, захрипел, горлом хлынула кровь. Мурат

впился зубами розовощекому в ухо и больше ничего не помнил.

Он пришел в себя от боли, потянулся рукой к правому уху, туда, куда вонзались, как ему казалось, раскаленные иглы. Верхней половины уха как не бывало. Он лизнул липкие соленые пальцы, застонал.

— Заткнись! — сказал толстяк, успевший опорожнить обе бутылки. — Моли бога, что все зубы еще не вычистил. Будешь знать, как кусаться, пес шелудивый. Раньше говорили: око за око. Я же заявляю: ухо за ухо. Ух-ух-ух-ух-ух! — Он затряс животом, корчась от смеха.

Когда гость плюхнулся плашмя на кровать и засопел, Мурат, поднялся, наклонился над дедушкой. Тот не дышал.

Внук прикрутил фитиль в лампе, сходил в сени за кувалдой, проверил, занавешены ли окна. По стеклам ползли змееныши дождя. Оглядываясь на мертвого деда, Мурат накрыл холстиной толстяка, вцепившегося руками в подушку, будто подушка, как сказочный дракон, уносила его в поднебесье.

«Пусть после смерти ты превратишься в борова», — подумал Мурат и обрушил кувалду на голову толстяка. Ему вдруг почудилось, что стены дома зашатались, как при землетрясении, а в небесах загромыхали орудия богов, наказующих убийц... Но нет, все было спокойно. По холстине расплывалось черное пятно, и никто больше не сопел.

Мурат поставил кувалду на прежнее место, нашарил за притолокой нож с костяной рукояткой.

Ни единого окна не светилось в деревне. Только шумел дождь да взвизгивал Токо, почуяв хозяина на крыльце.

Пеньковый просмоленный канат перерезался с трудом. Ветер раскачивал среди тополей смутно угадываемого великана. Великан силился покинуть землю вслед за отлетающей душой розовощекого.

Из соседнего грузовика доносились опасливые голоса: может, там и вправду арестованные, подумал Мурат. В ту же минуту почти отрезанный канат лопнул. Мурат пожалел, что не схватился за него и не улетел в небо вместе с освобожденным великаном, но вспомнил про Токо и вернулся крадучись домой.

Пятно по холстине расплозлось на полкровати. Но вот загадка: дед уже не лежал на полу, а сидел, прислоненный к лавке. Неужели жив?

— Мурат... пи-и-и-ить,— простонал дед. Его зубы стучали о края чашки, когда он с трудом глотал молоко.

— Дедушка, я укукошил толстяка насмерть. Кувалдой,— сказал Мурат на ухо деду. Тот завздохал.

— Ох, ох, тяжкий грех... Тем легче он тебя сразит на том свете... Что ж теперь будет, внук?..— Язык у деда заплетался, слова он выговаривал с трудом. После долгих вздохов он зашептал: — Заводи Рафу и Гопу прямо сюда, в комнату... Давай навьючивать. Бери весь порох, жаканы, дробь, соль... пшена полмешка, полмешка рису... Одеяло бери верблюжьи, оба полушубка, валенки, сапоги... Надо скрываться в пещеры, деться больше некуда.

Мурат сделал все, как велел дед, затянул ремнями поклажу.

— Где кувалда? — спросил дед и попросил вложить ему рукоятку в руки. Мурат вложил.

— Помнишь теплый ключ ниже города Созерцателей Небес? — спросил дед.— Там, под водопадом, вход в пещеры... Будешь проходить сквозь водяную стену — закрой осликам глаза... не то заупрямятся... Раньше осени сюда не возвращайся... Осенью попробуй уехать в Урумчи, к отцу... Добрые люди помогут добраться... Но не раньше осени... Обещаешь?..

— Дедушка,— заплакал Мурат,— садись на ослика.

— Пусть думают, я убил... Никто тебя не хватится. А я... сейчас... умру...— сказал дед... И голова его упала на грудь.

Сколько Мурат ни бился, поднять мертвого на ослика он не смог.

Когда тело деда стало холодеть, он погасил лампу, перестал плакать и двинулся в путь.

Возле мельницы он оглянулся с пригорка на родную деревню. Полночный дракон сожрал все лучи неба и земли, упиваясь мелким нудным дождем. Лишь вырисовывался по правую руку пирамидальный тополь, а может, то зацепился за что-нибудь — будь ты проклят во всех мирах! — улыбающийся, розовощекий, раздувшийся от крови, хвостатый, значкастый.

* * *

Никаких отшельников в городе Созерцателей Небес он не нашел. Пещер было великое множество, они далеко уходили в глубь гор. В одной обнаружилось озеро с теплой водой и серебристыми карабкающимися со дня пу-

зырьками. Откуда-то сбоку просачивался слабый свет. Токо смело зашел в озеро по грудь, но пить не стал. Полчища летучих мышей носились с писком над водою. Одежда отсырела, но Мурат решил на первых порах обосноваться здесь, потому что обнаружился ручеек, вытекающий из-под черного камня, и ослики вслед за псом напились.

Глаза свыклись с полумраком. За ручьем Мурат нашел деревянный помост с трухлявой соломой, а еще дальше, почти у кромки воды,— очаг и небольшой медный котел. «Может быть, прадед моего дедушки тоже спасался здесь от надутого»,— подумалось Мурату, и от этой мысли ему полегчало.

Помня дедовы наставления, он ни минуты не сидел без дела: заготавливал сухие дрова, выискивал по утрам целебные и съедобные травы, сушил дикие фрукты, а ближе к осени начал коптить мясо архаров, готовясь к зиме. Ни в какое Урумчи он отсюда не поедет. Будет жить в пещерах один, пока не состарится и не станет мудрым и седобородым, как дед, который постоянно снился склоненным над «Каноном врачевания». Проснувшись, Мурат проверял, на месте ли книги, завернутые в прорезиненный плащ, а иногда при свете лучины и сам вслух читал «Канон» собаке и осликам.

На ночь он выгонял осликов попасться, но ближе к осени Гопу задрал волк. Рафа прибежал с окровавленным крупом, весь в пене и ринулся в озеро, где простоял три дня, и рваная рана — как тут не задуматься? — заросла молодой розовой кожей.

А потом обложились горы тучами, завыли, запричитали вьюги-метели, дракон тьмы бил хвостом о дрожашие скалы, нацеливался кривыми, как хвост кометный, глазами испепелить далекий город на юге, венчающий хрустальную Гору Света, с домами из драгоценных камней и крышами из перьев павлина.

Ослик уныло перетирал зубами жвачку. Даже Токо присмирел, стал реже класть хозяину передние лапы на плечи и взвизгивать, обращая нос к выходу из пещеры: пойдем, мол, порезвимся на снегу, добудем кабанчика или зайчишку.

Одно удивляло Мурата: с приходом зимы и долгих ночей в пещере не стало темнее. В сказках старика Рената не раз упоминались «орлиные камни». Они делали человека невидимкой, напускали днем тьму, ночью же один камешек мог осветить целый город. Может, и здесь,

среди причудливых: стен, похожих на оплывшие свечи, где вместо воска сползали струйки воды, жил такой сказочный камень? Иначе как объяснить, почему несколько случайно рассыпанных горошин и рисовых зерен вдруг пустили буйные ростки. Мурат разрыхлил ножом плотную землю у ручья, порастыкал дедовы семена. Зазеленело!

Но настоящие чудеса ждали в соседних пещерах, куда Мурат начал потихоньку захаживать еще с лета. Там светились сами стены, квадратные, продолговатые, вытесанные как по линейке. И не просто светились. На стенах, а кое-где и на выпуклых потолках были изображены люди, звери, растения. Мужчины в длинных красных халатах, опоясанные кинжалами, сидели на стульях, где вместо ножек — человеческие фигурки. На плечах женщин — одеяния из золотистой материи, на головах — маленькие короны. Все они — даже сосущие грудь младенцы — держали в руках ветви в розовом цвету. И плавали лотосы в прудах, где на берегу резвились белые верблюжата, и в виноградниках бродили павлины, и ребята одних лет с Муратом брызгались водой из серебряных трубочек, и всадники на лошадях кружили на поляне, где удалцы с разделенными надвое бородами зарывали в землю барана и возжигали факел с ножом. Иногда под картинами попадались лошади из глины, и ослик протяжно кричал, напрасно дожидаясь ответа.

Одна пещера с полупрозрачным потолком поразила Мурата особенно. Сквозь потолок смутно угадывалось, как если смотреть со дна реки, солнце. «Но разве оно может пронизать лучами толстенную скалу?» — подумал Мурат и, оглянувшись, увидел картину на стене. Он подвел ослика поближе, но сразу забыл и о нем и о Токо.

На лужайке возле дворца из драгоценных камней лежала в огромном цветке лотоса пригожая девушка в красном сарафане с белым кружевом. Ее украшало ожерелье из черных шариков и такие же черные серьги. Люди, стоящие вокруг цветка на коленях, предавались неутешной скорби. Одни плакали, другие с печальными лицами смотрели в сторону статного витязя, припавшего к ногам умершей. Даже деревья вокруг лужайки поникли ветвями, хотя подобных деревьев Мурат в жизни не видел: пузатые, как бочки, кора иссиня-черная, на густых длинных ветках серебристые плоды. Так бывает, когда весной после оттепели ударит мороз, и все в лесу

становится будто стеклянное... Это была даже не картина, а словно чудодейственное окно неизвестно куда, потому что над лужайкой светило сразу два солнца, оба сиреневые.

И тут Мурату показалось, что у красавицы на запястье тонко-тонко, тоньше дыхания муравьиного, бьется синяя жилка.

— Зачем вы плачете, люди? — сказал Мурат. — Прекрасная пери вовсе не умерла. Ее, наверное, испугал дракон, и она обмерла, погрузилась в спячку с бессонницей. Или летаргус, как говорит благословенный Абу Али ибн Сина, да продлятся потомки его на тысячу лет и десять тысяч дней. Мой дедушка при летаргусе делал настой из листьев ивы, ячменя с ромашкой, укропа, фиалок, корневища касатника и донника лекарственного. А потом смешивал с другим настоем — из лаврового листа, иссопа, пулегиевой мяты, руты, бобровой струи и сатара. Так советует «Канон врачевания». Настаивать травы легко. Даже я мог бы вашу красавицу исцелить.

И случилось чудо. Витязь у ног красавицы выпрямился, посмотрел на Мурата и поманил к себе пальцем с черным перстнем. Мурат окаменел от страха. Тогда витязь пересек быстрыми шагами лужайку, подошел к одному дереву, руками раздвинул, как занавес, кору, скрылся внутри. Дерево приподнялось над лужайкой. Внизу вместо корней показались хвосты оранжево-красного сияния. Вскоре летучее дерево уже ползло среди медленно проступивших на картине звезд. Мурат что есть мочи кинулся из пещеры, настегивая Рафика.

Он намерился никуда больше от озера не уходить и, как когда-то дедушка, подолгу сидел с деревянной лопаточкой возле своего огорода. Таинственная картина не выходила из головы. Зачем поманил его пальцем витязь? Чтобы попросить снадобье от спячки с бессонницей, чего тут гадать. А раз так, надо пересмотреть все дедовы склянки, шкатулочки, мешочки, найти целебный настой или сделать его самому, сверяясь с «Каноном врачевания». На эту работу ушла неделя. Правда, однажды он забыл завести серебряные часы дедушки на толстой цепочке и немного сбился со счета дней. Для верности он сделал лишнюю зарубку на мягкой скале, сосчитал черточки. Заканчивался февраль. Скоро дыханием согреет подснежники март — весны меньшей брат. Зачем же и куда звал скорбящий витязь?..

Однажды он проснулся от лая Токо и странного

пыхтеня, как будто в пещеру приполз измотанный поединком дракон, припав пастью к озеру. Мурат осторожно приоткрыл глаза. Токо лаял на дерево, выросшее посреди пещеры. Это было то самое дерево с черной корой и серебристыми ветвями, но вблизи оно оказалось гораздо толще, чем на картине. Толще самого толстого дуба, толще скирды сена. Мурат не очень удивился, когда раздвинулась кора и в образовавшейся дыре появился витязь. Его голову окружал светло-желтый прозрачный колпак.

Прикрикнув на Токо, Мурат взял кувшинчик с отваром, смело подошел к пыхтящему дереву.

— Надо влить в рот прекрасной пери две ложки отвара — и летаргус пропадет, — сказал он и протянул кувшинчик.

Но витязь не взял. Он приложил правую руку к сердцу, поклонился, и Мурат как бы услышал у себя в голове такие слова:

— О иноземец! Позволь тебя поблагодарить за желание исцелить княгиню радости. Я не могу ни обнять тебя, ни коснуться чего-либо в твоём мире. Соизволь ступить на летучий корабль. По исполнении звездного срока ты будешь доставлен обратно, куда пожелаешь.

— И Токо можно на корабль? — спросил Мурат ни мгновения не помедлив.

— Бери кого заблагорассудится, — сказал голос, но тут Рафик так страшно и тоскливо закричал, и подскочил к хозяину, и начал тереться мордой о его плечо, что не взять его было бы предательством. Мурат начал собирать провизию.

— Ни о чем съестном не думай. Летящему да воздастся, — сказал голос в голове.

— Тогда я возьму все целебные травы, баночки и «Канон врачевания», мало ли кто у вас больной. И еще дедушкины часы и ружье, — сказал Мурат, лаская ослика.

— Твое желание исполнено. Перечисленное уже на борту, — услышал удивленный Мурат.

Где-то над головою витязя проблеснуло выпуклое, как глаз, оконце, и за ним стали различимы в желтоватом свете и мешочки, полные трав, и ружье, и с книжками прорезиненный плащ.

— Готов ли ты в недлящийся путь? — спросил голос.

— Готов! — закричал Мурат, а Токо залаял.

Из коры выдвинулся наклонный мостик из черного стекла. Первым вспрыгнул на него по команде Мурата.

пес, глупого же Рафу пришлось силой тянуть за узду.

Дракон перестал пыхтеть. Убрался мостик. И восстали столбы тьмы, прежде чем возник на расшитом алмазами занавесе удаляющийся шар с красными, коричневатыми и черными облаками, лишь изредка прорезаемыми прожилками голубоватого и золотистого. Летучий корабль обнял ветвями звезды...

О, внутри он оказался больше дома, больше пещеры, больше деревушки, да куда там деревушка в сорок дворов — больше города Кульджи! Внутри плескались озера среди изумрудных зарослей неведомых растений, и в озерах плавали плоские, похожие на головку подсолнуха живые разноцветные рыбы, и цветущие холмы переползали с места на место, подставляя бока множеству маленьких солнц. Жаль только, длилось это недолго, всего несколько дней, как показалось Мурату, потому что однажды появился витязь с двумя спутниками в сияющих одеяниях, скрепленных медными полосками, приглашая к выходу. И снова первым ступил на мостик бесстрашный пес, а ослик робел, кричал, и тело его исходило дрожью, как если бы он чувствовал недалеко камышовых котов или волков.

Катились по небесам сиреневые солнечные шары. В цветке лотоса, повисшем прямо в воздухе, лежала, откинув левую руку, а правую заложив за голову, беловолосая княгиня радости. Мурат приблизился к ней, откупорил кувшинчик, влил снадобье между розовых губ. Она вздохнула, открыла глаза, улыбнулась, приподнялась и села в цветке, отчего все вокруг заулыбались, принялись обниматься, а деревья с серебристыми плодами высоко подняли свои ветви. Цветной свод радуг восстал над деревьями. Послышалась тихая музыка. Нет, то пели не птицы, ни одного зверя, или птицы, или хотя бы ящерики Мурат не заметил окрест. То пели, он был уверен, сами деревья. Казалось, он различает нежные, как струенье ручья, слова: «Княгиня радости, драгоценность в цветке лотоса, здравствуй!»

Витязь, обнявши бережно княгиню радости, повернул усталое лицо к Мурату:

— О иноземец! Востребуй любую награду за спасение княгини.

— Дедушка всю свою жизнь лечил бесплатно, — сказал Мурат. — Грех наживаться на несчастьях и бедах. Могу и других поврачевать, трав с собой много. Лисью

болезнь лечу, затвердение в почках, онемения членов, камни выведу из мочевого пузыря.

— Благодарствую, врачеватель. Однако в нашем мире болезни случаются два-три раза в тысячелетие, не чаще. А от награды отказываться не изволь.

— Пусть старика Рената Умарова из пустыни обратно вернут,— сказал тихо Мурат.— Неправедно осудили доброго человека, оболгали. Его любили не только люди, но и животные, и звери, и даже камни в горах. Когда бы собака и ослик могли стать людьми, они тоже попросили бы о старике Умарове. Если можете, доброгласные повелители иссиня-черных деревьев, то помогите.

Дальнейшее произошло как в сказке. На глазах у Мурата Токо и ослик превратились в людей. Токо стал кудрявым юношей в кожаной накидке, его неизменный спутник — мужчиной в рваном рубище. Они тоже стали просить за старика, бывший ослом даже упал на колени и руки к обоим солнцам простер. Витязь поднял его властным жестом.

— Будет исполнено,— сказал голос.— Теперь выбирай, о врачеватель: остаться навечно здесь или вернуться на Землю.

— Нет, только не на Землю, только не на Землю! — запричитал в рубище.— Я был там нищим и просил медяки на базарах, а сам владел неисчислимыми сокровищами, и небо меня наказало, обратив в осла. Но клянусь, здесь я брошу презренное мое ремесло. Никуда я отсюда не хочу, пусть хоть в кандалы закуют! — С этими словами он содрал с себя рубище и оказался в парчовом одеянье.

— За твое признание ты заслужил свет,— сказал голос.

Блистающий парчой приблизился к Мурату. По щекам его текли слезы.

— Прости меня, хозяин,— сказал он.— И ты, Токо, прости. Теперь до конца моих дней я буду лекарем,

как дедушка Турсун... Простите, милые братья, на вечные времена.— И скрылся в нежно поющих цветах.

Кудрявый юноша молчал.

— Пожалуйста, летучие джигиты, отправьте меня обратно, как было обещано,— сказал Мурат.— Только не в пещеру, а в Чарын. Травы, настойки и взвары оставляю убежавшему в заросли. Они ему пригодятся. Может, и ты, Токо, начнешь врачевать?

— Я возвращаюсь с тобой, маленький хозяин,— тихо выговорил Токо.

— Помни: близ колесницы земного времени случится обратное превращение,— сказал голос.

— В дорогу, маленький хозяин. В обратную дорогу,— сказал Токо.

— Готов ли ты в недлящийся путь? — спросил голос.

И ни мгновения не раздумывал Мурат.

И восстали столбы тьмы, прежде чем сквозь прозрачный пол летучего корабля стал заметен на бархате, расшитом алмазами, живой шар — сплошь золотистый, розовый и голубой без единой мутной прожилки. Да, был он совсем живой, и бока у него вздымались и опускались, как у зверька.

Весь обратный путь Токо молчал. Он отчужденно бродил среди ползающих изумрудных холмов. Мурат не решался сам к нему подойти, спросить, кем он был в прошлой жизни. А однажды он увидел возле озера с плоскими, как блин, рыбами, прежнего Токо. Пес взвизнул, залаял и положил ему, как раньше, лапы на грудь.

Когда холмы перестали ползать, а весь корабль наполнился пыхтением, Мурат уже знал, что пора сходить по стеклянному мостику на землю.

Они оказались в зарослях саксаула. Сквозь негустые ветви виднелись вдали глинобитные дома. Солнце — одно солнце, и не сиреневое, а обычное, светозарное, — взошло недавно, но было уже тепло. «Значит, теперь июль, мы же улетели в начале марта», — отметил Мурат про себя. И «Канон врачевания» в плаще, и ружье, и часы на

цепочке оказались неведомо кем положенные на песок.

Тут драконье пыхтенье смолкло. Мурат оглянулся. Дерево исчезло. Там, где оно стояло, еле дымились на песке светло-коричневые разводья.

— Вы самые глупые животные во всем нашем Чарыне! — донесся со стороны домов голос мальчишки-подпаса. Он кричал на баранов. По-уйгурски.

— Зачем ты не остался у княгини радости? — спросил у Токо Мурат.

Тот, кто снова стал псом, безмолвствовал...

еминар

СЕРГЕЙ БУЛЫГА
(Минск)

ЛЕВ ВЕРШИННИН
(Одесса)

ЕЛЕНА ГРУШКО
(Горький)

ЛЮДМИЛА КОЗИНЕЦ
(Киев)

ЛЕОНИД КУДРЯВЦЕВ
(Красноярск)

ВЛАДИМИР ТРАПЕЗНИКОВ
(Москва)

АОНАХТИЛЛА

Безбрежное море спокойно — ни ветра, ни волн. Ни чаек над водой, ни туч в холодном синем небе — ничего. И только, медленно, покойно загребая лапами, плывет Аонахтилла. Глаза ее полуприкрыты, губы плотно сжаты. Аонахтилла не спешит; путь ее бесконечен, а время пути — беспредельно. Суета — удел слабых и глупых существ, которые спешат и совершают подвиги, оплошности, нелепости, предательства — все, что угодно, лишь бы им не быть наедине со своим страхом и не думать о конце, о смерти.

Аонахтилла же, напротив, думает о жизни, о множестве жизней, точнее, о бесчисленном множестве существ, для коих она стала главной и единственной опорой. Она бессмертна и всеильна, мудра и терпелива, и потому должна быть снисходительною к тем беззащитным существам, которые, волей судьбы, всецело в ее власти. О да, конечно, всякая забота — это хлопоты, волнения. Но зато как восхитительно чувство того, что ты кому-то необходима! А если ты необходима бесчисленному множеству существ, тогда чем измерить подобное чувство?

Да, Аонахтилла устала, и ей, конечно, тяжело. Но ведь она не может бросить тех, кто ей доверился. Она и дальше будет плыть, покойно загребая лапами, и будет сдерживать дыхание, плавно скользить по волнам и не думать о том, что она голодна. Лишь только иногда, когда становится совсем невмоготу, Аонахтилла с трудом повернет свою старую дряблую шею и, близоруко щурясь, глянет себе на спину...

И перед ней предстанет целый мир — живой, разнообразный, удивительный и в то же время беззащитный и доверчивый. Стоит лишь зацепать его лапой или же просто неловко мотнуть головой, как бесчисленное множество жизней с негромким всплеском канет в волны и исчезнет навсегда. А посему Аонахтилла осторожно отвернется и, теперь уже глядя в пустынную даль, с грустью и трепетом вспомнит, как все начиналось.

Был солнечный день. Волны мерно катились по морю. Аонахтилла, опустивши голову и разбросавши лапы, лежала на воде и отдыхала. Вдруг...

В чистом небе ослепительно сверкнула молния, метнулась вниз и с грохотом вонзилась в панцирь. Аонахтилла издала стон...

И больше ничего уже не помнила. Мир погрузился в темноту и тишину. Как долго пребывала она в этом состоянии, Аонахтилла не знает.

Когда же наконец глаза ее открылись, а уши снова стали слышать, то море по-прежнему было спокойно и небо безоблачно. Привычный ровный рокот волн напоминал о вечности и неизменности заведенных порядков. Аонахтилла, успокоившись, вздохнула, оглянулась...

И замерла. И не поверила.

На спине у нее лежал диск. На диске были горы и моря, зеленые равнины, ледники, пустыни, реки. Горы быстро росли, сотрясались и рушились, моря то растекались, а то быстро уменьшались, зеленые равнины покрывались белизной и снова зеленели. Аонахтилла удивленно встрепнулась — диск тут же накренился и заскользил по панцирю. Еще мгновение... Но Аонахтилла, спохватившись, удержала его лапой, вернула на место и, снова глядя вперед, поплыла по бескрайнему морю. Ей нужно было все обдумать и принять достойное решение. А сбросить диск в воду нетрудно и всегда успеется.

Да и достойно ли Аонахтилле бездумно расправляться с диском? Уж если он ниспослан ей, то, значит, и необходим. В мире нет ничего бесполезного. Море кормит ее, небо дарует ей свет и возможность дышать. А диск, наверное, позволит ей познать самое себя. На диске расположен пусть и маленький, однако целый мир. Мир этот только возникает. Аонахтилла будет наблюдать за ним, и тогда ей, возможно, откроются дотоле недоступные воззрения и откровения. Конечно, нести на себе целый мир ей будет очень трудно, но ведь давно известно: только трудности и позволяют нам постигнуть истину.

И Аонахтилла плыла по бескрайнему морю, скользила с волны на волну и всякий миг ощущала, что там, у нее на спине, растет и совершенствуется мир. Диск перестал дрожать, а это означало, что годы уже не растут и моря отыскивали себе берега. Обретя постоянную форму, диск стал усложняться. Аонахтилла близоруко шурилась, но уже не могла рассмотреть, как изменяется дарованный ей мир. Зато она явственно чуяла, как некие неведомые

нити все крепче связывают диск и панцирь. Диск как бы становился частью ее тела. Она будет плыть в бесконечность, а путь ее вечен, и вечно диск будет покоиться на панцире, духовное родство Аонахтиллы и тех жизней, что нашли на ней приют, будет крепчать и усложняться, усложняться и крепчать, крепчать...

Мысли путались и исчезали. Глаза сами собою закрывались, а лапы неловко, с трудом загребали волну. Диск на спине стал наливаться тяжестью. Что это?

Усталость. И голод. Да, путь ее бесконечен и она бессмертна, это так. Но в то же время ведь она — живое существо! И ей хочется есть. А в глубинах бескрайнего моря великое множество рыб, и стоит лишь нырнуть...

А как же диск? Он тотчас же утонет. Погибнет только что родившаяся жизнь. Точнее, бессчетное множество жизней — невероятно маленьких, беспомощных, доверивших Аонахтилле свою будущность. Так неужели же она настолько ослабела, так неужели ради насыщения она, бессмертная, способна погубить всех тех, чья судьба уже отчасти стала и ее судьбой?! Ну конечно же нет! И подняв голову, глядя только вперед, Аонахтилла скользила с волны на волну. Уставшие лапы порою гребли в пустоте, а порой застывали, висели как плети... и снова гребли. Аонахтилла чуяла, как диск все крепче прижимался к панцирю, и от этого казалось, что она и диск едины. Такое чувство придавало сил, и Аонахтилла плыла.

Лишь только одна мысль тревожила ее — мысль о бессмертии. Возможно ли бессмертно, то есть бесконечно, плыть и чувствовать все возрастающую тяжесть?

Да только стоит ли Аонахтилле думать о бессмертии? Бессмертен тот, кто не рождается; бессмертно вечное, то есть лишь то, что не имело и начала. А Аонахтилла, пусть очень давно, но была рождена. И если это так, то она смертна, как смертны и те, что на диске.

Она, конечно же, не знала, сколько ей осталось плыть, но, несомненно, наступит тот час, когда силы покинут ее, голова упадет, и она захлебнется. А после первой же волной диск будет сброшен с панциря. Стало быть, диск обречен. А она? Она не помнит своего рождения. Так, может, она не рождалась? Так, может, бессмертна? Но если ей даровано бессмертье, то и диск...

Нет, надо плыть, грести, пока есть силы.

Рыба! Большая, жирная, сверкающая золотистой чешуей рыба скатилась по гребню волны и исчезла. Наверное, ушла на глубину... И появилась вновь. Смотрела

мутным красным глазом, едва шевелила спинным плавником и, главное, не уплывала. Ну что ж, сейчас накатится волна, и, спрятав в панцирь голову и лапы, Аонахтилла попытает счастье.

Взлетев на гребень, затаившись в белой пене, Аонахтилла хищно выпустила когти, соскользнула вниз, схватила рыбу за спину, вцепилась... И не удержала. Рыба вырвалась из лап и бросилась в спасительную тьму, на глубину. Аонахтилла, опьяненная охотничьим азартом, глубоко вздохнула...

И спохватилась. Замерла. Ведь если бы она нырнула, то диск немедля утонул. Переведя дыхание и успокоившись, Аонахтилла осторожно оглянулась. Диск возлежал на панцире. Он был весь мокрый и с него текла вода. Что если жизнь на нем погибла? Волна вполне могла смыть с диска все живое.

Нет! Аонахтилла ничего на нем не видела, но чуяла, как диск становится теплее и все теснее прижимается к панцирю. Да, она едва не погубила всех на ней живущих, и это будет для нее уроком. Теперь-то она ни на миг не забудет про бесчисленное множество слабых существ и будет плыть как можно осторожнее. Вот только хватило бы сил.

И Аонахтилла плыла по бескрайнему морю. Устав, она разбрасывала лапы и лежала на воде. Течение несло ее. Куда — она не знала. Да и не все ли равно? В бескрайнем море направление бесполезно; там нет ни берегов, ни островов, ни отмелей — там некуда стремиться.

И все-таки она не верила в бескрайность. Ей казалось, что не может быть такого, чтобы нигде и никогда она не встретила спасения.

Каким окажется ее спасение, она не представляла. Она лишь знала, что ни море, ни небо, ни солнце, ни ветер не дадут ей облегчения. Единственное, что может ей помочь, так это диск. Там великое множество жизней, там разум множества существ. Да, существа эти пока бессильны, но она чувствует, что диск, как в первый день, стал понемногу оживать. Ей тяжело, в глазах плывут круги, лапы сводит судорога, шея затекла. Но она будет плыть! И вечно будет ждать, будет верить, что те, живущие на диске, ей когда-нибудь помогут.

Вдруг... Что это? Диск шевельнулся? Нет, показалось. Тишина.

И грохот! Пламя! Диск разлетелся вдребезги, и пан-

цирь раскололся. Аонахтилла вскрикнула и, завалившись на бок, захлебнулась.

Когда же разошелся едкий дым, то Аонахтилла — вверх брюхом — безвольно плыла по течению. Течение влекло ее на мелководе, туда, где из воды торчала жесткая буро-зеленая трава, лакомая пища черепах.

ЛАБИРИНТ

Одни рождаются в поле, другие в лесу, третьи в дороге, на постоянных дворах, а самые счастливые рождаются в родительских домах. Молчаливый же родился в лабиринте, и первое, что он увидел, это очень высокие стены, уходящие к самому небу. Но серые и холодные стены не испугали его, потому что где-то высоко-высоко Молчаливый увидел яркое синее небо. Родился — и не закричал. Смотрел на небо, жевал беззубым ртом и хмурился. Мать испугалась, шлепнула младенца раз, второй... Все, что рождаются на свет, должны испуганно кричать, так надо, — а этот молчал.

Он так и вырос молча, его так и называли — Молчаливый. Мать часто плакала, кричала:

— Скажи хоть что-нибудь!

А он молчал. Он ничего не говорил, зато очень любил слушать. Стоило лишь старикам собраться у костра и заговорить о былом, как Молчаливый крадучись подходил к огню, садился и слушал. Поначалу его отгоняли, говорили, что не его это ума дело, слушать взрослые речи, а после привыкли. Молчаливый мог слушать часами, особенно если беседа шла о том, что же сокрыто за стенами лабиринта.

Предполагали разное. Одни считали, что весь мир — лабиринт, и нечего тут голову ломать. Другие уверяли, что лабиринт имеет предел, что из него можно выбраться, и тогда...

Мнения вновь разделялись. Одни утверждали, что, выйдя из-под защиты высоких стен, человек непременно погибнет, ибо в открытых пространствах водятся ужасные звери. Другие, напротив, доказывали, что за пределами лабиринта вдоволь еды и питья, что там светло. А им возражали — да, конечно, там светло, там все освещено солнечным светом, но солнечный свет, как извест-

но, губителен для человека. И это великое благо, что стены лабиринта столь высоки, что солнце освещает их вершины, не в силах проникнуть до самой земли. Ведь солнце — это... Но так как никто из стариков не видел солнца, то разговор на этом обычно иссякал, и начинали спорить о другом — куда идти, какие делать отметки на стенах, что брать с собою, как уберечься от дозорных враждебного племени и еще о многом и многом другом.

Однако все эти беседы велись более для приятного времяпровождения, нежели для практической пользы. Ведь в то, что из лабиринта можно выбраться, никто всерьез не верил. Просто людям необходимо мечтать, вот старики и мечтали. Вспоминали, как тридцать восемь зим тому назад охотники поймали человека в диковинных одеждах. Человек этот не умел изъясняться на правильном языке, был сильно истощен, и вскоре умер. Одежду его поделили, и племени, к которому принадлежал Молчаливый, достались его башмаки и еще какой-то плоский камешек странного вида со странными же знаками на нем. Башмаки и камешек хранились в капище; в большие праздники жрец позволял встряхнуть камешек и приложить его к уху, и тогда можно было услышать негромкое мерное тиканье. А вот башмаки, те не позволялось трогать никому. Считалось, что тот, кто их наденет, потеряет душевный покой и будет плутать по лабиринту до тех пор, пока не обессилет и не умрет.

Башмаков все боялись. Один лишь Молчаливый иногда подкрадывался к капищу, заглядывал в щель между камнями и мечтал о том дне, когда он похитит их и выйдет из лабиринта. Но — Молчаливый это понимал — время его еще не пришло.

А пока что он ждал и мужал. Помогал матери — собирал съедобный мох, молот в ручных жерновах улиток, ловил в ручье водяных жуков и лягушек. Когда подрос, брат матери стал брать его на охоту за крысами.

Крысы в лабиринте водились большие — в три, а то и в пять локтей, считая без хвоста. Охота на них требовала силы, мужества и сноровки. Вооружившись каменными ножами, мужчины спускались в тесные норы и, освещая себе дорогу гнилушками, с трудом пробирались вперед. Крысы строили свои норы по образу и подобию каменного лабиринта, их жилища изобиловали разветвлениями, тупиками, ложными ходами и западнями, так что звери почти всегда появлялся внезапно — сверху, сбоку, а порою и со спины. Крысы первыми бросались

на человека, пуская в ход острые зубы и когти. Дрогнешь — погибнешь. Отец Молчаливого в свое время так и не вернулся с охоты. Дядя — тот был удачливей. Весь в шрамах, с вытекшим левым глазом, он уже много лет охотился на крыс, и не было еще случая, чтобы он вернулся с охоты без добычи.

Ну а добыча — это сочное мясо, это кости для мелкой домашней утвари, это хвосты для веревок, усы и уши для капища.

Крыса — кормилица, но она же — убийца. Не раз уже случилось, что в голодные годы полчища крыс выходили из нор и нападали на поселения человека. Женщины и дети укрывались в специальных нишах, выдолбленных высоко в стенах, а мужчины вступали в ожесточенные и кровопролитные сражения, которые порою длились целыми неделями.

Гибли не только в сражениях, но и от эпидемий. Люди вдруг ни с того ни с сего становились вялыми, сонными, потом засыпали... и не просыпались. Крысы нападали на детей, вражеские лазутчики похищали женщин, мужчины сражались за пещеру...

Пещер было мало, выдолбить пещеру в стене лабиринта — дело тяжелое и долгое. Часто случалось такое, что работу начинал отец, а заканчивал сын, а то и внук: человеческий век в лабиринте недолог — сорок зим считалось глубокой старостью.

А Молчаливому исполнилось пятнадцать. Следующим летом он должен взять себе жену...

Но этого не будет! Он уйдет. Пусть даже не выберется из лабиринта, зато будет надежда, и он умрет вместе с нею. Упадет от истощения, или погибнет в крысиной норе, или его укусит ядовитый паук — все что угодно, но только не покорность судьбе. Он больше не может жить в лабиринте, он хочет увидеть солнце. Вершины стен, освещенные солнцем, такие красивые, яркие, сухие — не то что внизу, где повсюду слизь и улитки. Он увидит солнце, а потом ему будет все равно, пусть даже солнечный свет действительно окажется губительным и Молчаливый умрет от него. Но умрет не здесь, не в лабиринте. Нужно только добыть башмаки, и тогда он будет спокоен: ведь тот, кто их наденет, потеряет душевный покой и будет идти по лабиринту до тех пор, пока не лишится последних сил. Быть может, сил этих хватит ровно настолько, чтоб выйти и увидеть солнце...

И с этими мыслями Молчаливый надел свою самую

крепкую куртку, взял самый острый нож и крадучись направился к капищу.

Была глубокая ночь, мать и младшие братья давно уже спали, никто его не удерживал.

А в капище горел огонь. Жрец сидел у костра и грел над огнем свои узловатые старческие руки. Молчаливый, затаившись за камнем, смотрел на огонь и неслышно вздыхал. Сколько ночей он вот так же подглядывал за жрецом, стараясь уяснить, как же это старику удается из черного жирного камня вызвать огонь. Никто в племени этого не умел и уметь не смел. Женщин и вовсе к костру не подпускали, а у мужчин чести погреться у костра достаивались только охотники за крысами да лазутчики. Лазутчики — глаза и уши племени, а охотники добывают жирный камень в крысиных норах. Двое стоят с ножами наготове, а третий поспешно рубит камень...

Но отчего он загорается? Жрец говорит, что камень загорается от прикосновения его руки, но Молчаливый не верит. Он знает — что-то сокрыто в руке старика, но вот что?..

— Эй, Молчаливый! — окликнул жрец, не повернув головы.

Молчаливый не шелохнулся.

— Я кому говорю! — повысил голос старик.

Молчаливый прижался к стене и не проронил ни звука.

— Садись к огню, я давно тебя дожидаясь.

Голос жреца не предвещал ничего плохого, и Молчаливый вошел в капище, сел рядом со жрецом и, не удержавшись, тоже протянул руки к огню...

А глаза его неотрывно смотрели на башмаки, стоявшие на священном желтом камне.

— Я давно за тобой наблюдаю, — заговорил жрец, глядя в огонь. — И знаю: ты хочешь уйти. Ты ищешь выход из лабиринта и думаешь, что башмаки тебе помогут.

Молчаливый опустил голову. Он знал, что жрец умеет читать по глазам.

— Если я буду спать, то ты похитишь их, — продолжал жрец, — а если же нет... то ты сначала убьешь меня, а потом заберешь башмаки и уйдешь.

Рука Молчаливого незаметно скользнула к поясу, к ножу... Жрец слабо улыбнулся и сказал:

— Погоди, не спеш. Сначала выслушай меня, а сделать свое дело ты всегда успеешь... если будет на то моя воля.

Молчаливый убрал руку с пояса и приготовился слушать.

А жрец пригладил негнушимися пальцами свою лысую бугристую голову и заговорил:

— Ты заблуждаешься. Мечтаешь выбраться из лабиринта и думаешь, будто это самое главное в жизни. Увы, это не так. Ты хочешь бежать, но откуда? Что есть лабиринт? Быть может, это единственное наше спасение, быть может, стены его защищают нас от неведомых, но чудовищных бедствий. Да, жизнь здесь скудна и безрадостна, но что такое радость? Ты думаешь, что радость — это нечто большее, нежели то, что ты имеешь. Ты хочешь быть сытым, ты не желаешь каждую ночь ждать нападения крыс, страшишься эпидемии. Вся наша жизнь — в предчувствии беды. Однако это самое предчувствие заставило нас быть сильными, терпеливыми, неприхотливыми, чуткими к ближнему. Плохо ли это?

Молчаливый не ответил. Жрец грустно улыбнулся и продолжал:

— А вот теперь представь, что может случиться с человеком, когда он будет сыт — и заживет без страха. Что если безнаказанность сделает его во много раз хуже самой бешеной крысы? Так что прежде всего хорошенько подумай, что значит лабиринт для человека, и уже только после этого решай, нужно ли тебе бежать отсюда.

Жрец замолчал и пристально посмотрел на Молчаливого. Жрец был стар и, наверное, мудр. Старость лишает человека многого; тело его становится дряблым, глаза слезятся и плохо видят, уши почти не слышат, над старыми смеются женщины, старыми даже крысы брезгают. Однако взамен всего этого старость делает человека спокойным и мудрым. Человек начинает различать то, что недоступно самому зоркому глазу, и слышать то, чего не слышит самое чуткое ухо. Понять, зачем воздвигнут лабиринт, возможно только в старости. Молчаливый сможет решить загадку лабиринта лишь тогда, когда руки его ослабнут, колени устанут сгибаться и будут болезненно шелкать при каждом шаге. И даже если он тогда поймет, что лабиринт — это зло, западня... то сил уже не будет. Совет жреца — коварная ловушка. И если так...

— Постой! — поспешно воскликнул жрец. — Не шевелись! Сейчас я усну, сон мой удивительно крепок, я буду молчать...

И он замолчал. Покачнулся, вздохнул и упал. А Молчаливый вытер нож о колено и посмотрел на старика. Тот

тихо умирал. Теперь никто не помешает забрать башмаки и уходить до тех пор, пока будут силы. Как хорошо, что башмаки лишат его покоя и заставят идти даже тогда, когда он потеряет решимость и пожелает вернуться назад. Как хорошо...

Но тут он заметил, что рука умирающего медленно разжалась... И на ладони сверкнул маленький блестящий осколок. Молчаливый нагнулся, взял осколок в руки, рассмотрел. А что если... И, боясь ошибиться, он осторожно притронулся осколком к обломку жирного камня, лежавшему возле костра — ничего. Провел сильнее — камень зашипел. Еще сильнее — камень вспыхнул.

Так вот оно что! Так вот как добывается огонь! Теперь его никто и ничто не остановит. Спрятав осколок в тайный кармашек на поясе, Молчаливый подступил к священному желтому камню и снял с него башмаки. Он долго стоял над ними и все не решался надеть. Что есть лабиринт? Что сокрыто за его стенами? Так ли ужасна жизнь впроголодь и непрерывные войны с крысами?

Да, ужасны. Да, нестерпимы. Молчаливый нагнулся, надел башмаки, сделал шаг, второй... Он не ошибся, его время настало. Башмаки пришлись в самую пору, они ждали его! И Молчаливый, даже не оглянувшись, решительно двинулся по лабиринту.

Он шел всю ночь, боясь остановиться. Он ничего не видел, то и дело спотыкался, оступался, падал, проваливался в трещины, карабкался, ломая ногти, вверх и снова шел — порой наощупь, наугад. Шел медленно, а временами замирал и слушал. Он знал: покинув племя, он теперь ничей, его никто не защитит, а посему он должен ото всех скрываться, никому не доверять. Он должен верить лишь в одно — что лабиринт не бесконечен. Скрипел под ногами песок, шуршали осыпи, предательски шатались валуны — а он все шел и шел. Холодные шершавые стены то расступались, то сходились так, что даже тусклые звезды вверху, и те исчезали из виду.

К утру он выбился из сил, нашел укромную расщелину, залез туда, надежно завалил камнями вход, лег и тут же уснул. Проснувшись ранним вечером, он ждал не шевелясь, пока стемнеет, потом бесшумно выбрался из своего убежища и двинулся дальше.

Так продолжалось долго, очень долго. Он ночью шел по лабиринту, а днем отдыхал. Он собирал улиток, пил гнилую воду, плутал в тупиках, возвращался, скользил, ударялся о камни, вставал и снова шел. Да, у него был

волшебный осколок, он мог добыть огонь и осветить себе дорогу. Но что если свет привлечет посторонних? Нет, лучше блуждать в темноте. И он шел, спотыкаясь, хватаясь за стены.

Однажды на него напали крысы. Он шел по осыпи; шуршание мелких камней под ногами клонило ко сну. Молчаливый устало зевнул и только хотел было сесть... как четыре жирные твари с разных сторон набросились на него и сбили с ног. Крысы хрипло визжали, кусались и рвали Молчаливого когтями, а он, не в силах встать на ноги, бил их ножом, катался по земле, брыкался и снова бил, резал, колол... Когда же он вскочил, две уцелевшие твари метнулись в ближайший проем, а третья, полуживая, медленно отползла в сторону, повернулась к нему и свирепо оскалилась. Молчаливый не стал ее трогать, он сильно устал, и крыса уползла.

Освежив четвертую, убитую им крысу, Молчаливый постелил на камнях ее еще теплую шкуру, лег и тут же уснул.

Шесть дней он жил на осыпи. Шесть дней он жег костер, ел жареное мясо и ждал, когда заживут его раны. Впервые он ни от кого не прятался, он чувствовал себя уверенным и сильным, страх покинул его. Он знал: теперь рука его не дрогнет, крысы — это не дряхлый старик. И когда затянулась последняя рана, Молчаливый поднялся и двинулся дальше. Было теплое душное утро.

Он шел весь день, а ночью спал. Он шел еще два дня, а на рассвете третьего, проснувшись, вдруг почувствовал, что правое колено не сгибается. Там загноилась рана. Превозмогая боль, Молчаливый, хватаясь за скользкую стену, поднялся и пошел.

А в середине дня упал. Он попытался ползти, но колено так сильно болело, что глаза застилало кровавым туманом. И тогда Молчаливый впервые заплакал — беззвучно. Слезы текли по щекам, а он неистово бил кулаками по камням и молчал. Потом вдруг вскрикнул и забылся.

Очнулся Молчаливый оттого, что кто-то осторожно тронул его за плечо. Молчаливый медленно открыл глаза и осмотрелся. Должно быть, он лежал на спине в незнакомой пещере, залитой холодным серебристым светом. Ему было тепло и мягко — кто-то заботливо укутал его в толстое одеяло из крысиных шкур. Укутал, тронул за плечо и скрылся. Или спрятался. Подумав так, Молчаливый зажмурился и притворился спящим.

Вначале было тихо, но вскоре послышался приглушенный говор множества людей. Потом вдруг люди замолчали, и кто-то сказал:

— Ну вот, он очень слаб и неопасен. Я так и думал.

И вновь чья-то рука осторожно легла ему на плечо. Молчаливый тотчас же открыл глаза... И увидел склонившего над ним благообразного старика с седой подстриженной бородкой. Старик улыбнулся ему и спросил:

— Тебе уже лучше?

Молчаливый кивнул и повернул голову.

Он лежал на высоком, устланном шкурами каменном ложе, которое стояло посреди пещеры, а вокруг, вдоль стен сидело на корточках множество мужчин и женщин. Все они с любопытством смотрели на Молчаливого. Холодный серебристый свет ложился на их лица причудливыми тенями.

Откуда свет? Вновь повернувшись, Молчаливый увидел открытый очаг, в котором лежала большая охупка светящегося мха.

Странно! В его родных местах найти даже один побег такого мха считалось за удачу. Ведь из него варили удивительный отвар, который сразу делал человека отдохнувшим и веселым...

— Откуда ты? — спросил старик.

И Молчаливый, не ответив, вновь закрыл глаза. В самом деле, откуда? Куда он пришел? Что за люди вокруг? Зачем они его спасли? Что задумали? Он слаб, он беспомощен; он весь в их власти!

Старик же, обращаясь к племени, сказал:

— Наш гость еще не в силах отвечать. Но судя по одежде и по сбитым башмакам, он шел издалека. Глаза его полны безумия, возможно, он и есть тот самый одержимый, о коем мы столько наслышаны. Мечта его кошунственна, он бросил вызов мирозданию. Скажите, есть ли край Вселенной?

— Нет! — дружно ответило племя.

— Что есть Вселенная?

— Вселенная есть лабиринт!

— Оу! — воскликнул старик.

— Оу! Оу! Оу! — подхватило племя:

И наступила тишина. Молчаливый, не выдержав, открыл глаза. Люди бесшумно вставали и так же бесшумно, как тени, покидали пещеру. Когда все они вышли, старик вновь склонился над Молчаливым и сказал:

— Я рад, что ты пришел. Я вылечу тебя, и ты расскажешь племени о том, что видел, пережил, что думаешь, о чем страдаешь. Пусть люди знают, что такое лабиринт.

Молчаливый рванулся... Однако старик легко удержал его и с улыбкой продолжил:

— Мне жаль тебя, ты над собой не властен, ты одержим безумием. Я знаю, мне тебя не убедить, но все-таки послушай, что я думаю.

Старик немного помолчал, прищурился и, глядя прямо в глаза Молчаливому, стал тихо, властно говорить:

— Мир, созданный Творцом, основан на вечных и мудрых законах. Однако же наш слабый разум не в силах их постичь, и мы блуждаем в лабиринте, нас пугают высокие стены, нам холодно, нам страшно. Одни смиряются с подобной участью, другие... тщатся вырваться из лабиринта; им кажется, что лабиринт не безграничен и за ним другая жизнь — привольная и сытная. Увы, это не так. Лабиринт не имеет конца. Ибо что есть конец? Пустота. А в пустоте жизнь невозможна.

Молчаливый хотел приподняться, но старик вновь удержал его и с улыбкой продолжил:

— Я знаю. Ты хочешь сказать, что готов уйти и в пустоту, лишь бы покинуть лабиринт. Пусть так. Но куда ты пойдешь? И откуда? Где ты сейчас находишься? Ты идешь наугад, наощупь. Что если ты бродишь по кругу или даже с каждым шагом удаляешься от края лабиринта? Куда тебе идти, ты знаешь?!

Тут старик замолчал и отвернулся.

И Молчаливый молчал. Много дней. Ему лечили ногу, его поили бодрящим отваром, кормили сладким мясом — он молчал. Он думал над словами старика. Он понимал: все сказанное — ложь. Лжив сам старик, лживо племя и лжив их серебристый холодный огонь. Огонь не грел, а только освещал; люди, приносившие ему еду, смотрели на него без всякого сочувствия, но с любопытством; старик же не лечил его, а лишь не позволял умереть. Мудрые речи его не давали опоры душе, а дурманили разум. Они толкали Молчаливого смириться и поверить, что стены лабиринта защищают от врагов, что голод, холод и болезни убивают лишь слабых и оставляют невредимым сильное потомство, что войны с крысами сплотили племя, что...

Нет, лучше этого не слушать, это все самообман. Он верит в свою цель, он одержим и он добьется своего. Сей-

час же главное — спокойствие, пусть только заживет нога.

И болезнь понемногу ушла. Однажды он без посторонней помощи спустился с ложа и, держась за стену, прошлепал по пещере. На следующий день он вышел в лабиринт и долго сидел, смотрел на шершавые стены, на серое небо. Слегка кружилась голова. Люди, столпившиеся поодаль, о чем-то шептались. Он не слышал их слов, но он знал, что они говорили:

— Безумец! Он думает, что лабиринт конечен. Смотрите и страшитесь быть безумными.

Пусть так. На третий, на четвертый и на пятый день он сидел у пещеры и думал. Поодаль толпились зеваки. А на шестой, когда подул холодный ветер, он взял в руки волшебный осколок, ударил по жирному камню...

И у него в ладонях заплясал огонь! Настоящий, горячий. Огонь обжигал ему пальцы, слепил глаза и укреплял в душе уверенность...

— Не смей!

Подскочивший старик выбил у него из рук горящий камень и затоптал огонь в песке.

Молчаливый вскочил, замахнулся...

Старик же, разведя руками, улыбнулся и сказал:

— Прости меня, я был неправ. Прости!

И Молчаливый растерялся. Сел. Старик сел рядом. Посмотрел на зевак и сказал:

— Уходите!

Зеваки ушли.

— Я знаю, ты пришел издалека,— сказал старик.— У вас свои обычаи, у нас свои. Мы мирное племя, и наши костры никому не приносят вреда, ничего не сжигают. И нам бы не хотелось, чтобы твой огонь, несущий зло, горел близ наших очагов.

Молчаливый вздохнул. А старик улыбувшись сказал:

— Да, мир бесконечен. Но еще бесконечней душа человека. Безумие твое зашло так далеко, что я не в силах его вылечить. Единственно, чем я могу тебе помочь, так это дать запас провизии и пожелать, чтобы ты скорей одумался и возвращался.

Молчаливый не стал дальше слушать. Он встал и пошел. Тянуло холодом от стен, скрипели башмаки.

— Куда ты? — воскликнул старик, не вставая.

Пройдя немного, Молчаливый оглянулся. Племя, столпившись вокруг старика, смотрело ему вслед. Он махнул им рукой. И они замахали. Безумцы! Круто раз-

вернувшись, Молчаливый торопливо пошел прочь. На первом повороте он остановился и волшебным осколком сделал первую зарубку на стене — чтоб не возвращаться, не плутать, а идти лишь вперед.

Шуршала галька под ногами, шептались нетвердые камни — а он шел все быстрее и быстрее. В нем было столько сил и нетерпения, что он мог бы идти не только днем, но и ночью. Однако же ночью темно, он может не заметить собственных зарубок и сбиться с дороги. Вот почему, как только наступали сумерки, Молчаливый отставивался на ночлег. Найдя удобное для отдыха место, он разжигал костер и жарил на огне улиток. Он не боялся, что его заметят. Он знал, что сам внушает страх. Уже не раз при его появлении встречные поспешно уступали дорогу и, таясь за обломками скал, с опаской следили за ним.

Он шел так много дней. Охотился на крыс, пил грязную, тухлую воду, вновь шел. И однажды...

Он встретил Того-Кто-Построил.

Был душный и пасмурный день. Молчаливый торопливо спускался по узкой тропе, сжатой холодными скользкими стенами. Неловко соскочив на камень, он вытер пот со лба и глянул в сторону, за поворот.

А там, в каких-то трех шагах, лежал, свернувшись кольцами, гигантский червь. Червь был пепельно-серый, весь покрытый чешуей, между которой пробивалась жесткая бесцветная щетина. Червь медленно, мерно дышал. Чешуя шевелилась и глухо шуршала.

Да, без сомнения, это был Тот-Кто-Построил.

Старики говорили, что некогда мир был пуст и только где-то в недрах, как во чреве, рос Тот-Кто-Построит. Мир долго ждал. Мир засыпало снегом и задувало ветром. Ничто живое не могло появиться на свет, ему ведь негде было жить. И вот тогда гигантский червь восстал из недр и нарушил пустоту. Он разрывал песок и рушил скалы, он насыпал холмы и подтачивал твердь. Он был неудержим и он построил лабиринт. Мир, найдя в лабиринте укрытие, немедленно заселился жизнью... А Тот-Кто-Построил ушел на покой. Он, говорят, вновь скрылся в недрах. Однако же случается что он выползает на свет, лежит и лакомится жизнью...

И вот он перед Молчаливым. Толщиной в два обхвата, длиной не менее, чем двадцать пять шагов. Священный червь!

Но правда ли все это? Да, он, конечно, страшен. Тех

кого встречает, червь душит в объятиях. Вот и сейчас, проснувшись, он поднял слепую безглазую голову и...

Молчаливый, не выдержав, выхватил нож, замахнулся и крикнул — бессмысленно, дико. Он не боялся смерти и не защищался, нет. Просто никто в этом мире, пусть даже Тот-Кто-Построил, не смеет помешать ему уйти из лабиринта. И, подскочив к священному червю, он...

Не успел ударить. Червь зашипел, отшатнулся и, грохоча чешуей, поспешно укрылся в ближайшей расщелине.

Вновь наступила тишина.

Отбросив нож, Молчаливый упал на колени, закрыл лицо руками и заплакал. Он ничего не чувствовал — ни радости, ни скорби, — просто плакал.

И вдруг услышал голоса. Он обернулся. На одной из скал стояли люди и, глядя на него, о чем-то спорили. Он встал и шагнул к ним. Они разбежались и скрылись.

В тот день он ничего не ел, а ночью, лежа у костра, так и не смог уснуть. Он боялся. Боялся самого себя. Он поднял руку на священного червя, и тот, кто построил весь мир, поспешно обратился в бегство. Такого не прощают, и он, Молчаливый, конечно же, будет наказан — раздавлен, растоптан. Он должен бежать от себя. Он скроется среди людей и будет жить как все...

Но ведь это неправда! Он не боится мести, он может идти, и башмаки еще целы. А куда и зачем он пойдет? Лабиринт беспределен. Когда он прежде слышал про священного червя, он принимал это за выдумку. Но червь существует и, может быть, даже не один. Весь мир ими изъеден, весь мир — лабиринт. Так стоит ли терпеть лишения, недоедать, недосыпать?

И, затоптав костер, он торопливо пошел в темноту.

Он торопился, он устал от одиночества; ему было страшно. Еще бы — столько сил потратить на безумное стремление!

И на четвертый день он увидел пещеру. Пустую. А рядом с ней еще одну, еще и еще. И везде было пусто. Пустые лежанки, обломки посуды и серая, холодная зола.

Переночевав в заброшенном селении, он двинулся дальше. Он долго плутал и сбивался с дороги, кричал, искал следы, жег дымные костры — бесполезно. Порою, правда, он входил в селения — пустые. Обрывки шкур, изломанные детские игрушки, заброшенные капища... и крысы. Крысы при виде его разбежались.

Он снова шел. Он понимал — над ним висит прокля-

тие, — но шел. Он не боялся, он знал, что придет. Ведь пусть лабиринт бесконечен, но он-то не бессмертен и, значит, остановится и отдохнет. Пусть даже мертвый.

Однако случилось иначе. Войдя еще в одно селение, он миновал ряд брошенных пещер и вдруг...

Вдруг он оглянулся.

Темнело. Вокруг было тихо и пусто. Бледно-серые стены и черные пятна пещер. Осторожно ступая, держа в руке нож, Молчаливый подкрался к одной из пещер, ко второй...

Темнота. Тишина. Он вошел. Где-то падали капли. Темно. И тепло. Он подождал, пока глаза привыкнут к темноте...

И увидел женщину. Она сидела на ворохе крысиных шкур и пристально смотрела на него.

И только теперь Молчаливый почувствовал, как устал. Ноги не держали, и он, опираясь на стену, сел, привалился спиной к холодному камню и тихо вздохнул. Нож выпал из расслабленной руки.

А женщина, поднявшись, подошла к нему и спросила:

— Ты кто?

Он смотрел на нее и молчал.

Красивое усталое лицо и длинные седые волосы. Большие грустные глаза и теплые руки. Ее рука лежала на его плече.

— Ты кто? — опять спросила женщина.

Он улыбнулся в ответ.

Она помогла ему встать и провела вглубь пещеры. Он сел на камень возле очага и осмотрелся. Лежанка, накрытая ворохом шкур да скудная утварь в углу — вот и все. Женщина села напротив него и опустила голову. Седые спутанные волосы скрыли лицо.

И вдруг Молчаливый почувствовал холод. Он съежился и задрожал. Где-то падали капли, шуршали мокрицы. Склонившись к очагу, он выскел волшебным осколком огонь. Пламя вспыхнуло, затрепетало. Охалка сухого лишайника быстро сгорела, он подбросил еще. И еще. И еще. Обернулся...

Она смотрела на него и улыбалась. Она была красивая и добрая. Он сел с нею рядом. Обняв его горячими руками, женщина тихо сказала:

— Мне было страшно. Я думала, пришел другой, — и, не выпуская его из объятий, стала смотреть на огонь.

В ее больших глазах плясали отблески костра. Глаза казались черными, бездонными, бескрайними как лаби-

ринт. Ее руки сжимали его, согревали. Эта женщина — словно судьба...

И вдруг она заговорила:

— Все ушли. Все боятся его, даже Тот-Кто-Построил. Селения стоят пустые, а люди бегут. Никто не хочет повстречать его. Я тоже бы ушла, но не могу. И не боюсь. Мне все равно. Сын умер, муж убит. Пусть убегают другие. Да, он грядет, велеречивый. Слова его сладки и лживы, они дурманят разум и делают людей послушными. И он уводит за собою. Куда — никто не знает, но оттуда нет возврата. Там нет лабиринта, там мрак, пустота.

Молчаливому вновь стало холодно, он задрожал. Женщина расслабила объятия и посмотрела на него. Глаза ее бездонны, на губах едва заметная улыбка, голос...

— Я потеряла мужа и сына,— чуть слышно сказала она.— Ты будешь мне мужем и сыном.

Молчаливый покорно кивнул. Ее рука легла ему на грудь, легонько толкнула — и Молчаливый, зажмурившись, лег на лежанку. Она заботливо укрыла его шкурами, а сама поднялась и пошла к очагу.

Сквозь полудрему Молчаливый слышал, как женщина возилась у огня, как глухо стучали горшки, и шипела, вскипая, вода, и шлепались в воду улитки. Потом вдруг стало тихо. Приоткрыв один глаз, он увидел, что женщина старательно расчесывает гребнем свои седые спутанные волосы. Заметив, что он смотрит на нее, она смущенно улыбнулась и сказала:

— Я снова хочу быть красивой. Прости.

И он остался. Он вырубил желоб для сбора воды и утеплил вход в пещеру. Сражался с крысами, охотился и мастерил силки. А когда наступила зима и выпал снег, когда на смену серым дням пришли краткие чуткие сумерки, он перестал выходить в лабиринт — запасы были сделаны большие и можно было отдыхать.

Горел очаг, и женщина сидела у огня. Сверкала острая игла, разноцветные бусинки мелко дрожали, потом замирали; на старых потертых одеждах рождались бесконечные узоры. Однажды женщина сказала:

— Как хорошо, что все ушли. Никто нам не мешает.

Он согласился:

— Да, никто.

И вздрогнул, испугавшись собственного голоса. Он, Молчаливый, вдруг заговорил! А женщина, смеясь, поцеловала его в губы и сказала:

— Ну вот, наконец ты весь мой, без остатка.

И с того дня он стал учиться говорить. И с каждым новым словом чувствовал, как многолетний тяжкий груз покидал его душу. Он понял — жизнь не только лабиринт, но и свет, и тепло, и еда, и очаг, который греет для того, чтоб на щеках у женщины играл румянец и чтобы она пела песни, чтоб была счастлива, хотя ее не по годам седые волосы так и останутся седыми. Когда она спала, он часто гладил эти волосы. И как-то раз, когда она проснулась, он рассказал ей о себе. Все, без утайки. Она долго молчала, потом улыбнулась и тихо сказала:

— Жизнь коротка. И когда я умру, ты уйдешь. А пока подожди. Обещай!

И он поцеловал ее седые волосы.

Вновь наступили сумерки, вновь сверкала игла, блестя бусины. Женщина пела. Молчаливый смотрел на нее. Шли дни, сыпал снег. В селение никто не возвращался. Глупцы, чего они боятся! Да если б лабиринт был конечен, давно бы уже кто-нибудь нашел из него выход и вывел отсюда людей. Но лабиринт бесконечен, а жизнь коротка. И стоит ли растрачивать ее на поиски несуществующего выхода, когда есть пещера, есть теплый очаг, есть любимая женщина?! Глупо.

Зима продолжалась. Шел снег. Таких обильных снегопадов раньше не было. Каждое утро Молчаливый подолгу разгребал сугробы, освобождая вход в пещеру. Дни шли за днями, а снег все валил и валил. Женщина как-то сказала:

— Страх у моих сородичей, наверное, давно уже прошел. Но даже если они захотят вернуться, то им теперь придется ждать весны. Ведь по таким сугробам им в селенье не пробраться.

А Молчаливый вдруг подумал, что если бы всегда была зима, то снег давно б уже засыпал лабиринт, и он бы смог подняться на вершины стен. Он вышел из пещеры, посмотрел наверх, прикинул и нахмурился — снег должен идти еще лет десять, а то и двенадцать. Но этого, конечно, не случится. И Молчаливый вернулся в пещеру.

Запасов было много, голод им не угрожал, холод тоже. И они были счастливы.

Зима же тем временем шла на исход. Снег больше не падал, задули метели. Сугробы стали плотными, покрылись твердым настом. В таких не провалишься, можно идти. Конечно же, торить тропу одному тяжело. Но если движется целое племя, то мужчины, поперемен-

но сменяя друг друга... Однако же никто не возвращается!

Так, исподволь и сам того нисколько не желая, Молчаливый стал все чаще думать об ушедшем племени. Нет, он не ждал их обратно, просто в душе у него вновь проснулось беспокойство. Вначале глухое и необъяснимое, потом... Он понял, что его тревожит. Что, если и впрямь есть некто сладкоречивый, которому известна тайна лабиринта? Что, если он увел за собой людей, и теперь они там... А что — там? Но что — неважно. А важно то, что племя до сих пор не возвращается. И получается, что тот, кто так боялся этого, ушел, а тот, кто желал, кто мечтал, тот остался.

Нет, лучше не думать! Ведь у него есть все — еда, тепло и женщина. Пустые мысли — от пустого времяпровождения. И Молчаливый стал работать. Пещера оказалась ему тесной, и он взялся расширить ее. Теперь он с утра до вечера колот камни, врубаясь в неприступную скалу, а к ночи в изнеможении падал на лежанку. Спал Молчаливый очень крепко и потому не слышал, как женщина, склонившись над ним, шептала заклинания и плакала.

Но однажды утром, когда дни уже стали заметно длиннее и кое-где зазвенела капель, она увидела, что Молчаливый сидит на пороге и смазывает башмаки крысиным жиром. Мгновенно побледнев, она тихо спросила:

— Зачем тебе это?

— Весна, — ответил Молчаливый. — Скоро снова ходить на охоту, — и отвернулся, чтобы не смотреть ей в глаза.

— Да, — согласилась женщина. — Ты прав. Я, должно быть, старею.

Он встал и зашвырнул башмаки в дальний угол.

— Ты что?! — воскликнула она.

А он привлек ее к себе и начал целовать.

Вновь потянулись дни — спокойные, беспечные. Потом пришла весна, растаял снег и побежали ручьи. Грязь была непролазная, и выйти из пещеры было невозможно. Женщина часто смеялась и пела. Она даже как-то сказала:

— Хочу, чтоб весна была вечной!

Но с каждым днем становилось теплее. А по ночам все громче выли крысы.

— Пора, — сказал однажды Молчаливый.

Он взял два ножа — короткий, для разделки туш,

и длинный, для боя,— заткнул их за пояс и потянулся к башмакам...

— Оставь,— сказала женщина.

Он посмотрел на нее исподлобья.

— Оставь,— повторила она.— Когда они на месте, мне спокойнее. Прощу тебя!

И он не спорил.

В тот день он не охотился, а лазил по камням, ходил над пропастью, метал ножи, лежал не шевелясь в расщелинах, ловил руками ящериц, смотрел в их красивые холодные глаза... и отпускал.

Вернулся он поздно. Вошел, сел, нахмурился, к огню. Обильный ужин ждал его. Бульон, замеченные в глине улитки, пучок душистых корешков и даже — где она взяла? — грибы-подснежники. Молчаливому стало тепло и уютно. Женщина весело пела, ласкалась к нему и смеялась. Он обнял ее, хотел было сказать...

Но она перебила:

— Не надо!

А ночью он проснулся. Лежал и смотрел в потолок...

И вдруг вспомнил! Он тихо поднялся с лежанки и высек огонь, осмотрелся... Потом шаг за шагом медленно обследовал пещеру...

И только в очаге, среди золы, нашел кусок обугленной подметки. Он оглянулся. Женщина спала, раскинув руки, улыбаясь. Молчаливый вздохнул.

А когда женщина проснулась, то Молчаливого в пещере не было. И только за порогом, в грязи, были отчетливо видны следы босых ног. Следы вели за поворот.

Уйдя от женщины, он шел весь день и ночь и следующий день, потом упал, уснул, не разводя костра. Проснувшись еще затемно, встал и пошел. С тех пор он так и шел, пока не валился без сил. Случалось такое, что ночью он шел, днем отдыхал, а вечером вновь поднимался и шел. Он почти что не ел, не разжигал костров и не искал для отдыха укромных мест. Он даже не ставил зарубок в пути. Быть может, он плутал на одном месте, а может, шел вперед. Он не встречал селений, не встречал людей. Шел,пил гнилую воду, снова шел. И вдруг...

Остановился. Перед ним лежал скелет. Молчаливый нагнулся, дотронулся. Кость, слабо хрустнув, развалилась. Он понял — надо испугаться... но не смог. Он попытался подумать... и тоже не смог. И двинулся дальше. Он должен идти, а дойдет или нет — не столь важно.

Он будет жить, пока идет, а если остановится, задумается, будет сомневаться — он умрет.

И он шел и не думал. Скелет. Еще один, еще. Да, он тоже умрет, но не здесь. И он шел. Ноги, сбитые в кровь, прилипали к камням. Пить уже не хотелось, есть тоже. Скотившись вниз по осыпи, он встал, свернул за поворот...

И закричал! Зажмурился, упал и замер.

Не сразу пересилив страх, он с опаской поднял голову и осмотрелся.

Вокруг было очень светло. Яркое синее небо и... что это? Ослепительный желтый кружок. Быть может, солнце? А на земле росла трава: зеленая, густая. На всей земле, куда ни глянь,— трава. Он вытянул руку и осторожно потрогал травинку. Травинка была мягкая и теплая. И всё-таки, отдернув руку, он замер и прислушался — тихо. Тогда он встал и сделал шаг, второй... Остановился. Там, в лабиринте, он был не один. Вокруг были стены, где в случае опасности он мог укрыться. Здесь тоже кое-где валялись камни, но разве за такими спрячешься? Здесь, в пустоте, человек беззащитен...

— Нет, так нельзя. Он не должен бояться? И Молчаливый двинулся вперед. Он шел все быстрее и быстрее. Какая мягкая трава, какая теплая земля! А пьянящие запахи! Солнце! Как можно было жить в сыром, холодном, тесном лабиринте? Как можно было верить, что там и только там их счастье? Глупости! Он рассмеялся, обернулся...

И похолодел. Вокруг была трава. Трава, трава, трава, трава до горизонта. А в синем небе — солнце. Больше ничего. Он закричал и бросился назад. Он падал, поднимался и бежал, вновь падал и бежал, кричал и падал. Когда же он увидел стены лабиринта, силы окончательно покинули его, и Молчаливый, упав, уже не мог подняться. Уткнувшись в землю, закрыв голову руками, он тихо застонал и потерял сознание.

Когда же он открыл глаза и осмотрелся, то была уже ночь. Теперь в черном небе горел ослепительный белый кружок. Земля была едва освещена, вдали темнели стены лабиринта. Стены — это спасение, это спокойствие, это уверенность. Но мир несовершенен, лабиринт конечен. Как же быть?

С трудом подняв лежавший поблизости камень, Молчаливый взвалил его на плечи и медленно понес к лабиринту.

ФИЛОСОФ

Звезды бывают разные — большие и маленькие, яркие и тусклые, горячие и почти холодные — те, которые уже остывают. Да и планеты, что вращаются вокруг этих звезд, тоже непохожи одна на другую. Так что ничего удивительного в том нет, что жизнь на этих разных планетах появляется и развивается тоже по-разному. Вот почему в одном далеком созвездии на одной не самой большой планете случилось так, что самыми разумными существами там оказались рыбы. Наверное, это произошло оттого, что почти вся планета была покрыта огромным, действительно бескрайним океаном. Океан укрывал своих обитателей от губительного космического излучения, в океане росло великое множество съедобных растений, океан был полон живительной эйкой — пищи для дыхания. А на редких островах, что кое-где возвышались над водой, ничего не росло — там была лишь пустыня, обжигаемая губительными ураганными ветрами. Острова были необитаемы.

В океане же, у самого дна, раскинулись многочисленные поселения рыб, которые называли себя андерликами. В незапамятные времена в океане водились и другие рыбы — наппы, дилинасты, мекролауны, призумпы, фавеларины... — но андерлики в долгой и кровопролитной борьбе уничтожили их всех и стали единственными обитателями океана. Почти единственными... но обо всем по порядку.

Итак, как я уже сказал, по дну океана были разбросаны поселения рыб-андерликов. Поселения были разные — и маленькие, где жила одна лишь семья, и побольше, для целой стаи, но встречались и настоящие города. Вот об одном из таких городов и пойдет наш рассказ.

Этот город, раскинувшийся на краю живописного подводного ущелья, состоял из нескольких сотен дворцов, домов, домишек и хибар, вылепленных из легкого и прочного камня, отдаленно напоминающего земной известняк. Широкие и просторные улицы разделяли город на множество разновеликих кварталов. Так как под толщей бескрайнего океана трудно было понять, когда же на планете день, а когда ночь, то на улицах города всегда было оживленно. Юные андерлики спешили на учебу, взрослые — на охоту, пожилые — на отдых. Андерлики-кормильцы готовили пищу, андерлики-развлекатели за-

зывали горожан повеселиться, андерлики-надзиратели надзирали за порядком. Андерлики-ученые, андерлики-торговцы, солдаты, фокусники, певцы, врачи, репортеры, драгоценных дел мастера и даже воры — увы, но среди разумных рыб встречались и такие, — все были заняты своим привычным и любимым делом. Ни один андерлик не занимался тем, что ему не по душе; черная и неблагодарная работа была не для них.

А для кого же? Были и такие... но обо всем по порядку.

Ну а пока что пожилой философ-андерлик, повидавший на своем веку сорок семь сезонов штормов, возлежал на мягкой подстилке и задумчиво смотрел в окно. За окном, затянутым прозрачным крабьим пузырем, шумела оживленная улица. Улица как улица, ничего особенного. Вот разве что возле подъезда дома напротив заезжий охотник показывал зевакам диковинный плавник и, наверное, утверждал, что ему удалось поймать и съесть неведомую рыбу давно исчезнувшей породы. Зеваки удивлялись удаче охотника, но андерлик-философ лишь снисходительно улыбался — он знал, что все это неправда, что диковинный плавник охотник раздобыл где-нибудь на старой, заброшенной свалке, а теперь, потехи ради, дурачит доверчивых обывателей.

И философ, отвернувшись от окна, вновь заскучал, а скоро и задремал.

Но его разбудили. И доложили, что некий юный желтогубый офицер настойчиво добивается аудиенции. Философ хотел было отказать, однако передумал и велел допустить офицера к себе. Ведь случается подумал философ, что и военные движут прогресс.

Офицер стремительно вплыл в кабинет и, не дожидаясь приглашения, опустил на подстилку напротив философа. Офицер волновался — жабры его то и дело шумно раскрывались и закрывались, поглощая теплую и прозрачную воду, щедро насыщенную живительной эйкойей.

— Я слушаю вас, юноша, — строго сказал философ. Он по натуре был вовсе не строг, просто всегда так начинал беседу с незнакомцами. Строгий тон сразу же давал посетителю понять, что хозяин не намерен тратить время на пустые разговоры.

И офицер, как, впрочем, и другие бывавшие здесь посетители, сразу приступил к делу.

— Великий философ! — воскликнул он. — Ужасные

сомнения гложут мое сердце. Мне кажется... Мне кажется, что здесь мы больше жить не должны.

— Где это здесь? — с улыбкой спросил философ.

— Здесь, на дне, — сказал офицер и смущенно замолчал.

Философ знал, какие доводы он услышит далее, но тем не менее любезно попросил объяснить, в чем дело.

И он не ошибся, он услышал то, что слышал уже не раз. Офицер, то и дело перебивая самого себя, стал торопливо рассказывать. Первым делом он сообщил о том, что служит на границе — так андерлики называли верхние слои океана, те, куда проникает солнечный свет.

...Так вот почему у него такие воспаленные глаза и тяжелое дыхание, подумал философ, он не привык к нашим глубинам... Мудрый андерлик едва заметно покачал глазами и стал слушать дальше.

А офицер говорил о том, что, по его догадке, океан живет лишь благодаря солнцу, солнечному свету. Не будет солнечного света — и жизнь в океане погибнет. Однако океан не только бескраен, но и глубок. Во многих местах солнечный свет не в силах достичь океанского дна. По его, офицера, наблюдениям...

— В таком случае, — перебил его философ, — там, где живем мы, жизнь невозможна. Ведь солнце не освещает наши глубины. Не так ли?

Офицер растерялся. Он не знал, что и возразить.

И тогда философ, снисходительно улынувшись, сам пришел ему на помощь:

— Дело, наверное, в том, что жизнь, даруемая солнцем, состоит не только из света, но и еще из чего-то.

— Да, наверное, — был вынужден признать офицер. — И все же... ведь вы не возражаете против того, что солнце несет нам жизнь?

— Ни в коем случае, — согласился философ.

— Тогда зачем нам прятаться на дне? — вновь осмелел офицер. — Не лучше ли подняться к поверхности океана и жить там, ближе к солнцу?

— И строить наши города прямо на воде, — не без иронии подсказал философ.

— Зачем же! — не сдавался офицер. — Мы можем построить их на дне, но там, где неглубоко, рядом с островами.

Философ мог возразить и на это, однако он решил спорить несколько иначе.

— Так-так, интересно! — воскликнул он. — Но мне кажется, что и это еще не все.

— Конечно! — согласился офицер, приятно удивленный пронизательностью философа. — Когда мы привыкнем жить у берега, то вскоре сможем выйти и на сам берег, на остров. Там мы не будем укрыты водой, и солнечные лучи...

— Но и это, я уверен, не все! — вновь перебил офицера философ. — А дальше?

— А дальше... А дальше мы научимся не только ходить по острову, но и летать над ним! Мы станем еще ближе к солнцу!

И офицер, уверенный в том, что уж на этот раз он убедил старика, гордо посмотрел на философа.

А тот грустно вздохнул и сказал:

— Летать. Как летучие рыбы. Я не ослышался?

— Н-ну... не совсем так, — неуверенно возразил офицер. — Я хотел было сказать... — и замолчал, смущенный и раздосадованный.

— Летать. Как летучие рыбы, — повторил философ и многозначительно посмотрел на офицера.

Все андерлики прекрасно знали, что в давние времена не было в океане рыб, бестолковее и неуклюжее летучих. «Летучая рыба!» — говаривали андерлики, желая осадить или высмеять кого-либо из своих непутевых собратьев. И потому не было ничего удивительного в том, что офицер торопливо откланялся и поспешил прочь.

Оставшись один, философ грустно вздохнул и перевернулся на другой бок. Он лежал и думал, что все, без сомнения, так, да не так, все намного сложнее. Конечно, философ мог бы сказать офицеру, что он и сам четыре сезона обдумывал ту же проблему и убедился, вслед за мудрецами прошлого, что андерлики никогда не смогут выйти на берег. Не смогут — и все, они так устроены. У андерликов слабые, неразвитые брюшные плавники, они не смогут передвигаться по острову, а уж о том, чтобы летать, не стоит даже и мечтать. Построить города на мелководье, у самых островов? А ежегодные штормы, которые играючи разбивают не только легкие строения андерликов, но и несокрушимы скалы?!

Однако не штормы беспокоили философа, а нечто совсем другое, куда более опасное. Именно из-за этого тайного «нечто» и возводили города на глубине, и потому же почти все взрослые андерлики — либо охотники, либо сторожа на рудниках или на строительстве новых горо-

дов и поселков. Андерлики-охотники охотятся на крабов. Мясо крабов очень полезное и нежное на вкус, крабий пузырь идет на затяжку окон, клешни — на оружие, а панцирь — на всевозможные поделки; до которых так охочи драгоценных дел мастера. Андерлики-сторожа заняты на рудниках, где неисчислимы скопища пойманных крабов добывают тот самый легкий и надежный камень, который потом идет на строительство бесчисленных городов. Но разве все это можно объяснить пограничному офицеру, рыбе довольно ограниченной?

И тут философа вновь отвлекли от размышлений. Доложили, что пойман беглый краб весьма редкостной наружности. Беглый краб — дело, к сожалению, довольно обычное, но философ на сей раз всполошился и приказал немедленно доставить к нему беглеца.

В ожидании беглого краба философ вдруг ощутил, что он боится этой встречи, что у него недоброе предчувствие. Однако, сделав над собой усилие, философ улыбнулся и стал убеждать себя, что ничего особенного не случилось и не случится.

Вскоре в кабинет философа втолкнули краба... Нет, не втолкнули, как это бывало обычно, а краб вошел сам. Он не пятился и не семенял в сторону, а уверенно шел вперед. Одно это было уже необычно — двигаться вперед подводные крабы не умели...

Однако хозяин беглого краба, мешая философу сосредоточиться, стал шумно объяснять случившееся.

— Я его сразу узнал! — кричал хозяин, рыхлый, болезненного вида толстяк. — Он сбежал три сезона назад, но я все равно узнал его! Смотрите, как он тянет заднюю ногу! А эта клешня? Он левша! И шрам возле глаза — это мои ребята поместили его за строптивость.

Краб злобно глянул на бывшего хозяина, но сдержался. А тот продолжал кричать:

— Великий философ, я прошу примерно наказать негодяя! Не вам объяснять; крабы совсем распустились. Где былое послушание, где трудолюбие? Они вечно всем недовольны и, того и гляди, разбегутся. Да что я говорю — бегут! Бегут едва ли не каждый день! Кого-то ловим, кого-то казним, а они как бежали, так и продолжают бежать. Это возмутительно, надо что-то делать, надо пресечь беспорядки!

Философ не слушал хозяина, философ разглядывал краба.

...Да, так и есть — воспаленные глаза, тяжелое дыха-

ние. скованные, не очень точные движения... Неужели случилось?!

— Великий философ! — не унимался хозяин.— Великие устроить этому строптивцу публичную экзекуцию. Вы не можете себе представить...

Философ весьма многозначительно посмотрел на хозяина, и тот замолчал. Молчали и двое надзирателей, сопровождавших беглеца.

— Оставьте нас,— тихо сказал философ.

— Великий фило...

— Оставьте!

Хозяин обескураженно махнул спинным плавником и удалился вместе с надзирателями.

Оставшись вдвоем, философ и краб некоторое время молчали, внимательно разглядывая один другого. Затем философ спросил:

— Где тебя схватили?

— В бараках. Я пробрался туда, и только начал говорить, как меня окружили сторожа.

— А где ты пропадал целых три сезона?

— Там,— и краб указал глазами вверх.

— Совсем... там? — осторожно спросил философ.

— Совсем.

Ну вот, подумал философ, мы строим наши города в самых глубоких впадинах, мы даже близко не подпускаем крабов к мелководью, и тем не менее... Философ задумчиво вздохнул и спросил:

— Что привело тебя к нам?

— Желание забрать своих братьев.

— Там... хорошо?

Теперь задумался краб. Потом ответил:

— Поначалу было очень трудно. Нечем дышать. Но я видел других — тех, что уже привыкли. Им хорошо.

— Их много?

— Их становится все больше и больше.

Увы, подумал философ, мы перебили всех рыб, а крабов оставили. Мы хотели иметь рабов, всех считали, что крабы — самое отсталое подводное племя...

— Счастливые,— грустно улыбнулся философ.— Андерлики никогда не смогут жить на островах. Природа подарила нам лишь плавники, вам — ноги.

— И поэтому вы держите нас в рабстве?

— Почему?

— Вы убиваете нас, вы сторожите нас. Вы делаете все, чтоб мы никогда не вышли на берег. Ведь так?

Философ не ответил. Он лишь сказал:

— Тот, кто выйдет на берег, станет властелином планеты... Почему они отправили к нам тебя, а не кого-либо другого? Ведь у вас есть... старшие?

— Да, у нас есть старшие, у нас есть поселки, города. И многие из тех, кто вышел на берег, уже не могут дышать под водой. Вот почему выбор пал на меня, новичка. Хотя... ты знаешь, временами начинает кружиться голова. Я, видимо, тоже отвык от воды.

— Конечно, конечно,— согласился философ, и после некоторого молчания продолжал: — Так значит, ты пришел, чтобы увести наших рабов.

— Нет, я пришел, чтоб вывести моих братьев на берег.

— Я прикажу тебя казнить,— тихо, едва слышно сказал философ.

— Придет второй.

— Казним второго.

— Тогда придут третий, четвертый и пятый.

Философ кивнул и вновь задумался. Краб улыбнулся и сказал:

— Я знаю, о чем ты думаешь.

— О чем?

— Ты знаешь, что казнить меня бесполезно, и в то же время понимаешь, что это твой долг.

— Долг,— повторил философ.— А что важнее: долг или эволюция?

— Что? — не понял краб.

— Эволюция. То, что должно случиться, рано или поздно случается. Андерлики освоили океан, теперь настала ваша пора осваивать берег. Ни я, ни кто-либо другой не в силах это остановить. Однако долг есть долг,— и с этими словами философ позвонил в колокольчик.

В дверном проеме показались надзиратели.

— Казнить,— сказал философ.— На Печальной Скале.

И краба увели.

Оставшись один, философ посмотрел в перламутровое зеркало и улыбнулся сам себе. Он знал — грот, ведущий к Печальной Скале, настолько узкий, что двоим по нему не проплыть. Надзиратели обычно толкают упирающегося краба перед собой, тот пятится... А этот, умеющий ходить вперед, без всякого сомненья убежит. И будет жить на берегу, ибо так велела эволюция.

СКАЗАНИЕ О РЫЦАРЕ ГУГО

Маргарите...

ДОН РОДРИГО ДЕ МЕНДОСА-И-КАРВАХАЛЬ БЫЛ СКАЗОЧНО БОГАТ. ОН ПЕРВЫМ ПРЕДСТАЛ ПЕРЕД БЕЗЛИКИМ, ЧТОБЫ ОБРЕСТИ ЖЕЛАННОЕ. И ЗАЧАХ, ОБЕРЕГАЯ СВОЕ ЗОЛОТО.

...Легенда не лгала: Железный Рыцарь стоял на развилке тропы, безмолвный и мертвый, как сталь, из которой было выковано его могучее тело. Колонноподобные ноги слегка согнулись, вынудив исполина преклонить колени, торс мучительно отклонился назад, и тяжелые руки, чуть разведенные в стороны, бессильно замерли на весу, так и не сомкнув гибельных объятий.

Воистину — даже и в смерти своей тшился страж тропы не пропустить отважного путника в сумрак заповедного леса. Сколько же раз меняли деревья свой убор с того дня, когда меч дона Родриго, рожденного в поднебесной Астурии, стране снега и камня, навеки остановил биение стального сердца? Двести, если верить сказителям. Немало. Но и поныне не заржавела под дождями, не помутнела от лесной сырости стальная грудь, мерцающая под усталым солнцем подобно глади озера в час, когда ветер затихает.

Грозно и молчаливо стоит Железный Рыцарь там, где принял свой последний бой, словно пытаясь одним видом своим утратить малодушного. И ничто, даже время, не властно опрокинуть его, могучего и в самом небытии...

Гуго фон Вальдбург спешил и, вонзив в мягкую землю меч, склонил голову. Молитва! — вот что сейчас нужнее всего. Пусть короткая, но от всего сердца. Ибо дальше, под сенью леса, теряет силу обращение к Господу; не укрепив же душу святым словом, немислимо двигаться дальше.

Во всем оказались правы сказители, ни о чем не умол-

чали. Вот оно: и едва примятая трава, скрывающая тропу, и тусклый, почти уже предвечерний свет холодного солнца, медленно стекающий по темным стволам сквозь полог разлапистых ветвей. И кучки добела омытых следами неба костей у ног истукана тоже не были придуманы. То здесь, то там ухмылялись в траве пробитые черепа, словно злорадствуя над тем, кто стоит здесь — еще живой, но уже и не подвластный жизни.

Когда-то все они были полны сил и надежд: иного привела сюда гордыня, другого — алчность. Но всех уравнила встреча на развилке тропы, когда железные объятия выдавили дыхание и остановили сердца, разметав мечты и страсть по примятой траве. Они погибали один за другим. Но приходили новые, чтобы, в свою очередь, остаться навсегда тут. И так было до той минуты, когда неистовая астурийская сталь, отскочив от звонкой руки гиганта, все же нашла единственную, неразличимую взглядом щель в доспехах, пронзив обитель жизненных сил.

Вот этот меч! Почти до половины вошел он туда, где наплечье смыкается с панцирем, вонзился и застрял, остановив взмах нечеловеческих клешней. И дивно: словно обуглена благородная сталь и почернела от гари рукоять. Да, огонь, а не кровь бушевал в жилах исполина, и, выпущенный мечом, ушел огонь в небеса, и стал Железный Рыцарь подобен камню.

Воистину, хвала и честь тебе, астуриец! Первым был ты, сумевшим проехать под свод заповедного леса, одолев стража, и ныне Гуго фон Вальдбург, не подняв оружия, проезжает эту поляну, некогда гибельную для христианина. Хвала и честь! А все же — прости, кабальеро! — ты был мелок духом. Немногого нужно было тебе для счастья...

...Ничто не было любезно дону Родриго де Мендоса так, как сияние золота. Отважен был гранд, и красив, и знатен: жених на зависть, боец на славу! Но смеялись над ним при дворе, ибо, ослепленный алчностью, унился кабальеро даже и до торговли, вкладывая пай в севильские караваны. И всего было мало Мендосе. Потому-то в один из дней, оседлав коня, уехал дон Родриго искать дорогу к Безликому, поставив перед тем святому Себастиану свечу подешевле...

Смешно и странно. Всего лишь золото...

Гуго фон Вальдбург отнюдь не богат. Но крепки сте-

ны замка, и верна дружина, и есть чем кормить вассалов и друзей. Что еще нужно рыцарю? Иные скажут — много. Быть может. Но рыцарский пояс не покупается за дукаты.

И все же — астуриец знал, зачем идет на верную гибель. А Гуго? Увы. Он решил отправиться в путь лишь потому, что не осталось иного пути к излечению от великой тоски, уже три года лишаящей жизнь радости и смысла. Черны дни и пусты ночи. И что в сравнении с этим глупая жажда богатства? Иди же, спеши вперед, Буланый!

Сумерки, высланные вперед воительницей-ночью, медленно подползали к лесу, вжимаясь в траву, но уже и пробуя приподняться, обвить стволы и проникнуть ввысь, под переплетение крон. Воздух медленно тускнел, солнечные лучи все более выцветали, растворяясь в пока еще слабом багрянце недоброй луны, круглой, как новенькая монета. Такую луну любят оборотни, ибо она — покровитель нечистых промыслов.

Медленно отступал день, но чем гуще уплотнялись тени под сводом ветвей, тем холоднее дышал ветер, и, неотделимое от него, убивающего дневное тепло, воцарялось в лесу безмолвие, вязкое и непроницаемое, словно комок смолы, загустевшей на доньшке кувшина со старым мазельвейном. Лишь изредка, уже неразличимый и оттого вдвойне страшный, пронесился среди листвы некто, разгоняя тусклое марево шелестящими крыльями: демон ли, ночная ли птица, а быть может — грешная душа одного из несчастных, что нашли последний приют в траве у ног Железного Рыцаря. Пронесился некто — быстро и незримо, овевая гнилостной вонью лицо Гуго, — и тогда резко, как ятаган сарацина, вспарывал ажурное покрывало заката короткий, кровь леденящий вопль, исполненный угрозы и неизъяснимой муки. Взметался ввысь, стремясь испить лунного мерцания, но бился о темень свода и обрывался, бессильный, и затухал, и прорезь в вязкой тишине затягивалась, подобно ране, обильно смазанной бальзамом.

Не единожды в холодном поту проснется несчастный, услышавший такой крик. Проснется, оглядится безумно по сторонам — и вознесет молитву Пречистой, моля отвести адские козни. И вряд ли заснет до утра.

Волнуется Буланый, прядает ушами, оседает на задние ноги, словно моля господина повернуть. Да, верный друг! — еще можно, еще не поздно... Стоит лишь отка-

заться от задуманного, и еще до наступления тьмы ты вынесешь седока из леса, к проезжей дороге, где от века не бывало ничего страшнее лесных стрелков да мятежных вилланов. Там светло, и в недалекой деревне горят свечи в алтаре...

Но тверда господская рука, и туго натянут повод. Бесстрастно лицо Гуго фон Вальдбурга, словно не слышит ужасных стонов, режущих тьму. Что стóбит плач погибших душ, если своя душа покрыта пеплом тоски, обескровившей жизнь?

И, послушный каменной воле человека, вновь стремится вперед добрый конь, уже не смея просить ни о чем. Тем лучше! — ему не придется испытать позора шпор. Иди, Буланный, иди; если легенда не лжет, скоро тебе будет еще страшнее. Вы расстанетесь: хозяин уйдет в темень, оставив тебя одного среди уже торжествующего мрака, и лишь редкие зеленые огни волчьих глаз осветят твою тропу. Страшно?

Тогда проси своего длинногривого бога, Буланный, моли его поддержать тебя и господина твоего, дабы крепка была рука и светел дух рыцаря Гуго в глубинах чащобы. А еще уповай на Пречистую, конь! — ведь, неотделимый от хозяина, разве не можешь ты, хотя бы раз в недолгой жизни, просить у нее толику милости?

Молись, кому умеешь, мохноногий богатырь...

...Сразив Железного Рыцаря, предстал дон Родриго перед Безликим и ушел, наделенный дивным даром творить золото из камня и глины. Но дабы не соблазнились впредь легкостью пути к Башне ничтожные, новую преграду воздвиг на пути к своей обители тот, для кого нет тайн. И, кинувшись вслед за астурийцем, обрели жалкие лишь пристойный своей низости конец; достигнуть же врат Башни не выпало ни единому до тех самых пор, пока...

Снова распластали влажную полутьму крылья ночно-го дива, но уже не заморозил кожу и кровь трепет, ибо вторичное — привычно и не пугает отважного. Бледно-желтые лучи, струившиеся совсем еще недавно по стволам, почти истаяли, но глаза пока различали тропу, ставшую багряно-лунной. Ночное светило, низко нависшее над умолкающим лесом, наливалось густым пурпуром, уничтожая последние блики дня, и мгlistый сумрак, сме-

шиваясь с густой кровью неба, клочьями обвисал на доспехах.

Поплыли перед глазами рыцаря, изгибаясь в странном танце, кряжистые тела вековых дубов, и сырость, кисейным покрывалом упавшая на чащу, впиталась в сукно плаща, превратив светлую лазурь фландрской ткани в густое, почти смолистой черноты индиго. Уродливыми складками обвис капюшон, влажное сукно облепило панцирь, и холод пронизал тело, словно даже под гладь благородного железа сумела проникнуть вкрадчивая вечерняя морось.

Хвала тебе, Приснодева, что еще не стемнело!

ШЕВАЛЬЕ ФИЛИПП Д'АЛЬБРЕ ОВЛАДЕЛ ГЕРЦОГСКОЙ КОРОНОЙ. ОН ВТОРЫМ ПРЕДСТАЛ ПЕРЕД БЕЗЛИКИМ, ЧТОБЫ ОБРЕСТИ ЖЕЛАННОЕ. И СЛОЖИЛ ГОЛОВУ НА ПЛАХЕ, ИБО ВОЗЖАЖДАЛ КОРОНЫ КОРОЛЕВСКОЙ.

...В сумрачную глушь чащобы уходила тропа, обгаренная недоброй луной. И все чаще, загораживая путь, выступали из травы обмытые многими дождями звериные остовы. Негодующе ржал Буланый, брезгливо приподнимал ноги, не желая идти по костям. И тяжкий смрад полз с обочины, комкая дыхание в гортани. Конечно, не от тел, давно истлевших, истекал он, а от гнилых болот, что с обеих сторон подступали к тропе, но так много живого погибло некогда здесь, что запах гнили, казалось, въелся в болотные испарения и навсегда растекся в осклизлой траве.

Почти по колено уже утопали осторожные ноги коня в останках. С сухим стуком рассыпались нагромождения, обнажая то оскаленную пасть с остатками шерсти, то лапу, сведенную в последней судороге чудом уцелевшими сухожилиями. Волки и олени, медведи и косули, лисицы и немногие пернатые, на беду свою залетевшие сюда, и прочая лесная живность, несоединимая в бытии, разделенная преследованием и убегающим, а ныне совокупленная единством общей гибели...

Резко ударило в грудь. Иди Буланый чуть быстрее, Гуго не смог бы удержаться в седле. Но, предупредительный легендой, без удивления осадил фон Вальдбург коня и, спешившись, приподнял тонкую нить, освобождая дорогу Буланому. А спустя миг, сделав еще не-

сколько шагов, увидел рыцарь того, кому и следовало стоять здесь, ибо сказители не лгут.

Вот он, спутник Филиппа д'Альбре, паж, чье имя не сохранило предание. Почти век стоит он под пологом ветвей, где звенят в воздухе первые нити колодовской паутины. Вернее сказать, стоят лишь доспехи его, обугленные и почерневшие, спекшиеся в древнем огне, чья мощь была поистине невообразимой. Вздувшись, прикипели одна к другой стальные одежды, и встал сгоревший смельчак на тропе вечным напоминанием неосторожному. Застыл, пепельно-серый, в покрытых ржавой окалиной латах; шлем валяется у ног, обнажив потемневшую кость черепа со слипшейся массой некогда кудрявых волос. А кожа на лице сморщилась и так прилипла к кости, что само время оказалось бессильно сорвать ее полностью. Жутко глядят выжженные глазницы, и в сведенной вечной судорогой щели рта скалятся белые-белые выщербленные зубы...

...Не толще шелковых нитей была паутина и в полумраке не сразу мог различить ее взгляд. Но только лишь коснулся, не ведая того, одной из паутинок юный паж, как ужасным криком вскричал он, и узрели спутники искры, голубые и желтые, сбегаящие по панцирю от кольчужных перчаток и до поножий. Словно танцуя, извивалось тело юноши, дергался несчастный, будто упрямый вор на виселице в базарный день, а потом умолк, и успокоился, и остановился, уже неживой, убитый огнем, незримо бегущим по паутине...

Споткнувшись, не удержался Гуго. Упал. И поднялся.

Вот она, огненная паутина, проклятие заповедного леса. Воистину, так тонка, что лишь наощупь найдешь нити. Но прочностью немногие уступят тетиве арбалета. И много сил потребуется, чтобы развести в стороны сплетенные нити, освобождая проход себе и кочку. А меч — не помощник. Не вынимай его, путник, если не желаешь затупить.

Так замедли же шаг! Как ни страшна тьма, ползущая по пятам, эту преграду одолеет лишь неторопливый. Легко было шевалье д'Альбре... После того, как сумел он усмирить повелителя паутины, пошли вперед пажи, раздвигая невесомые ловушки. Да и спешить им было некуда; ведь гласит легенда, что ясным днем шли они через лес.

Что же, прими поклон, мессир Филипп, низайший из вассалов бомонского властителя! Высокий духом, не мог ты быть низок саном. И, видно, сильна была страсть, звавшая тебя, если сумел ты покорить эти смертоносные силки, исполненные в те дни огненной гибели. Ты герцог герцогской короной и властью над Бомоном? Вымечтанное воплотилось. Безликий подсказал тебе интригу, изощренностью превосходящую силу человеческого ума. Но думал ли ты, мессир Филипп, что страсти утолятся лишь на краткий миг? Мог ли знать, что неизбежно пожелаешь большего?

И жаль, что уже вовеки неведомо: какая мысль терзала тебя, когда глядел с пылающего донжона на многоцветное войско, опоясавшее последнюю твердыню твою? И, провожая взглядом предавших тебя вассалов, кого проклинал ты, герцог д'Альбре де Бомон,— их, не выстоявших в мятеже, или себя, не знавшего, что просить стоит лишь королевского трона?

А впрочем, спи спокойно в родовой часовне, мессир!

Сто лет как нет тебя. Истек срок жизни твоей, и был бы ты мертв ныне, даже не подняв меч на короля. Я, Гуго фон Вальдбург, ежели суждено мне вернуться в мир света, поставлю свечу во избавление твоей души от мук чистилища за то, что облегчил ты мой путь сквозь сплетения паутины...

...Нежно звенели нити, растянутые меж ветвей, и горелым зверьем, словно ворсистыми коврами, была устлана поляна. Пепел и прах, да еще гниющие останки тех, кому не выпало сгореть целиком. И пришлось бы повернуть вспять отважным, если бы не зоркость преславного шевалье Филиппа. В высокой траве сумел он разглядеть Змея, притаившегося у пня в ста шагах к северу. Недвижимо лежал Змей и, распахнув пасть, испускал смертоносные нити, подобно струйкам яда. Тогда, не смея приблизиться, зарядил мессир д'Альбре верный свой арбалет и, окаменев телом, посылал стрелу за стрелой сквозь паутину. И входили стрелы в тело Змея, но долгое время не могли причинить вреда. Когда же последнюю стрелу выпустил преславный д'Альбре, вошла она в мерзкую пасть, и вспыхнуло сатанинское отродье бело-голубым пламенем, на миг ослепив отважных христиан. И умерла паутина. Лишь пахло в воздухе горьким дымом...

О, как трудно пробираться сквозь путаницу нетленных нитей, пускай и утративших колдовскую силу свою. Некогда два пажо помогали шевалье Филиппу, да еще и коня не приходилось вести в поводу, ибо сломал скакун франка ногу и был убит хозяином из милосердия.

А Гуго один. Буланого можно не считать — ведь у него нет рук, чтобы помочь. Напротив, то и дело оступается конь, путаясь в паутине, и тогда рыцарю приходится, пустившись на колени, растягивать нити, в кровь режущие пальцы. Благодарение Господу хотя бы за то, что не рассыпал здесь Безликий шипы-колючки, подобные тем, что в ходу у сарацин. Сделай он это — и Гуго уже потерял бы коня.

Но — не сделал. Нечисть честнее нехристей, она не губит боевых коней. А царапины... Пустяки! Они не страшны закаленным ногам жеребца. Рыцарь же лишь посмеется над ничтожной болью. Вот только как же трудно раздвигать, и раздвигать, и снова раздвигать ветви, прочно перепутанные паутиной...

И наконец рука не нашупала преграды.

Вот он, у самых ног, — Змей, некогда сраженный шевалье д'Альбре. Лежит, прегнусный, едва выглядывая из травы. Безобразная горелая язва расплзлась пятнами по гладкой шкуре. Из пасти же, испускающей пучки мертвых нитей, торчит стрела. Много их вонзилось в Змея, превратив его в жуткого ежа, но эта — особая.

Сплошь из железа отлито короткое древко, наконечник же из серебра. Что удивляться? Истинно: почти наравне с крестом Господним страшен для нечисти пречистый металл!

Усталого, трудно дышащего коня нежно огладил окровавленной рукой фон Вальдбург, подтянул подпругу и вскочил в исцарапанное седло.

Иди, Буланный, спеши! Что толку избегать неизбежно-го? Лишь одна преграда осталась на пути, но и она пройдена смельчаком, а значит — лишена силы. А после — неведомое, о чем молчат легенды, ибо это предстоит совершить твоему господину, если будет на то воля Господня.

Так что ж, друг и брат, неси хозяина навстречу судьбе. Там мы расстанемся. И как знать, кому будет дано уцелеть...

Спеши же, Буланный!

...И наконец тьма опередила Гуго.

СЭР ОУЭН МАК-ДУГАЛ, ТАН КИЛЬДУНСКИЙ,
ПО ПРАВУ ПРОСЛЫЛ НЕПОБЕДИМЫМ. ОН ТРЕ-
ТЬИМ ПРЕДСТАЛ ПЕРЕД БЕЗЛИКИМ, ЧТОБЫ
ОБРЕСТИ ЖЕЛАННОЕ. И ПАЛ ОТ САРАЦИН-
СКОЙ СТРЕЛЫ НА РУИНАХ ЭЛЬ-ФУДЖАЙРА.

...Укол! И еще укол, и еще!

И наконец — удар, с вывертом, двумя каблуками сразу. Впервые в жизни...

Шелковистая шерсть на боках Буланого обвисла безобразными лохмотьями, шпоры окрасились дымящейся кровью, но конь не шел вперед. Униженный, оскорбленный, он плясал на месте, не смея повернуть вопреки господской воле, но и отказываясь подчиняться. Почти выкатились из орбит побагровевшие глаза, и отчаянное ржание, больше похожее на стон, вырывалось сквозь бахрому разорванных удилами губ, смешиваясь с потоком нежно-розовой пены. Любой подтвердит: поистине ужас из ужасов впереди, если боевой конь, содрогаясь, плачет, как стригунок, ощутивший прикосновение безжалостного холостильного ножа.

Гуго фор Вальдбург отпустил поводья.

Какой стыд! Он терзает Буланого, словно по детскому капризу противится верный друг. Унижающий коня унижает себя самого. Ведь кони — не люди. Редко, очень редко предадут они хозяев. И никогда — друзей. И если случилось так, что ужас потеснил даже верность, значит, искус для Гуго наступил раньше, чем ждал рыцарь. Зачем же мучить коня? Ведь не убивать же его в бессмысленном гневе, как убили другого, чей остов лежит обочь тропы. Волками обглодан скелет, истлевшая попона валяется рядом, и, хотя временем почти погублено шитье, Гуго знает, что там изображено.

Звезда над чертополохом. Знак клана Мак-Дугалов.

Ибо Оуэн Мак-Дугал, гэльский тан, в злом порыве убивший невинного коня, стал первым и по сей день единственным, кто одолел чары последней преграды и сумел прорваться к круглым вратам Башни, расчистив путь последующим. Так говорят сказители. И добавляют, ударив по струнам: расчистив, но не очистив...

...Из пяти старших кланов Горной Страны Мак-Дугалы вторые. Бесспорно, кровь их много чище крови Мак-Каски, не говоря уж о Мак-Кормиках, равна благородством Мак-Ферсоновой и разве лишь на толщину кон-

ского волоса уступит по древности Фитц-Джеральдам. Но в дни Войны Черного Петуха, когда клан поднял топор на клан и огонь залил землю чертополоха, туго пришлось Мак-Дугалам. Ибо после гибели Ллевеллина ап Гриффида вновь взял жезл и знамя тана старый Гриффид, а руки его не имели силы прежних дней. Наследник же жезла и знамени, Оуэн ап Ллевеллин, за грехи отца и деда наказан был Господом: пустотой сияли глаза юноши и умел он лишь подчиняться. Недоумком звали его чужаки, а сородичи лишь опускали глаза в бессильном гневе. Потому-то, предвидя грядущие беды, призвал старый Гриффид внука и приказал ему идти к Башне, дабы предстать перед Безликим. И послал тан Гриффид Оуэна в дорогу, четырежды повторив, что должно сделать...

О да, Оуэн запомнил и выполнил приказ деда! Кто же не слышал баллад о Мак-Дугале Непобедимом? Гуго фон Вальдбург спешился и, отпустив повод, склонил голову перед попоной с гэльским узором. Привет тебе, воин-тель! Как немногие достоин ты светлой зависти. Ведь уже полвека не остыла гордость за дела твои среди родичей, и, уstraшенные надолго, все не воспрянут соседи. И не забыли еще свист твоей секиры англы, отброшенные за бурный Твид. А сарацинские матери пугают непослушных детей страшным Он-маликом.

Что спорить? Выплеснулась твоя слава из ущелий Горной Страны, разметалась по вересковым полям Долинного Края, да и пределы христианского мира тесны оказались для нее. К природной отваге добавил Безликий светлый разум, направленный на битву. И, единственный под луной, мог ты расставить даже и сотню воинов так, что десять тысяч врагов молили о пощаде, бросив в пыль опозоренные знамена.

Сраженный в честном бою, обрел ты бессмертие в памяти равных, великий Мак-Дугал. Есть ли что-то достойнее? Но даже этого мало мне, ибо в битвах и без чужой помощи удачлив я, а тоска все равно скачет рядом со мною, овевая сердце черным прапором своим...

Резко рванулась в сторону левая рука и не сумела удержать повод. По-жеребьячи крича, умчался назад, к паутине, на верную гибель обезумевший Буланный, не смея оглянуться на преданного и брошенного господина, а Гуго побрел по мягко стелющейся траве, тяжело переставляя обтянутые кожей и железом ноги. Унизительно

для меча служить клюкой, но ведь и для рыцаря позорно брести пешком. Прости же хозяина, добрый клинок. Поделив унижение по-братски, вместе стяжаем и награду. Или оба останемся здесь, среди мрака и влаги. Ты не отступишь, меч! Изменяет все, даже конь, но вовеки останется верным железом...

Тихо, очень тихо в лесу. Отчего же, подобно змее, вползает в сердце неясная тревога, льдистая и скользкая, словно осенний дождь? О Господи, укрепи! Ведь прошел же этим путем славный Оуэн, а значит, нет угрозы впереди и чиста дорога, пока не минует Гуго мосто побоища. Все так. Но и чутье воителя не обманывает: впереди опасность. Она близится, она таится в нескольких шагах, среди склоненных стволов, укрывшись в жесткой щетине кустарника. Свят крест Господень! И милость Пречистой да не оставит меня...

Еще десяток шагов. И — шелест за спиной.

Гуго фон Вальдбург резко обернулся.

Вот они! Как сказано в легенде, ползут тени из тумана, почти бесплотные, и в глубине запавших глазниц посверкивают колючие зеленоватые огоньки. Костистые пальцы скрючены, и острые когти тянутся сквозь мглу к путнику, пахнущему теплым мясом и сладко-душистой кровью. Клацают пожелтевшие клыки, предвкушая трапезу, и в такт омерзительному причмокиванию сухо ударяется кость о кость.

И саваны развеваются на угловатых плечах, белевые покрывала смерти. Развеваются во мгле, распадаясь клочьями.

Приснодева, убереги!

Уже не тихая тревога, но режущий нутро ужас рождается где-то под сердцем, постыдно и неумолимо подступая к рассудку. Меркнет разум, превращая человека в готовую закричать, заметаться без смысла и без толку тварь. Теперь понятен твой плачущий визг, Буланый, и господин больше не может, да и не посмеет, винить тебя. И поздно уже поворачивать назад. И не от кого ждать помощи.

Ведь никто не помог тану Оуэну из Мак-Дугалов...

...Высоко подняв секиру кильдунских танов, кинулся на злобное скопище бесстрашный Оуэн и показал отродью ада ярость гэльского боя. Сердце его молчало, как и подобает сердцу воина в час битвы; разумом же не ощущал опасности гэл, ибо не имел разума. И потому

смеялся ап Ллевеллин, нанося удары и не понимая, что настал его последний час. И рубил он мертвых, как живых, не ведая разницы и не зная, что должен утрашиться. Мертвецы же, ощутив бессилие свое против небоящегося, расступились, пропуская отважного тана к своему повелителю, дабы смирил порыв Мак-Дугала сам Демон Ужаса...

Однако... отчего еще не помутился разум? Почему светлы мысли? Ведь уже давно, как сказано в легенде, пришло время воюющей плоти катиться по мятой траве, отдавшись во власть неизбежному!

Гуго фон Вальдбург рывком выдернул меч, глубоко вошедший в землю. Быть может?.. Да! Только в этом объяснение. Оуэн не умел понять, что пришла смерть, он пошел на нее с топором — и нечисть не смогла подступиться к кильдунскому тану, бессильная пред безумием.

Среди фон Вальдбургов не бывало глупцов. Но, имея разум, не боится Гуго. Не великая ли тоска, грызущая сердце, защищает его?

Но если так...

И, вплетаясь в невнятный лепет, подкрадывающийся с колыханием бледных теней, зашептал что-то свое родовой меч фон Вальдбургов, медленно выползая из плена ножен.

Подняв забрало, пошел Гуго фон Вальдбург навстречу призракам. Разум, отбросив страх, повелел руке принять бой. Но рука сообразила раньше. Вот в чем спасенье! Чем меч баварца хуже гэльского топора? Разве напрасно освящал крестовидную рукоять епископ славного Майнца? И так ли уж ничтожна пред ликом преисподней слеза Магдалины, омывшая лезвие при закалке? А обрезок ногтя святого Павла, вделанный в основание клинка, — с каких пор не страшен он нечисти?!

Бойтесь, адские ублюдки: я иду!

И ворвался бесстрашный в медленное колебание белесого бесплотья. Рванулась вверх, к кронам, веселая сталь, вспорола тьму и пошла плясать, рассекая костлявые руки. Падали и вновь взметались лоскутами тумана саваны, бесшумно распадались клочья неживого и, струясь, опадали наземь, и нечто скользкое ползло по сапогам, пытаясь проникнуть к коже — через сочленения доспехов.

А Гуго рубил, забыв обо всем, и великая тоска, защитив разум, укрепляла руку рыцаря в неравном бою.

Будь здесь хоть немного света! — как яростно метались бы блики, отскакивая от лезвия, выписывающего прихотливые узоры...

И дрогнула нечисть, расплзлось бесплотье, уступая дорогу.

Вот стоит на пригорке тот, кто послал в битву сатанинское воинство. Серой шерстью обросло могучее тело, пламенеют глаза и на волчьемордой голове искрятся синими огнями тонкие витые рога. Еще двое, подобные во всем, лежат на земле бездыханно, раскинув лапы. Ах, тан Оуэн, как же ты упустил третьего, покончив с двумя? Вот в чем смысл слов сказителя: путь чист и не чист; расчищен, но не очищен. Быть может, напуганный бестрашием мощи твоей, спрятался мерзейший в глуби болот? Но в таком случае, дьявольщина, клянусь устами Пречистой! — ты поторопилась выйти оттуда!

Лицом к лицу с демоном встал Гуго фон Вальдбург. Огнем полыхнули глаза-плошки, пронзительный визг рассек уши, опрокидывая баварца наземь, но всего лишь мгновением раньше рухнул меч на макушку демона и выбил из нее искры и скрежет, сметая тонкие рога.

И все кончилось.

Гуго фон Вальдбург, сжав звенящую голову руками, стоял на коленях на самой вершине пригорка, поросшего мелким кустарником. Медленно уходила из висков боль... очень медленно... и словно воском наполнены были уши. Но вот уже можно встать и поднять оброненный меч. Как светло вокруг! Ужели наступило утро? Сколько же длился бой? Гуго поклялся бы — не дольше десятка мгновений... но сквозь листву уже пробиваются, торжествуя, первые блестящие рассвета.

И не сраженные демоны, а три приземистых сундука у ног рыцаря.

Два из них искорежены, словно выворочены наизнанку.

Третий — цел.

Лишь срезаны острые, прихотливо скрученные рожки, венчавшие плотно пригнанную крышку. И помигивает испуганный алый глазок на месте замочной скважины. Что же, Гуго не так могуч, как Оуэн Мак-Дугал. Он не в силах, вспоров сундук, добраться до скверны, скрывшейся в свою кору. Но и ей, поганой, вовеки уже не выйти на Божий свет и не вредить честным христианам. Ибо срублены рога, источник дьявольской мощи, изничтожены — и лежат у ног победителя.

Совсем посветлело. Из сплошного полога превратились раскидистый, густо сплетенные кроны в ажурную сетку. И открылась изумленному взору баварца громада Башни...

В низкой ложине высилась она и вела к круглым, светлым на фоне пепельно-серой стены, воротам узкая тропа, извиваясь по косогору. Ни с чем нельзя было спутать обитель Безликого — столь точно, до мельчайшей, самой последней подробности описали ее сказители.

И, впустив в ножны усталый меч, Гуго фон Вальдбург пошел вниз, приминая вольно разросшуюся на тропе траву.

Пошел дорогой своей судьбы.

Первый со времен Мак-Дугала Непобедимого...

БЕЗЛИКИЙ ИЗВЕЧЕН. НЕЛЕГКО ДОБРАТЬСЯ К НЕМУ. НО ЕСЛИ СУМЕЛ — ЛИКУЙ. ИБО, НЕ СПРОСИВ, ПОЙМЕТ ВЛАДЫКА БАШНИ, ЧЕГО ЖАЖДЕШЬ ТЫ. И СКАЖЕТ, КАК ОБРЕСТИ ЖЕЛАННОЕ. ИБО ОН ВСЕМОГУЩ. И ЗНАНИЕ ЕГО БЕСПРЕДЕЛЬНО.

Вот и все. Добрался.

Бесшумно скользнула вниз и вновь плотно вошла в пазы пластина щита, закрывавшего вход. Она поднялась, стоило лишь приложить к гладкой, без герба, поверхности ладонь, освобожденную от перчатки.

И стало темно.

Но не так, как в ночном лесу, где мгла дышала и шелестела, угрожая и жалуясь. Нет, тьма предвратья, напротив, оказалась тугой и неправдоподобно спокойной. И, даже не видя ничего, Гуго фон Вальдбург знал: где-то там, против входа, вделан в стену второй щит, во всем подобный внешнему, но много меньший — всего лишь в рост взрослого мужчины. Сквозь него проникнет он в чрево Башни, когда настанет время и Безликий сочтет, что пришелец подготовлен к встрече.

Удивления достойно: трижды воздвигал новые преграды для смельчаков владетель Башни. Гуго же прошел, не столкнувшись ни с чем неведомым. Его пропустили легко, словно с усмешкой. Где искусы? Не демон ли, недобитый Мак-Дугалом? Что мог он, последний живой из трех? Разве что устроить слабого. Но слабые не идут к Башне...

Что толку гадать? Если судьба прикажет совершить

подвиг, фон Вальдбург не отступит — хотя бы и во имя чести предков, чей прах содрогнется в склепах, опозорь Гуго родовой герб. Здесь, под сводами Башни, поздно сожалеть о чем-либо. А впрочем, не о чем и жалеть. Лучше конец, пусть страшный, чем жизнь, когда рядом с ложем ворочается, и на пиру протягивает кубок, и на бранном поле глядит сквозь прорезь вражьего забрала тоска, неотступная, как стук собственного сердца. И не так страшна сама она, как необъяснимость истоков ее. Эта тайна туманит голову, словно вино. Но вино горькое, дающее не сладость забвения, а муки похмелья.

Гуго пришел сюда по своей воле, и поколения фон Вальдбургов поймут его и поддержат. И спокойным будет их сон. Ибо девиз на щите рода: «РЕШИВШИСЬ — НЕ МЕДЛИ!».

Но даже если надумал Безликий, забавы ради, пропустить страждущего к стопам своим без подвига, ничто не поможет избежать Огненной Купели. Пустяк. Не страх, а всего лишь мука. Страдание телесное во имя очищения духовного. Ибо, в муках рожденные, стараемся мук избежать. И, храня грешную плоть, слабеем духом. Решившись же не великое, отринь страх суетный, опоясанный рыцарь!

А все же, Приснодева, обрати взор светлый на раба твоего и воина Гуго, рожденного от семени чресел баварских фон Вальдбургов, и укрепи его в преддверии неотвратимого. Ибо уже ощущает кожа легкие прикосновения струящегося тепла и все более горячие язычки его ползут по стали доспехов, проникая в щели. И сохнут губы, первыми ощутившие, как накаляется тьма, пахнущая едким дымком и грозой...

И вспыхнуло над головой, ярче тысячи звезд!

Стоцветные круги расплылись перед глазами, и теплое стало горячим, а горячее жарким, словно в жерло печи ввергнут оказался Гуго фон Вальдбург. Торопливо сорвал баварец шлем, обжигаясь, распутал завязки, сбрасывая поножи. И вновь сине-белой молнией мелькнуло нечто, бросив на стены мгновенные резкие тени. Воистину — вовремя скинуто железо! Ибо запахло паленым, и, словно сплошной волдырь, вздулась кожа от ног до лица. Руку к глазам — уцелели ли! И не ощутили пальцы пряди волос, с детства падавшей на лоб. Испепелены кудри, и постыдно, словно у сарацина, оголена голова. А в темном воздухе — мелкая горелая пыль, все, что осталось от колета, сорочки и панталон.

Но странно! Всего лишь шаг в сторону — и жар таков, что медленно белеет сброшенное железо, а ремни не только иссохли в скрученные жгутики, но и осыпались холмиками бурой пыли. Здесь же, в самой середине Огненной Купели, после двух мгновенных молний, пламя лишь обжигает, но, яростное, не властно убить. Воистину, не гибель, но очищение...

Свято храня каноны рода, всю жизнь свою пребывал Гуго верным сыном Матери-Церкви, но лишь сейчас, изнемогая в мареве рдеющих темным пурпуром стен, осознал он смысл доброты отцов-инквизиторов и величие кроткости их. Ведь — воистину! — подвергая тела грешников огненной муке, спасает кроткий наставник бессмертные души подопечных, ибо в благодати своей простит Господь тому, кто, искупая прегрешения свои, познал такую боль.

И стоило Гуго осознать это, как отступил жар. Повеяло свежим ветерком. И посветлело в преддверьи.

Нагим, как в первый день прихода в мир сей, стоял рыцарь Гуго перед распахнувшейся внутренней дверью. За нею, уходя вдаль и теряясь в переливающемся мареве, открывался взгляду высокий, в два мужских роста, коридор. А на стене, у самого входа, темнела багровая стрела, указывая, куда ныне идти...

...Подобно младенцу, свободный от одежд и самих волос своих, очистившись в огне, предстанет алчущий перед Безликим. Идя же переходами Башни, еще и еще раз окинь взором весь путь жизни своей, ибо Безликий увидит недра души твоей и скажет, чего ты хочешь, и ответит, как достичь. Вспомни же наимельчайшее из свершенного тобою: владыка Башни оценит готовность открыться перед ним. И тогда совет его будет легко исполнимым. И без труда получишь ты желанное. Ведь безликий всемогущ...

Всего лишь на миг остановился Гуго фон Вальдбург у порога невысокого светлого зала, прежде чем переступить порог. Вот и все. Нагой и безоружный предстанет он перед лицом истины. Как и должно.

Ни на что не походила обитель Безликого. И, право, что ему, предвечному, медвежьей шкуры? Нужны ли всезнающему тяжелые книги на резных пюпитрах? И странным казалось бы оружие на стенах этого зала, а тигли с пахучим зельем — лишь смешными. Ничего! Только

сотни огоньков опоясывали стены от потолка до пола. Ряд — алые. Ряд — синие. Круглые, словно глаза совы. Напротив же входа — большой выпуклый глаз, сияющий ровным зеленым светом.

А посреди зала — белый квадрат, окаймленный черным.

И ступил на него рыцарь.

И умер.

Но ненадолго.

И вернулся в мир сей.

Была же смерть подобна подземному ходу, неуклонно сузающемуся. В конце хода — дверь. А за нею — ничто. И совсем немного уже оставалось Гуго до порога. Медленно шел рыцарь, а навстречу бежали люди — все, коих встречал он в жизни. И несли щиты с гербами. И воняли сермягами. И вели под уздцы коней.

Но словно могучая рука остановила Гуго у входа в небытие и резко, почти ударом, вернула обратно. И понял рыцарь, что, вторгшись в разум, убил и воскресил его Безликий.

— Я рад тебе, Гуго фон Вальдбург.

Голос прозвучал негромко и, вопреки приветливым словам, равнодушно. Он возник из ничего и, возникнув, заполнил собою пустоту зала. Спокойствие, отрешенность, холод великой мудрости — вот что слышалось в голосе. И ощутил себя рыцарь назойливым муравьем, что взялся докучать великану, прилегшему в тени дубравы.

Но сверх того! — вопреки канону проходил обряд. Ведь говорят сказители: войдя, умрешь; а возродившись — уходи. Ибо за мгновение небытия проникнет в сокровенные уголки души твоей Безликий. Проникнет и, познав тайное, разгадает страсть. Поймет, не спросив, а затем, дав ответ, изгонит.

Значит, не должен звучать голос. Но звучит!

— Не страшись, Гуго фон Вальдбург! Я хочу говорить с тобой.

— Но отчего со мной?

О, здесь подвох! Здесь коварство! Гуго сознавал это каждой частицей разума своего. Разве самый достойный он из избранных? Разве уступали ему астуриец, и франк, и гэл? Но ни одного из них не почтил беседой властитель Башни! Значит, глумится Безликий. Хочет запутать гостя беседой и изгнать, не излечив от тоски... Но за что?

— Ты боишься обмана, Гуго? Не нужно бояться.

Не умею я лгать, хотя, быть может, было бы интересно. Не для этого сотворен. Лишь отвечать могу. Но скучно отвечать на простые вопросы.

— Ты делаешь людей счастливыми. Так ли это просто?

— Счастливыми? — словно бы насмешка промелькнула в дотоле бесстрастном течении слов. — Невнятное понятие. Как вы, смертные, упорно применяете его... Но, говоря «счастье», не говорите ничего. Пустое слово.

— Пустое? Но золото! Но власть!! Но слава!!!

И совсем по-живому прозвучал ответ:

— А разве ты, Гуго фон Вальдбург, пришел за этим? Вот так! С кем споришь, баварец?!

И что скажет муравей великану?

— Ты сумел поймать меня на слове, Владыка Башни. Да, мне хватает злата, завещанного предками. И не нужны титулы, ибо корою много, а герб Вальдбургов — один. Воистину — у каждого своя страсть и свое счастье. Но я не ведаю, что гнетет меня. Имея все, всего лишен. Потому и предстал пред тобою...

И чем ответит великан муравью?

— Хорошо сказано, Гуго, — соглашается голос. — У каждого своя страсть. Но скучно счесть страстью вожделение. Простое — просто. К чему тут я? Что толку наполнять пустоту, не наделенную дном? Подобные тебе вынуждали меня отвечать — ибо это мой долг. Но ведь их вопросы — начинались с «хочу». А я создан для решения истинных задач!

И вдруг — мука в голосе:

— Но что толку, если ответы уже не нужны никому. Нужен ли я, если это так?

И — надежда, делающая голос совсем живым:

— Ты первый, чья страсть неясна мне. Быть может, она истинна?

...Необъятна скорбь Безликого. Ушли тролли, которым служил он честно и верно. Ушли и погибли неведомо где. Никто не вернулся в Башню. И остался Безликий один. Уже не слугой, но господином. Но господство его — в ответах на вопросы. Оттого ждет он вопрошающих...

— Да, Гуго, ты выше подобных тебе. Ибо душа твоя непрозрачна.

Невольной гордостью откликнулось сердце. Такого не рассказывали бродяги-певцы. И ныне еще выше взойдет

слава имени фон Вальдбургов. Воистину, подобным венцом еще ни один из предков не венчал родового герба.

— Ужели ты, всезнающий, не постигнешь тоску мою?

Недолго помолчав, пояснил голос.

— Понять можно, разложив сложное на простое. Неявное сделав явным. А неясное — ясным. Но в твоей душе много такого, что по силам осознать лишь тебе. Я открою тебе суть тоски. А ты сумей передать ее так, чтобы я понял. Пойми и выскажи. Тогда — отвечу.

И, словно стилетом, пронзила виски мгновенная боль. Вспышка ослепила глаза. В лихорадочной круговерти мелькнуло все, что довелось видеть и испытать. Мелькнуло и пропало. Осталось лишь одно видение. Воспоминание. Отблеск памяти. Единственное, не пропавшее во тьме. Болезненное, как сама тоска...

И пришел Гуго в себя.

Очнулся.

Смятенный. Еще отказывающийся поверить.

Но уже и не смеющий сомневаться.

Как странно! Ни на миг не забывал об увиденном, но полагал, что ему — сильному! — не способно затмить жизнь это воспоминание, горькое, но такое пустое в сравнении с великими делами фон Вальдбургов.

Вот чего не может понять Безликий.

А не умея понять, велит объяснить.

И лишь тогда сможет он совершить чудо.

Но значит — пусть в малом, а уступает властелин Башни человеку?

И словно в ответ, улыбка в голосе:

— Да, Гуго. Ты — иной, нежели прежние. Они не спрашивали. Они всего лишь просили.

...Проси, чего хочешь. И, узнав, как достичь, получишь желанное. Ибо Безликий всемогущ...

Неужели так просто? Всего лишь взглянуть в лицо тоске своей, не больше. Но взглянув, узнаешь разницу между просьбой и вопросом.

Слабый просит. Сильный спрашивает.

Спрашивай, человек!

ГУГО ФОН ВАЛЬДБУРГ — ЕДИНСТВЕННЫЙ, ГОВОРИВШИЙ С БЕЗЛИКИМ. И ПОСЛЕДНИЙ, ДОПУЩЕННЫЙ В БАШНЮ. ОН ВЕРНУЛСЯ ВО ЗДРАВЬИ И СЛАВЕ, НО ПРОЖИЛ НЕДОЛГО. ТОСКА УБИЛА ЕГО. ИБО БЫЛ РЫЦАРЬ ГУГО

ПЕРВЫМ ИЗ ИЗБРАННЫХ, КТО НЕ ОБРЕЛ ЖЕ- ЛАННОГО.

Спроси — и обретешь дар творить алмазы из глины.
Но подкупишь ли тоску?

Спроси — и чело увенчает корона.

Но разве прикажешь тоске?

Спроси — и слава твоя достигнет Гроба Господня.

Но когда и кого утратила тоска?

...Говори коротко. Еще лучше — молчи. Безликий знает, чего хочет душа твоя. И станет зеленый глаз синим. Спустя миг — алым. Обратись в слух и внимай. Алый свет — знак: всезнающий готов осчастливить тебя ответом...

На колени опустился Гуго фон Вальдбург, голый и безоружный.

Не рыцарь с гербом.

Но человек, познавший суть тоски своей.

И задал вопрос.

Тотчас же полыхнул выпуклый глаз. Зелень сменилась синевой. Но синева не стала багрянцем.

Ибо внезапно побелел глаз.

Ослепил яркой вспышкой.

И погас, подернувшись мутью.

Ослеп Безликий. И сотни мерцающих огоньков погасли вместе с выпуклым оком. По залу же, неведомо откуда, пополз странный, неприятно-горелый запах. Словно человечью плоть, опутав сыромятными ремнями, поджаривали где-то в глубинах Башни.

Замер рыцарь.

Оглянулся, бессильный, по сторонам.

И, понимая, что ответа уже не дожидаться, закричал человек, поднявшись с колен.

Дерзко и почтительно.

Умоляя и угрожая.

Повторяя снова, и снова, и снова:

— Три года минуло со дня, когда прекрасная Катарина, младшая из Цорнов, сказала мне: «Я не люблю тебя, рыцарь...»

ПОЧЕМУ?!!!

ФЕНИКС В КЛЕТКЕ

Мы удалились в страну вечности,
Чтоб наши имена не были забыты...

Из древнеегипетской поэзии

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Генваря 16 дня 183...

Милостивый государь!

Покорнейше прошу прощения, что взял на себя смелость обратиться к Вам с посланием сим и отвлечь от дел, без сомнения, гораздо более важных, нежели разбирание почерка моего. Пишу же я к Вам по случаю внезапной кончины некоего постояльца гостиницы «Египет», кою имею я счастье содержать, а именно — прапорщика N-скаго пехотного полка Евгения Бушкова. Сей молодой человек — мир праху его! — состоял, судя по некоторым признакам, в приятельских сношениях с Вами, милостивый государь. Простите вольность мою, однако же г-н Бушков, отойдя в мир иной, не заплатил мне по счету некую сумму денег, а держал он в принадлежащей мне гостинице не только номер, но и стол. Исчисливши *les frais**, кои были сделаны на его содержание в последнее время его жизни, я позволил себе, поскольку кошелек покойнаго был почти пуст, в дополнение взять из оставшегося имущества несколько вещиц — о, сущих безделиц! — стоимость коих хотя бы в малой степени покрыла бы долг покойнаго. Поскольку Вы, г-н Булгарин, по слухам, являетесь душеприказчиком онаго, соблаговолите прогледеть подробный перечень тех предметов, кои мною взысканы из имущества прапорщика Бушкова. Можете всецело положиться на мою педантичность.

И так.

* Все расходы (*франц.*)

Ваза синего фарфора с белыми рисунками, подделка под старинный китайский фарфор.

Браслет фальшивого золота, с мелкими серебряными колокольцами, также несомненная подделка под древнее украшение.

Том «Современника», восьмой номер, 1837 года — взыскан только лишь для возвращения законному владельцу онаго, ссудившему г-на Бушкова эту книгу на время.

Гитара с оборванною струною.

Клубок нитей для ремесла златошвейнаго.

Писанная маслом картина без рамы, весьма сомнительных достоинств, изображение неба звезднаго.

Как Вы можете видеть, милостивый государь, я был более чем скромнен в своих притязаниях, учитывая причитающиеся мне суммы. Прочее же имущество покойнаго г-на Бушкова, как то: сундучок, носильныя вещи, оружие и проч., а также адресованное Вам письмо, переправляю к Вам с оказиею. Уж вы этим *venillez donner des ordress en consèquence**.

Вам, милостивый государь, должно быть, занимательно узнать, как настигла Вашего приятеля безвременная кончина? Произошло это прелюбопытнейшим образом! Известно ли Вам, что г-н Бушков был тяжело болен? Полковой лекарь полагал его болезнь неизлечимою. Однако же по осени произошло внезапное улучшение, кое искренне порадовало всех добрых приятелей г-на Бушкова, и меня в их числе, — всех, кроме самого предмета нашего беспокойства. Чудилось, смерть была бы для него желанною гостью, столь тяжело горевал он об своем выздоровлении. Он все дни просиживал запершись в своем номере, не предпринимая никакие столь необходимые самочувствию *parties plaisir***.

Судя по некоторым бессвязным репликам, кои пришло мне совершенно случайно слышать, исцеление свое г-н Бушков числил со времени посещения его скромнаго жилища неизвестною дамою. Иначе чем Клеопатрою несчастный ея не называл. Он уверял, что Клеопатра сия посетила его, сжалившись над безнадежностью его состояния, и ненужное ему спасение от смерти — единственная память об том свидании. «Дар жалости п презрения!» — восклицал бедный безумец, присовокупляя,

* Извольте соответственно распорядиться (*франц.*)

** Увеселительные прогулки (*франц.*)

что без раздумий готов вновь захворать, лишь бы сия Клеопатра воротилась к нему. Он молил Бога о возобновлении телесных страданий своих, чтобы дать исцеление душе, несчастный!

Здесь, сударь, я вынужден сделать следующее заявление. Никогда, ни при каких обстоятельствах ни одна особа, удостоенная столь помпезного прозвища, не осмелилась бы переступить порога принадлежащей мне гостиной. За нравственную физиогномию постояльцев моих я слежу сам, и с отменным усердием! Да и болезненное состояние г-на Бушкова не могло позволить ему входить в какие-либо сношения с особою противоположного пола, кроме платонических. Так что слова о Клеопатре следует отнести на счет бреда нашего страдальца.

И безумие онаго разрешилось воистину трагически. В студёный зимний вечер он исчез из своего номера незаметно для постороннего глаза. Его хватились лишь только наутро. Мы нашли его окоченелаго, в недвижимой позе, с поднятыми руками, напоминавшего закованное морозом дерево. За оное и принял слуга прапорщика в предрасветных сумерках своего господина!

Недолгое время несчастный еще дышал, спросил бумаги, чернил... Вскорости после того опочил, несвязно шепча что-то о Небесной реке, где купается его возлюбленная Клеопатра. Последними словами его были: «*Son idée... sans cesse!*...»

Прах Вашего приятеля покоится на N-ском кладбище. День погребения был студен и ветрен. Пороша тотчас накинула на свежий холмик белое покрывало.

Покорнейше прошу Вас, милостивый государь, коли будете Вы в наших местах, так непременно почтите своим присутствием гостиницу «Египет». По мере моих скромных возможностей, я всячески служу постояльцам моим, и ни в ком еще не встречал неудовольствия.

Остаюсь всегда готовый к услугам —

Викентий Можейка.

СТРЕЛЕЦ

— Стрелец, внимание. Через семь секунд начало. Приготовиться к выходу!

— Я — Стрелец. Спокойно. Не в первый раз.

— Мизансцены помнишь? Сперва гнетущее такое состояние...

— Отстань! Анита, готова?

— Да, дорогой.

— Тогда можно выходить.

— Еще секунда... Я — режиссер! Внимание всем... Трансляция!

— Есть трансляция!

Первый шаг в Сферу всегда заставляет сердце замереть. словно бы глядишь сквозь окно в черное беспредельное небо, и вот против твоих глаз возникает одна серебряная блеска... другая... третья...— и этот вихрь сияний, этот блаженный хоровод!

На микромониторе, вмонтированном в перстень, пошли титры. Стрелец промчался сквозь бурное пламя фона, невольно заслоняясь рукой. Волшебное ощущение свободы и одиночества: взошел на небеса, летишь между солнц, соединился с вихрем планет! Сфера открывалась ему, словно сердцевина необозримого цветка. Сладостное, дурманящее головокружение — чудилось, что это сверкающая воронка затягивает его в свои глубины непостижимым, непредставимым с Земли круговращением созвездий...

В этот миг кончились титры, и Стрелец словно бы ощутил на запястье, там, где браслет-передатчик, дрогнувшие пальцы Аниты: тандем «Супер-актер — дубль-транслятор» повел прямую передачу из Сферы Свободного Воображения, где начинало разворачиваться действие третьей части космической феерии под названием «Стрелец и Девять Солнц».

Шлем-страшила (браво, подумал Стрелец, откопал же сценарист названьище для суфлера!) порою начинал бубнить голосом режиссера, корректируя кадр. Надвинув забрало, Стрелец мчался по небесам, словно по степи, отмахивая шагами сотни и сотни световых лет. Вот уже и Лебедь медленно, не качнув крылом, воспарил над ним, и, подобная холодному голубому глазу, засветилась звезда Денеб. Вот Дракон обвил его стремительный путь своими тугими кольцами. Расстелились в беге Гончие Псы, и Стрельцу показалось мимолетно, будто они вот-вот вцепятся в длинный звездный хвост Большой Медведицы. Волопас проводил его печальным взором, не выпуская поводка, которым он обречен сдерживать прыть Гончих Псов. И, как всегда в начале трансляции из Сферы, пьянея от зрелища космических волшебств, начисто позабыв предписанное сценарием «гнетущее состояние», Стрелец словно бы ощутил счастливое замриание сердец тех, кто сейчас, оставаясь на Земле, видел

то же, что и он, чувствовал тот же восторг, что и он...

Но вот наконец впереди замерцало созвездие Девы, и Стрелец умерил свой невысказанный бег. Ведь именно в этом краю Вселенной и находилась, по сценарию, Планета Десяти Солнц.

Призрачное свечение сменилось жгучим светом костров. Чудилось, пламя солнц ревели!

С болью, мгновенно воспринятой Анитой и переданной на миллиарды телеэкранов Земли, Стрелец смотрел на приближающуюся планету, одновременно создавая ее образ в своем воображении — согласно сценарию. Вековая пустыня! Голый, залитый ослепительным светом шар. Не то что деревца — штриха тени нет на нем. Но все же планета была обитаема. Люди зарылись в землю, построили там селения, и многие поколения лелеяли жизнетворную мечту: уничтожить девять солнц. Тогда планета воскресла бы...

В предыдущей серии герою посчастливилось раздобыть в созвездии Стрелы молнии для лука-громобоя: единственное средство истребить яростные солнца. О, желание помочь собратьям по разуму, запертым в тесных подземельях, снедало сердце! Тетиву громобоя он натянул тогда же, в прошлом фильме, пока бежал по Млечному Пути от Кассиопеи до Орла. Лоб его под невидимой маской невольно покрылся потом при одном воспоминании, как же дьявольски трудно это было, и Стрелец знал, что сейчас покрылся испариной лоб Аниты, оцепеневшей в своем кресле-ретрансляторе, а на экранах появилось его сосредоточенное лицо...

Он потянул из-за спины колчан с молниеносными стрелами. Руки Аниты напряглись, передавая ощущение особой осторожности, с которой он брался за смертоносное оружие, и Стрелец мельком подумал: какая нелепость, что дублер-ретранслятор для него, мужчины, атлета, — тоненькая, бледная женщина! Конечно, такие случаи не редкость, ведь женщины куда восприимчивее, эмоциональнее, чем мужчины. Очень часто творческое содружество супер-актера или актрисы и их дублеров заканчивалось супружеством, тандем не распался и в реальной жизни, но Стрелец, хоть убей, не воспринимал Аниту как предмет пылкости. Анита это, похоже, знала и скрытно горевала, что для Стрельца она лишь двойник, второе «я», но не мужского, не женского, а словно бы среднего рода! Недаром же Стрелец категорически отказался, когда именно Аниту предложили ему для прообраза героини

сегодняшней серии, Светлой Девы. По сценарию она владычица одного из солнц, да и все они в конце концов окажутся разумными существами, и Стрельцу придется девять из них лишиться жизни, в том числе и Светлую Деву, чтобы вернуть жизнь планете... Актрису на роль Светлой Девы так и не нашли, привередливому Стрельцу теперь придется создавать во Вселенной выдуманный, призрачный образ. Он был уверен, что это не составит особого труда: всю ночь персональный сновидец навевал видения боттичеллиевых Граций, Венеры, Весны, даже Марии — с их устремленными в непостижимое лазурными взорами и золотыми вихрями кос. Лик Светлой Девы будет, наверное, напоминать эти лица...

Шлем-страшила кольнул в затылок: не отвлекайся!

И вовремя. Одно из солнц внезапно прокатилось по небу, подобно пылающему яйцу, а когда оно раскололось, огонь принял очертания Пламенеющего Кентавра. Высекая горячими копытами искры, тот поскакал на Стрельца. Так и не успев выстрелить, он выронил драгоценную стрелку и схватился за горло, пытаясь разомкнуть огненную петлю: Пламенный Кентавр захлестнул его жгучим арканом!

Лицо Аниты в студии исказилось, она поднесла руки к горлу: на экранах крупным планом бился-задыхался Стрелец, звенела тугая золотая нить аркана. Смертоносный, испепеляющий Кентавр все ближе подтягивал героя к себе...

— Терпеть! Еще терпеть! — кровожадно бормотал шлем-страшила голосом режиссера. Все плыло в глазах Стрельца, все плыло на экранах. — Сейчас, сейчас появится Небесная Колесница. Вот она!.. Эй, эй, Стрелец, брось свои штучки!

Понятное дело, режиссер не выносил, когда супер-актеры начинали нести отсебятину. Конечно, вдохновение, порыв, на то она и Сфера, но не до такой же степени!

Стрелец едва не захлебнулся вдохом, так внезапно лопнул туго натянутый солнечный аркан. Анита от изумления вжалась в спинку кресла-ретранслятора, а на экранах Земли золотую нить аркана перервала тень корабля — и заслонило солнце-Кентавра. Ну, это-то все было нормально, все по сценарию, только вот сам корабль...

Он пел!

Собственно, сначала это вообще был только звук, который постепенно становился видимым. Словно бы некий Голос плыл по небу, как по древнему, древнему морю,

воспевая себя — и с каждым словом обретая зримые черты. Стрелец готов был поклясться, что уже слышал эти слова — давно, может быть, даже в детстве. Уж конечно не из сценария знал он их, в сценарии Небесная Колесница Оруженосца имела совсем другой облик. Он же видел — как будто узнавал забытое! — вот что:

У того было у сокола у корабля
Вместо очей было вставлено
По дорогомю каменю, по яхонту;
Вместо бровей было прибivano
По черному соболю сибирскому;
Вместо уса было воткнуто
Два вострые ножа булатные;
Вместо ушей было воткнуто
Два вострые копыя мурзameцкие...
Нос, корма по-туриному,
Бока взведены по-звериному...

— Ну откуда здесь выходить Оруженосцу?! — провался вдруг сквозь дивный Голос негодующий вопрос режиссера. — И ты только посмотри, посмотри, что ты натворил! А сценарий, а все планы, значит, побоку?!

О нет... это натворил не Стрелец, не его своевольное воображение в контакте со Сферой! Тень Корабля-Сокола опутывала одно злобное солнце за другим, оставляя за кормой темное, благодатное, звездистое небо, овеявая свежестью планету-пустыню.

Что, смятенно думал Стрелец, что это может быть, господи? Стыковка параллельных трансляций исключена: телефирма, нарушившая основное условие пользования Сферой — строжайшее соблюдение эфирного времени, автоматически исключалась из числа совладельцев. Желающих рискнуть не находилось: выход из корпорации владения Сферой равносителен краху телефирмы. Ведь с ее открытием канули в прошлое кино и обычное телевидение. Разве что театр — балет, опера — мог еще с ней конкурировать. Живость, острота впечатлений и ощущений — вот чем «брала» Сфера. Однако свободные художники, одиночки, не участвуя в международной корпорации, проникнуть туда тоже не могли. Сферу охраняли строже, чем государственные банки. Слишком уж велика становилась в ней власть подсознания, парализующую силу обретала фантазия, вырвавшаяся на вольную волю и мгновенно создающая такие живые, такие реальные образы...

Но в ход феерии о Десяти Солнцах явно вмешалось чужое воображение, нарушив течение сценария! Что же теперь?!

Вдруг золотистые нити протянулись из корабля во все стороны. Стрелец отпрянул было, но сверкающая пряжа оплела его, словно паутина. Он заметался опять, заметалась в студии Анита.

— Хорошо, Стрелец, хорошо, больше жизни,— вновь сладострастно зазвенело в шлеме, но вдруг раздалось задушевное режиссерское «О-о!» — и Стрелец тоже увидел, что опутавшие его солнечные лучи — это пряди волос, которые заплетает солнечная дева, сидящая на самом краешке небесного яруса, принакрытого узорчатой парчой. Рядышком лежало веретено с куделью-облаком.

Дева, заплетая самосветными пальцами косу, вынула из-за пояса острый нож и начала выводить по небу невнятные черты и знаки.

Шлем-страшила молчал, Стрелец остолбенел от страха и восторга, и Анита оцепенела, а на мониторе-перстне и экранах Земли плыли чарующие нарезки, навевающие не то сон, не то страсть, не то тревогу сердечную.

— Руны? — завел режиссер.— Нет, иероглифы, о, смотрите! Опять руны? Цифры?!

Да, семь цифр проступили сквозь туман изумления: 147 52 04 — и окрасились, будто золотом, солнечными лучами.

— Стрелец! Ты что, умер там?! — кричал режиссер.— Экранное время истекает, а действие стоит. При чем тут цифры?! Это эклектика! Соблюдай хотя бы единую стилистику! Да что с тобой? Окликни ее!

Похоже, режиссер начал смиряться, что прежний сценарий полетел к чертям, и положился на разбушевавшееся воображение Стрельца — при своей корректировке, понятное дело.

— Ты только не отвлекайся теперь!

«Господи, да неужели я... неужели кто-то смог бы такое вообразить — и так вообразить! Да и на боттичеллиевых дев она похожа, как живой оригинал на неживую копию».

Стрелец все же приоткрыл пересохшие губы, чтобы позвать... Дева подняла на него синий хрустальный взор — словно бы влага воздушных токов коснулась его лица! От улыбки она стала совсем уж нестерпимо прекрасной — и спорхнула вдруг с края небес, взвилась ласточкой, чиркнула крылом по невидимому куполу Сферы,

зацвинькала — и, судя по стону, который испустил режиссер, Стрелец понял, что и сам не ослышался, что и впрямь прощebetала касатка на всю Сферу:

— *Son idée se retrance sans cesse!*..

Лук-громобой, завидев добычу, сам собой зарокотал, забился в руках Стрельца, но птицу заслонила волна Эридана. Зашипели брызги на яростных солнцах.

— Хорошо, хорошо, уж ты не промажь! — шипело и в ушах Стрельца. — Пауза затягивается! Подобьешь сначала ее — так даже душевнее. А Пламенного Кентавра уложишь в следующей серии.

Стрелец не шевельнулся. Пустить смертоносную стрелку в нее?! Прекратить эти приключения Вселенной, волшебю явившиеся ему? О чем, о чем эти чужие слова?!

— Анита! — чуть ли не взрыдал режиссер, почувявший сопротивление. — Это провал, чудовищный провал! Господи, спаси и помилуй!

И Анита, распрямившись в кресле-ретрансляторе, медленно повела руками, воспроизводя движения человека, натягивающего лук. Да, было такое право у режиссеров во время трансляции из Сферы: подчинять разбушавшееся воображение супер-актеров действиями дубль-трансляторов.

Светлая Дева тем временем утерла лицо облачком, выжала влагу и повесила облако сушить на рог дальнего полумесяца, подставила влажные волосы ветру, а потом, спохватившись, сняла с неба звездочку и застегнула ею мокрую рубаху на груди.

А руки Стрельца, помимо его желаяния, механически повторяли жесты Аниты. «Сфера, отпусти на волю!» — чуть не вскрикнул он, но не смог разжать губ. Лицо на экранах отражало мучительную душевную борьбу — это, пожалуй, было единственно понятным в буйстве событий, которые наблюдала чуть ли не вся Земля. И все-таки его воля оказалась крепче, он пересилил Аниту, не стиснул в пальцах молнию, не прозвенел звонкой тетивой! Напротив — сделал движение отбросить громобой...

Все плыло в его глазах от напряжения, и поэтому он не сразу заметил, что созвездие Персея, повинувшись мысленному послы ожесточившейся, отуманенной ревностью Аниты, оставило свое насиженное на небесах место и пошло к Стрельцу.

Замедлив бег крылатых сандалий, Персей резко повернул к усталому, почти обессиленному Стрельцу страш-

ную свою ношу, которую он крепко держал за пряди змееносных волос.

Голова Медузы Горгоны, покачиваясь в пространстве, обратила на Стрельца ядовитый взор.

Затмилась лучезарная Сфера! Одно, одно только теперь видел Стрелец — злобное сверканье звезд-глаз Медузы. Он хотел зажмуриться... не смог... оцепенели ресницы, веки, кровь, замирало сердце, засыпала воля... он чувствовал, что обращается в камень.

— Стоп, Анита! — донеслось как бы сквозь тяжелую мглу, и Персей исчез из Сферы вместе со своим ужасным орудием.

А Стрелец, еще не очнувшись от полусмертного сна, поднял руки, словно зачарованный, медленно, медленно вновь натянул тетиву громобоя... И вот уже распорол небо молниеносная стрелка, но Светлая Дева, нахмурясь, успела сорвать с небес одно из солнц и прикрыться им, как щитом.

Это было последнее, что увидел Стрелец, потому что прямо в лицо ему грянул залп огня!

Анита в студии страшно закричала. Режиссер оторвался от монитора и с ужасом уставился на нее. Лицо и руки Аниты были сплошь красными, словно обожженными!.. Страшное слово «катастрофа» зажглось и замигало в голове режиссера. Секунду он оставался неподвижен и безгласен, а затем впился в микрофон:

— «Скорую» в Сферу! Бригаду пожарных! Да помогите же им! О боже!..

В своем кресле исходила воплями Анита, а на экранах тонул в чудовищном костре Стрелец... Наконец пронесся запоздалый титр: *«Конец третьей серии»*. Заря на небе перегорела и угасла.

147 52 04

Послышался хрустальный звон, и больной открыл глаза. Матовый цветок у изголовья медленно наливался прохладным голубоватым сиянием. Голос, тоже чистый, хрустальный, произнес:

— Дорогой гость нашей лечебницы, как вы себя чувствуете? Может быть, вас что-то тревожит? Беспокоит? Раздражает?

— Нет, нет, спасибо, все очень хорошо, — торопливо обращаясь к цветку, ответил больной.

— В таком случае, не примете ли вы посетителя? — спросил голос.

— Что опять со студии? — упавшим тоном спросил больной, у которого тотчас появилось ощущение, будто его что-то тревожит, беспокоит и раздражает.

— Нет. Ваш посетитель — представитель Международной Дирекции Сферы Свободного Воображения.

— Международной Дирекции?! — невольно приподнялся больной. — Ну что же, прошу!

Через миг он с почтением взирал на очень загорелого немолодого человека, который, несмотря на бакенбарды изрядной пышности, походил на римского сенатора в своем белом просторном одеянии с золотым шитьем — форме высших чинов Сферы. Слегка улыбаясь, гость приветственно прижал руки к груди и сел возле ложа больного.

— Рад видеть вас почти здоровым, Стрелец. Вы, надеюсь, позволите называть себя так? Конечно, мне известно ваше настоящее имя, но для почитателей вашего таланта эта роль настолько сроднилась с вашим обликом, что...

— Ну, теперь я и сам не знаю, каков мой облик, — перебил Стрелец. — Зеркал мне не дают. Правда, постоянно уверяют, что все будет в порядке.

Посетитель, казалось, пытается проникнуть взглядом под целебную маску, покрывавшую лицо Стрельца.

— Кстати, вы знаете, что Анита уже вернулась домой? — спросил он, избегая дешевых утешений, и больной внезапно почувствовал, что успокаивается.

— Да, она заходила проститься. Слава богу, на ее лице ничего не заметно. По моей вине ей здорово досталось, но она не держит на меня зла.

— Вам обоим здорово досталось, — констатировал посетитель. — Но применимо ли тут слово «вина» — еще надлежит доказать.

— Вы, сударь, говорите как работник суда! — усмехнулся невесело Стрелец своему невольному каламбуру.

Его гость повел бровью:

— Честно говоря, почетным званием и элегантной формой представителя Международной Дирекции ССВ я воспользовался, чтобы проникнуть к вам, не вызвав излишнего беспокойства здешнего замечательного и сверхзаботливого персонала. Моя фамилия Булгарин, я магистр Юридического отдела Комитета по КВЦ... Вам известно, что такое КВЦ?

— Да, — не сразу ответил озадаченный Стрелец. —

Мне известно, что такое КВЦ. Мне только неизвестно было, что существует Комитет, а при нем вдобавок есть Юридический отдел.

— Ну, при встрече двух высоких сторон надо сразу же соблюсти необходимые формальности,— невозмутимо ответил магистр Булгарин, слегка поклонившись.

— Конечно,— подхватил обиженный мистификацией Стрелец,— контактов с внеземными цивилизациями пока не было, правда, и вроде не предвидится, но юридической соломки лучше заранее подстелить, не так ли? — Он совсем было развеселился, как вдруг до него дошло, наконец: — О господи, простите, сударь... значит, вы полагаете, эта фантазмагория в Сфере... контакт?

Булгарин энергично кивнул, но ответил осторожно:

— Не исключено. Правда, существует и аварийная, так сказать, версия: материализованное воображение вышло из-под контроля. Мы ведь совсем мало знаем Сферу, хотя используем ее возможности, что называется, и в хвост и в гриву.

— Да... а я-то принял Деву сначала за один из образов, населяющих Сферу. Она не подчинялась игре воображения... Может быть, она и есть владычица Сферы?

— Едва ли. Иначе Персей не повиновался бы Аните, ведь, вынуждая вас выстрелить в Деву, он действовал против этой *la belle dame sans merci*.

— Что вы сказали? — встрепенулся Стрелец.

— Прекрасная дама без пощады,— перевел Булгарин.— Выражение времен безупречного рыцарства! Держу пари, я знаю, почему вы зацепились за эти слова, сударь!

Стрелец молчал.

— *Son idée se retrance sans cesse!* — медленно произнес Булгарин, и занебесная ласточка мелькнула в памяти Стрельца.— Что означает: «Сей образ витает там непрестанно!» Странно прозвучала эта изысканная фраза в небесах, в царстве вихрей и молний!

— Да уж, все в этой истории невыразимо странно, однако эти слова воистину поразительны. И цифры! Неужто у них, кто бы то ни был, такое же начертание цифр, как у нас? Может ли это быть? И что зашифровано в них?

— Это может быть что угодно,— пожал плечами Булгарин.— Скажем, случайный набор знаков — как символ того, что им известна наша цифровая система. Вообще иллюзия. Сфера на многое способна. И еще это похоже

на какой-то определенный номер — телефона, к примеру.

— Номер телефона?! — изумился Стрелец.— Да разве у телефонов бывают номера? Кроме нуля, понятное дело.

Булгарину, чудилось, доставило удовольствие его искреннее недоумение.

— Это нынче у телефонов нет номеров, потому что все абоненты с рождения подключаются к Единой Телепатической Системе. Стоит взять аппарат и вызвать в воображении образ человека, с которым нужно связаться, как срабатывает код ЕТС — и пожалуйста, обращайтесь! Необходима беседа с организацией или неизвестным вам человеком — вызываете через ноль справочную, и вас соединяют с кем угодно. Но суть в том, что, к примеру, в XX и XXI веках были совсем иные аппараты — и самые разнообразные телефонные номера. В прошлом веке номера были уже десятизначными...

— Ничего себе! — присвистнул Стрелец.— Значит, если это номер телефона — то из XX века, поскольку семизначный?

— Точнее, из последней его трети. Наша служба, кстати сказать, запросила из Института Времени,— тут Булгарин улыбнулся не без ехидства,— соответствующую информацию по так называемым телефонным справочникам. И вот что выяснилось: в девяностые годы позапрошлого столетия подобные номера встречались в Москве, Ленинграде, Киеве... Но особенно заинтересовал нас номер 147-52-04, зарегистрированный в Обимурске. Принадлежал он редакции самого первого в стране журнала «Фантастика», выходявшего в те годы.

— Вот именно, фантастика! — пытаюсь разогнать какое-то мистическое напряжение, охватившее его, отмахнулся Стрелец.— Чтобы она, призрак небесный... называла, да что! — вырезала на небосклоне!.. какой-то реликтовый номер телефона — это, знаете, как-то... что-то...

— Не то? — спросил Булгарин.— Фантастика?

— Фантастика! — с жаром повторил Стрелец.— Такое только в Сфере и возможно.

— Вы затронули самые чувствительные струны моей души, сударь,— торжественно заявил его гость.— Видите ли, в одной из ветвей моего рода был некий человек... Ничего не напоминает вам моя фамилия?

Стрелец пожал плечами.

— Современник Пушкина,— продолжал гость.— Фигура неоднозначная, противоречивая, ни современниками,

ни потомками далеко не оцененная, однако ж при том один из первых русских писателей-фантастов. Правда, последующим поколениям почему-то вменялось в добродетель знать иные его произведения...— При новом, еще более сконфуженном, пожатии плеч гость отступился: — Впрочем, не в нем дело! А в том, что невероятность происшедшего нашло в моем сердце самый горячий отклик. Именно потому стою на своем: прекрасная дама вырезала на небесах номер телефона, дорогой мой Стрелец. И скорее всего, тот самый, фантастическо-обимурский. Взгляните сюда.

Он вынул из складок своих просторных белых одеяний мутно-синий квадратик микрофильма.

— У вас тут, конечно, есть теле-очки? А, вот они. Как, хорошо настроены? Эффект присутствия отрегулирован? Обычно в казенных телевизках страдает цветоотделение, однако тут дело не в цвете, вам главное — в ситуации разобраться. Имейте в виду, справа идет текстовая дорожка, если что-то будет непонятно, можно остановить кадр и прочесть пояснения. А они, думаю, потребуются — картинка фантазмагорическая, я не раз ею наслаждался, однако и сейчас не упущу случая, — приговаривал он, заправляя пленку, помогая Стрельцу надеть теле-очки и примеряя запаралеленное видеоустройство. — Я вот тут, в кресле посижу, а вы запускайте, запускайте изображение!..

КОНИ ЗЛАТЫЕ

Картинка оказалась четкой, цвета насыщенными, несмотря на опасения Булгарина. Перед глазами Стрельца появилась, судя по всему, журнальная страница с крупным заголовком: «СФЕРА ТАИНСТВЕННОГО». Далее было набрано помельче: «Кони... за облаками?» И следовал текст:

«Сегодня гостями нашей рубрики стали летчики-испытатели — люди необычной профессии, первооткрыватели небесных дорог, как говорится. Мало кто из нас в силах вообразить тот невероятный, фантастический мир, который открывается взору пилота, когда он на своем сверхзвуковом самолете поднимается в запредельные выси и видит красоту вечного неба...»

Стрелец обратил внимание, что страница имела за-

метный желтоватый оттенок, шрифт — непривычные начертания. Да еще это доисторическое название — «сверхзвуковой самолет»... Очевидно, страница из старинного журнала, возможно, той же поры, что и загадочный номер телефона.

Тем временем теле-очки начали переводить текст в изображение, и Стрелец увидел двух пилотов в гермошлемах и комбинезонах под прозрачным фонарем крючконосого, подобного хищной птице, самолета. Он уж знал, что фамилии их Ишкин и Алов, летели они на спарке, потому что Алов являлся инструктором, а Ишкин должен был под его присмотром выполнить программу ночного полета. Впрочем, все это были сведения, не имеющие отношения к действию, а пока Стрелец словно бы сделался неосязаемым третьим в двухместной кабине.

Поглядев вниз, на стремительно уходящую Землю, он увидел, что из-за облаков вышла луна — и сразу сдернула черное бархатное покрывало, все тихо засияло. Темная грива тайги раскинулась вдоль гладкой, словно бы расплавленным серебром наполненной реки.

Но вот самолет круто пошел ввысь. Многоокое небо смотрело в лицо Стрельцу. Звездисто было, как только бывает сентябрьскими ночами над Обимуром. Самолет двигался на восток, навстречу утру, и линию горизонта вдруг кто-то прочертил необычайно тонкой золотой линией. Там поднималось солнце.

Сладостное оцепенение прервалось восклицанием Ишкина. Позади него стонал от изумления Алов.

Золотое лезвие рассвета, чудилось, просекло насквозь купол ночи. Словно бы там, за черным, непроницаемым пологом, клубился густой туман, дотоле сокровенный от взоров людей. И вот сейчас туман этот, подобный белому яблоневому цветению, медленно, но неостановимо проникнул в узкую светящуюся щель.

Неподвижные и незаходимые звезды стали вокруг самолета — круговращение небес как бы замедлилось. Мотор работал, но и оба пилота и Стрелец вместе с ними чувяли, что все замерло в эти мгновения — все, кроме движения белого, белоснежного тумана.

Уже весь ночной шатер заполонила легкая дымка, когда Ишкин и Алов вдруг заметили, что светлая черта расширяется, а туман вокруг нее сгущается, все более насыщаясь огнистым сиянием.

То ли крылья свои распростерла птица златоперая? То ли солнечная река гонит волны за край небес? То ли

Вселенская Осень вызвала листопад во всех звездных садах разом?

Нет, нет, круче туманные клубы, четче очертания... Золотая грива плещется, в кольца свивается, золотистая шея, словно тугой лук, изогнута, горят жаркие глаза, искры-звезды разлетаются из-под копыт двух коней расцветных, что пустились вскачь по небесному, вмиг посветлевшему полю, по синим его волнам. И вьется вокруг них непредставимый в этих заоблачных высях ветер — стремительный, шумящий, порывистый ветер, третий соперник в зазвездной скачке.

Нет, нет, не мешал ветер — он бушевал как рать в поле бранном, но не мешал протяжным прыжкам, и касаньям, и столкновеньям, и сплетеньям двух золотых облачных коней, увлеченных игрою любовной.

Ушли давно звезды, сокрылись, словно потревоженные звери-зверяницы, а кони то смыкали грудь с грудью, то возносились в немыслимые выси, вновь низвергались оттуда каскадами ослепительных прыжков, свивали волнистые хвосты и гривы, так что чудилось, это две высоты небесные сходились в жаркой схватке — смертной ли, жизнетворящей ли, — и колебались своды Вселенские этим буйным сладострастием!

Но странные, хлюпающие звуки грубо вторглись в восторженное созерцание Стрельца. Это Алов хихикал, и Стрельцову почудилось, что, хоть и разделяет Алова и Ишкина перегородка, инструктор подталкивает в бок своего подопечного, тыча при этом пальцем в дивные картины.

Ветер Вселенский бил, речи пакостные уносил, однако же разобрал Стрелец, что Алов подбивает Ишкина позабавиться, бросить хищную машину на самозабвенную пару в самый миг божественного слияния — и разогнать, испугать, помешать, запакостить!..

И кинулся сверхзвуковик вперед, ревом своим разрывая небесные своды.

Нет, нет, Стрелец ничего не мог сделать, ничем не мог помешать похабному замыслу, однако почему же на миг почудилось ему, будто это он вцепился в штурвал и заставил, всей своей страстью заставил злую машину стоять?.. Но уже через секунду он увидел светоперстую длань, застывшую на пути самолета в преграждающем жесте, а когда, визжа и дрожа, он замер, укрощенный, словно стала на его пути налитая огнем молния, та же сияющая рука стремительным движением опутала его

длинной тенью. И голос — чистый, звенящий женский голос — страстно и яростно проговорил-пропел:

— Завяжу я по пяти узлов всякому стрелку немирному-коварному на пищалях, луках и всяком оружии ратном! Вы, узлы, заградите стрелкам все пути и дороги, опутайте все луки, повяжите все оружия ратные! В моих узлах сила могуча, сила могуча сокрыта от змея летучего, гремучего, чадающего, хищноклювого, от того змея страшного!..

И спиралью завилась вóкруг самолета фиолетово-черные, мрачные и пустые небеса, и вошел он в чудовищный, воющий штопор, и только жалкий визг, визг в два голоса изредка доносился до слуха Стрельца — визг мокрых от ужаса Алова да Ишкина...

Черная строчка затемнила изображение:

«На высоте порядка двенадцати километров самолет потерял управление, но экипажу удалось-таки посадить сложнейшую машину на опушку леса!»

Самолет ударился о землю так, что фонарь Алова заклинило, и Ишкин долго, потея и бранясь, вытягивал в узкую щель квадратное туловище инструктора. Стрелец наблюдал за ними, понимая, как, впрочем, понимали и они, что никакой самолет, ни при каких обстоятельствах не смог бы выйти из такого штопора, сесть вне аэродрома, уцелеть, и люди не смогли бы выжить — а поди ты, и самолет цел почти, и сами невредимы, только страшная усталость разрывает мышцы — и щеки горят, словно неведомо кто вlepил каждому по паре пощечин, да со всего плеча, да от всей души!..

Пока Ишкин и Алов возились, Стрелец успел оглядеться. С трех сторон стояла тайга, а с четвертой лежал Обимур. Здесь утро еще только начиналось, и вдали, на противоположном берегу, ослепительно сиял сквозь редкую завесу тумана храм на крутом берегу, словно сверкающий призрак, прихоть солнечных лучей...

— Чегой-то, соколики, с вашим ковром-самолетом сподеемся? — встрял в тишину дребезжащий голос.

Ишкин, Алов и Стрелец разом обернулись. Сгорбленная старушонка в ветхой одежонке, глухо укутанная в платок, легонько похлопывала пучком колосьев по тугим бокам рыжую коровку. На шее коровушки висела веревка с причудливо навязанными на ней узлами.

Долгое, долгое молчание царило на опушке, пока лет-

чики и Стрелец мерили взорами то узлы на шее коровы, то узлы на просмоленных к а н а т а х, опутавших воткнутый в землю самолет.

— Что это? — наконец очнулся от немоты Ишкин и ткнул пальцем в шею буренки. Та брезгливо отшатнулась.

— А вязло это, соколики,— прошамкала старуха.— Вязло, чтоб хворь, аль призор, аль сила нечистая не пристали к моей красавушке. Вам-то кто, скажи на милость, на леталку наузы навязал? За какой же это грех?

— Наузы? — повторили Ишкин и Алов.

— Наузы. Узлы чародейные. Злую силу они обессиливают... А, так не вы ли это давеча на пастбищах небесных вознамерились гонять коней золотых, заоблачных, когда слюбились они? — Голос старухи позвончел.— Вон тех чудесных коней?

— О!.. Гляди-и-и! — хором взвизгнули Ишкин и Алов, разом ткнув друг друга локтями в бока: — Они! Они, с-су-у...

Стремительным скоком выметнулась из солнечных лучей огнегривая кобылица и понеслась по-над Обимуром, кося горячим глазом на златоногого жеребца, легко и весело ее настигавшего. Но почудилось Стрельцу, что они бесплотны, пронизал он их взглядом, будто призрак реального.

Разом сорвали Ишкин и Алов с поясов пистолеты, но тут старуха повела руками, будто накидывала на них что-то... и два облезлых козла, истерически мемекая, забегали вокруг отлетавшей свое машины, пробуя крепость рогов то на ней, то на боках «боевого товарища». Старушонка же молодо распрямилась, рассмеялась серебряным смехом — да и сгнула, как не было ее! Сгнула в тот же миг и гладкая буренка, и кони злотоогненные развеялись вместе с ветром буйным, а перед глазами Стрельца вновь побежали, как жучки, черненькие строчки:

«Мы воздержимся от комментирования этих событий. Не станем разрушать таинственности случившегося! Для спокойствия наших читателей сообщаем лишь, что доблестные покорители небес вновь приняли человеческий облик через недолгое время. История их метаморфоз стала достоянием гласности также очень скоро... когда одному из действующих лиц захотелось произвести впечатле-

ние на некую особу противоположного пола. От нее мы и узнали эту историю. Кто-то сочтет ее ложью, кто-то — еще одной приметой Неведомого, зачастую близко, почти вплотную примыкающего к Привычному... Во всяком случае, наша «Сфера таинственного» ждет ваших новых рассказов! Телефон для справок 147-52-04.

Рубрику «СТ» вел Григорий Лучников.»

БРАСЛЕТ С ИЗУМРУДОМ

Стрелец снял теле-очки — и стерильный, бледно-голубой мир лечебницы показался ему вдруг таким безликим, скучным — до тошноты! — после сине-золотого сверканья, что он чуть не застонал.

Булгарин сидел в своем кресле, потирая усталые веки, но внезапно Стрелец заметил, что гость исподтишка наблюдает за ним.

— Пожалуй, я ошибся,— сказал Булгарин как ни в чем не бывало, поймав взгляд Стрельца.— Краски имели тут не последнее значение.

— Зачем вы мне это показали? — спросил Стрелец, может быть, излишне резко.

Булгарин помолчал.

— А то вы не догадались!

Теперь на некоторое время замолк Стрелец.

— Кажется, начинаю догадываться. Номер телефона... я уже начал привыкать к этому нелепому словосочетанию... который обозначен в конце статьи,— **тот же самый** номер! И вы полагаете, что он не случайно был явлен именно мне?

— Полагаю, что так.

— А почему?

Булгарин обезоруженно развел руками:

— Узнать можно только с вашей помощью.

— Это как же? — озадачился Стрелец.

— Если согласны, можете совершить небольшое путешествие и все выяснить доподлинно.

— Куда это? Какое путешествие?

— Да в Прошлое.

На секунду Стрельцу показалось, что он участвует в третьесортном фантастическом сериале. Он усмехнулся, чувствуя неловкость за Булгарина:

— Эка вы... без предисловий, ба-бах — и в Прошлое. Легко ли?

Булгарин ответил на его усмешку холодноватым мерцанием своих непроницаемых глаз:

— Зачем же нам разворачивать дешевые диалоги? Слава богу, в наш-то век люди могут позволить себе роскошь понимать друг друга с полуслова! Впрочем, ежели желаете, могу провести убедительную беседу с вами. Это тем более легко, что каждое ваше душевное движение, сударь, мне ясно и понятно. Вы не смогли уничтожить Светлую Деву — вас вынудили стрелять. Вы не исполнены жажды мести к пришельце. Прекрасно понимаете, что залп огня — лишь естественная защитная реакция с ее стороны. Теперь: вы безотрывно — и сочувственно, я наблюдал, — следили за игрой коней золотых... Душа ваша готова отозвать на зов Неведомого! Человеку уровня этих «покорителей голубых дорог», как говаривали два века назад, даже уровня вашего режиссера я не рискнул бы предложить путешествие во Времени. Да и не смог бы: ведь не им были явлены знаки... А вы, конечно, заметили в этой картинке, — он кивнул на мутно-синий квадратик, — еще кое-что знакомое кроме знаменитого номера?

— Да. Руку, — тотчас отозвался Стрелец. — Ту ладонь, что остановила самолет Ишкина и Алова, или как их там, этих нечестивцев... И голос, голос! Я б его и сквозь сон узнал!

Он опомнился, отнял ладони от груди. Булгарин смотрел на него странно внимательно:

— Да. Я понимаю! Ведь этот же голос пел о корабле Соловья Будимеровича.

— Какого еще Соловья?

— Героя древнерусских былин киевского цикла. Корабль «инопланетянки» распевал слова одной такой былины. Да, наша гостья небесная или даже занебесная весьма искушена в земной лексике и фразеологии. А ее наряд? А прялка, кудель — облачная, но кудель? А нож, которым она резала небесные руны, подобно скандинавской валькирии? А эта фраза — изысканная, я бы сказал, салонная? Похоже, были, были уже встречи... Или хотя бы попытки их. Нам оставшиеся неизвестными! Но, согласитесь, все эти приметы не могут быть зацепками — кроме номера телефона. В самом деле, по нескольким французским словам не определишь, кто обучил языку нашу межпланетную странницу. Поэтому только в одном существует хотя бы небольшая вероятность попадания в очко: 90-е годы позапрошлого века, Обимурск, Лучников

из редакции журнала «Фантастика». И ведет-то он «Сферу таинственного»! А? Дивное совпадение!

— Знаете, я в это не верю! — отмахнулся Стрелец. — Все это фарс какой-то. Вы предлагаете мне путешествие в никуда, в пустоту, за ничем. Все мертво там давно, что было. Я не верю, что прах мыслей и пепел чувств можно воскресить ради праздного любопытства.

— Я понимаю, что именно тяготит ваше воображение. — Булгарин быстро прошелся по палате, и Стрелец наконец-то понял, что гость его тоже крайне взволнован. — Поверьте, не в праздном любопытстве дело. Впервые за всю историю планеты есть такой явный намек на Контакт. И не просто с Внеземельем, а с Внеземельем потусторонним, сказал бы я... А что касается в «никуда» и за «ничем»... Признавая существование ничто, мы скорее признаем существование не что. Ведь если ничто есть, оно уже наполнено каким-нибудь содержанием, верно? Оно уже не ничто! Поверьте, нет ничего на свете, что исчезло бы без следа, не оставив его на месте своего исчезновения, за тысячу ли световых лет от него... или через два-три века после.

— Вы хотите сказать... сакраментальная фраза, мол, прошлое всегда рядом с нами...

— Да. Оно витает вокруг нас, оно пронизывает воздух, которым мы дышим. Ведомо ли вам дурманящее ощущение узнавания незнакомого, чувство, будто с вами уже происходило то или иное событие? Весь опыт наших предков смыкается вокруг нас в особых, жизненно важных, ситуациях — и либо предостерегает, либо манит, либо гасит наши стремления. Объективно, вне нашего сознания и вне сознания персонажей, задействованных в том или ином миге прошлого, эти **искры минувшего** — назовем их так — постоянно вспыхивают в одних и тех же точках Пространства, в зависимости от того, какая **Вселенская Идея** владеет в данное время этим Пространством и что там вершится. И если бы вы могли сейчас взглянуть на некоторые приборы — есть такие! — вы бы поразились концентрации этих искр здесь, сейчас! Все события, происходившие когда-либо на Земле или во Внеземелье в связи с явлениями нашей солнцеликой Брунгильды, незримо вьются вокруг нас, зовут, манят, обещают открыть свои тайны! Они трепещут, ждут нашего внимания, которое вернет им жизнь.

— Что, прямо вот здесь? — недоверчиво спросил Стрелец, окидывая взглядом голубые, холодно-прозрачные

стены палаты. Чудилось, он лежит под ледяным куполом. Это ослабляло жар, утишало боль ожогов.

— Да. И вы сможете это увидеть сами.

— Когда же? — сказал Стрелец, и ему показалось, что он стремглав бросился куда-то.

— А когда вы будете готовы? — так же быстро спросил Булгарин.

— Врач сказал — маску снимут через три дня. Но ведь это, наверное, требует особой подготовки — в Прш-лое-то... Удастся ли мне... — И Стрельцу почудилось, будто он торопливо попятился куда-то прочь от Булгарина, но тот как бы ничего не заметил:

— Лабиринты Времени причудливы, бесспорно! — успокаивающе кивнул он. — Множество дверей засверкает пред вами манящими огнями, однако тут поможет наш компас. Он будет контролировать направленный хронопрокол и охранять вас от соблазнов, так сказать. — Булгарин защелкнул на запястье Стрельца узкий браслет. — Вам не привыкать носить транслятор, так что, думаю, и с этим освоитесь, он гораздо легче. Сигнал опасности — даже потенциальной — нагревание, мигание глазка. Через три дня по нашей команде задействуете вот эту микроклавишу, — он слегка коснулся тщательно отшлифованного изумруда, почти сливавшегося с поверхностью браслета, — пуск!... И Хронолабиринты откроются вам. Постараемся, чтобы опасности обошли вас, однако страстями минувшего готовьтесь насладиться с лихвой.

— Страстями? — переспросил Стрелец. — В смысле...

— В том смысле, что претерпеть душе много придется, — отозвался Булгарин. — Проникнуться радостями и печальями иного Времени.

И только тут Стрелец спохватился:

— А скажите... С каких пор магистры Юридических отделов, пусть даже и Комитета по КВЦ, вправе делать такие предложения?

— Они, может, и не вправе, — кивнул Булгарин. — А вот высшие чины Института Времени... Кстати, форму ваши телевизионщики у нас, извините за выражение, содрали. Правда, эмблему не переняли — и на том спасибо. У нас на левой стороне груди, видите, золотом вышито изображение Солнечных Часов — было в древности такое созвездие на астрономических картах. Хотел бы я знать, чье время, золотое, медовое, они отмеряли?

— Погодите! — воззвал Стрелец. — Какое медовое время? Какой Институт? Так вы не...

— Да, сударь мой, уж простите меня, ради бога, еще раз. Я ведь в действительности заведующий лабораторией НПВ в вышеозначенном институте. НПВ на нашем жаргоне означает «направленный прокол времени». Прошу прощения за комедианство: люблю, грешник, менять личины, а пуще всего в том причина моего притворства, что хотел к вам получше присмотреться.

— Ну и ну! — дернул плечом Стрелец. — Не представитель Международной Дирекции, не магистр, не Булгарин, по-видимому?

— Нет, отчего же, Булгарин, точно. И именно я буду обеспечивать ваше возвращение в случае утери браслета или каких-то неожиданностей, вести вас по запутанным Хроносом путям!..

ЛАБИРИНТЫ ВРЕМЕНИ

...знамения много на небеси. Ночью потече небо все, и бысть червлено, яко кровь, и мнози видеша течение звездное на небеси, и отторгахуся звезды от небеси на землю...

Ударило по глазам, и мгновенно пропало ощущение начала пути, ибо путь казался бесконечен, а значит, не имел и начала.

А пред взором лежат четыре страны света: на юге — красная, на востоке — зеленая, на севере — черная, на западе — белая, и там, на западе, виднеются Зыбучие пески и Мертвая вода, а в самом центре мироздания земля желтая, и посреди желто-солнечного круга вздымается к небу гигантская шелковица Фусан, по ветвям которой порхают-перескакивают золотые птицы-солнца, поочередно возвещая рассвет своим пением.

Вцепился испуганно в запястье — скользит под пальцами чудодейный изумруд, словно некая нить скользит под пальцами, ведет...

Лик небес затаенно глядит с высоты. Полуночные звезды уходят, звезды утренние приходят. Ветер, ветер разметал их? Ночь крутит над головой широким подолом, путает узоры!

Не думаю, сударь, что тот, к кому вы идете, разрешит наши недоумения. Задача-то ваша чисто разведывательная.

Птица с головой человеческой — чья-то сгибающая жизнь! — парила впереди в бесконечном коридоре, что вел мимо огненных, запертых дверей, некоторые из коих вдруг распахивались, являя вспышки чужой...

Чтобы не тратить времени на разъяснения, функцию гипноубеждения тоже возьмет на себя браслет.

Из мирно спящих бровей колдуньи вылетела бабочка-душа и вострепетала в бездны.

Только сигнал браслета будет знаком остановки. Все остальное лишь призраки.

...балки, кирпичи, серебристое мерцанье ткани сквозь крошево...

Не ведаю, сколько времени минуло, вижу лишь — облака и воды беспрерывно куда-то текут. И дрожкой дрожу, и силы не стягаются дальше идти, и нить печали трепещет в пальцах, словно нить жизни моей, манит, зовет...

Кошка сидела в сугробе, и от слез ее плавилась в небесах радуга зимняя, никем и никогда не виданная.

...семнадцати — двадцати... идентифицировать не удалось... просьба сообщить...

Колесницу света влекли за собой крылатые существа: только блеск множества глаз и взмахи сверкающих крыльев видны.

Следим за вами, помните это и ни о чем не волнуйтесь. При самомалейшей угрозе...

Сколько же, сколько еще блуждать среди водопада картин и звуков?!

Драконы и фениксы.

«Смазливые тени».

Могучие горы полны сиянием твоим, среди всех богов Вселенной никто не превосходит тебя!

И наконец синяя ваза с изображением белого дракона ударилась о твердь и разбилась.

Изумруд на запястье мягко засветился. Лабиринт был пройден. Дверь открылась...

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

...и Стрелец осознал себя среди каменных громад, в грохоте и копоти. Низко нависало мутное небо, липли к лицу мелкие снежинки. Мимо, словно подхваченные вихрем, летели люди, и лиц не мог разобрать Стрелец в нагроможденьи тяжелых одежд. Чудилось, он наблюдал коловращенье вещей. Ветви деревьев были срублены до основания, и голые стволы мрачно стерегли улицу.

Страшен и чужд показался Стрельцу год 90-й десятого века второго тысячелетия! Страшен и чужд, словно продолжение только что пройденного им Лабиринта, словно вместо выхода нашел он пасть Минотавра!.. Но

светился на запястье изумрудный глазок, успокаивая, и, собрав все силы, которые были так внезапно утрачены, словно и впрямь разбились на осколки, Стрелец обреченно шагнул к темному зданию со множеством табличек у двери. Едва ли Булгарин, даже если и впрямь следит за ним, воспримет как «самомалейшую угрозу» эту тягучую тоску, полонившую сердце, а значит, надо продолжать то, за чем пришел сюда.

Через десять минут Стрелец вновь стоял на том же месте, уже побывав в редакции и узнав, что Лучников вообще-то в штате журнала «Фантастика» не состоит — просто иллюстрирует и ведет рубрику «Сфера таинственного», так что застать его здесь, в редакции, сложно. Тем более, что он давно гриппует.

Благодаря браслету ли, приветливости ли пожилой дамы, беседовавшей со Стрельцом, но вышел он из «Фантастики», зная адрес Лучникова, описание пути до его дома и даже неся некоторую бодрость в душе. Похоже, браслет и впрямь обладал даром гипнотическим, потому что облик и одежда Стрельца, разительно отличавшиеся от облика и одежд встречных-поперечных, внимания ничего не привлекали, никто на Стрельца с изумлением не пялился, а впрочем, взоры прохожих вообще были невидящи, лица отрешенны...

Вместе со спокойствием пришло любопытство, и Стрелец даже не заметил долгого пути к дому Лучникова. Браслет посылал сигналы, которые вели его нужным путем, подсказывали, когда отдавать дань множеству условностей, принятых в этом мире. Наконец железно дребезжащая рогатая будка на колесах извергла Стрельца из недр своих на узкую улицу с приземистыми домами, и, сверившись с полученным адресом, он вошел в затхлый подъезд, поднялся по крутой лестнице и осторожно прикоснулся пальцем к кнопке над дверью с номером 20.

Что-то было во всем этом, на мгновенье ужаснувшее его: темнота, двери с номером... где-то читал о застенках, пытках...

Мысли его прервала женщина, открывшая дверь, — черноволосая, смуглая, яркая: у нее были необычайно румяные щеки. Выражение лица ее казалось одновременно надменным и встревоженным. И Стрелец увидел с изумлением, что огонек настороженности в ее глазах не угас, несмотря на всю силу браслета.

— Мне нужен Лучников, — с запинкой выговорил

Стрелец, еле удержав готовое сорваться с уст привычное «сударыня». Булгарин специально инструктировал его насчет этого обращения и божбы, не популярных в эту эпоху.

— Его нет,— быстро и очень тихо ответила женщина, наклоня голову и глядя на Стрельцова исподлобья, отчего ее темные глаза скрылись в тени, а белки блеснули. Было в этом что-то неприятное, даже угрожающее.

— Я слышал, что он болен,— растерялся Стрелец,— но я пришел... приехал издалека.

— Болен,— кивнула женщина, то есть даже не кивнула, а как-то отмахнула головой, и Стрелец увидел, что этим движением она пыталась стряхнуть слезинки с ресниц, но одна скатилась все-таки, и Стрельцу почудилось, будто она тотчас испарилась с этой раскаленной румянцем щеки.— Что же, что издалека,— сказала женщина сдавленным голосом, словно у нее дыхание пресеклось при одном только взгляде на Стрельца.— Приехали — и уедете.

Он даже попятился.

— Если Лучникова нет, я зайду попозже, суда...

— Не знаю, будет ли он позже,— отрезала женщина, слегка нажимая дверью на плечо Стрельца, словно хотела побыстрее выдвинуть его из дома.

В это мгновенье резко повеяло сквозняком, пролетел холодный ветерок, и в дверях, ведущих в комнаты, появился высокий человек в темно-серой одежде.

Лицо его выражало удивление, однако Стрельцу показалось, что с большим недоумением, чем на неожиданного гостя, хозяин смотрел на стремительно обернувшуюся к нему женщину, словно был озадачен ее присутствием в своем доме.

— Это опять ты, Анна? — спросил он недоверчиво, щурясь в полутьму коридора.

Женщина молчала.

— Ну что же... Да, а я что-то замерз сегодня, зашел погреться,— как-то непонятно сказал хозяин и улыбнулся Стрельцу.— Вы ко мне? Из редакции небось направили? У вас материал для «Сферы»?

Стрелец невольно вздрогнул при этом слове.

— Поболеть не дадут спокойно,— сказала с ненавистью Анна.

— Ничего, проходите, проходите. Я уж утомился один да один,— говорил Лучников, делая Стрельцу приглашающие жесты.

Наконец Анна посторонилась.

— Пройдите! — приказала она, и Стрелец ощутил, что взгляд ее упирается ему в спину, будто дуло огнестрела. Он с облегчением перевел дух, когда дверь за ним закрылась.

Первой мыслью его было: «Немудрено заболеть! Какая сырость, холод!» — а потом он забыл обо всем.

Стрелец оказался в высокой просторной комнате, увешанной множеством картин. Зрелище это захватило его с первого же мгновения. Он так и замер, ведь на большинстве их был запечатлен не беспечный щебет земной красоты, а мир Космоса. О нет, это был не тот Космос, который видим только астронавтами и полонил воображение большинства землян: чудовищная и манящая бездна с вкраплениями яростных солнц и межзвездными провалами — бездонными до замирания сердца, головокружения. Холод, одиночество... Нет, здесь была сверкающая, многоцветная Вселенная — обиталище богов бессмертных! — вся перевитая золотом-серебром созвездий, подобная той Вселенной, которая раньше открывалась Стрельцу только в Сфере!

Он словно бы вернулся в родимый дом... протянул руки к стене — и спохватился, заметив взгляд Лучникова.

— Если бы светила небесные не сияли постоянно над нашими головами, а могли быть видимыми с одного какого-нибудь места на Земле, то люди целыми толпами ходили бы туда, чтобы созерцать чудеса неба и любоваться ими... — медленно произнес Лучников, обводя картины широким жестом.

Стрелец улыбнулся:

— Вот уж точно сказано! А кто же написал эти картины?

— Слова принадлежат Сенеке. Картины — мои.

— Да: ведь вы художник, — вспомнил Стрелец сказанное ему в редакции.

Лучников молчал. Он стоял в свободном простенке у самого окна, чуть касаясь затылком тяжелой серебристой шторы, и от этого тусклого полусвета его русые волосы казались подернутыми сединой. Лицо померкло. Теперь он показался Стрельцу постаревшим, измученным. Или и впрямь болезнь пригасила живой свет его лица? Но такую печальную усталость Стрелец встречал прежде только у много проживших, много испытавших людей.

— Был, — внезапно произнес хозяин дома, и Стре-

лец не сразу сообразил, о чем речь.— Был художником.

— А теперь? — с непонятным ему самому волнением спросил Стрелец.

— А теперь...— Лучников запнулся, бросил взгляд в окно, потом опять на гостя.— Теперь хвораю. И собираю иногда случаи для «Сферы». Так что у вас там?

Стрелец смешался. Господи, да он совершенно запамятовал, зачем явился сюда, зачем искал встречи с Лучниковым!

«Решайте сами, как себя вести,— говорил на прощанье Булгарин.— Смотрите по обстоятельствам. Браслет поможет вам убедить Лучникова в чем угодно, но, может быть, не стоит сразу открываться. Выдайте историю с Девой, скажем, на некое видение, что ли, за таинственный случай...»

И вот пришла пора что-то говорить. Лучников ждал ответа, а Стрелец медлил, перебегая взором от одной картины к другой. Некоторые были повернуты к стене, а прочие, чудилось, жили сами по себе.

Стрельца до глубины души поражало сходство эфемерных образов Сферы с теми персонажами, которых он видел на этих холстах. Но теперь он смотрел внимательнее и различал не только радугу красок и буйство фантазии, но и подробности, с первого взгляда ускользнувшие от него.

Уже стало ясно, что настольной книгой Лучникова — как, впрочем, и самого Стрельца во время подготовки к съемкам феерии,— было «Описание всего звездного неба» Яна Гевелия, только вот звездный мир Лучникова, сохраняя основные черты и волшебную особенность гевелиевых картин — изображение созвездий словно бы не с Земли, а с другой, **противоположной** стороны, как, возможно, видит их и сам Творец,— был населен иными существами.

Так, Змееносец в одежде землепашца держал чудище, пламенеее червонным золотом, этакого Змея Огненно-го... с женским ликом. Чаша Гевелия, украшенная львиными головами, здесь имела вид крутобедрой фарфоровой вазы, вроде китайской, с изящным рисунком. На ней по кобальту был изображен белый парящий среди облаков дракон, однако Стрелец разглядел и тщательно вырисованную сеть трещин, словно художник задался целью показать, как бережно была склеена разбитая на мелкие кусочки ваза. Стрелец невольно вздрогнул при виде ее, потому что тотчас вспомнил непостижимое ощу-

щение, настигшее его в Лабиринте, когда он уже изнемог от бесконечности пути: будто его тело, как хрупкая ваза, разбилось о твердь странствий — и лишь тогда забрезжил выход...

На другой картине вместо кокетливой Кассиопеи была изображена на ее троне и в ее позе прекраснеликая облаченная женщина в тяжелых ожерельях и браслетах. Богатые косы ее венчало изображение священной змеи — урея, словно у египетской царицы древности.

Андромеда же оказалась облаченной в причудливые шелка, ее высоко подобранные волосы были пронзены двумя острыми шпильками с золотыми шариками на концах, а глаза чудились длинными, по-восточному раскосыми...

Стрелец тряхнул головой, пытаясь оторвать взгляд от этих странных, чарующих полотен, да так и замер. Созвездие Стрельца — его созвездие! — на одной из картин представало в виде молодого офицера: Стрелец невольно вспомнил картины русских баталистов XIX века, которыми недавно пришлось ему пользоваться при подготовке к историческому сериалу. Но увидеть вот такого прапорщика среди звезд, между Скорпионом и Козерогом!.. Тяжелый пистолет был вскинут, а сверху виднелось созвездие Лиры, почему-то имеющей вид гитары с оборванными струнами.

Стрелец повернулся к Лучникову.

— Почему у нее струны оборваны? — с неожиданной для самого себя резкостью спросил он.

— Они порвались сами, одна за другой, от времени. Возможно, это сделал и я. Очень красиво, верно? Словно изломанные в отчаянии руки. Но, может быть, вы перестанете бродить, будто в музее чужой жизни, от картины к картине, тем более, что это всего лишь копии, и объясните наконец, что же привело вас сюда?

Стрелец опять не успел ответить. Он только сделал движение, пытаясь успокоить Лучникова, как вдруг, одновременно с его жестом, в форточку ворвался ветер. Но это не был клуб стужи, перемешанный с колючими снежинками, которые носились за окном. Чудилось, ветерок прилетел сюда из цветущего сада... Стрельцу даже почудилось, что он видит белые лепестки!

Руки Лучникова взлетели, будто готовые к объятию. Лицо его вспыхнуло, он зажмурился, но Стрелец успел заметить, что в глазах его проблеснуло выражение не то боли, не то всепоглощающего блаженства... О, сейчас он

казался не усталым и больным, а юношей смятенным! Наконец Лучников разомкнул ресницы. Взгляд его был затуманен.

— Зачем?.. Как вы... откуда вы знаете? — спросил он неверным голосом.— Неужто наконец-то... она послала вас?

— Она? — невольно краснея, повторил Стрелец.

— Она! — И взгляд Лучникова обратился к картине, откуда на них смотрела сильно подведенными глазами надменная обнаженная женщина с золотыми змеями на тяжелых золотых кудрях.

ПИСЬМО ПРАПОРЩИКА БУШКОВА

Октября 13 дня 183...

Любезный друг мой!

И так, каково нынче в столицах? Не угасла покуда злая молва? Всем сердцем уповаю на милосердие Божие относительно твоего положения, коли не свершится милосердие современников наших и особливо потомков... Впрочем, мои мнения о справедливости воздаяния за праведность и неправедность теперь изрядно-таки поколеблены. Фортуна не замедлила дать мне случай убедиться в ее прихотливости. Сия капризная особа лишь вчерась склонялась ко мне с благосклонностию, но уже сегодня холоднокровно отвортила от меня лик свой.

Не сочти мои слова за признак малодушия! Ты мог убедиться в отсутствии у меня онаго — хотя бы в дурменьском деле под картечью. Право, тогда зубная скорбь терзала меня более возможности ранения или смерти. Пусть свистело над головою — все это слаще моего нынешнего времяпрепровождения. Нумер, который я держу в здешнем трактире, громко именуемом гостиницею «Египет» г-на Можейки, да гитара, подруга моя, часто бывали свидетелями моего отчаяния...

Ты, друг мой, пожалуй воскликнешь «полно!», когда прочтешь, что твой приятель Бушков очень и очень болен. Здешний лекарь представляется мне существом мало образованным; подозреваю, что сей Асклепий не только в моей болезни не сведущ, но и затруднится сообразить, что даме при обмороке на бале надлежит подать флакон с солями. Однако ж это говорит во мне мое недомогание: субъект он презабавнейший! Не могу сказать, чтоб наши бравыя усачи злоупотребляли его услугами, и со скуки он увлекся астрономиею. Что уж можно высмотреть в небе-

сах чрез самодельныя стекла и трубы, не ведаю, однако ж он со всею серьезностию уверяет, будто открыл прелюбопытное явление: созвездие Солнечных Часов якобы имеет свойство перемещаться по небесным дорогам, и раз в сто пятьдесят или около того лет, как заверяет новоявленный Птолемей, оно выказывает себя промежду созвездьями Девы и Стрельца, затмевая Весы и Скорпиона, долженствующие пребывать в сем месте по своему зодейному ранжиру. Хвала Всевышнему, что хотя бы происхождение моей хвори сей лекарь не ведет от звезд!..

Сам же я число свое недомогание со злокачественной лихорадки, которая, ежели ты помнишь, начинала меня бить еще в Дурмени и которая ныне обрела новые, еще более пагубные свойства. Не последнюю роль сыграла здесь и та самая переменчивость Фортуны, о коей упоминал я прежде. Давши мне твердость глаза и крепость руки на известной тебе дуели с г. фон Гоппманом, она, однако же, словно одумалась, что неосмотрительно подвела под меткую пулю мою сего *homme sans molurs et sans religion*.^{*} Не зря говаривали, будто покойник был франкмазон, а к этой публике Фортуна порою начинает вдруг питать непостижимую русскому уму приязнь, оказывая им всем не по чину честь. И так, видимо, спохватившись, что понижение в чине и высылка в здешнюю тмударакань для бывшего ротмистра Бушкова суть наказание нечувствительное, она, словно раздувши пожар из пустынной головешки, вызвала злокозненную лихорадку из ничтожной царапины, оставленной на моем теле пулею проклятого фон Г. Кто его знает, не воспользовался ли он и впрямь некоею отравою, об чем и проговорился спяну накануне нашей последней встречи... болтлив покойник был! как ты можешь помнить, из грязной болтовни его по поводу российских дам и возникла наша роковая ссора...

Что же, я не жалею ни об чем, кроме одного: напрасно затянул я с прошеньем об отставке. Быть может, в родных местах был бы жив лишние два иль три года. Нынче же состоянье мое таково, что от нестерпимых сердечных спазмов, головокружений и помрачительных видений я ежели не сойду с ума в самое недолгое время, так просто умру. В бреду воображаю я прежде всего крутую лестницу, по коей мне непременно надобно взобраться,

^{*} Человека, у которого нет никаких нравственных принципов и ничего святого (*франц.*)

но чем выше поднимаюсь я, тем выше и круче делается лестница, и когда до земли уже очень далеко, она внезапно преобразуется в отвесную, со стертymi, узкими ступенями, а то и пуще — вовсе складывается, точно бумажная гармоника! А еще видится, будто я — синяя ваза китайского фарфору с белыми рисунками, и то разбиваюсь в мелкия осколки, причем меня грубою метлою сметают в совок, то вновь стою в целости...

Подлее всего в моей болезни то, что настигает она безо всякого упреждения, валит с ног на время, кое раз от разу длится все долее, а после — минует бесследно, оставляя меня на время, а оно раз от разу длится все менее, человеком здоровым, полным сил и желаний, и даже с приличным цветом лица.

La douce Illusion* взглянуть пред смертию на родныя нивы и леса, вновь увидеть могущественный разлив Оби-мура нередко посещает мое воспаленное воображение, однако же едва представятся мне пыльные, ухабистые дороги... переправы чрез здешние бурливые реки... какой-нибудь убогий кабак, где жид-хозяин станет свидетелем болезненных содроганий моих... о нет, пути на родину мне не перенести! Никогда и помыслить я не мог об неизбежности кончины не в ратном деле, а на трактирных — не слишком-то чистых, признаюсь! — простынях, но здесь хотя бы заботливые и милосердные руки суровых боевых товарищей моих закроют глаза мои, проводят меня оружейные залпы, сомкнут бокалы однополчане в мою память, и, быть может, некая сердобольная душа уронит слезу на хладный прах того, кто еще так недавно звался Евгением Бушковым...

Эй, эй, дружище! я разжалобился сам и на тебя нагнал хандру. Я ведь жив, жив покуда, и даже немалые умею извлекать выгоды из моего вынужденнаго отдыха. Ведь никто и ничто не мешает мне теперь безудержно предаваться моей извечной страсти — чтению. У здешне-го попечителя богоугодных заведений пребогатое, должен тебе заметить, книжное собрание, и дочь его, m-lle Appete, почитает за долг свой просвещение гг. офицеров. Не пойми превратно: тебе должно быть известно, что je méprise les femmes,** а сатисфакции у фон X. искал более за оскорбление всего российского племени, нежели сих ветреных особ. А что до попечительской дочки, так,

* Сладостная мечта (франц.)

** Я презираю женщин (франц.)

право, и не упомяну вовсе, la brune или же la blond* сия достойная Аннета. Благослови ея Господь за участие, кое она принимает в бедном больном! Не далее как вчера получил от нея новую книжку «Современника»: ты-то, без сумнения, ея давно уже видел! В ней наш дивный poète distingué par son imagination** пропечатал свое превосходное произведение, и в числе прочего — о Cleopatra e i suoi amanti***. Поистине, избрать такой le sujet d'un poème и бесподобно воплотить оный мог только un homme à grands sentiments. Je n'ai jamais lu rien de plus joli****!

Особливо суровый Флавий пленил мое воображение, и строфы, ему посвященные, я не устаю повторять вновь и вновь:

И первый Флавий, воин смелый,
В дружинах римских поседель;
Снести не мог он от жены
Высокомерного презренья;
Он принял вызов наслажденья,
Как принимал во дни войны
Он вызов ярого сраженья!..*****

Мне была знакома шекспирова Клеопатра, однако тем удивительнее, что по свидетельству Аврелия Виктора, haec tantane libidinis fuit ut saepe prostituerit; tantae pulchritudinis ut multi noctem ullius morte emerint...*****

Как тебе известно, дядюшка мой со стороны отца был завзятым путешественником, и в числе его странствований была и поездка в Египет. Он вернулся очарованный этою баснословною странною, ея минувшим, и юность моя была осенена его рассказами. На всю жизнь Египет чудился мне странною волшебств. И вот теперь воспоминанья об них пробудились во мне. Я словно бы видел палаты великой царицы, изукрашенные эбеновым деревом, по приметам, дарующим богатство и счастье, смоквицею, обеспечивающей знание сокровеннаго, пальмою — ея присутствие веселит душу... Я словно бы слу-

* Брюнетка... блондинка (франц.)

** Поэт, замечательный своим воображением (франц.)

*** Клеопатра и ее любовники (итал.)

**** Сюжет для поэмы... человек, способный к сильным чувствам.

Я ничего красивее не читал! (франц.)

***** Бушков имеет в виду том «Современника» VIII за 1837 года, где впервые были опубликованы «Египетские ночи» А. С. Пушкина.

***** Отличалась такою похотливостию, что часто торговала собою; такою красотою, что многия покупали ея ночь ценою смерти (латин.)

шал журчанье фонтанов в виде львиных голов, из коих вырывались струи воды. Дядюшка, помнится, сказывал, что в древние времена в созвездии Льва находилась точка летнего солнцестояния, а в Египте в эту пору начинался разлив Нила. Посему затворы шлюзов, направляющие воды реки по каналам на поля, делались наподобие львиных голов.

Я словно бы видел яростных воинов, сведущих в сражениях, приносящих обильные жертвы из хлеба, пива, быков рогатых и безрогих, птицы, вина, плодов, ладана и всевозможных растений,— и все это во имя того, чтобы Госпожа страны, Царица, могущественная и обольстительная, обратила на них благосклонный взор свой...

Вспомнились мне также слова дядюшки об том, что, говоря «Cleopatra», мы имеем в виду не сирийскую царицу, жену Птолемея V, не дочь Димитрия Никанора, не сестру сей особы, ея тезку, царицу египетскую, жену Птолемея VII, и не дочь ея, Клеопатру Селену, и не ту Клеопатру, что была дочерью Птолемея VII, а Cleopatra — возлюбленную великого Цезаря и Антония, словно она была единственной во всей легендарной истории египетской!

Почему лишь имя ея сохранилось в памяти потомков? Были тезки ея менее жестокосердны и более добродетельны? История не дала себе труда даже отметить сие. Имя единственной Cleopatra сияет, словно пламень страсти, сквозь века и тысячелетия!

Но однако ж вообразить, что после ночи любви с нею мужи покорно ложились в известняковые гробы из мемфисских камнемоен, в саркофаги, кои именовались в те поры «ларь живущего», добровольно уходили в Аменти, мир загробный, с прощальным словом своим: «Я не делал вероломно зла никакому человеку, я не делал мерзостей в жилище истины, я не прилеплялся ко злу, я не творил зла — я чист, чист, чист!..»

Положительно, сие непостижимо уму! за ночь — жизнь!..

Несмотря на мои нелестные для прекрасного полу мнения, поэма сия наполнила мое сердце такою жаждою жизни, что я готов был при случае даже приглядеться повнимательнее ко цвету локонов попечительевой дочки... однако же стук колес под окошком возвестил меня, что в трактир г-на Кожейки прибыл гость.

Нечего и говорить, что я тотчас приблизился к окну, в надежде, что явление новаго постояльца поможет мне

развеять привычную скуку. Громадный рыдван стоял противу двери, и пара тяжелых битюгов, более пригодных волочить бревна на сплаве, нежели перевозить людей, понуро переминала ногами. Воображая, какой пассажир может появиться из таковой-то кареты, и досадуя, что провалилися мои надежды на занимательное общество, я пошел было прочь, когда проворная субретка, милостивости коей не могла сокрыть даже грубая накидка, проворно соскочила на землю и поспешила помочь своей госпоже, что как раз выставила из мрачной колымаги кокетливую ботинку. Я приник к окну с новым любопытством.

• Что ж я вижу!.. Дама, высокаго роста и приятнаго сложения, бледная, томная и прекрасноволосая, словно хомерова Елена, неторопливо сошла и стала поодаль, оправляя черное бархатное платье и слегка помятую шляпку. Чем более я смотрел на нея, тем более поражаюсь, какой Зефир принес в нашу глушь сей диковинный цветок. Я видел: *ella est bien attrayante, ella est souple*,* как никакая иная особа женскаго полу, когда-либо виденная мною! О летах ея могу сказать лишь, что невинною девицею ея назвать было б невозможно, напротив: то была особа в полном расцвете своей красоты.

Желание разглядеть лицо ея как можно лучше принудило меня растворить створки окна... проклятие! оскользнувшись, я едва ли не вывалился наружу. Конечно, членовредительства я не нанес бы себе, однако вообрази, друг мой, нелепость положенья моего в глазах прекрасной дамы!..

Между тем она подняла свой взор к моему окну, но ни тени насмешки не проблеснуло в очах ея: я увидел в них лишь *mélancolique et mistérienx*... *Sans dout l'incomplet lagage obline à nous servir d'expressions erronées*,** но попытайся вообразить флюиды очарованья, исходившие от незнакомки, то самое таинственное *je ne sais quoi****, могущее подчинить себе всякое без исключения существо мужскаго полу.

Однако же вообрази себе заодно и мое злосчастье! Именно в сей миг настигнул меня внезапный припадок, я грянулся оземь и лишился чувств...

Описываю тебе сию историю, уже придя в себя и пре-

* Она очаровательна, она изяшна (*франц.*)

** Таинственность и меланхолию. Разумеется, бедность языка вынуждает нас пользоваться неверными выражениями... (*франц.*)

*** Нечто (*фран.*)

бывая полным жизни, однако же моя прекрасная незнакомка, без сомнения, давно покинула нашу убогую местность и продолжила свое путешествие. Разумеется, я мог бы собрать некоторые сведения об ней у моего хозяина, однако ж сей господин внушает мне величайшую неприязнь. Положительно, только лишь отсутствие в нашем городишке инаго места для жилья и слабость моего состояния вынуждает меня пользоваться услугами сего старого пройдохи. Внешность он имеет весьма благообразную и чрезвычайно ловко умеет втереться в доверие к своим постояльцам, заслужить их расположение. Многие вынужденно поверяли ему тайны свои, однако ж после их отбытия каких только басен и небылиц не слагал об них сей Можейка!.. куда отменным фантазерам нашим, гг. Вельтману, Одоевскому, даже и тебе, друг мой! Ведь ваши фантазии имеют природу Божественную, а измышленья Кожейкины, чудится, проникнуты завистливыми испареньями...

Вообразивши, какую аттестацию дал бы владелец «Египта» моей незнакомке, я тотчас оставил свои намеренья выпрашивать об ней. Однако же мысль, что более не увижу я обворожительно-таинственного взора ея, вселяет в мою душу изрядную толику *mélancolique*, коей я и надумал поделиться с тобою, друг мой дальний!

Однако — чу!.. в двери стучатся. Прости, прервусь на недолгое время.

ПРОБУЖДЕНИЯ И НОВЫЕ СНЫ

Последняя строка добегала до края страницы — и непонятно было, закончилось ли ею письмо или же будет продолжаться. Но лишь один выцветший, даже на глаз ветхий листок трепетал в руках Стрельца, чудом не рассыпаясь, источая еле уловимый аромат.

— Цветок засохший, безуханный, забытый в книге вижу я — и вот уже мечтою странной душа наполнилась моя... На память верного свиданья, или разлуки роковой, иль безутешного страданья в тиши полей, в глуши лесной... И жив ли тот, и та жива ли, и нынче где их уголок, или они уже увяли, как сей неведомый цветок... — чуть слышно произнес Лучников, словно продолжал читать на память письмо больного прапорщика, и вынул из оцепенелых пальцев гостя хрупкий листок.

Стрелец с трудом вспоминал, где и зачем он находится. Первым ощущением его была слепящая тоска и без-

надежность, словно он заблудился-таки в Хронолабиринте — и никогда, никогда уж не найти выхода, не вернуться к себе... Потом защитило сердце ощущением невозвратимой потери... чего? Бог знает! И он с новым недоумением, теперь граничащим с тревогою, уставился на Лучникова.

Прорваться — буквально! — сквозь пласты веков, чтобы не только не получить ответа на свои вопросы, но и углубиться в еще более давние дали! Что это за письмо? Зачем Лучников дал его прочесть? И причем тут вообще Клеопатра?!

Лучников, исподтишка поглядывавший на него, вдруг произнес:

— Да, такого изумления и растерянности, какие вижу я на вашем лице, не сыграть. Знать, ничего-то вы не поняли из моего письма.

— Вашего? Так ведь прапорщик Бушков... — разочарованно протянул Стрелец. — Значит, это лишь стилизация, литературное упражнение?

— Прапорщик Бушков, как и все остальные, — решительно начал было Лучников, да осекся, махнул рукой: — Но что это я перед вами разоткровенничался? Вот уж воистину! И почему решил, что вы посланы ею? Если б она открылась вам... если бы удалось вам узреть ее лик... вы не ушли бы живым и свободным. Но пока она открывает его только мне!

Что-то безумное почудилось Стрельцу во взоре Лучникова! Но и жалось объяла его.

— И все-таки вы почти угадали, — сказал он. — Я послан к вам. Это все Булгарин...

— Булгарин?! — вскинул брови Лучников.

— Вы его знаете?! — нелепо вскричал Стрелец, даже не успев призвать на помощь спасительное «этогонеможебыть». — Знаете Булгарина?

— Гораздо более меня удивляет, что его знаете вы. Знакомство с Булгариным в наши дни не поощряется, а жаль, право, жаль. Да не ошибаетесь ли вы? Ведь Булгарин никогда о ней не писал. Ну, Шекспир, Пушкин, Готье, Брюсов, Блок, Шоу, а Булгарин? Его волновали иные темы.

— Нет, он мне говорил... — начал Стрелец, и тут неслышанное изумление вновь преобразило лицо Лучникова.

— Матушка пресвятая богородица! — воззвал он на радость Стрельцу. — Булгарин говорил вам о ней?

— Да,— подтвердил Стрелец, точно в холодную воду бросился: настало-таки время объяснений.

Лучников покачал головой:

— Сознайтесь, друг мой, когда минуту назад чувства мои одержали верх над разумом, не сочли ли вы меня сумасшедшим, а?

Стрелец вежливо пожал плечами.

— Я понял. Да и не смущайтесь: я ведь и сам порою ощущаю себя таким казенником, как в старину говаривали. Но сейчас-то мне чудится немного не в себе вы!

Стрелец молчал.

— Знаете что,— вдруг мягко молвил Лучников,— чую, все это неспроста. Давайте-ка присядем — и вы мне толком все расскажете. О себе, о Булгарине, вот о ней...— Он кивнул на картину, которая, как теперь понял Стрелец, изображала не Кассиопею, а Клеопатру, и все время, пока Стрелец, отбросив всякие хитрости и увертки и непрестанно зывая мысленно к помощи браслета, рассказывал о том, что произошло в Сфере — не Сфере Таинственного, а в Сфере СВ, Лучников задумчиво переводил взгляд от картины к картине. И первое, что сказал он потом, было: — О боже, а я-то имел в виду писателя Фаддея Булгарина!..

Только тут Стрелец вспомнил слова своего далекого собеседника о его предке, современнике Пушкина,— и снова устыдился своего невежества.

— Я верю вам,— говорил меж тем Лучников. Сказано же всеведами древности, что достаточно посмотреть человеку в очи или прислушаться к его голосу, чтобы в ту же минуту завладеть его тайною. Но — **посмотреть и прислушаться!**

«Да и без браслета тут не обошлось!» — мелькнула мысль.

— Так значит, вы видели ее...— продолжал Лучников.— Или одно из ее многочисленных отражений в Небесной Реке. Вы отразились с нею рядом. Вы? Или...

— А вам она встречалась? — перебил Стрелец нетерпеливо.

— Встречалась ли! — не то с горечью, не то с гордостью усмехнулся Лучников.

Он поднялся, коснулся руки нарисованной Клеопатры и произнес:

— Теперь время и вам узнать мои тайны.

— А Бушков? Что было дальше с Бушковым? — не выдержал Стрелец.

— Пойдет речь и о нем... в свое время.

ЗВЕЗДА

— Я рассказываю вам историю, которая приключилась со мною — это так же верно, как то, что все мы рождаемся и умираем.

Помню, еще мальчишкой я был очарован Звездницей. Так по-русски называлась астрономия. Еще — звездографией, звездоведением, звездописанием, звездословием — гаданием по звездам, по светилам небесным. Все эти имена имели надо мною и воображением моим особенную власть! В них слышалось нечто колдовское, будто в имени незнакомки, известной своею красотой. Знаете, как в сказке: царевич влюбляется в Красу Ненаглядную потому лишь, что, по слухам, она прекрасна. А какова же она, мы и по сию пору не ведаем. Даже Елена в «Илиаде»... Неизвестно, в чем заключалась ее прелесть, каков был ее лик. Возможно, и не красота то была, а именно прелесть, обо-льще-ние... взором, поступью, повадкой... Как сказал некий великий поэт:

Гомер — слепой певец богов —

Донес из пустоты

Вздох потрясенных стариков,

Но не твои черты.*

Так и моя грудь исторгала потрясенный вздох при одних только словах: звездница, звездословие... Однако о самих звездах знал я мало и большего знания не искал, словно бы опасался, что оно убьет очарование неведомого. И мне было, пожалуй, уже семнадцать, когда я впервые проведал про то, что рожден под знаком Стрельца.

Это было новое для меня потрясение! Для человека, поклоняющегося, как я, мистическим совпадением, это удивительное сходство моего небесного покровителя, знака зодейного, и моей фамилии явило собою истинное волшебство. Ведь лучник — это стреляющий из лука. Тот же Стрелец! Именно тогда я проштудировал впервые атлас Гевелия, именно тогда начал кое-что читать по астрономии. Добрался до Птолемея, Коперника, Тихо Браге, обожаемого и по сию пору Кеплеруса. Однако гевелиева уранография очаровала меня куда более властно, нежели

* Стихи Ю. Кузнецова.

все самые совершенные и современные астрономические карты. Я видел перед собою живую, любящую, страдающую Вселенную... И верил-то я более стихам и сказкам о звездах, нежели теориям об их происхождении, о взрывах сверхновых, погасших солнцах, белых карликах, черных дырах и всякой такой научной паутине, в которой бьются поэзия и воображение.

Семнадцать лет — возраст мечтаний, и надо ли говорить, что бессонница была моею ночью гостьей. А вскоре появилась и еще одна...

Однажды я заметил, что на зорьке на вечерней все та же звезда становится напротив моих окон и, затмевая даже полнолуние, глядит в мои глаза до самого рассвета.

Я удивлялся ей — и забывал. Но время шло — она же, словно повинувшись данному обету иль словно бы законы круговращения небес ей были невдомек, ночь каждую ко мне являлась, будто на свиданье.

На любовное свиданье!

Конечно, я попробовал дознаться, что это за чудо вершится для меня еженошно. Попытался разведать ее имя. Хотелось, чтобы это оказалась Рукбат, альфа Стрельца. Но стоял май — кульминировало созвездие Девы. Возможно, это была Спика, ее альфа, знаете, этот вечно опущенный колос, который держит гевелиева Дева?.. Я оставил скоро эти бесплодные изыскания и просто ждал ее явлений: сначала с любопытством, потом с тревогою, потом с нетерпением и наконец — со страстью.

Теперь, по происшествии стольких лет — безумных лет! — и стольких странствий моей души, я могу более или менее спокойно описывать свои тогдашние чувства и прекрасно понимаю, сколь нелепы кажутся постороннему слушателю слова о любви к Звезде. Но погодите судить!.. Ведь в ту пору... о, в ту пору случались мгновения, когда бредовая мысль заключить ее в объятия не казалась мне безумием. Сны мои были коротки и горячечны. Меня испепеляла первая страсть, тело мое не знало покоя, душа моя была изранена. Словно бы нежные невидимые руки беспрестанно ласкали меня ночью, да и днем меня бросало то в жар, то в озноб.

Я имел неосторожность рассказать... точнее, даже не рассказать, а намекнуть случайно на свое состояние одному приятелю. Фамилия его была, помнится, Гусарев. Больше было некому: я жил, кажется, в квартире какой-то престарелой тетушки ли, бабушки ли...

Родители мои работали по договору где-то за границей, не могу припомнить, где.

Итак, Гусарев поднял меня на смех и посоветовал «прийти в себя» с помощью одной, как говаривали в пору моей юности, «свойской девчонки», моей сокурсницы, тем более, что всеми было замечено, как она всячески строит мне глазки. Ее стати и обхождение невольно влекли: мое естество еще прежде, чем Звезда появилась на моем горизонте, и, по слухам, девица эта была не слишком строга к себе: позировала старшекурсникам — я ведь учился на худграфе пединститута, — причем не стыдилась слушать и нагой натурой.

Ведомы ли вам, друг мой, неутоленные страдания плоти? Знаете ли вы эту пропасть, на одном берегу которой сверкает недостижимая и прекрасная мечта, а на другом покорно ждет... не бог весть что, но, во всяком случае, нечто способное утолить ваши вожеления? А вы стоите посредине на мосту и знаете: стоит пойти к достижимому, как мечта поблекнет... и будет меркнуть и меркнуть, пока не угаснет вовсе, пока не рухнет мост за вашей спиной.

Тогда я еще не понимал всего этого, и мне чудилось, что ничего непоправимого не произойдет, если жар, разожженный во мне Звездою, я пригашу в объятиях «свойской девчонки». Это лишь только потом я узнал про себя, что, оказывается, разборчив — и даже, пожалуй, слишком! А тогда... что знал я о желаниях и ощущениях? Инстинктивная брезгливость была во мне жестоко подавлена распаленным воображением.

И вот однажды, после особенно бурной ночи, когда пылающий лоб мой едва не расплавил «стекло окошечное», а поутру Звезда, как всегда, равнодушная к моим мольбам, поспешно удалилась, словно призрак при виде солнца, я решил, что медлить долее нестерпимо. Будто бес вожеления толкал меня в тот день к моей избраннице — точнее, к избраннице моей плоти. Я вел себя почти непристойно, однако не вызвал у нее не только неприязни, но даже удивления. Это меня обескуражило и вместе с тем приободрило. Воспользовавшись пустым предложением — взять конспект, что ли, — я пошел с нею в общежитие, и отчетливо помню, как по пути она шепнула что-то двум девицам, с которыми делила комнату... те с усмешкою, но послушно поворотили прочь.

Мы поднимались по лестнице, ноги ее мелькали впереди, — странное меня тогда посетило ощущение! Словно

бы я видел перед собою не очень приятное, но адски необходимое мне лекарство от некоей болезни.

И вот мы вошли в ее комнату. Она сунула мне ключ — запереть дверь, а сама стала так, что, повернувшись, я должен был наткнуться на нее и, конечно, тотчас заключить в объятия, что с готовностью и сделал. Однако она вывернулась из моих рук и дразнящей походкой отошла задернуть штору, потому что предзакатное солнце било прямо в окно. Но не успела она коснуться этой тонкой шторы, которая должна была надежно отгородить меня от всей моей прежней жизни, как вдруг... мгновенная тьма упала на землю!

Моя подружка тонко взвизгнула и онемела. Да и все кругом, я думаю, онемело в тот миг... он длился, как я узнал потом, несколько секунд, но мне чудилось — вечность: медленно-медленно взлетела штора и разомкнулись створки окна, а в комнату величаво вступила моя Звезда!

Она приблизилась и посмотрела мне прямо в очи. Я потянулся к ней — но тут же волшебное видение исчезло.

Однако прежде я успел услышать дальний протяжный голос, что-то напевно изрекающий на незнакомом мне языке. Словно птичье пение! И тут же этот язык стал мне вятен, более того — мгновенно пропало ощущение, будто я стою и слушаю кого-то, нет, я перестал быть — или, напротив, сделался — собою, я вспомнил забытое!

ЧЕРТОГИ НЕБЕСНЫЕ

В те времена, которые считались древними еще в незапамятную пору, жил в Земле, что лежит среди Четырех Морей, человек по имени Чжу. Имя его означает «свеча». Верно матушка Чжу нарекла своего сына! Был он высок и строен, силен как тигр, но сердцем добр и кроток нравом. Никто не знал целебных растений так хорошо, как Чжу. Не иначе сам бог Шэнь-нун открыл ему тайны разнотравья! На склонах Тэншань, Чжушань, Цзяньшань собирал он траву хуангуань, врачующую злые нарывы, янтао, что исцеляет опухоли, цзибо, согревающую кровь... Знал Чжу и тайну носорожьей кости, умел резать из нее палочки для еды, которые предохраняют от ядов!

Чжу слыл великим знахарем, шел к нему бедный и богатый. Но иные считали слово Чжу целительней снадобий. Искал он знаний в горах и долинах, мудрости спра-

шивал у небес, проводил дни в одиночестве, пред ликом звезд не помышляя о почестях и наградах, хвале и хуле, удаче и неудаче, о князьях и их дворах. Случались дни, когда не отведывал он даже похлебки из диких трав, в странствиях души забывая о собственном теле... Мирно текла жизнь Чжу, был он спокоен и счастлив тем, что имел.

Однажды, в поисках трав, запутался Чжу в зарослях терновника, сумаха, дикого винограда и вышел к подножию незнакомой горы. Ее вершина лиловела сквозь дымку тумана, словно цветок. А на самом верху разглядел Чжу диковинное дерево. Его ствол как будто врезался в небесные своды! И на ветвях увидел Чжу десять золотых воронов-солнц.

«Уж не шелковицу ли Фусан вижу я пред собою?! Небесную лестницу, по которой поднимаются с Земли души людей?.. Как бы и мне взобраться по его веткам, чтобы попасть в небесные чаши? Что за дивные травы смогу я собрать в тех лесах!»

Бросился Чжу вверх по склону. Путь ему преграждали заросли кленов, пуэрарии и повилика, глухой бамбук. Чжу оступался на камнях и срывался с утесов, но все-таки добрался до вершины и начал взбираться на дерево.

Трудненько ему пришлось! Ведь прочная кора Фусан отделялась от ствола, будто кожа желтой змеи. Кое-как удалось ему ухватиться за нижнюю ветку, потом за другую, повыше, за третью...

Карабкается Чжу ввысь, а сам нет-нет, да оглянется. Вот уже землю застлали туманы высот, но порою раздвигал их взглядом Чжу и видел спящие синие и зеленые горы, движение темных рек. Он узнал прихотливый узор Водяного Ложа Белого Дракона, Волнуемого Бурями,* и едва с ветки не свалился, впервые поняв, как величава река, на берегах которой он вырос! На севере ее увидел он неизвестных белых зверей, которые играли в хрустальных чертогах. На западе рассматривал людей, которые складывали из камня города выше гор и выпускали в небо черных и желтых дымных драконов. А на восточных берегах вдруг увидел Чжу свое родное селение, где жили юноши, не знавшие любви, женщины, которые не умели рожать детей, и девушка Ай, которую сосватали для Чжу еще в детстве, но он не хотел брать ее в жены, хотя и знал, что

* Волнуемое Бурями Водяное Ложе Белого Дракона — древнекитайское название реки Обимур.

Ай мечтает служить ему с совком и метелкой... Вот Ай оставила мотыгу, выпрямилась и поглядела из-под ладони куда-то в высоту. Уж не туда ли, где был Чжу?

Но он уже взбирался выше, выше... Волшебный Стрелок-Вечер целился в пылающие, жестокие солнца: день шел к исходу, девять солнц теперь тлели, подобно далеким кострам, оставляя лишь одно: ведь солнца по-очереди озаряют Землю, чтобы не испепелить ее своим жаром.

Но вот и солнца остались далеко внизу, и Чжу увидел, что с востока, окутанного теперь полночным мраком, несется на запад кони заката с золотыми глазами и пламенной гривой. Чжу поднялся до самых берегов Серебряной Реки!*

Вновь бросил он взгляд на Землю — его односельчане плелись к бедным хижинам своим. «О, где небесные сады, где произрастает блаженство богов бессмертных?! Я добуду его для людей!»

Чжу осмотрелся. Мир вокруг был просторен и тих, и возникли впереди очертания дворца... Яшмовые купола и халцедоновые террасы, выложенные из жемчуга столбики и перила из резного абрикоса! Наверное, это и есть один из пяти звездных дворцов! Вот расступились белые и зеленые нефритовые стены, открылись взору небесные покои...

И увидел Чжу ложе ночи. И увидел он созвездья рук, и белые облака груди, и черную тучу возле истока ног. И сердце его бросилось вскачь, а тело уподобилось боевому копыю.

Звездная дева — она была жемчужины светлее! — не то дремала в полете, не то летела сквозь сон, осеняя небосклон своею тенью.

«О, кто она, кто?.. Быть может, одна из семи сестер, бессмертных фей, что за ночь могут соткать десять кусков парчи, тонкой, как облака? Или же это Хэ Сянь-чу — богиня, что сметает цветы персикового дерева подле небесных врат? Не она ли спит, утомлена заботами дневными? Или это Яшмовая Дева Цин, ниспосылающая снег и иней, ждет, когда наступит ее черед укутать землю зимнею одеждою?»

Чжу глазами жаждал тела серебряной девы, и сердце его норовило покинуть клетку-грудь, как вдруг дева, не открывая глаз, протянула руку и, подхватив Чжу, украсила им свое лоно, будто цветком. Но едва его жаркое тело кос-

* Серебряная река — древнекитайское название Млечного Пути.

нулось ее облаков и звезд, как дева согрелась, словно в жилах ее забурлило вино, порозовела, точно цветок персика, вздохнула глубоко... Чжу ли стал подобен ей, она ли сделалась ему под стать, но соприкоснулись их плечи, и колени, и бедра. Чжу схватил жадными руками звезды Циминсин и Цзиньсин, что сияли на остриях ее груди, дева затрепетала... и не удержался Чжу на скользком, серебристом, белом атласе ее живота, полетел, путаясь в нитях созвездий... исцарапал кожу о ветви небесной лестницы, помянул стонами каждый камень на склоне — и рухнул у подножия Лиловой горы: спустился с небес, как сказал бы поэт, не взнуздав облаков и не оседлав тучу!

ОЖИДАНИЕ

В этот миг видение мое развеялось, и я вновь оказался стоящим в общежитской комнатке, против раскрытого окна.

«Свойская девчонка» возобновила визг свой, вцепившись в меня и прильнув всем телом в поисках защиты. Однако меня все это уже очень мало волновало.

Я снял со своей шеи эти руки и усадил ее на кровать — на ту самую, полагаю, где намеревался утолить свою скороспелую похоть. Потом отвесил поклон, повернул ключ — и был таков.

Шаг мой был легкий. Я летел домой, я звал, торопил, манил вечернюю зарю-заряночку. Я был уверен, что сегодня Звезда придет — о, я не представлял, не смел мечтать о том, что должно случиться, — я просто по-новому ждал ее!..

Однако же она, словно изуверившись в моей верности, испытывала меня. Она не явилась на свидание ни в этот вечер, ни в следующий, ни через два и три. Уходили ночи, как ни цепляясь я за их одежды, как ни молил продлиться!

Днем я не видел никого и ничего, меня не заботили ненависть «свойской девчонки» и шум, поднявшийся в городе по поводу мгновенного помрачения солнца — ведь это произошло только в Обимурске, больше нигде, и лишь я один в мире знал, почему...

Кстати сказать, я проведал уже потом, много позднее, что явление сие настолько поразило человечество, что нашло отражение в древних летописях:

«Был гром страшен зело, и блистание молнии, и вихрь силен вельми. Грозная тьма наступила после полудня. Подобие тучи пришло скоро вельми с восточной стороны

и помрачило свет. Летящие птицы падали на землю в страхе. Не поведраху людие, что сие есть. И звезда взошла, из ней сияние, аки солнечные лучи, аки пламя колебашеся на небеси, и ходило сияние всякими цветы на небеси, и светлые столпы, светлые, аки огонь, многие ходили, многие собиралися в един столп велик и разошлися. Одне пошли на полночь и там погибли, а другие пошли на полудень. А в облаках видны были люди, только длилось сие малое время...»

Не верите? Возьмите «Свод русских летописей» — сами прочтите там!

«Наверное, Лучников хочет сказать, что встречал в летописях изображение чего-то подобного», — смекнул Стрелец и не стал перебивать художника, хотя не раз и не два еле удерживал недоуменные восклицания. Не чуял ли он, что за чудеса еще ждут его?..

А Лучников продолжал рассказывать:

— Но вот настала новая ночь, и, с предчувствием новой муки, я приник к окну, высматривая в едва стемневших небесах злат-серебряную поступь любимой моей.

Внезапный вихрь пронзил меня — вихрь ощущений. Я ощутил, что нет окна — исчезла преграда между мной и этой ночью. Я осознал себя над пропастью стоящим, лишь тьма мое поддерживала тело.

Я ощущал всем существом, всей кожей своею — тьма соткана из благовонных нитей: черемух аромата, сиреней, молодых листочков тополиных, березовых сережек, асфальта пыльного, чуть теплых мостовых, еще — прохладно-влажных вдохов Обимура (от зимней дремы лишь недавно он очнулся!). Тьма трепетала бабочек крылами и еле слышно шелестела теплым ветром, что с запада летел — и вот достиг востока.

Вдруг я заметил, что непроглядная ночь впереди таит в себе некое просветление... вернее сказать, я угадал впереди уже не полный мрак, а полутьму. Потянулся туда. Далекий силуэт словно манил меня оттуда. И чудилось, что некая колдовская кисть медленно обводит его серебристой светящейся краской. Я увидел очертания пленительно стройного тела, распущенных волос, зовущих меня рук. Серебряная дева, чудилось, идет мне навстречу меж притихших звезд. Та самая, которую нашел я в яшмовом дворце!.. И от рук ее свет исходил, озаряя небесные своды.

Но я еще ощущал босыми ногами холодное железо подоконника и никак не мог решиться шагнуть в бездну. Раздираемый страхом — и стремлением достичь недости-

жимого, я так отчаянно простер вперед ладони, что жаром обдало все мое тело от напряжения. И в то же мгновение увидел, что и мои неразличимые в темноте пальцы начинает обводить та же волшебная кисть. Руки мои, плечи... весь я засветился тем же серебряным светом! И чем дальше двигалась кисть, тем легче становилось мое тело — я уже не ощущал ни его, ни железа под ногами! Невольно глянул вниз: скопище городских огней провалилось и погасло, и только тут я понял, что — лечу!

Медленно проплыли крутобокие сопки, ошестиненные вершинами кедров, луна пронеслась по темным волнам Обимура... нет, нет, это не лунный свет, а мой лёт озарил великую реку, взволновал ее водяное ложе, и я смог разглядеть, как из глубин, привлеченный чудною игрою светил, вздымается владыка ее, Белый Дракон. Но тут планета подо мною повернулась, точно во сне, возникли хребты Сихотэ-Алиня, отсюда, с безумной высоты, казавшиеся бархатными складками ночных одеяний Земли. Словно Дух Ночи, Властитель Тьмы, возносился я в необозримом пространстве... о блаженство высоты! Поет душа моя и плачет от неведомого счастья!

Чем выше поднимался я, тем чаще видел внизу мельканье светлых и темных пятен, словно бы струилась там какая-то неизвестная река. И вдруг, холодея от внезапного прозрения, понял я, что это течет и струится Время, которое теперь не властно надо мною!

Насилу оторвал я взгляд от чарующих картин и увидел, что серебряная летуница, выманившая меня из окна, уже совсем близко. Мы неслись, словно какие-нибудь древние *облакопрогонники*, не отводя больше глаз друг от друга.

Я уже мог различить это светлое лицо... не найти мне слов для описания его черт! Видело их мое сердце — оно и узнало, оно и не забудет вовек!

Порою на ее плечах, грудях и бедрах мерцали, вспыхивали звезды — и я угадал, что для меня созвездьем Девы украсила себя возлюбленная нынче. О боги!.. А ведь я — Стрелец!.. Игра судеб тут стало мне понятно, влечение наше, что сильнее смерти. Гласят поверья древние: мужчина, чей знак — Стрелец, и женщина, рожденная в те дни, когда владевает Дева, будут вечно испытывать влечение друг к другу, и даже смерти не разъять объятий...

Она была ко мне все ближе, ближе — теченья космоса неумолимы. И вот я губ ее достиг!

Почудилось, что мы с ней обернулись крылатыми, как солнце, существами, слились в безумной скачке меж светил!

Мы спутали узоры двух созвездий... О, будь Атлантом я, держи я на плечах своих планету — оставил бы свою святую ношу во имя этого небесного слиянья!

Сдвигались высоты и пространства в моем теле, в ее — переливались образы всей Жизни. И если вдруг тела мы размыкали, то пролегла радуга меж нами — словно символ завета вечного меж Небом и Землею.

И вновь возлюбленную принимал в ладони, будто лишь для меня созревший плод. И жизнь моя дробилась, множилась, сверкала, как звездный свет, что в капельках ночной росы отобразился!

СЕРЕБРЯНАЯ ФЭЙ

Долго прикладывал Чжу к своим ранам целительные листья. Но не столько боль терзала его, сколько тоска — по серебряной деве, высоко в небесах летящей, тоска!

Летящая — Фэй. Серебряная Фэй!

О, разве мало видел он дев и жен? Отчего же ни разу в жизни не возмечтал сделаться стрелой, без промаха цель поражающей? Отчего же при одном только воспоминании о небесном объятии вновь скрутила его страстная судорога, сбила с ног, заставила искать поцелуев цветов и объятий трав?..

Настала глубокая ночь, все стихло и уснуло, только ветер никак не мог успокоиться да Чжу метался по лесу, словно смертельно раненый единорог, когда тихая, сладострастная усмешка белой орхидеи послышалась у его ног. От озера донеслось хохотанье розовых лотосов. И слива, трясясь от смеха, осыпала его лепестками, хотя было вовсе не время ее цветения.

Кидался Чжу туда-сюда обезумев, всюду чудилась ему серебряная дева, и когда цветок магнолии приник к его лицу, дрожа от веселости, Чжу смял его губами и ладонями! Но... округлился, потеплел цветок в его руках.

Открыл Чжу измученные глаза.

Что это? Кто в его объятиях?

Брови — крылья зимородка, лицо словно бы умыто настоем орхидей и белых лотосов, стан — свиток дорогой ткани атласной. Синий шелк одеяний струился, словно туман, складки были запахом цветов полны. В волосах заколка из фиолетовой яшмы с изображением серебристой птицы...

— Меня зовут Серебряная Фэй, — промолвила она.

— Я знаю, — тихо ответил Чжу, не разжимая рук:

вдруг она снова обернется цветком, звездой, усмешкой, улетит, исчезнет!

— Жребий неба пал на тебя,— сказала она, не сводя с него затуманенных глаз.— Хочешь ли ты, чтобы я осталась с тобою?

Сизый туман сползал с ее плеч. Одежды ее стали прозрачными, словно вода в горном потоке. Она тихонько вздохнула, когда истаяли преграды между ладонями Чжу и ее станом, а вдали, на горе Фэньшань, отозвались на ее вздох девять колоколов. Каждый год, едва приходила «белая осень» и выпадал иней, они начинали тихонько звенеть сами собою. Но впервые со дня сотворения мира отозвались они дыханию страсти!

— Мне чудится, если мы долго будем смотреть друг на друга, подобно белым лебедям, то у нас могут возникнуть дети только из пламени взоров,— произнес Чжу, не слыша своих слов и не ведая, что говорит.

Она струилась за шелком своих одеяний вниз, вниз, и Чжу, смертельно боясь отпустить ее, тоже склонился долу. В миг поцелуя показалось ему, что он и Серебряная Фэй стали созвездием Сюань-у — ведь оно изображает двоих, слившихся воедино!

Взошел полумесяц над ними, и был он прозрачнее белого шелка.

Поселились Чжу и Серебряная Фэй во Дворце Вечной Ночи, что издревле воздвигнут для нежных утех. Едва проглядывало дневное светило, как Фэй заливала солнечный костер слезами, чтоб не мешал, и вновь Небесные Часы струили время их любви.

Но однажды, в полудреме на серебряном плече, услышал Чжу шаги поодаль. Чья-то тень мелькнула среди диких смоковниц. Схватился Чжу за пояс — ох, нет ни пояса, ни ножа. В случае беды чем защитить возлюбленную? Оружие, что годится для сладострастной битвы, в настоящем бою лишь помеха!

Пригляделся Чжу пристальной — и вздохнул облегченно: да ведь это же старушка старая! Но куда идет она? Почему так глубоки и тяжелы ее вздохи? Что гнетет и заботит ее?

Подкрался Чжу поближе и спросил из зарослей, словно горный дух Уло, что ходит с поясом из повилики, ездит в упряжке из барсов:

— Пусть помогают тебе боги, матушка! Что ищешь ты? Открой свою печаль!

Старушка вздрогнула, закрыла лицо рукавом, но тотчас же руку и опустила, скрывая свой страх:

— О горный дух! Не встречал ли ты Чжу-травозная, который много-много лет назад ушел в твои владения и не вернулся?

— Много лет назад?..

— Да. Я была его нареченной невестою, имя мое — Ай. Он исчез, когда мне было 16 лет, а теперь... О горный дух, если Чжу еще жив, передай ему: не отступают от людей злые хвори! Никто лучше Чжу не знал таинственных свойств лечебных растений. Пусть воротится он в дом свой, пусть снова больных исцеляет!

Пошла Ай дальше, а Чжу остался стоять, словно ее слова спутали ему ноги. Вот как далеко ушел он путем любви!..

Неслышно возникла Серебряная Фэй, коснулась его теплыми губами. Глянул Чжу на ее белый нефритовый лик:

— О Фэй, зовет меня дом, зовут меня люди. Пойдешь ли со мною, или останешься здесь, будешь ждать наших новых свиданий?

Чуть нахмурилась Серебряная Фэй, но тут же и усмехнулась:

— Я бы ждала тебя, да сердце ждать не может. Всякий день без тебя будет мне бесконечен, словно три осени сряду.

Схватил Чжу ее за руку:

— И мое сердце замрет в разлуке с тобой! Согласна ли ты назваться моею женою?

Тронула Фэй сухую ветку — та задымилась.

— Смотри. Если дымок поднимется ввысь, ты пойдешь один, а я вернусь в свои небесные покои. Если расстелется дым по земле, я расстелю судьбу свою тебе под ноги.

Затаил дыхание Чжу, затаила дыхание Фэй. Задрожал дымок и приник к земле.

И вот вернулся Чжу в свою хижину, привел с собою межзвездную красавицу. Щемило сердце его: как войдет она в убогое жильё? В его хижине столбы и балки из нетесанного камня, крыша пыреем и молочаем крыта, поросла она дикими тыквами, а окна затянуло шелком паутины. В доме нет и хворостины, чтоб разжечь очаг! А ну как глянет Фэй на эту нищету — да и взо-

вьется в небо высокое, растает там, подобно звезде Тайбай*, что тает на восходе солнечном?

Напрасно Чжу терзался страхом. Чуть ступил он за порог — остолбенел. Что за чудо на его глазах вершится, кто играет, кто шутит в его хижине бедной? Потертая оленья шкура, которая еще отца Чжу защищала от холода, сделалась ароматным покрывалом из шерсти черной лисицы; не тыквы-горлянки, а резные шарцы с сухими травами стоят на яшмовом столике. В зеркале, похожем на цветок водяного ореха, отразился сам Чжу — да не в пеньковых грубых одеждах, а в парчовых и шелковых, пурпурных и белых. Рядом Фэй в наряде простом, но от какого не отказалась бы и дочь князя: рубашка цвета сливы с белыми нижними рукавами, юбка из тончайшего шелка с лазоревым отливом и узором в виде облаков, золотые шэн** в высокой прическе...

Улыбнулась Фэй, ожидая увидеть на лице Чжу отражение своей улыбки, но он смотрел растерянно:

— Что скажут люди! Нигде не встретишь такой роскоши. Подумают, что я убил кого-то и ограбил... Молю, верни мне мои бедные одежды и убогие стены, иначе большие побоятся придти ко мне за помощью.

Брови Серебряной Фэй стали подобны двум туго натянутым лукам:

— Скажи, возлюбленный мой, зачем хочешь ты уподобиться ничтожнейшим, вместо того, чтобы возвысить их и сделать подобными себе?

— Как совершить это? Я способен только лечить.

— Отчего же так тусклы лица у людей — равно тусклы у больных и здоровых?

— Как бы ни старался я, люди все умирают в свой черед. Все предопределено в жизни, и никто тут не властен. А век человека недолог.

— О нет! Жизнь можно сделать бесконечною! Я покажу тебе линшоу — дерево долголетия. Оно растет на равнине Дугуан, там, где находится центр земли и неба. Это дерево похоже на бамбук, но листья его и трава, что стелется вокруг, зелены зимой и летом. Цветет оно дивно, благоухает сладостно!

— Продлив жизнь людям, мы продлим их мучения на земле. Только смерть прекратит их беды и страдания.

* Тайбай — звезда Венера.

** Шэн — особая заколка для волос, напоминающая спицу с двумя дисками.

— О мой милый, мысли твои не ладят одна с другой. Зачем же длишь ты людские мучения с помощью целебных трав?

— Жалость к несчастным влечет меня по этому пути.

— Жалость? Не лучше ли назвать это жестокостью?

— Подумай, что говоришь ты, Серебряная Фэй! Эти несчастные благословляют меня!

— О Чжу, не ищи в моих словах обидного смысла. Послушай. Трава ланду, что растет на горе Дакуй и тоже дарует долголетие, пригодна и для исцеления болезней желудка. Невежда может лишь спазмы и колики излечить с ее помощью. А человек сведущий приготовит такое снадобье, которое исцелит и от минутной хвори — и в то же время продлит жизнь человеку... Исцели судьбу — исцелишь и болезнь, так учили меня духи, что ведают судьбою. Я встречала их в созвездии Байдоу,* в Северном ковше. Если человек будет счастлив, хвори его минуют куда скорее, чем от снадобий! Много лет не выпускала я тебя из своих объятий, но разве покрыли морщины твой лик? Разве побелели волосы? Позволь, пока ты будешь врачевать язвы своих пациентов, украсить их жизни!

— Как же ты сделаешь это? — недоверчиво спросил Чжу.

Фэй отодвинула циновку от входа, и Чжу разглядел, что все селение как бы подернуто мглою. Только силуэт Фэй сиял во мгле.

— Жизнь людей затуманена Нелюбовью. Я рассею этот сумрак светом Любви.

— Хватит ли у тебя сил?

— Если собрать волю воедино, уподобишься богам, говорят мудрецы. А теперь расскажи, что заботит и терзает людей в твоем селении.

— Здесь ничто не изменилось за годы! Все тот же голод. И опять женщины истомлены тяжким трудом до того, что утрачивают силы рожать детей. Пусты их дома и сердца их пусты. Не звенит здесь и смех влюбленных: мало у нас в селении девушек. Чуть подрастет у кого красивая дочь, забирают ее в прислужницы и наложницы к богатыям. Угрюмы юноши наши — нет у них подруг. Те немногие девушки, что остаются, не радуют мужчин... Да и знаешь ли ты, Серебряная Фэй, до чего тяжела судьба бедняка! С утра и до ночи занят он только лишь

* Байдоу — созвездие Большой Медведицы.

мыслями о непосильном труде — когда отдаться заботам сердечным? Изнуренный бедностью теряет умение любить, а значит, теряет и счастье.

— О Чжу! — воскликнула Серебряная Фэй.— Смотри! Смотри же!

Взметнулся белый шелк ее рукавов — словно метель осенила землю. Вздых сорвался с уст Серебряной Фэй легким ветерком. Смех рососо осыпался. Заблестели глаза, будто луна и солнце разом, а волосы распустились, опутали все вокруг сияющей пряжей. И не узнал Чжу родного селения!

Где ветхие хижины? Дворцы на их месте воздвиглись. Не скудные клочки земли, многолетним трудом отнятые у гор и камней, а тучные поля зеленеют вокруг, словно блаженство Чун-хуа — двойного цветения — снизошло на них. Травы кругом восцвели и застрекотали цикады. Росистые орхидеи, каких не видел никто ни на земле, ни в небесных садах, засмотрелись в прекрасное Озеро Грома, а ведь только что на этом месте была зловонная лужа!..

— Что это, что это, Фэй? — вне себя от восторга спрашивал Чжу.

— Смотри, смотри!.. — пела в ответ она.

Она? Она ли это парит вдали — и рассыпается разноцветными облаками заката? Вот излилась теплым дождем, вот, обернувшись серебристо-белым драконом Байчи, обвила темно-синее небо вязью иероглифов — непонятных, но прекрасных своей загадочностью... Но все это были только игры, только шалости и забавы. Что для нее пламя заката и головокружение цветов! Никто не знал, и Чжу не знал, что же замыслила Серебряная Фэй, чем опьянит сердца!..

В третьем весеннем месяце, когда цветут персики и сливы, а на небе нет ни облачка, в светлые ночи собираются юноши и девушки вместе и танцуют «лунные танцы» под звуки тростникового лушэна, звоны колокольцев, перепевы двадцатипятиструнных сэ, речетатив барабанов... Раз в году бывал раньше этот праздник. Но в селении, где жили Серебряная Фэй и Чжу, каждая ночь была теперь лунной, каждую ночь заводила молодежь дурманные танцы.

Где та печальная пора, когда сердца юношей томилась безлюбом? Фэй обернулась волшебной жемчужиной, и светила эта жемчужина так ярко, что в ее лучах все девушки сделались невиданными красавицами. А тем

юношам, кому не хватило невест в селении, привела серебряная чаровница новых прелестниц. Откуда они взялись, неизвестно, но в блеске их лиц меркло пламя свечей. Каждая ночь цвела теперь сладострастными вздохами! Красно-зеленые птицы бииняо поселились чуть ли не на всех крышах. У этих диковинных птиц по одному глазу, одной ноге и одному крылу. Поодиночке суждено им ковылять по земле крошечными шажками, поэтому они всегда летают лишь парами — как символ неразлучной любви. Да, много было теперь в селении неразлучных пар — бииняо и людей!

Наделила Фэй счастьем и тех женщин, чьи тела и сердца уже увяли для страсти, но еще тосковали о нежности. На Горе Утренних Облаков, что поднималась неподалеку от деревни, из предрассветного тумана возникло чудесное дерево. Стоило женщине подойти к нему, вздеть руки и воскликнуть в полный голос: «О дерево Инь, серебряное! Отринь от меня одиночество, даруй счастье! Не оставь своей заботой!» — и тут же туманное, зыбкое дерево принимало вид той самой женщины, которая молила о милости, а на руках-ветках появлялись почки; вот они раскрывались цветами, похожими на лотосы, а на месте опавших лепестков созревали дивные, драгоценные плоды. Увидав людей, они начинали смеяться — это были дети, мальчики и девочки, живые и теплые, которых можно было баюкать и нежить, целовать и шлепать, — счастье, как яблоко, падало в руки матерей!..

И только Ай, старая Ай не захотела принять любви и молодости от Серебряной Фэй. Только она молчала, когда жители селения благословляли чародейку, словно доброго духа Тайфэн, который приносит успокоение и счастье...

Эти благодарственные возгласы и вздохи облаком летали над полями, горами, лесами, пока не попали на глаза Юйцяну — богу злого ветра. Ужасен облик Юйцяна! У него лицо человека, тело огромной птицы, из ушей свисают синие змеи. От взмаха его крыльев вздымаются на море волны высотой три тысячи ли, а на суше бушуют страшные тайфуны. Можно ли ожидать добра от такого чудовища? Схватил он облако благодарности и метнул его далеко-далеко, дальше страны, что лежит за Северным Морем, дальше Янь-цзыго, Царства Черных Одежд. Долетело облако до Юду — Царства тьмы, и его жители, черные птицы и черные крылатые змеи, черные барсы и волки, набросились на него, стали швырять его и бро-

сать, пока не закинули на север царства Лян, где жил бес-оборотень. Звали его Цюнци.

Не имел Цюнци облика, который можно было бы удержать словами. То напоминал он однорукого, трехногого и трехглавого великана. То оборачивался свирепым крылатым тигром, то козлом с ядовитыми рогами, то птицей-змеей с четырьмя крылами, шестью глазами и тремя ногами, и куда бы ни прилетала эта птица, в тех краях начинались всеобщее смятение и раздор.

Увидал Цюнци белое облако благодарности — и ох какой черной завистью наполнилось его сердце! Разорвал он облако в клочки, развеял его по ветру, а потом принял облик птицы-змеи, взмахнул всеми своими крыльями и полетел быстрее ветра по небу, в мгновение ока очутившись в том селении, где жила Серебряная Фэй.

Ядовитая слюна птицы-змеи падала на землю тут и там, и выросли из нее цветы клеветы с черными и белыми лепестками. Смотришь на белый лепесток — он кажется черным, смотришь на черный — видится белый лепесток... Цюнци обернулся двоюродным братом старой Ай, что жил в другом селении, и вышел ей навстречу. Да, любил бес-оборотень принять вид чьего-нибудь родственника и рассорить людей. И едва завел он речь о Серебряной Фэй, как понял: не зря эта старуха всю жизнь носила имя Ай, что значит «попынь»... Показал он Ай черно-белые цветы — и улетел восвояси. Собрала Ай большой букет и понесла по деревне. В какой дом ни войдет, везде цветок оставит. Аромат их был подобен слюне Цюнци — сочлились они ядом клеветы. Ох, зря винят в бедах и несчастьях недобрых богов! Боги только злоумышляют, а злодействует — человек.

Кто первым обронил слово недоброе? Почему не сдержал языка? Разве теперь узнаешь, кто начал, кто подхватил, кто продолжил!

— Помните, как она впервые вошла в селение — и ни одна собака на нее тявкнуть не осмелилась? А ведь собаки не лают только на злых волшебников да на оборотней, что приходя из Фэнду — столицы Подземного царства...

— Да, лукавая, колдовская женщина! Как сумела она отогнать тучи, что несли злой тайфун? Не иначе серебряный облик приняла жена повелителя дождя Юйши! Живет она как раз в тех краях, откуда Чжу привел Фэй: к северу от дерева десяти солнц. И на самом-то деле тело у нее черное, и лицо тоже черное, а в ушах не драгоцен-

ная яшма, а змеи: в левом ухе зеленая, в правом — красная!

— Что-то здесь нечисто... Откуда она привела столько красавиц нежных? Хороши ликом, да вот беда: ни к какой работе они не приучены, только и умеют играть в постелях! Что если это сбежавшие наложницы какого-нибудь князя? Прознает их повелитель, где скрываются беглянки,— то-то худо нам придется!

— Мы и позабыли, что пора дань везти на княжеский двор. Того и гляди нагрянут сборщики податей, да и разглядят, что у нас не худые хижины, как в прежние времена, а дворцы, не пустая похлебка, а сладкий рис да жирное мясо, не грязные бабы, а воздушные красавицы. Мало того, что отнимут все,— еще и к ответу притянут. Фэй взвоется в небеса — только ее и видели, а нам за ее забавы шкурой да кровью расплачиваться.

— Как дождь заливаает лесной пожар, так эта девка доведет нас до беды!

— Да, истинно! Может быть, имя ей вовсе не Фэй, а Фэйин — так зовут пятицветную птицу с человеческим лицом и длинными волосами. Когда она опустится на землю какого-нибудь царства, это царство погибает...

Сами себя напугали злоречники своим зломыслием!

А Чжу и Серебряная Фэй беды над собою не чуяли, жили в согласии. Воистину, их любовь была сильнее государства, имеющего тысячу боевых колесниц. Ведь сказано мудрецами: возлюбленные в объятиях друг друга подобны двум цветам, расцветшим на одном стебле... Но как-то раз упал в котел с водой уголек из очага. Надо бы выхватить его и съесть, чтобы преградить путь недоброму предзнаменованию, да возлюбленные не знали об этом, не почитали примет. Горе между тем подошло к ним совсем близко.

Однажды приснился Чжу сон. Виделось ему, будто пропала Серебряная Фэй неизвестно куда. Обыскал Чжу все окрестности — не нашел даже тени ее. Десять дней и десять ночей блуждал он в бесплодных поисках. И наконец-то увидел в небесах звезды Би-мао, те самые, что хорошо видны при восходе солнца. Понял Чжу, что там и найдет любимую. Сделал он из ивы и тростника плетеную лестницу, длиннее тех «облачных лестниц», которые строились для взятия стен царства Су, и полез на небо. Высоко-высоко поднялся он над землю, когда вдруг услышал жалобные вопли. «Не оглядывайся!» — раздал-

ся со звезд голос Серебряной Фэй, но Чжу уже опустил голову и посмотрел сквозь завесы облаков.

Все жители его селения снизу протягивали к нему руки и умоляли вернуться. Громче всех рыдала и звала Ай. И лишь только оглянулся Чжу, как сорвался с лестницы... прочертил небосвод...

СМЕРТЬ-РАЗЛУКА

«— Раб, будь готов к моим услугам! — Да, господин мой, да.— Женщину я хочу любить.— Люби, господин мой, люби. Человек, который любит женщину, забывает горе и скорбь.— О раб, я женщину, не хочу любить! — Не люби, господин мой, не люби. Женщина — это ловушка для охотника, глубокая яма и ров. Женщина — это острый кинжал, который перерезает горло человеку...»

Не тотчас воротился Стрелец с небес на землю, почувствовав сначала лишь, как померк голос Лучникова... Непостижимое ощущение не оставляло его, и дело было не только в «эффекте присутствия», если этими серыми словами можно было обозначить то многоцветье чувств, которые испытывал он. Нет, во время рассказа Лучникова Стрелец как бы вспоминал давно забытое, но происходившее не с кем-то другим, а с ним, именно с ним! Это было словно бы мимолетно привидевшийся сон, который потом оказался вещим... И Стрельцу показалось еще, что он, за долю секунды до того, как те или иные слова будут произнесены Лучниковым, уже знает — узнает, вспоминает — их смысл. Вопросы же задает потому, что непременно вынужден соблюдать правила какой-то игры.

— Этот диалог господина и раба о смысле жизни записан в конце IV тысячелетия до нашей эры. Записан не совсем точно: это был диалог двух друзей, я-то знаю, ведь слова об остром кинжале, перерезающем горло, принадлежат мне, — торопливо говорил Лучников. — Вы все еще поглядываете на меня с опаскою? Однако легенды о любви человека и звезды известны не только в Древнем Китае — их находили и на папирусах Египта, и на глиняных табличках Двуречья. А вот один из законов Ману — Индия, V век до рождества Христова:

«Не следует жениться на девушке, названной по со-звездю, по дереву, по реке, по птице, по улитке или по человеку, чье имя внушает страх».

Каково? Мне внушает страх, священный страх вся эта пророческая фраза — волосы на затылке начинают

шевелиться! Не следует жениться на девушке, названной по созвездию...

А вот такая «старая сказка» — она дошла до нас только в обломках вавилонской клинописи. Но я-то могу поведать финал ее — грустный финал!

«...И вот прошло много дней, и вышла она из дому, и увидела его — и не было подобного ему во всей земле. Когда она увидела его, то загорелась вожделием неудержимым. Когда он увидел ее, забыл он обо всем, что было с ним прежде, забыл имя свое и дело свое. Она ввела его в покои свои. Сердца их ликовали и замирали. Взошли над их ложем Ветер Северный и Южный, Ветер Западный и Восточный. «Ты подобен рожденному от бога, и сила бога в тебе». — «Ты, любимая и возлюбленная моя, подобна звезде». И когда он произнес эти слова, подобные словам прорицания и прощания, она обернулась звездою, исчезла в небе...»

Задумывались ли вы, друг мой, над тем, что слова наши — воистину! — сотрясают порою основы мироздания? До кого доходят наши клятвы, если боги то поражают, то награждают нас, если бури и солнцепады возникают и нисходят, когда мы объявляем о чувствах и замыслах своих, как будто они совпадают с замыслами стихий?.. Да, то же произошло и со мною! Там, заоблачных высях, в объятиях звездоносной, я выкрикнул самозабвенную клятву:

— Я любил тебя всегда и всегда буду любить!..

Голос мой был не громче предрассветного ветерка, когда он покрывает ознобом гладь Обимура, но уж не тише громабая, отверзающего кладовые космоса одним своим прикосновением.

Словами ли этими, которыми я как бы надел ей навечно кольцо моей любви... **подобным словам прорицания и прощания**... вызвал я смещение высот, или слова мои, напротив были вызваны к жизни ревнивым вздохом Вселенной, но внезапно я увидел, что небесный купол надо мною и моей возлюбленной сотрясается. Чудилось, будто мы находимся внутри необозримой сферы, и кто-то вдруг начал долбить ее снаружи, да так, что извечный материал, из которого в незапамятные времена отлили небесный свод, не выдержал. Мне почудилось, что какая-то хищноклювая птица, надсадно клекоча, пытается его раздробить!

Я глянул окрест, но уже не увидел ничего, кроме

серого тумана — сверху он клубился и внизу, словно я запутался в необозримом облаке пыли. И руки мои навек запомнили, как прорыв межзвездного урагана вырвал из них мою возлюбленную, оставив в ладонях лишь ощущение чего-то прохладного и шелковистого.

И чей-то испуганный голос зачистил, то падая до шепота, то взвиваясь в крик:

— Бысть буря велика! Гром бысть велик, и молния, и ветры с вихром страшны! Бури таковой никогда и не слыхано. Многие дома совсем разорило, людишек и скот побило, жито из гумен разнесло, бороны, на полях лежащие, сбросило в болото и леса. Паче же всего дивно — некоего человека с упряжкой да с лошадыю вихром на воздуха подъяло и унесло в трусе и вихре страшном, дандеже невидим бысть. Поутру телегу сыскали на другом берегу реки, на древе повисшу. Скотина околела, а человек исчез без вести и помину всякаго!..

Я не ощущал долготы падения своего, словно в его медлительности была бы для меня надежда... нет, я грянулся оземь мгновенно. И первое, что я услышал, был тот же голос, воскликнувший с величайшим изумлением:

— Смотрите! Да он живой!

Я ничего не видел, не сознавал, кроме заботливых прикосновений рук, приподнимавших меня и несших куда-то... земля снова сделалась далеко! Я испугался и застонал.

— Потерпи, потерпи, мужик! — услышался бас, полный жалости.— Шас... на машину и разом в больницу, там тебя, бедолагу, склеют! Тот-то, другой, мертвехонек! Парнишка совсем... А ты держись! Держись!

Я с трудом улавливал смысл его речей, плывя и покачиваясь, не ощущая ни малейшей боли и совершенно не понимая, почему пространство на разные голоса выкрикивает кругом меня:

— Тише! Осторожнее! Вытрите кровь! Приподнимите голову! Перевяжите!.. Да тише, ради бога!..— И все тому подобное.

Потом долго, усыпляюще гудел мотор, меня трясло, эта тряска мешала уснуть, хотя мучительно хотелось, словно я много лет не спал вовсе.

Потом запахло больницей, жалостливые голоса сменились отрывистыми и деловыми. Что-то остро вошло в руку ниже локтя... сладкое, тягучее оцепенение медленно растеклось по телу... Сон, долгожданный сон!

Последнее, что слышал я, было слово «вокзал».

ВОКЗАЛ

Нескоро ко мне вернулось зрение, нескоро я себя вспомнил! Имя мое было Григорий Лучников, было мне от роду сорок лет и назывался я художником. В те дни, в больнице, мне еще не под силу было восстановить в памяти мир своих полотен, но, стоило подумать о них, как в ушах начинал звучать, словно прибор в раковине, гул неодобрения и порицания. Зрителям, вспомнилось мне, картины мои оставались чужды и непонятны... Это странным образом терзало мою душу даже там, на больничной койке, хотя, казалось, страдания телесные должны были подавить и вытеснить все иное. Ведь я был жестоко изранен, пострадав при взрыве состава на пригородной станции Загорское...

Да, я очутился тем ранним утром в пустом старинном вокзальчике, изнутри, как смутно чудилось мне, больше напоминавшем планетарий — с высоким, синим изразцовым куполом, красивым, будто вечернее небо. Я помнил еще, что вдруг появилась на нем глубокая трещина... и больше ничего не помнил. Состав, последние платформы которого были нагружены сорока тоннами взрывчатки с каким-то шестиэтажным наименованием, слегка замедлился на перегоне — и слава богу, иначе взрыв затронул бы Загорское крепче, чем теперь, возможно, пострадал бы и Обимурск! Что произошло в глубинах этого смертоносного вещества?.. Об этом еще долго строили предположения, да никто ничего толком сказать не мог. Случайная искра? Сила и теплота трения? Невыносимость сосуществования молекул этого соединения между собою далее? Взрыв разметал ближайšie к линии дома пристанционного поселка, уничтожил станцию. Однако, по счастливейшей случайности, лишь один человек пал жертвой этой ужасной катастрофы.

В здании вокзала не оказалось пассажиров. Даже кассирша в это время отлучилась! Поезд, которым я, по видимому, прибыл, проследовал дальше — наверное, я единственный сошел с него. Итак, в вокзале не было никого, кроме меня — да юноши лет семнадцати. Он-то и оказался единственным погибшим.

Зачем он явился здесь в это роковое утро? Кто он — и кто лил по нему горькие слезы, кто терзался из-за его непонятого исчезновения? Лица его невозможно было

определить. Самое странное, что он был совершенно обнажен — любопытство горожан, сменившее жалость, было накалено этим обстоятельством до предела!.. Так и схоронили его неузнанным, неизвестным. Я видел потом его могилу. На ней очень быстро выросло деревце с высоко воздетыми ветвями — вот и все надгробие... В больнице спрашивали и меня о нем, но что мог ответить я, если вообще не видел его ни живым, ни мертвым, если не знал, зачем и сам-то ни свет ни заря уехал из Обимурска на станцию Загорское, кого встречал или провожал под синим куполом вокзала, более похожим на свод небесный, с кем и какие вел речи, а главное — почему в израненных пальцах моих оказался намертво стиснут лоскут серого шелка?..

И не могли его отнять у меня ни во сне, ни в бреду, ни в беспамятстве! Предположим — это я уже сам потом прикидывал, — я прибыл в Загорское, чтобы встретиться с какой-то женщиной, предположим, этот клочок ткани был от ее платья... но где тогда она сама? Ведь взрывом не могло уничтожить ее бесследно? Под развалинами же никого более не нашли.

Загорское еще залечивало свои раны, когда я был выписан из больницы и вернулся в город, домой. Странно ощущал я себя на улицах Обимурска! Все во мне было как бы заторможено, мысли и чувства словно притупились... Я вынужден был поминутно выдергивать себя из мутной рассеянности, напоминающей летаргию наяву, ежели таковая вообще существует.

Мне стоило большого труда припоминать повороты, переулки и перекрестки, однако же ноги вдруг сами несли меня в какую-то узкую улочку, или на баскетбольную площадку в тенистом дворе, или подводили к высокому желтому зданию педагогического института, где я учился когда-то на худграфе. Картины моей студенческой жизни достаточно ярко стояли перед глазами, а вот все, что было потом... Я с грустью ощущал, что странный шелковый лоскут словно бы оторвался от моей прежней жизни — и это все, что осталось мне от нее на память.

Наконец ноги привели меня к дому, и я узнал дом, где жил прежде. Какие-то люди во дворе и на лестнице приветливо здоровались со мною, заботливо оглядывали, жалостливо качали головами. Прежняя жизнь воссоздавалась на глазах! Оказывается, все-таки были у меня

какие-то знакомые,— в больнице-то меня никто не навещал, я уж вообразил было, что жил анахоретом.

Нет, нет... я убедился в ошибке, когда отпер дверь в свою квартиру. Какая-то женщина бросилась мне на шею! Мгновенный ужас поверг меня в испарину, и тут же — в озноб. Я сорвал со своих плеч ее руки, взгляделся... и узнал Анну, молодую и красивую женщину, которая иногда служила мне натурщицей. У нее были ключи от моего жилья, она иногда приходила по моему приглашению, а то и без зова...

Стрелец, приподняв брови, движением головы указал на дверь: мол, вон та самая, что ли румяноликая Анна?!

Лучников кивнул, прикладывая к губам палец.

Некоторое время царила тишина. Откуда-то из-за дверей донесся воющий, как бы металлический скрип: пила, что ли, по железу, или дрель точит стену?.. И вдруг Стрелец уловил в этом скрежете какую-то мелодию.

Он вслушался.

Это была песня, это пела Анна, и даже можно было разобрать слова:

Кабы по горам, горам, по высоким горам,
Кабы по долам, долам, по широким долам,
А и по-край было моря синего,
И по тем по хорошим зеленым лугам,
Тут ходила-гуляла красна девица;
А копала она коренья, зелье лютое.
Она мыла те коренья в синем море,
А сушила коренья в муравленой печи,
Растирала те коренья в серебряном кубце,
Разводила те коренья меда сладкими,
Рассычала коренья белым сахаром —
И хотела извести своего недруга,
Своего недруга, злого врага,
Да ядовитую змею — свою соперницу...

КАРТИНЫ

— Да... — неопределенно протянул Лучников, — Анна, да... Значит, так. Она плакала от радости, увидев меня, клялась, что не представляла, куда я пропал, менее всего могла предположить, что окажусь в Загорском в момент катастрофы. Выходило, о причинах моей поездки туда не знал никто, ни один человек, и не у кого было спросить, да что же такое мне там понадобилось!.. Анна говорила, будто разыскивала меня уже через милицию, и лишь вче-

ра след мой обнаружила — после трех недель, проведенных мною в больнице. Я-то полагал себя вовсе одиноким и не позаботился никого оповестить о месте своего нахождения.

Я был все еще как во сне. Наконец Анна обиделась на мою холодность.

— Ты, погляжу, пока не в себе, — нервно проговорила она. — Пойду... Обед на кухне, подкрепись. Позвони мне вечером. Или лучше я зайду позже, а то от тебя звонка сроду не дождешься!

С этими словами она ушла. Тут уж силы мои вовсе иссякли — не надо больше ни перед кем крепиться. Я ощутил, какая духота стоит в комнате — тяжело пахло красками почему-то, мне чуть не сделалось дурно. «Ах да, ведь я художник!» — вспомнилось будто о ком-то чужом.

Медленно, с трудом подошел я к окну, отворил его и долго стоял, поникнув на подоконник.

Сентябрь прохладно дышал во дворе. Нескоро я приободрился.

Взрыв, по рассказам, произошел три недели назад... значит, в последний раз глядел я в это окно не так уж давно, всего лишь на закате лета. Так почему же не покидало меня чувство, будто я стоял возле него в пору весеннюю? Отчетливо помнил переливы ночных запахов, вздохи Обимура — вот и сейчас он лучезарно распростерся вдаль, а за ним густо, по-вечернему, синели сопки. Заходящее солнце мягко позолотило небо...

Я смотрел на все эти чудеса, а думал почему-то все об окне.

Очертания его, вид свернутых временем шпингалетов, щербинок на крашенном белой эмалью подоконнике — и еще другой подоконник, металлический, косо нависавший над улицей, были мне как-то щемяще знакомы. Понятно, что знакомы, коли в этой квартире, у этого окна, наверное, я жизнь провел, — но отчего вдруг такая тоска присосалась к сердцу? Отчего оглядывал я комнату с недоумением и испугом?

Ее обстановка понравилась мне. И наконец я увидел, что к стене составлены холсты на подрамниках. Это же мои картины!

Ох, как сердце забилося вдруг!.. Я внезапно ожил. Ушла тягучая, оцепеняющая дремотность, исчезла тоска. Я подскочил к стене, принялся поворачивать полотна к себе, аккуратно расставляя их. Я не вглядывался в них —

просто наслаждался многоцветьем красок после серого однообразия изнанок холстов. Но вот все картины были расставлены, мой нетерпеливый взор полетел по ним...

О, творения мои не отличались разнообразием сюжетов. Почти на всех на них было изображено одно и то же — окно.

О боже мой!.. Понятно теперь, почему вспоминался мне скептический гудеж вокруг моих полотен! Уж и предмет для живописца! Правда, за всеми этими «окнами» — а их оказалось в комнате моей, кроме настоящего, добрых полтора десятка — виднелось звездное небо, но написанное, как мне показалось, однообразно, словно все холсты — лишь многочисленные, ученически-прилежные варианты всего одной, одной и той же картины. Белое перекрестье оконного переплета. Ночь. Тьма. Россыпи созвездий. Одна звезда светит всегда ярче других. Вот и все.

Прочих холстов было совсем мало: натюрморты, портреты — вроде тех, что вы видите здесь, — омахнул Лучников рукою стены. — Все это показалось мне убого, беспомощно. А ведь я прекрасно помнил, что меня крепко огорчали неодобрительные отзывы о моих работах. И вот я стоял, глазел на них — и удивлялся. Да как только хватило у меня ума — вернее, нахальства! — выставлять это на обозрение знатоков! Бездарная мазя! Звезды, главное...

Он не обращал внимания на протестующий жест Стрельца.

— Я метался по комнате распаяясь. Хотелось взять все эти картины — да разом за окно! Или сжечь! Вместе с этюдами, набросками! Я схватил большую черную папку, в которой лежали они, и с ненавистью грохнул ее об пол.

Веер исчерканных, изрисованных листков! И среди них... что-то тонкое и ломкое, словно увядшие лепестки неизвестного цветка.

Желтоватая бумага, лиловая вязь строк... Письмо? Я невольно поднял его, поднес к глазам. И возникло ощущение не то чтобы воспоминания, а как бы узнавания...

ПРИХОТЬ ВЕЛИКОЙ ЦАРИЦЫ

На другой день, ввечеру.

Единственный друг мой, прости, ежели письмо мое покажется тебе сумбурным, странным... голова моя му-

тится, руки немеют, однако же не по причине моей хвостости, отнюдь! более здоровым и крепким телесно я давненько не ощущал себя, чего не скажешь о здравии душевном. Право, чудится, будто я вот-вот лишусь последнего рассудка, ибо происшествие, бывшее со мною, не отнесешь к разряду обыденных. Быть может, ты сочтешь образ, рисуемый мною, не столько реальным, сколько идеальным, порожденным влюбленною фантазиею... что ж! по-крайности, подойди с сочувствием к фантазии бедного безумца. Однако ж довольно предисловий.

И так, мой Северьян отворил двери на стук — и я обомлел, увидевши пред собою ту самую хорошенькую субретку, коя на моих глазах прикатила в ужасном рыдване. Что, ежели и пленительная госпожа ея здесь! что, ежели я увижу ея!.. мысли мои смешались. Я едва ли смог пролепетать нечто невнятное в ответ на кокетливый книксен, а горничная, сощутив лукавые глазки свои, сообщила мне то, от чего сердце мое непомерно ускорило свой бег: прекрасная незнакомка, движимая сочувствием к больному прапорщику, просит соизволения навестить его!

Надо ли описывать мой восторг, мою растерянность? Я стоял столбом еще более недвижимым, нежели злополучная Лотова жена, а новая Ирида, окинув презрительным взором убожество моей обстановки, осведомилась, не жду ли я к себе кого из посторонних. Я недоуменно пожал плечами, а плутовка, стрельнув глазками в моего Северьяна, втихомолку пожиравшего ея жадными взорами, просила всем отказывать — и упорхнула.

У меня едва достало времени распорядиться Северьяном да слегка привести в надлежащий вид свое платье, когда двери вновь распахнулись, и гитара моя отозвалась едва слышно явлению новой гостьи.

Она стояла предо мною!

Ella était trop brillant, и даже la Venus* показалась бы рядом с нею холодною, бесстрастною куклою. Amour, tu blesses avec promptitude**!..

Горло мое пересохло, я ни за что не мог выдать из себя хотя бы слова приветствия или благодарности за участие, не то что приличествующий случаю bon-mot***. Ноги мои подогнулись, я упал на колена, приникнул губами к ея подолу... И в мыслях не было у меня просить

* Она была ослепительна... Венера (франц.)

** Амур, ты ранишь в одно мгновение! (франц.)

*** Острота (франц.)

прощения de la libert  grande*! напротив! ежели б мог я сейчас заключить в объятия сей стройный стан, прильнуть к устам — я не пожалел бы и жизни. Я был как в исступлении.

Нежная рука коснулась волос моих. Я поднял глаза и встретился со взором ея... молния блеснула в нем... бес страстного вожделения обуял меня.

Не помню, как мы сжали друг друга в объятиях. Чудилось, encore un instant ... una minute, et nous serons devant Dieu**...

.....
Чертог сиял. Лабнацкий кедр,
Сапфир и золото из Бактрии,
Ляпис-лазурь керманских недр,
И сердолики Ионии,
И Согдианы турмалины,
И серебро из Эфалины,
И цвет хорезмской бирюзы
Померкли в блеске той красоты,
Которой мир весь озарила
Она... Владычица Небес,
Владычица Земного Мира!
И на главе ея порфира,
Как будто солнце между звезд,
И затмевает ясный день
Ея пленительная тень.

Покорны боги Эннеады***
Ея чарующим очам.
И сотни тысяч славных, храбрых
Ей расточали финиам!
И падали к ея ногам
Юнцы, сжигая взором страстным,
Хоть пояс зрелости едва ль
Был кругом тальи опоясан.

Уатуат, вавилоняне,
И бедуины, и мидяне,
Темеху, чехен и нубийцы,
Фиванцы, бритты, ассирийцы,
Римляне, скифы, туареги
Служили ей на поле неги.

* За такую вольность (франц.)

** Еще мгновение... еще минута, и мы предстанем пред Богом... (франц.)

*** Т. е. боги всей Вселенной.

Хатхор* в своих золотых оковах
Вела ее стезей любви...
Но прихотью затмила новой
Она все выдумки свои!

«Кто к торгу страстному приступит?
Свою любовь я продаю!
Скажите, кто меж вами купит
Ценою жизни ночь мою?»
И взор пронзительный обводит
Кругом поклонников своих...
Вдруг из толпы один выходит,
Вослед за ним и три других,**
Кого вело презренье злое,
Кого — удалство молодое,
Кто алчет сладостных утех...
Страсть, как и смерть, равняет всех.

И город Солнца Небосклон
Был трижды погружаем в сон.
И новый день был трижды начат
С заходом солнца в свой чертог...***
На нильских берегах обычай
Всегда был неподкупно строг:

Казнен был Флавий самый первый.
За ним Критон — поэт, певец.
Был третьим юноша незрелый.
А кто ж четвертый? Кто храбрец?

Он по обличью — странник бедный.
Лишь только Сотис**** видел бледный,
Да Лев, да Лук, да Ихмавеней,*****
Как в путь смертельных наслаждений
Пустился он чредой палат...

Чертог спит. Спит великий град!

Молчат трещотки, бубны, систры.
Никто в покои не взойдет,
Когда великая царица
На ложе милостыни ждет.

* Х а т х о р — богиня любви в египетской мифологии.

** Бушков порою невольно — и неточно! — цитирует «Египетские ночи» А. С. Пушкина.

*** В Древнем Египте начало нового дня отсчитывалось от заката солнца.

**** С о т и с — Сириус.

***** Созвездия Древнего Египта.

Змея-сомнение сердце жалит,
И стынет пыл горячих уст...

КОШКА В СУГРОБЕ

Дверь за мою спиною открылась. Я обернулся, листок выпал и исчез в ворохе бумаг, разлетевшихся по полу.

Опять Анна? Но ведь она простилась и ушла!

Анна осторожно несла чашку с чем-то дымящимся.

— Вот, вскипятила. Выпей молока с медом — и легче станет, горло помягчает. И ложись, ложись! И я с тобой лягу, скорее согреешься.

Меня так и передернуло.

— Да я ненавижу горячее молоко с медом! — закричал я, будто именно это волновало меня сильнее всего. — Ненавижу! Зачем ты его принесла?! И не хочу я никуда ложиться, не хочу, поняла? Мне надо работать, мне писать надо, поняла ты?! Все тут бездарная мазня... Звезды, главное... Какие небеса, какие звезды — жизнь, живую, обыкновенную жизнь надо писать! — Анна одобрительно кивнула. — И не в окошко на нее глядеть, а к людям идти, по стране ездить, наблюдать все своими глазами! Да хоть бы и в окно — вон, кошка в сугробе на задворках, так она в миллион раз живее и выразительнее всех звезд!

Стоп. В сугробе?.. Кошка в сугробе?! Стоп! Но ведь час назад была еще ранняя очень. Почему, какие сугробы?! Я шел по улицам Обимурска, возвращаясь из больницы, — шел в одном пиджаке, даже без плаща, — теперь же на мне грубый, толстый свитер. Я только что склонялся на подоконник, вдыхая сентябрьскую последнюю теплоту, — теперь же окно аккуратно проклеено полосками белой бумаги, между рам вата, а на дворе все засыпано снегом...

Я схватился за виски. Что это, что? Вокзал, куда я попал неизвестно как и зачем, эта почти чужая комната, это окно, воспоминанья о какой-то весенней ночи, влажно вздыхающей. Картины, стихи... Нет, не стихи. Я был где-то, где-то... не помню. Господи, да что же со мной?! Как опять миновала меня жизнь моя?

Кошка высокими прыжками выбралась из сугроба. Вот перед нею возникли какие-то дворовые Гималаи. Она вмиг оказалась на заборе и осторожно пошла

по сломанной планке, пытаюсь обойти снежный завал.

Анна подошла сзади и обняла меня.

— У тебя же температура! Вот и буянишь. — Ее руки успокаивающе оглаживали мои плечи. Она несколько раз быстро, мелко чмокнула меня в шею сзади.

Я повел плечами, разгоняя щекотку.

Кошка на заборе повернула голову и замерла, уставясь на меня сквозь стекло. Она застыла, приподняв для очередного шага лапку, и я залюбовался ее изяществом, ее серой, с необычайным серебристым отливом, шерсткой.

Губы мои невольно дрогнули, словно я хотел позвать ее, и Анна обеспокоенно заглянула мне в лицо:

— Куда уставился?

Увидев кошку, она проворно вскочила на подоконник и яростно прошипела в форточку:

— Брыс-с-сь, ш-шалава! Пш-ш-шла!..

Я так и замер. А кошка, бедолага, от Аннинного пронзительного шипа вздрогнула — и сорвалась с забора прямо в тот сугроб, который старалась миновать.

Анна хохотала на подоконнике. Довольно колыхались ее бедра, туго обтянутые короткой юбкой. Кошка барахталась в глубоком снегу. Она пищала жалобно, мне вдруг почудилось — плачет... Точно человек! Ее слезы скатывались по шелковистой мордочке в снег — и вокруг каждой слезинки тотчас начинали расплываться радужные круги.

Анна умолкла на полузвук, я замер.

Двор на глазах волшебным образом преобразился! На уродливом заборе, покосившихся сарайках, облупленных гаражах играло семицветное сиянье. Оно так дрожало и переливалось, что колебались, дробились очертания этих убогих построек — помстилось, на их месте вздымаются терема, пагоды, невиданные дворцы! Чудотворное сияние восходило в небо, и тусклый серый полог, из-за которого устало сеялся маленький, надоедливый снежок, разошелся. А там открывались небеса, столь щедро украшенные звездами, что они казались посеребрёнными и позолоченными!

Мгновенным холодком прозрения, воспоминания овеяло меня. Это было, это было — раньше, до взрыва вокзала, до... Но злобно «брыськнула» рядом Анна — и все померкло, исчезли и звезды и воспоминания, осталась лишь жалость — до боли в сердце! — к бездомной кошке.

Не думая, не одеваясь, выскочил я из дому на улицу, выхватил кошку из сугроба и бросился обратно.

Она не царапалась, не рвалась из рук. Она не мурлыкала ошастливленно. Она просто приникла ко мне так, словно обрела долгожданное спасение от страшной опасности. И я еще крепче, еще бережнее прижал ее к себе.

На крыльце я оглянулся. Там, на сугробах, взъерошенных моими шагами, не было уже радужных картин. Но мне почему-то почудилось, что я еще увижу их!

Похоже было, что сейчас Анна вцепится в мое лицо и, сама уподобясь разъяренной кошке — рыси, — выцарапает мне глаза.

— Зачем ее сюда? Блох не оберешься, лишаев! — рычала она с ненавистью, которую я и не предполагал открыть в ней. Я так и замер, наблюдая выражение ее лица!

Однако Анна, заметив это, тотчас придала ему обычное состояние нежной заботливости. Я только ахнул, словно увидел действие ловкого скульптора, который, мгновенным движением гибких пальцев, придал пластилиновой маске, изображавшей всю злобу мира, выражение всепоглощающего добросердечия. Пластилин — вот что такое лик и нрав женщины, но ошибка думать, что скульптор — ее мужчина!..

Кошка съежилась, напряглась, и даже когда Анна с подчеркнутыми кис-кисами налила ей в блюдечко так и не тронутого мною, остывшего молока, отвернулась. Однако после того, как то же самое блюдо придвинул ей я, вежливо лизнула несколько раз.

Я все гладил, гладил ее, а она тянулась за рукой, ловя ласку. Что-то знакомое ощущали пальцы, прикасаясь к этой голубовато-серебристой мягчайшей шерстке. Словно бы шелк струился у меня меж пальцев.

Шелк. Шелк... Повинуясь неясному порыву, я отошел к письменному столу и принялся рыться в ящиках, сам не зная, чего же ищу. И вдруг что-то прильнуло к ладони!

Шелк, вспомнил я, тот самый серый лоскуток, который непонятно как очутился у меня в руках под развалинами вокзала! Совсем забыл о нем, как только не выбросил.

Я потянул лоскуток к себе — и свет, серебряный, мерцающий свет коснулся моего лица. Чудилось, я держу в руках краешек звездного сияния! Я помнил его другим, этот лоскут, а сейчас...

Резкий звук, подобный стону лопнувшей струны, преврал мои раздумья.

Я вскинул глаза.

Анна стояла у окна, придерживая одной рукой раскрытую форточку, а другой вздернув за шкурку серую кошку. Глаза кошки приходились как раз вровень с глазами Анны, и померещилось мне, будто искрами вспыхивает пространство меж этих скрещенных взглядов. И вдруг... кошка молниеносно шлепнула ее лапкой по щеке! И еще!

Анна взвыла, размахнулась — и вышвырнула кошку в форточку. Вспыхнуло мгновенное серебристое свечение — и все, и кошки не стало, а на лице повернувшейся ко мне Анны я увидел яркие отпечатки человеческих ладоней!

SON IDÉE

В пути и в пути.

все время в пути и в пути...

И вот мы с тобой

расстались на целую жизнь.

Дорога у нас

опасна, да и далека.

Увидеться вновь,

кто знает, придется ли нам?

— произнес вдруг Лучников, и Стрелец даже не сразу понял, что это — стихи.

Конь хуских степей

за северным ветром бежит,

И птицы Юэ

гнездятся на южных ветвях.

А вот от меня

все далее ты, что ни день,

Тоска по тебе

состарила сразу меня...

Лучников смотрел сквозь приопущенные ресницы куда-то вдаль, тихо говорил, словно сам смысла своих слов не сознавал, а так... жаловалась душа.

Плывут облака,

все белое солнце закрыв.

Вслед месяцам год

приходит внезапно к концу.

да, — боролась как за собственность свою, как за вещь, но в то же время — поклонялась этой вещи...

Впрочем, я отвлекся. Итак, смертная тень закрыла мой мир. Днем я то неистовствовал в отчаянии, то предавался печалованию, а ночами терзала меня боль в сердце. Чудилось, будто оно — скомканный платок, его надо лишь расправить, разгладить — и боль уйдет. Только не мог я его расправить, не мог отогнать боль, и ни днем, ни ночью не уставал дивиться своей судьбе и богохульствовать: «За что? Ох, да что за что же меня так?!» Снова и снова пытался я свить свои трепещущие воспоминания, чтобы найти неведомое, установить эту суть событий, но вновь и вновь рвалась нить моей жизни в моих пальцах.

Страдания мои длились девять мучительных дней и ночей, и чудилось, что все это время я, будто грешная душа, медленно, но неудержимо падаю в бездны Тартара, сквозь тройные слои мрака и железную стену. И не единожды посетила меня мысль о смерти, и не единожды обращался я к древним мольбам:

Смерть стоит сегодня предо мною,
как выздоровление пред больным,
как благоволение мирры,
как сидение под парусом
в ветренную погоду,
как запах цветов лотоса,
как путешествие под дождем,
как возвращение домой!..

Почему-то я помнил эти слова.

А еще, в довершение всего, однажды, когда Анна возила меня по врачам, свято веря в их могущество, эту квартиру ограбили. Собственно говоря, единственными сокровищами своими я считал книги, но из всего добра вынесли только картины. Мои картины! Странные воров, верно? Потом-то, конечно, я попытался восстановить их, но оригиналы так и сгнули.

Анна была вне себя: обидели убогого!.. — а я как-то не переживал, наоборот, воспрял духом, думал: коль украли картины, значит, они до того приглянулись кому-то, что он не мыслил своего дальнейшего существования без них, значит, пленили они кого-то, — а не на то ль были написаны? И я втихомолку радовался. И с тех пор, хоть немисливо было примирение со слепой, я все же почему-то ... притих. И даже постепенно начал при-

глядываться к тьме, в которую был так безжалостно низвергнут. Я начал пронизывать ее своим незрячим взором! Вам непонятно? А вы прижмите к глазам крепко сжатые кулаки. Разве вы увидите непроницаемый мрак?!

Вот и я увидел, что моя тьма — светится! Мнилось мне, что я смотрю окрест себя из глубин космоса, потому что непрестанно в ослепших глазах моих рождались и умирали солнца, вспыхивали и меркли созвездия; сплетались разноцветные, огненные нити метеоритов... Наверное, это жило во взоре моем и прежде, только вот самоцветье земное ослепляло, а может быть, этот мир зародился, когда взор мой погас, да горе внезапности помешало разглядеть, или оно вдруг, неожиданно, только что возникло — не знаю!

Ах, сколько же очи мои прозрели чудес!.. Порою даже мерещились мне, словно причудливые сплетенья жемчужных нитей, узоры моих пропавших полотен. Они жили в небесах своей странной жизнью, готовые подчиняться буйству человеческого воображения, и мне почудилось, будто там, там от века их место, а не здесь!

Не будет преувеличением сказать, что созерцание жизни моего космоса перевернуло мне душу. Я словно бы склонился пред волей или прихотью некоей высшей силы, оставившей мне лицеизреть только это. И впервые слова «духовное зрение» наполнились для меня смыслом, я видел невидимое, пытался осмыслить непостижимое, прозревать то, о чем и подозревать не мог раньше. Не ведал тогда, сам ли, по высшей подсказке... не о том думал я!

Какая-то неземная музыка... Вселенское песнопение, всекосмическая литургия, точно откровение, звучала отовсюду, просветляя смысл того, что видел. Чудилось, будто я разбираю речь небесных светил, будто вот-вот услышу ответ на извечные вопросы: кто дал волю ветру и облакам, неутомимым странникам, как разделились свет и тьма, кто лишил полдень и полночь возможности встречи? Я познавал смысл древнейших значений слов и верил, что солнце — воистину создающее день, луна — создающая ночь, облака — дающие воду, а гора — несущая землю.

И вот единожды, между созвездиями Золотой Рыбы и Гидры, которые жили на моем небосводе, вспыхнуло созвездие Солнечных Часов!

Не знаю, известно ли вам, что оно было отмечено в звездницах многих времен и народов, однако, с течением

веков, забылось звездочетами. И вот я увидел его! Чье же время указывали эти Солнечные Часы? Кто достоин такого исчисления времени?!

Луч золотой круг обежал, и я узрел, что вслед за ним несется вихрь звездный. Я бы сказал, что ветром лепестки цветущих яблонь взметены, что вспенились они, как облака, и, холодея, отчетливость нашел в расплывчатых их формах.

Гласит древнейшая буддистов. книга «Сто тысяч змей», что прежде Творения, из ничего, возникла женщина-богиня. Из головы ее явилось небо, из глаз — луна и солнце, из зубов — планеты. Голос ее — гром, дыханье, — облака, взгляд — молния, а слезы — дождь..

Не рождение ль богини сей мне явлено? Ведь та, которую узрел я, всемогуща! Не ее ль забавы — созвездий игры, не она ли заставит небо слезы проливать, а землю — ликовать от счастья? Не она ль по небу шествует, венчанная звездами, укутав облаками плечи и озаряя путь перед собою взором, словно бы луной?

Нет, лица ее я еще не видел, но все равно, сердце мое забилось.

Я жадно взирал — и думал, думал... Полагал великий мудрец русский по имени Федор Буслав, что повсюду в природе распространена одна высшая сила, везде действующая с одинаковыми правами, и что те душевные движения, которые человек сознает в себе, присутствуют и в окружающей природе, но до времени остаются немы, ожидая своего чудесного явления в каком-либо сверхестественном существе.

Что же необходимо им для пробужденья? Какой толчок? Смещение планетных орбит? Или проще — только дуновенье ветра? Трепет сердца? Дыхание страсти? Ведь наши плоть и дух сжигаются страстями, как деревья сжигаются пламенем. И жар этого костра устремляется в эфир, чтобы витать там, чтобы соткаться воедино со множеством, бесчисленным множеством дыханий таких же костров. А что если, продираясь я сквозь тернии непостижимого, что если сейчас предо мною вершится рождение некоего Вселенского Образа Страсти?..

— Да разве ж она родилась столь недавно?! — одновременно с иронией — и уюением воззвал Стрелец.

— Дитя! — печально и укоризненно откликнулся Лучников. — Вы прострелили собою толщу веков — и еще твердите о невозможности превращений Времени?! Время — это мы сами, сказал некто — уж не я ли?! А еще,

думаю, Время — это цветок, все лепестки которого равно прекрасны, свежи — о д н о в р е м е н н ы, или же в с е в р е м е н н ы. И, как говорят французы, *son idée se re-trance, sans cesse!*..

Стрельца будто ударило. Вновь качнулась пред ним Сфера, всплеснулась волна Эридана... А Лучников продолжал:

— *Idée Amoug*, я имею в виду. Вспомните и дивные слова Осипа Сенковского: «Любовь, милостивые госуда-ри, разлита в воздухе...» Я угадал!

Итак, светлый силуэт, соткавшийся в глазах моих, вился предо мною. Я слышал... до меня доносился голос, такой тихий, что его могло бы заглушить дуновение вет-терка и шелест листьев:

— *Что отуманился, полумесяц мой серебряный?*

И отозвалось отчаянным стоном:

— *Солнце меркнет без тебя! Глаза мои устали видеть мир, в котором нет тебя! В горе своем не отличаю рас-света от заката!..*

И уж когда унеслось потоком времени эхо, понял я, что это был мой голос.

Мой ответ!

И это моя гортань пересохла от неистового крика.

ОБИМУР

А еще почудилось мне, что этому голосу отвечал я в жизни своей не раз и не два. А она, светлая, вдруг ши-роко размахнулась рукою, и еще раз, и еще, словно сеяла что-то, напевая при этом:

Я пойду ли в чисто поле,
Я рассею свое горе
По всему ли чисту полю.
Уродись ты, мое горе,
Ты травую-муравую,
Белой ярою пшеницей!..

Черные хлопья так и сыпались из ее пальцев, но, едва касались небесной нивы, как расцветало на ней одно солнце за другим.

А она воскликнула так, что всколебались лучи светил:

— Тоска пусть уйдет ни в пенье, ни в коренье, ни в грязи топучи, ни в ключи кипучи!

И вслед за тем быстро пошла ко мне, и улыбка пор-хала на ее лице, скрывая от меня черты. Не мог я больше

ждать, пока она подойдет! Вскочил и бросился ей навстречу.

Какая-то преграда ударила меня по лицу, по рукам.

Я понял, я вспомнил, что лишь видение, лишь призрак манит меня, а я — я слепец несчастный, заботливо запертый Анной в комнате своей. И вот дверь заградила мне путь!

Я ударился о дверь всем телом — она не поддавалась. Тогда я схватил ее как врага, и вырвал из косяка, и отшвырнул. Ох, как же противился мне дом, как цеплялся он за меня! Ожили стены и потолки, звали меня на разные голоса и громче других — голосом Анны, стращали — воистину, исходил из них стенотреск, ухозвон, вранограй, мышеписк и сорочий шекот!

Шаг на свободу... но тут дорога сломалась под моими стремительными, бегущими ногами, и я повалился вниз куда-то, ломая тело на острых горных вершинах! Ступеньки, ступеньки — я забыл о лестнице в подъезде, покатился по ним. Кое-как смог подняться. Стыдно мне было рваться за мечтой, осторожно нашаривая путь, повисая на перилах. Клянусь, уж скорее готов был я прорваться к ней под землю, явившись с окровавленными ногтями, но вспомнив, где прежде был выход во двор, почуяв его по свежей струе, вспарывающей затхлость подъезда, я метнулся туда, сокрушая на своем пути лестницу.

Боли я не чувствовал... только что-то теплое омыло мои руки. А как хлестнул по глазам день! И, напоенный полуденным светом, образ, зовущий меня, тоже засиял, расцвел. Чудилось, что я его уже видел — да где? Когда? Вспомнить бы!

Пели мне деревья, слаженно указуя путь, а когда я вдруг терял его, ветер подталкивал меня и торопил.

Да и не надо было меня торопить! Впереди заиграли волны Небесной Реки — я знал, что на ее берегах та, к которой я спешил, откроется мне.

Изредка, словно из-за стен светлого коридора, по которому я бежал, вспыхивали мне обрывки мелодий, слов, переключки машин и шелест шагов. Дыхание близкого Обимура освежило мое горящее лицо.

И вдруг... о боже мой!.. и теперь трудно собрать слова, чтобы описать тот ледяной поток, который сбил меня с пути и повлек за собою! Что-то кричали обезумевшие... выбросили... кто, куда, не лезь, не давайте!..

Лучников согнутая, качая головою:

— Представьте! Слепой спешит куда-то, бог весть куда, счастливо убегая ловушек, расставленных городом, минуя алчные пасти автомобилей, и внезапно его захватывает, начинает вертеть и крутить сонм обезумевших, опьяненных единою целью, единою волею... Тогда почудилось мне, что это вакханки, растерзавшие Орфея, напали и на меня: страшные, дикие женщины, глаза у них налиты кровью, на головах венки из ядовитых цветов, а вокруг запястий и бедер извиваются змеи... Нет, все было проще и страшнее: рой страдалиц, навеки одурманенных спертым воздухом бытия, стремился за очередной добычей.

Господи, неужто им оставили только это?!

Я был стиснут тысячью рук, смят тысячью тел, истоптан тысячью ног — я потерял дорогу. Ринулся куда-то, пытаюсь вырваться и уловить дыхание своего пути, потом почудилось мне, будто мост, кинутые через глубины Обимурские, запел под моими ногами, твердое ткнулось в бок — меня прижали к перилам. Рванулся, меня отпихнули... Я потерял равновесие.

Сердце мое остановилось, и кто-то выкрикнул задыхаясь, настигая меня в падении — или полете:

— *О родной мой!.. Я здесь!..*

Я не чувял времени и высоты. Кто-то приник ко мне, я сжал руки крепко-крепко, крепче и быть не может! И в мои плечи тоже вцепились чьи-то пальцы, и стремительные течения воздушные притягивали наши сердца все ближе и ближе друг к другу.

Вот сомкнулись плечи и колена, не стало зазора меж грудей, бедрами приникли мы друг к другу так плотно, что даже ветер не смог бы проскользнуть меж нами!

И тут глаза мои отверзлись и я увидел... я увидел день, небо синее, увидел буйные волны обимурские... И прежде чем они сомкнулись над моею головою, наконец-то вспомнил, кто я и где я!

Я — в небесах. Я — возлюбленный Звезды. И вот она горит в моих ладонях.

ВОДЯНИЦА ОБИМУРСКАЯ

Утресь подул всестрашный ветер с моря северного, понес он, странник поднебесный, тучи черные, песчаные облака, а деревья он с корнем играючи выдергивал, кровли расшалась срывал, людей, что травушку-ковылек, қосил он, выкащивал по своей по прихоти, по вольной во-

люшке. А уж волну вспенил он обимурскую, какой не видано и не слыхано, людьми старыми не упомянуто!

Лишь другим днем насытились буйства небесные. Пошли крестьянушки поглядеть, что несет Обимур.

Ох и водополюе кругом!.. На бережку, водомоем тронутым, валяются дуги, кадки, лодии, дровиё, в щепу колотое, глазки, до блеска отмытые, а по волнам доски да гребла плывут сломанные, птица, бурей побитая, дробля оглушенная... На славу распотешилась бурюшка!

Бабы судачат, мужики к добыче примеряются, девки с парнями пересмеиваются, ребяшня веселится, как водится... Только слышат вдруг они вопль пронзительный:

— Ой, глядите-ка, люди добрые! Да отворите ваши ясные глазыньки! Киньте взоры в мутные воды обимурские — и откроется вам дивовище великое!

Глянули на Обимур заботники — пена серая играет на волнах. Вдругорядь они, крестьянушки, глянули — трава речная поверху плывет. Пригляделись они озойливей — да и сотворили знаменье охраняющее: водяница зеленовласая из волн речных подымается — а в руках у ней... человек! Спит мертвым сном, не чует ни дня он, ни ноченьки, ни ласк студеных ее.

Во какова была буря злокозненная! Знать, с высокой кручи сорвало молодца, в воды обимурские бросило, нес поветер от заглавков до плесов его, на потеху девкам-русалушкам!

Ох и крик на бережку тут содеялся! Ровно свора сорочья встревожилась.

Как слышала русалка этот шум, подняла она очи свои, ну а очи у ней зеленые да глубокие, что пучины-бучила обимурские,— потом к устам приложилась человеческим своими устами ознобными, мокрые кудри погладила — да на пологий берег вынесла утоплого, туда, где ивие моет веточки.

Кинулся тут кто похрабрей сеть закидывать, чтоб словить ее, как белорыбицу, да где! Всплеснулась волна кипучая и на брызги рассыпалась бессчетные, а она сама, шутовка белотелая, ушла под воды глубокие, где чертоги стоят светозарные, где тишь царит да безветрие, вечный день без темной без ноченьки.

Глянул тогда люд на утопленника, на дар водяницы-русалушки. Что ж! Справен, хорош собою был молодец, взял что ростом, что дородством он. Жаль, одежда вся превратилась в лопотину, да не носить ему больше новин, не хватать ловкими сапожками! Поклевали б его карги-

злые вороны, не то съели рыбы глубоководные, а теперь примет Мать-Сыра Земля в свои хоромы широкие. Знамо, всем в свой час там гостевать, сидеть за столами богатыми, питий-яств медвяных отвеждать...

Излих жалких слов над утоплым было молвлено, украдкой слез девичих точено. Рассудили, кому домовину сколачивать, чтоб чужинца по-людски схоронить, подняли его за плечи да за ноги, понесли было в село, в горищу, да в лесу загоска провещилась... Поет, кукует кукушечка: поет, кукует без умолку, сулит кому-то годы долгие, жизнь сулит кому-то беспредельную!

Тут девка — та, что пуще всех голосила по утопому, словно был он ей кровный сродственник, не то — нареченный жених (она Плачеей звалась, на похоронах покойных оплакивала), та девка, что первой в волнах его увидела, закричала вдруг источным голосом: чудок не оглохли окрест стоящие:

— Ой да гляньте-поглядите, люди добрые! Никак живого схоронить вознамерились?!

Посмотрели сельчане на мертвого... Румяница в лице его поигрывает, очи ясные на белый свет глядят. Ай, не зря егузля голос подала, не напрасно Плачeya подняла крик. Жив-живехонек гость нечаянный!

Кинулись крестьяне молочком его отпаивать, потчевать, чем бог послал, а потом подступили с расспросами: чей, мол, ты, добрый молодец, какого роду, откуда ты?

Глядел он сперва, словно иступивший ума, но скоро пришел в разумение, сказал, мол, заплутался как-то во сыром бору, да обуяла его там ночка темная, ночка темная до ненастная! Как постелькой была ему сыра земля, изголовьем — хладный камешек, покрывала его роса мокрая. А наутро, едва забрезжило, вышел он на берега Обимуровы, но тут ударил вихорь с поднебесья, да и столкнул его в воды глубокие! А что далее — не упомялось, что было допрежь — поросло быльем!

Подивились крестьяне, пожалели гостьюшку, а потом судить стали, стали прикидывать: а не остаться ли ему в селении, покуда память опять не воротится? Что ж, такого завидного молодца всяк хозяин возьмет себе в работнички!

Белоземцы жили в том селении, из дедов велась там вольная волюшка. Не страшатся здесь судилища боярского — страшатся лишь осуда своеземного. Не забидит хозяин работника, со плеча одежду

ему пожалует, за свой стол посадить не погнушается.

Согласился остаться добрый молодец — но к кому ж податься в наем?

Тут вперед вышла бабка Догадиха — знатка, зелейница посельская, та, что от хворей-немочей пользует, — да и говорит, народу в пояс кланяясь:

— Ой вы, люди, молвит, люди добрые! Да уж будьте милостивы к моей хилости. Сам-второй мы со внученькой бедуем, по чужим людям поскребаемся. Избешка наша сникла в ветхости, земелюшка непахана, вся травой взялась. Повелите нам в удел работничка, а заплатит ему пускай мирской сход!

Приздумался тут посельский люд. Ведь Плачея — внучка Догадихи, она первой углядела в волнах молодца. Так бы и рассудить по справедливости... Но как отжалеть плату пришлому? Трудиться станет он на Догадиху, а рассчитываться — все село?

Так-то так, да не откажешь зелейнице. Коль врачует она хвори и болести, коли ведомы ей свойства агарика, горички, травы заячьей да иных былий-травушек, так и противное знает их действие! А ну как в отместку за отказ не борагу, что в желудке холодит, однажды положит в питье, а какое-нито злое былие? И не спознаешь, отчего завелась в тебе кручина желтая, зеленая или черная. От желтой ведь болезнь приходит огненная, от зеленой — зеленая хворь, от черной же — сама черная смерть! Нет уж, лучше не перечить Догадихе, нет уж, лучше со знаткой не ссориться!

На том мир и порешил.

Вот живет день за днем у Догадихи тот Найден — новый работничек. На подворье он навел порядочек, и надел приглажен, приласкан им. Золотые руки у молодца!

Примечают досужие кумушки — что-то взвеселела Плачеюшка! То гляделась замарашкою серою, а теперь вся справа искатана*, в косы перлы вплетены обимурские, лицо нарумянено да набелено. Ласковым словцом облазняет Найденушку, непрочь, видать, чтобы он прижал ее к сердечушку, чтоб назвал ее своею милою, женою назвал бы любимую. Примечают за ней и подруженьки: на водицу она тайком нашептывает, тайком слово творит наговорное:

* Искатать — выгладить, катая на скалке.

— Ты войди, тоска-сухота, в сердце Найденово, как кувшин в воду входит студеную!

Да что! Помнят ее подруженьки, как зимой, когда у Сажар-звезды спрашивали, быть ли этим годком девкам замужем, Плачя не Сажар одесную видела, а только лишь Зори Девичьи.* Долго, знать, суждено ей в девках сидеть! Неужто ж звездословие не сбудется?! Об том судачат ее подруженьки, на то и Плачя надеется.

Найден же, удалый молодец, сам себя позабывший, непомнящий, и не ведает про думы девичьи. Невдомек ему, что девка мается! День день, лишь от работы отворотится, все глядит, глядит он на солнышко, ночью ловит взор серебряного месяца, глаз не сводит на заре с сиянья звездного.

«Может быть, не в себе сей утопленник? — иной раз пораскинет Догадиха.— Может, порча на него понапущена? Иль забыл, утратил что на небесных на тех он дороженьках? Словно от слепоты прозрел — не нарадуется! Лишь тогда его лик озаряется, когда светила ему улыбаются. А когда поглядит на Плачешку, будто мучает его зубная скорбь! Нет, тут клюка** .какая-то кроется, нет, есть тут что-то нечистое!»

Возьми да спроси Плачя желанного:

— Что ты все в небо пялишься, что крушишь себя, что печалишься? Дряхлеет ведь ретивое сердечушко, коль томить его тоскою тоскуечю.

И вот что Найден ответил ей:

— Все мне чудится, все мерещится, словно вижу я пряху заоблачную! Тянет она нить злато-солнечную, с ней сплетает нить серебро-лунную, свивает с ними жемчужно-звездную. И тонки те нити, будто вздох иль стон... А еще мне мерещится пророчество: та, мол, женою твоей станет девица, что нить спрядет не толще ее, ткань соткет краше аксамитовой***, из нее сошьет наряд себе свадебный, вся поламином займется в руках твоих!

Кинула взор Плачя на грядку**** свою — ничего на ней нет подобного! В тоску-кручину она вдарилась, ну молить свою бабку Догадиху, чтоб дала ей какого-нито зелья

* Сажар-звезда — Стожары, созвездие Большой Медведицы в древне-русской звездографии.

Девичьи Зори — три небольшие звезды на Млечном Пути.

** Клюки — хитрости.

*** Аксамит — драгоценная ткань с золотыми и серебряными нитями.

**** Грядка — доска, перекладина в избе, на которую складывали одежду.

присушливого: окрутить скорее Найденушку, сердцем к себе повернуть, от небесных высей отвратить взор его!

Долго думала старая Догадиха и наконец вот до чего додумалась:

— Иди,— говорит,— в полдень на поле, стань посреди высокой ржи да покличь на подмогу Полудницу. Она, ржаница, с жаром солнечным знается, и коль она над тобою сжалится, так подскажет, как свить нить золото-солнечную. А после и другие добудем мы ниточки!

ПОЛУДНИЦА

Воутри, едва просветлели небеса, подхватила жен* Плачешка, да скорей на поле свое, где рожь-матушка уж волнуется, ждет, когда придут сожинать ее. Да не столько снопы вяжет девица, сколько по сторонам с опаскою поглядывает. И чем выше взбирается солнышко по заоблачным шелковым лестница, тем чаще Плачешка озирается. Едва девятину сработала, далеко еще до грани земляной! Ну да леность свою Плачешка оправдывает: «Ретивая лошадка недолго живет!» Да и страшно, ох, страшно девице: сызмальства присказку помнила — не ходи в высокую рожь, обожжет тебя Приполудница,— а нынче сама к той нечисти на поклон пошла!

Наконец отбросила Плачешка жен, во весь росточек свой выпрямилась, стала ждать, когда ее ударит солнышко, когда ветер склонит рожь, когда примчится Дева Белая. Ох, натрудит она со зла шею Плачешке! Иль щекоткою защекает до смерти...

Глядит из-под руки девица — белина** в золотом поле виднеется. Иль зверятко из лесу выкатился? Или недруг какой, лихой человек? Не то Ядрей, Попутник, Кутник, Спех***? Нет, нет... существа какие-то крылатые колесницу везут златоогненную! Ох, светом по глазам ударило — повалилась Плачешка без памяти.

Долго ль, коротко ль пробыла она в мороке, да очнулась... Стоит в полудне солнышко! Глядь — рядом с нею старушка старая, вся как есть в рванье, во лопотине, седые власы у ней всклокочены, в них колосья ржанные натыканы. В руках клюка да веревка с наузами. Не иначе скотину ищет старая.

* Жен — серп.

** Белина — белая полоса или пятно на более темном фоне.

*** Ядрей, Попутник, Кутник, Спех — в славянской мифологии добрые духи.

Осмотрелась Плачя — нет белины, колесницы пресветлой нет, нет Полудницы... «Ох, неужто я, горе-мычная, понапрасну гнула свою спинушку, понапрасну жнитвом руки резала, понапрасну головушку парила?!»

И в слезы Плачя ударилась, с причитаньем да с подвыванием.

— Не кручинься так, красная девица, — говорит ей рвань-старушонка. — Научу, как раздобыть златую ниточку для твоего ль одеяльца свадебного, коль меня на этом поле перепляшешь ты!

Подбоченилась тут Плачеюшка, свысока на старушку глянула:

— Где тебе тягаться со мной, бабушка! Погляди-ка на мои резвые ноженьки, погляди-ка на мою прямую спинушку! Как сдюжить тебе в пляске буюевой?

— Не велика хвала твоя, девица, своею статью, красую да поступью. Породила ведь тебя родная мать, во льняной повой повила тебя, молоком своим выпаивала. А меня породили светила небесные, одевали меня в звездный свет, росы-дожди меня вскармливали, песни ветерок навевал, а играла со мной одна лишь молонья!

С этими словами диковинными распрямилась старушка молодо — поманила за собою девицу — да и кинулась в пляс огневой.

Сжала зубы тут наша Плачеюшка, пяткой оземь покрепче топнула, руки в боки уперла, гикнула — и пошла кружить среди ржаных полей!

А вокруг нее вьется старушечка, словно белая вьется виялица, коль бывает виялица огненной, коль бывает она ослепительной, коль поет метель колдовскую песнь:

Полотно ткала девка золотое,
Что по углам круги серебряны,
Что по краешкам ясны соколы,
По покромочкам черны соболи,
По прошивочкам мелки пташечки!..

Без устали пляшет Плачеюшка — ноги сами несут ее по полю. Так и чудится она себе то веретеном, то челноком себе быстрым мерещится, то иголкой проворною кажется. Шум да гул стоит в бедной головушке — ох, клянет она себя на все лады!

«Что за пряжу она мне пожалует? Не пойдут впрок человеку эти ниточки! Напрасно ль народом говорено: не дождешься рубашки от кикиморы!»

А старушка стелется по полю в ослепительной пляске вихревой, напевает песнь свою дурманную:

Красна девица испугалася,
Полотно ткати она помешалася,
Круги злат-серебряны раскатилися,
Ясны соколы разлеталися,
Черны соболи разбежалися,
Мелки пташечки распорхалися...

Словцо последнее молвило — ноги Плачеины замерли.

Глядь — стоит она аж у волмины*! Вон куда ее пляска завлекла! Кругом поют комарики-сударики, в лесочке бухало** поухивает. Доскакались они со старухой до сырой росы, до вечерней, до поздней до зорюшки!

Посмотрела окрест Плачеюшка — не видать чародейки нигде. Лишь вдали тает белина, лишь доносится дальний глас:

— Приходи плясать завтра вновь — будет сгода моя пряжи дать серебряной!

Лишь теперь Плачея увидела, что полны руки у ней нитью чудною. Золота она, будто солнца луч, а тонка она, будто вздох иль стон...

С трудом наутро Плачея вспомнила, как вечер домой воротилася, как дивилась бабка Догадиха, как лишился речи Найденушко... Но лишь двинулось солнце на полдень, вновь бегом в поле она бросилась. И не обманула ее старая: вновь они друг дружку переплясывали, привлекали луна на земелюшку, и домой Плачея принесла охапку нитей серебряных, с обещаньем плясуни неистойой: «Коль еще денечек ты выдюжишь, коль твои не подломятся ноженьки, одарю тебя звездной пряжею... а не то — соломы охапкою! И в солому ж обернется все, что добыто!»

А Найден меж тем озаботился... Призадумался Найден, пригорюнился. Посулила ему пряха вешая, что невестою его станет девица, злат-серебряных нитей напярившая, да не лежит его сердце к Плачеюшке! Тоска берет от одного ее облика. Знать, не зря в народе говорено: лучше хворать лихорадкою, чем с женою жить нелюбимою...

И почуял он что-то неладное в том, что Плачея с пряхей возвращается. Где нашла она прялку волшебную чтобы солнца луч да луны свить в такие вот ниточки?

И на третий день, едва девка за порог, Найден следом украдкой последовал... И прокрался за ней до самого по-

* Волмина — место, поросшее ивовым кустом.

** Бухало — филин.

люшка, притаился средь колосьев, ждет — что же случится здесь далее?

Глядь — на поле пал лучик солнечный, охватил, опутал Плачеюшку — понеслась девка кругами по полю, ровно в пляске безумной носится! И туда и сюда она мечется, мнет золотую рожь, дико вскрикивает, закатив глаза, задышаючись, а все носится безостановочно, и вокруг нее — лучик солнечный.

Пожалел тут Найден безумицу, из укрытия своего он выскочил, да и хватъ Плачею за руку! И едва стала колом девица, как увидел Найден: то не солнца луч плясал вместе с ней, а красавица, ему незнакомая.

Открыла глаза Плачеюшка — да едва ль оземь она не грянулась. Где старуха, что плясала с ней?! Стоит пред ней дева неведомая. Росту она, дева, высокого, от лица свет идет, как от солнышка, володь* — словно спелая рожь. Красота ее огнем горит, а одежда на ней белым-белая, будто соткана из золотых нитей из солнечных, из серебряных лунных ниточек, перевита еще звездно-жемчужными...

Ведомо Плачее, ох, ведомо: не простые существа в такой одежде являются, а те, в ком сила живет чрезуестественная. Знать, она-то Ржаница и есть, знать, она-то и есть Полудница!

Охватил-опутал Плачею страх — едва душенька в ней полуднует**!

Взвизгнула она визгом пронзительным — да и прочь поперек межи кинулась, чтоб не поймала нечистая силушка! Позабыла она про Найденушку, про нить позабыла обещанную: гонит страх ее да нахлестывает!

А Найден-от с места не двинулся, словно в землю врос перед девицей.

— Кто ты, — молвил он, — и откудава? На земле родилась иль сошла по небесным путям и дороженькам?

Отвечает ему красна девица — песнею отвечает старинною:

Моя матушка — красно солнышко,
А мой батюшка — светел месяц,
Братцы у меня — часты звездушки,
А сестрицы мои — белы зорюшки.

Нет, не тронул страх сердце Найденово. Ощутил он

* Володь — женские волосы (*собирает*.)

** Полудновать — быть уж на последнем издыхании.

в душе силу великую. Силой той — реки вспять повернуть! Ветры буйные останавливать! Замедлять быстролетные молоньи! А ему возжелалось одного — припасть бы к устам девы солнечной...

Вот стоит она пред ним с колоском в руке, мнет колосья стопою легкою, а ему, Найдену, мерещится: топчет сердце его, как зелку-травушку. А еще почудилось молодцу: мечут стрелы ее очи ясные, ну а стрелы ее — златые змеюшки легкокрылые. Достигают они сердца ретивого, уязвляют они его безжалостно.

Тут закат позолотил ее косоньки — и признал Найден красавицу!

— Это ты, — вскричал, — ты спасла меня! Ты из волн обимурских меня вынесла! Но тогда ты была русалкой холодной, а теперь обжигашь-слепишь, будто солнышко!

— Нет, не солнышко тебя слепит, — отвечает ему Полудница. — То слепит тебя любовь моя...

И узрел тут Найден диво-дивное: во ржаном золотом вольном полюшке вознеслась шатром белая яблоня. Под нею лужайка раскинулась, словно бы ковры, шелком шитые. Солнце мерит истому щедрой мерою!

Из-под ног пошла-поплыла земля...

То ее глаза — или взоры звезд?

Тело белое — или облака?

Руки — или же крылья легкие?

И с каких же высот Найдена бросило в те объятия самозабвенные? Или, может быть, вознесло?..

Жив ли он — или мертв давно?

Ведь сгорает он в печи огненной — да и славит страданье восторженное, просит-молит мучений продления, продолжения до бес-конеч-нос-ти...

И трепещет в руке его сердце возлюбленной. Вся звенит она золотой струной. Прозревает она первозданный свет, омывает росой возлюбленного — ну а та роса от небесных куш...

В те поры могло диво дивное объявиться взору нечаянному: в поднебесье колышется яблоня, отрясает наземь свой белый цвет. Лепестками вся рожь припорошена. И не тает сей снег под жарким солнышком!

Ох, недобрый взор чудо увидал! Полям тем тащились от винщика захмелевшие два собутыльника. Был один из них Гусарь по прозвищу, другого Говядарем кликали.

Были они братья по отцу, однако же друг с дружкой не схожие: востролик, долгошей Гусарь, а Говядарь — женовидный глазун. Прозывали их так по пастушеству, коим жили они во время прежнее. Да уж давненько от дела отвадились, давненько злопраздно бездельничали. На обоих азамчики драные, космы у обоих нечесаны, в бородах охвостья да шелуха...

Шли они, подпирая друг дружечку, да завидели в поле диво дивное. Ох и глумники были, лживы, блядливы! Все бы им загнусить, все испакостить! Как пройти мимо чистой красоты? Нет, схватить ее лапою грязною, разодрать, наизнанку вывернуть, умертвить живое и светлое, да на потеху уродство выставить — такова была забавка их. Только это влекло души гнусные.

Подхватили братцы полы азамчиков — да вприскокку под яблоню бросились.

Крепко спит Найден, спит Полудница, только слышат они сквозь блаженный сон: прозябает трава в изголовии, упреждает беспечных возлюбленных — грядет, мол, беда на них нежданная!

— Ну, спасибо, ковылечек-травушка! — говорит ей с поклоном Полудница. Вслед за тем до Найдена дотронулась — обернулся он золотым конем! Сама стала огнегривой кобылицею, понесли вдвоем по-над полюшком, по-над небушком, по-над рекой!

Видят братовья — чудо деется.

Золотые гривы свиваются, золотые шеи изогнуты, искры-звезды от копыт летят!

Эх, не то чтоб замереть в восхищении перед теми прыжками, касаньями, пред Вселенским тем любострастием, — загорелись Говядарь да Гусарь жадностью, алчба вскружила им головы: коль поймать этих двух коней, так сколь за них можно выручить?! Это ж можно поди сделать бочечку высотой с добрую сосенку, да залить ее всяклень зеленым вином, да и пить его, пока не лопнешь сам!..

Растопырили руки братовья, ринулись коней пугать-хватать, но едва ль два шажка они сделали, когда пали с небес тени темные, словно бы тугие веревочки, вмиг обоих глумотворцев опутали, чародейными наузами стиснули... И два смердящих козла поскакали прочь по чисту полюшку, а вослед им неслись слова чудные, потайные слова, заговорные, про узлы могучие волшебные, что завяжут все пути и дороги все, что земные, то и небесные...

КАМЕНЬЯ СРЕДИЗВЕЗДНЫЕ

Привел Найден в деревню молоду жену. Где сыскал — никому то не ведомо. Может, в тех краях, откуль сам прилетел-приплыл обимурской волною стремительной? Да, видать, досталась девка с приданым: враз откупили землю у люда посельского, враз избешку поставили новую, а изба та — хоромы боярские! Однако ж не зазнался Найден: подался в древолазы, в бортники, дикий мед берет, с небесами ведет он беседушку, поднимаясь на древа высокие. А жена его, Краса Златоогненная, вдоброволь взялась уговаривать недуги.

Как не сладится врачьба у Догадихи, как старуха со злуницей* не справится, так спешат за цельбой люди добрые к молодой женке Найденовой. И не травами, не заговорами — исцеляет она камнями болести! И камней целбных, чудодейственных у нее великое множество!

Дива этого люди не видывали. И прозваньев таких они не слыхивали. А уж как начнет Краса рассказывать про камения те — ровно сказку плетет, заслушаешься!

— Коли, в солнце гляючи, очи затемнишь, аль на мир глядеть приустанут глазоньки, так потри их червлым яхонтом — снова зоркость прежнюю обретишь. А коль будешь камень сей при себе носить, то скрепишь сердце свое, честен будешь средь людей. Ну а яхонт-камень лазоревый чинит человеку спокойствие, милосердной его душу делает, а во время морового поветрия одним лишь своим доткновением уздравляет тело болящего. Измарагд уймет смертоносный яд — заживит злых гадов укушение. Укрепит он и зрак человеческий, душу взвеселит владельцу своему. Ежели носит кто при себе ферюзу, то не может быть сей человек убит: никогда ферюзу на убитом не видывали! Камень топаз, на рану положон, кровь уймет и телесное жжение. Коль агатис в воду положить, а через три денька дать испить женкеродильнице, учинится ей легкое рожение! Кто носит при себе орлов камень, к тому человеку любовь укрепляется, и богатства его умножаются, и падучая болеть минует его...

Не видать конца сказкам о камнях и не счесть исцеленных их чародействием!

Подкатила Плачее под сердце и гнетет ее, давит, му-

* З л у н и ц а — лихорадка.

чает зависть — злая, злоязычная, с ликом ужасным, злообразным. Не прочь она сделать Найдена чужеложником, да краса его жены обжигает взор. Вот и злобится Плачя втихаря:

«У меня круг пяты яйцом покати, у меня под пятой воробей проскочи, а у ней, у злодейки Полудницы, поди не ноги, а лапы перепончатые!» И готова она покумиться с ведьмами, только чтоб извести Золотую Красу.

Злой любовью Плачя обуяна. А в старину, известно, думали: и безвредное травяное зелье может смертным стать, коль сообщит ему волховство злокачество. Не так и любовь? Благодейная — может смертоносной быть, смотря кто любовь ту испытывает...

Темной ночью Плачя не спится, подушечка в головушках вертится. Злая песнь с языка нейдет:

Кабы по горам, горам, по высоким горам,
Кабы по долам, долам, по широким долам,
А и по-край было моря синего,
А и по тем по хорошим зеленым лугам,
Там ходила-гуляла душа — красна девица.
А копала она коренья, зелье лютное,
И хотела извести свою соперницу...

Может статься, так бы она и сделала, да вмешалась старая Догадиха:

— Не велика хитрость извести Найдениху — куда хитрей порушить любовь!..

Дала бабка внучке траву заветную — что мала собой, тонка в стрелочку, что четыре цвета в себе таит: червлен, зелен, синь, багров. И носить ее при себе всегда надобно, чтобы видеть насквозь козни нечисти, да самому невредиму быть.

Вот пришла пора жеребевать, кому в поле идти, овины стеречь от пожарища. И достался Найдениху жребий тот. Лишь отправился хозяин в бережатые, лишь пала наземь заря вечерняя, как Плачя прокралась на подворье и в задец затаилась-спряталась.

Опустилась ночь на земелюшку, объяла ее сном-дремотою. Все село уж спит, одна не спит Плачя-греховодница! Слышит она в задце том: филин, предвестник пагубы, кричит на крыше дома Найденова. И взвеселилось сердце Плачеино!

Вот погас огонек за ставнями — знать, легла, уснула Полудница. Решилась Плачя из укрытья выбраться. Как змею, свернула косу на голове, другою косою опоясалась,

чтоб в ногах у ней подол не путался. Тихо вытрухом* двери отперла — да прокралась в покои спальные.

И открылось окаянное видеѣе: на постели, шелками разубранной, крепко спит; поживает Найдениха. Вот бы впиться в горло ее белое, перервать бы жилу ей сонную!..

Чу! что это?! Из бровей соболиных Полудницы вылетела вдруг белая бабочка... Запорхала она по спаленке, вслед за тем — полетела в горенку. Там в окошке звезды поигрывают — к ним и устремляется бабочка.

Поняла Плачея злокозненная, что душа колдовки Полудницы из тела ее спящего выпорхнула — и в ночные отправилась странствия.

Засновала, засуетилась Плачеюшка: а прихлопнуть бы бабочку белую!.. Чрез окошко следом она бросилась, широко руками размахивая. Хранит ее травка заветная, не знает о погоне Полудница. И совсем было настигла Плачея соперницу, как взвернулась вдруг птицею бабочка — птицею с головой человеческой! — полетела вдаль по деревьям, а потом, поймав крылами ветры небесные, от звезды к звезде, по-над Млечным Путем — дорогой Душ — понеслась.

Эх, сюда б железницу** да лук — снять с небес эту нечисть гореносную***!

А вокруг Плачеи творятся чудеса... Вроде бы стоит на Земле она — и в то же время мнится ей, чудится, что парит она над Русью и Нерусью, видит мир со страшной высоты, открывается ей рек движение, ну а звезды вплотную приблизились. И летают звезды эти по небу, словно змейки золотые, огненные, рассыпая искры многоцветные, возжигая кругом себя радуги.

Месяц, ночи страж, в обход небес отправился. Зверяница, Волчья Звезда, мимо проплыла. Власожелец перед взором Плачеи поворачивается. Вот Сажар, звероловам помощница, вот Чигир, та, что краше всех!

Видит Плачея светила знакомы, да будто различает слух, как те звезды меж собою перешептываются, что они о себе рассказывают.

Мол, Прикол-звезда — золотой колышек, для того в небосвод вколоченный, чтоб могли заоблачные всадники привязать своих быстрых скакунов, когда приустанут те носиться в полях ночных.

* В ы т р у х — отмычка.

** Ж е л е з н и ц а — стрела с железным наконечником.

*** Г о р е н о с н ы й — стремящийся ввысь, горе.

В Кичаги-звезду* заключено татаровье полоненное. Заперты злые вороги навеки в железный дом, и тот дом на железном колесе поворачивается.

А вот открылись и Зори Девичьи. Поглядела на них Плачея — да и плюнула: это ведь они ей девство напро- рочили, эти три сестры, что от рождения прокляты. Вот и досталось им век гореть зорями.

Вот Маньяк небо прочертил, а душа Полудницы почти достигла Косарей. Те стоят у начала Становища**, се- кут-рубят всех, кто встречается.

Тут возрадовалась было Плачешюшка: сейчас срубят Косари и соперницу!.. Нет, миновала птица косы вострые и давай махать широкими крыльями — так, что со звезд посыпались искорки. Пролетают они мимо Плачешюшки, да и видит она: это те самые камушки, те самые каменья дивные, коими чудодейт Полудница! Адамасы, смарагды, яхонты, беозар, гагатес, бечета, тумпаз, гранат, белагиус, лал да хрусталь, да магнит, аспид, целенит... Вот откуда сокровища Полудницы!

И такой камнепад тут содеялся на широкое подворье Найденово, что со всех ног прочь Плачея бросилась. Да и облака, крылья рассветные, день-белу зарю на небо вынесли...

КАК НАЙДЕН ЖЕНУ ВЫВЕДЫВАЛ

С ночи той поползло по селу врананье, пошло Плачеи- но жестокословие: мол, доподлинно она видела, что Най- денова жена обрученная в обличье змееногой волотки*** верхом на инороге ехала, змеи были удилами! Летала будто бы она орлом и ястребом, вороном, рысью рыскала. И творила угодие дьявольское, блудила со всеми ветрами небесными: и с Восточным, и с Ветром Западным, с Вет- ром Южным да с Ветром Северным. И все те добрые молодцы, что Землю держат на плечах, были ее полю- бовниками!

Средь людей всегда найдутся злогласники, кошуны творить сыщутся злобники. Вот Гусариха да Говядариха на беды свои стали жалиться:

— С той поры, как привел ее Найден, чтой-то с наши-

* Ч и г и р — Венера, В л а с о ж е л е ц — Плеяды, П р и к о л — Полярная звезда, К и ч а г и — Пояс Ориона.

** М а н ь я к — падающая звезда, К о с а р и — четыре звезды в начале Млечного Пути, Становища.

*** В о л о т к а — великанша.

ми мужиками сподаялось. Уж не спят они с нами, с женками, — обуяла их похоть нечистая! Все гоняются они... за козами! Не она ль, волхвунья, заклала мужьев?!

Помутилось от смотней в голове Найденовой, подступился он к женке с дознанием.

Нет, молчит она, ни словом не провещится о том, что с нею случается. Сколь ни пытал Найден, одно ему ответила:

— Коли любишь меня, так и верь ты мне — безоглядно и беззаветно верь!

Зашемило ретивое у Найденушки от этого ответа уклончивого. Чует гнилость он в ее словах. Уж и самому ему кажется, будто видел он Красу верхом на сером облаке, что трусит росу холодную по долинам рек, по полям-лесам...

Сухота взнудала молодца, подстегнула его печаль лютая! Пошел Найден в своей горести к старой знатке Догадихе, напевая песнь заунывную:

Уж как пал туман на сине море,
А злодей-тоска на ретиво сердце.
Не сходить туману с синя моря,
Уж не выйти кручине из сердца вон!..

И дала ему ворожейка недобрая сушеное сердце свиное. Знают ведь совки да филины обо всем, что в ночи случается...

Воротился домой — ржет его добрый конь! Ну а конь-то ведь к печали ржет... Не послушался приметы Найден — подложил сонной жене под бок сердце свиное. Ну а сам ждет-пождет, ухо наострил. Выведывает он свою возлюбленную. Что увидит-услышит в ночи глухой?..

СПАСЕНИЕ И ВОСКРЕСЕНИЕ

— О, игры ее были изощрены! — внезапно воскликнул Лучников, и Стрелец не смог различить, что в том возгласе — восторг или ненависть. — Прекрасно зная, сколь волшебен и великолепен первый миг встречи... это мгновение узнавание двоих, никогда друг друга не видавших, это неистовое притяжение разлученных прежде душ, первый взгляд, первое слово, первая дрожь... она не увлекала нас в мир неистовых объятий сразу же, а всегда играла с самого, самого начала!

Итак, я очнулся в больничной палате от долгого сна.

Есть такое забавное слово — летаргус. Меня опоили забвенным питием... в руках я накрепко сжимал серебристый шелковый лоскут...

Стрелец почувствовал, что невольный холодок овеял его плечи при этих словах. Лучников потер лоб:

— О чем-бишь я?.. Ах нет, это все было потом, то есть прежде... потом... питие забвенное тоже... А тогда был нестерпимый холод междузвездных волн — и мои прозревшие глаза.

Я здорово наглотался воды, хотя плаваю, не хвастая скажу, как дельфин.— Он хрипловато, как бы нарочно, засмеялся, хотя чему, казалось бы?

Стрелец стиснул кулаки, чтобы унять дрожь пальцев. Как колотилось сердце! Что это, что, почему все ему одному, этому Луч...

— Да, так вот, — словно бы спохватился Лучников. — Спасли меня те же самые люди добрые, кои только что, незадолго до этого, бедного слепца впопыхах спихнули в Обимур. Нашлись храбрецы, бросались в волны студеные.

Но первой кинулась с моста — словно бы вдогонку мне! — молодая женщина. Чудо из чудес: те, кто видел ее до сего мгновения, уверяли, что шла она по мосту, точно слепая, с плотно зажмуренными глазами, шатаясь, шараясь от людей, едва ли не вырываясь из-под колес... Словом, так же, наверное, как — представляю себе! — шел, стремился, летел к Обимуру я сам. И отчего-то я был уверен, что именно в миг прекращения моей слепоты отверзлись очи и у нее. Да, исцеление наступило у обоих разом...

Это привело окружающую нас толпу в непонятное смущение. Никто не пялился на нас, никто не судачил, не насмехался, не строил домыслов и не давал советов. Едва взглянув на нас, а особенно встретившись с нами глазами, люди спешили отступить, отстраниться, разойтись. Словно бы неуютно им было вблизи нас! Словно бы их обжигало внезапное пламя. И странное, мстительное выражение обретали их лица... Или это была тоска?

Что-то вдруг пригрело мое еще ледяное от обимурских объятий плечо. Ее рука... дотронулась до меня и как бы в испуге отдернулась. А глаза смотрели изумленно и недоверчиво.

С меня еще текло, да и она была вся вымокшая. Надо было где-то обсохнуть, переодеться. Но она не уходила, все стояла и смотрела на меня, а когда я, дрожа, переми-

нался с ноги на ногу, она потерянно вцеплялась в мой рукав, словно боялась, что уйду.

Может быть, подумал я, она бездомная? Кошка... Нет, мгновенный импульс: поднять на руки, прижать, чтоб уткнулась между шеей и плечом, убаюкать, укачать...

Я не заметил, что мы уже пошли по улице. Я ни о чем не думал, а только ловил брошенные на нас взгляды. Чудилось, ловлю и впрямь нечто материальное! Комья зависти, хлопья помраченного ума... Это она, она, та, что шла рядом со мною, вызывала зависть у женщин и помрачала умы мужчин!

Я осторожно взглянул на нее. О господи! Только, только что я почти не мог разобрать ее лица — оно было словно бы размыто страхом, внезапностью, холодом. Теперь же... что случилось с нею? Какими словами очертить ее сияющий облик? Поют губы и голова кружится! Она цвела, словно белая яблоня, но когда я к ней оборачивался, ее лицо светилось еще нестерпимей. Так бывает, когда в зеркало падает солнечный луч...

Мы шли молча. И вот дом, из которого я вырывался, и вот вновь Анна. Зачем мы пришли сюда? Но куда же еще было нам идти?

Странно, я думал, что после моих метаний здесь останутся рухнувшие стены и тлеющие уголья. Ничуть не бывало!

Те же книги, те же краски, вещи, холсты, то же лицо Анны, этот прикипевший румянец, недоверчивый взор.

Что-то с некоторых пор стряслось с жизнью вокруг меня! Она перестала соблюдать необходимые, общепринятые условности. Чудилось мне, что теперь люди и предметы узнали или вспомнили друг о друге всю подноготную, причины и следствия поступков. Мне иной раз мнилось, что я обрушиваюсь в течение жизни, нарушая ее непрерывность. И всем известно, что было, что будет, — кроме меня. Один лишь я непрестанно ищу открытий! И окружение свое я то и дело забывал, едва признавал, с трудом подбирал имена одному, другому, третьему миру. И только она — одна она! — могла быть молчаливой, безымянной, идти рядом, но я никогда не задумывался, кто из нас чье лицо озаряет, кто отражает свет.

Последние слова Лучников произнес почти неразборчиво, обхватив плечи руками, словно бы его сотрясал нестерпимый озноб.

За окном снова разгулялась погода, ветер то бил в

рамы, то ластился, белые вихри мчался куда-то, на миг приныкая к окну, будто норовили заглянуть в комнату.

— Господи, как же холодно, как там холодно, на дворе! — простонал Лучников. А Стрелец вдруг ощутил, что браслет на его запястье медленно нагревается. Глянул — всдыхивает и меркнет изумрудный глазок.

Тревога?

Зачем?! Неужто настал тот миг, когда Булгарин ощутил приближение угрозы для своего незадачливого разведчика и решил избавить его от этих наваждений земных?

О нет, не надо, не прерывайте полета, забудьте обо мне, оставьте, люди! Дайте хоть на мгновение взмыть над собою, подчинить тело душе... нет — слиться телу с душою так, как то замыслено Творцом, а мыслимо это лишь в безумии любовном.

Что же думал я прежде, что студена душа моя и лишь Тайны Сферы могут ее растревожить? Весь я ныне — одно живое, смятенное сердце — ну так уйдите, оставьте, забудьте меня все! И лишь ты...

Стрелец сорвал браслет с запястья и незаметно сунул его под плед дивана, на котором они сидели с Лучниковым.

А того вроде бы отпустило. Он продолжал:

— Оборванку привел какую-то! — негодовала Анна. — На каких задворках подобрал ее?!

Я-то ощущал и видел лишь свет, а тут и впрямь рассмотрел, что подол у спасительницы моей — или спасенной мною? — оборван. Словно бы она убегала от кого-то, а кто-то силился ее поймать. Влачился следом на коленях...

Анна, чудилось, готова была наброситься на меня с кулаками. Незнакомка молчала, приткнувшись к стене. А я вне себя кружил по комнате, не понимая, почему обуяла меня эта нервная дрожь, словно бы предвестница грядущих потрясений или напоминание о них. Наконец я уцепился за край стола и удержал свое коловращение.

Верхний ящик был приоткрыт. Что-то мягко мерцало в нем, тихо светилось, словно жемчужина в раковине.

Помню, когда привел к себе серебряную волшебницу, так же светилась она меж убогих стен моей хижины.

— Господи!.. — воззвал шепотом Стрелец, которого вдруг охватил такой приступ страха, что онемели губы.

— Что с вами? — мимоходом спросил Лучников.

— Ни-че-го...

— Я рванул ящик к себе! Это был лоскут серебристого шелка. Я забыл о нем. Я снова, в который уж раз, забыл о нем!

Незнакомка неслышно приблизилась ко мне и, приняв из моих оцепенелых пальцев этот лоскуток, приложила его к подолу своего... не знаю, как назвать это одеяние. Во что она была облачена? Я видел сплетение туманов и солнечных лучей! Но лоскут слился с ними, как будто никогда не был оторван.

Слабо отозвался в моих ушах тонкий вскрик Анны. Ее вынесло ветром... ветер накрепко прихлопнул двери, прижал их так, что уже никто больше не мог ворваться к нам и помешать.

И еще прежде, чем руки мои замкнулись вокруг тела той, что сверкала, будто звезда, я ощутил, как темен и враждебен мир вне нашей скорлупы.

Словно бы в крошечном купе ошалело мчащегося вагона сомкнулись два тела, и две души погрузились в блаженную летаргию, оберегая друг друга объятиями. А поезд грохочет на стыках рельс, и подскакивает, и станции кипят, и пассажирам не хватает мест, и где-то размыло, разнесло пути, и проводники рвутся в это наглухо запертое купе.

И наконец, и наконец злая сила обездоленных взламывает двери убежища и выбрасывает очарованно спящих на каком-то вокзальчике, который внезапно рушится, потрясенный то ли загадочным взрывом, то ли потому, что не можно иначе расцепить сцепления этих тел.

Да, я ощутил весь ужас окружающего нас непонимания, и осуждения, и зависти, и тоски — но мгновенно забыл об этом. Да и кто бы не забыл!

Луна сместила тени, и казалось, что звезды некий исполняют танец вокруг. Нет, это милая их с неба собирала и убиралась ими, точно ожерельями, браслетами, подвесками...

Я покрывало облаков подъял. Я красоту ее глазами выпил. Ресницы ее вдруг отяжелели, в моих руках ее поникло тело.

О, погаси, луна, свою лампаду! Нескромная! Уж сколько раз следила ты объятия наши, наши поцелуи — еще не утолила любопытства?!

И луна угасла. Постель из тьмы раскинулась под нами. Светилось только тело Лучезарной. Я сверху пал, как

будто стал я ветром, когда он волны обимурские голубит.
Она мое перебирает имя губами.
Пальцами пронизывает плечи.
Коленями испепеляет бедра.
Кто всадник, кто скакун?
Мы спутали тела, сердца и вздохи.
Мы смешали в единой чаше наши два желанья.
Кто жив, кто умер?
Мы сражались с нею и ночь, и день, и снова ночь,
и век.

И оба, победившие, уснули на поле битвы, сладостно
цветушем.

И сны томили нас.

CLEOPATRA

...Друг мой, прости неловкость моего пера! Но недостойно презренною прозою описывать чудесные странствия мои! О, не сочти меня помешанным! Да: это я был четвертым сонскателем любви Cleopatra, я сжимал в своих объятиях властительницу Египта, мне она призналась в неодолимой страсти и предложила сокрыться из дворца до наступленья утра, когда придет срок исполнить царское обещанье и снести мне голову с плеч долой. До меня еще доносился глас лукавой наперсницы ея, возвещавший в те мгновенья, когда я шел навстречу венценосной страсти: «Имя ея — Прекрасная. Клянусь душою твоею — да будешь ты жив, невредим и здрав! — она твоя сегодня в твоих руках!..»

И вот я нашел себя лежащим в своем номере, в убогом трактире г-на Можейки, на тесном ложе моем: крошечная тьма стояла кругом. Рядом едва слышалось легкое, благоуханное дыхание... я начал вспоминать, что предшествовало колдовскому сну. Нетерпеливое ожидание тотчас же, еще до наступленья рассвета, увидеть прекрасную незнакомку, навеявшую мне сладостные грезы, желание, граничащее со страхом, овладело мною. Едва дыша, я на цыпочках прокрался в каморку Северьяна и вернулся со свечью. И вот неверный луч озарил существо, мирно спавшее на моей постеле; я поднес свечу ближе... предо мною была Cleopatra!

Говорю тебе, это была она! Царица Египта — та самая, коя только что, в моем разгоряченном сне, рыдала у ног моих! Она была обнажена, и только запястья и

щиколотки ея были обвиты браслетами — теми же самыми, кои мелодически звенели в ответ на каждое движение страсти.

Мысли мои помутилися! О Боже! так она последовала за мною!.. исполнила свой клятвы пожертвовать ради меня царством!.. *Un melodramè trop ridicule**!

Ея атласистая кожа блистала предо мною, но... о друг мой! ужас застил мой взор. *La passion se satisfait et la tendress s'évanouit avec elle**!* Сейчас она вовсе не казалась мне прекрасною, словно утратила в объятиях моих блеск самодержавнаго величья. И невольно вспомнились мне прозванья, коими ловласы минувших лет именовали особ, подобных той, коя безрассудно разделила со мною ложе. «Смазливые тени», «ветренные Лаисы», «Камелии», «Аспази», «Агнессы нижних этажей» и конечно — о Боже! — «Клеопатры»! Так вот куда завела меня моя прихоть... А знаешь ли ты, что в С.-Петербурхе образовалось в свое время даже цельное общество поклонников сих дам, и называлось оно «Галерою»? Как нельзя более верное определенье!..

Что я? Бедный, больной прапорщик безо всяких видов на будущее. Остаток дней своих я принужден влачить на скудное жалование, да вдобавок — содержать сию избалованную, привыкшую к непомерному роскошеству особу. Я буду прикован к ней, словно каторжник — к своей галере! А она станет попрекать меня тем, что ради меня покинула трон, свои баснословные богатства и все, что принадлежало ей по праву рожденья. А ежели легендарныя прихоти Cleopatra воскреснут, и я в один прекрасный — о Боже! — день окажусь обманут моими же однополчанами?! Я вновь вспомнил: *Cleopatra e i suoi amanti... la grand regina n'aveva molto...**** Внезапно промелькнули в уме моем тихия, скромныя радости супружества с какою-нибудь милою, благородною девицею, навроче попечительвой Аннеты... Единственное достояние мое — доброе имя, и самое малое пятно нанесет непоправимый ущерб чести моей. К тому же, *la frivolite est toujours sguelle*****, и рано ли, поздно ли, я буду покинут моею любовницею...

* Нелепая мелодрама! (франц.)

** Страсть удовольствована, и нежность исчезает вместе с нею! (франц.)

*** Клеопатра и ее любовники... у великой царицы их было много... (итал.)

**** Ветренность всегда жестока... (франц.)

можным все! Мистическое, по моему мнению, так же не нуждается в доказательствах, как математическая аксиома... и я ни на мгновение не усумнился в происшедшем.

А Cleopatra таяла, словно снегурка под жарким солнцем.

— Нет, нет! — вскричал я иступленно. — Оставь мне хотя бы пыль со своих ног!..

Но это была уже не неистовая любовница, а воистину *la belle dame sans merci!** Предутренный туман одел ее, сокрыв от меня пленительныя формы. Я в последнем усилии простер руки за нею... влачился следом... тщетно. Лишь края одеяния шелкового удалось мне достичь, схватить... жалкий лоскут остался в руках моих.

Почудилось мне, что стены, кровля разврезались, я увидел рассветное небо, по которому пролегла неведомая дорога... или это струилась небесная река? Cleopatra уплывала по ней, прочь от меня, и вот в вышине засветился, засиял ее чертог, тот самый, выложенный эбеном и пальмою, акациею, золотыми мидийскими кирпичиками, эфиопскою слоновою костью, индийскою бронзою, с уджанскими каменными колоннами, — тот самый, где еще так недавно пребывали мы с нею на вершинах блаженства.

И тот час все исчезло, жалостный стон внезапно лопнувшей гитарной струны возвестил об этом. Я остался один, и лишь сердце мое говорило со мною.

ПИТЬЕ ЗАБВЕННОЕ

— Самый сильный из мужчин всегда слабее любящей его женщины. Ее любовь как тайфун! Уж переполнено его сердце и тело, а ее страсть все еще заливает его, захлестывает, влечет за собою! Так ведь и захлебнуться недолго... И стоит ему лишь допустить до себя эту отторгающую, отстраняющую мысль, как мир смыкается с ним словно бы в тайном заговоре против возлюбленной. Нет билетов на самолет? Внезапные дела государственной важности? Тяжелейший приступ болезни? Внезапные несовершенства любимой? Тяготы наветов? Лиха беда попугала? О нет! Верно лишь одно: я на мгновение устал ее любить...

Лучников покачивал головою:

* Прекрасная дама без пощады! (франц.)

— О боги, на склоне лет меня вдруг потянуло осмысливать все эти чудеса!

Стрелец вскинул брови: конечно, молодым Лучникова назвать было бы трудно, однако до склона лет казалось еще далеко. Да и легко ль определить его годы? Только что, вот только что — блеклое лицо, поникшая голова, тяжелые веки, а главное — это выражение неизбывной усталости во всем облике. И внезапно — свет в глазах, преображающий его всего, будто бы отведал он живой воды и молодильного яблочка, и плечи вольно раскинуты, словно за ними — крылья, и голос льется песней, и поступь легка, точно парит он, земли не касаясь! Но снова, но снова паутина усталости на лице, безысходности...

— Вы потом поймете, почему я говорю о склоне лет, — тихо сказал Лучников. — А пока — продолжу.

Я стоял перед зеркалом и не видел своего лица. Лишь туманное облачко, в котором вдруг проступили черты, мне смутно знакомые. То буйство солнцем выбеленных кудрей. То длинные, напряженные глаза. То усталые губы. То опьяненный волюшкой, огненный взор... Кто перебирал, кто примерял на меня эти черты, в которых порою было что-то нечеловеческое? И какие принадлежат мне, где мое лицо? Я не видел его, словно оно было стерто поцелуями.

Все колыхалось вокруг, и я не мог разобрать, где нахожусь. Словно бы на страшной глубине. Подкралась мыслишка: утонул в море страсти! И едва я подумал... едва я так подумал... как дверь — я помнил, надежно подпертая ветром! — распахнулась, и в комнате очутилась Анна.

И тотчас все встало на свои места, перестало плыть, лететь, и реять, и развеиваться, я узнал в зеркале свои морщины и мешки под глазами и увидел Незнакомку — все в том же оборванном платье, прижавшуюся к стене.

Анна. Вся моя вина перед нею представилась моим глазам. Чем она-то виновна в своей преданности — и моем холоде? Я многое уже забыл о себе, но, наверное, я сам помнил ее когда-то за собою, сам обрек на близость к себе, на эту привязанность... нет, какое-то еще есть слово для обозначения привязанности людей друг к другу, но не мог вспомнить... в тот миг его словно бы выжгло из памяти моей.

И что я мог дать Анне, чем отплатить за верность — кроме этого оупляющего понимания своей вины? Жалко мне было и ее, и себя, и эту бродяжку... Нет, этой-то я

боялся тогда! Словно бы на острие стоял я. И страх расплаты за счастье обуял меня. Я на небо всходил по мытарствам души!

Между тем Анна с усмешкой победительницы озираала Незнакомку:

— И что он в тебе находил, понять не могу! — сказала она. — Нежить лукавая!

Я как-то не сразу понял, что здесь означает слова «нежить», глагол это или существительное. Господи, как это близко... И снова посетило меня ощущение, будто все вокруг знают, что было, что будет, чем дело кончится... Я же изумляюсь, поражаюсь очевидному.

В тот же миг Анна схватилась за голову, зажмурилась! Из ее бессвязных выкриков я понял, что не свое отражение увидела она в глазах Незнакомки, а двух одинаковых, бесстыдно извивающихся змей!

Едва я ее успокоил, как Анна вновь закричала, ломая руки. Ничего не понимая, я смотрел, как она пытается сорвать с безымянного пальца правой руки тонкое, словно проволока, обручальное колечко.

Откуда?.. Не надевал я ей кольца! Да еще такого тесного, чтобы въелось в палец!

Боковым зрением я заметил, что уголки, где приютилась Незнакомка, пуст... и, словно по наитию, вцепился в кольцо ногтями, рванул так, что Анна обмерла от боли.

Вмиг колечко тем самым лоскутком серебристого шелка знакомо прильнуло к пальцам, но я брезгливо тряхнул рукой — и снова Она стояла в углу, медленно переводя взор от моего лица к лицу Анны.

— А румяница с тебя не сойдет, покуда я всех слез своих не выплачу! — невнятно пробормотала Незнакомка. — Тебе же... — Она не договорила.

Ее не стало предо мною. Нет, не сгустилось марево, нет, не разверзлась земля — просто исчезла она, как будто вырвалась из видимого моими глазами пространства. Только что-то отдаленно мелькнуло на небосводе — родившись на востоке, умерев на западе — звезда? ветер? Не успел я понять. Или это пронеслась мстительная птица Стиμφалида — с медными когтями и крылами, та, что печет перья, будто стрелы?

Я стоял молча, только ощущал, что стул, в спинку которого вцепился, ходуном ходит под моими пальцами.

Что такое? Опустил глаза. Стул был неподвижен, это я дрожкой дрожал да раскачивался, словно сделался деревом, бурей сотрясаемым.

Горящее лицо Анны приблизилось ко мне, она успокоительно улыбалась. Пахло валерьянкой вроде бы, да только противнее, резче.

Повинуясь выражению лица Анны, ее настойчивой руке, я открыл рот, подержал на языке какую-то жидкость, проглотил... Ах, какая отрадно-бесцветная мгла заволокла мир! Какое успокоительное, сладко-усыпительное питье!

Я чувствовал, что мои немеющие губы расплываются в сонной, но блаженной улыбке.

Анна медленно прошла мимо. На окне стояла крутобедрая, синяя ваза с каким-то невнятным узором. Откуда она взялась? Я ее что-то не помнил. Впрочем, мало ли чего я не помнил! Жару солнечного полуденного. И звездной прохлады, и журчанья фонтанов в виде львиных голов, страстно бормочущих на чужом языке, и не помнил, как брызжут искры из-под...

Анна очень осторожно подняла вазу — и вдруг разжала руки! О, как смертельно медленно расползлись по полу осколки... Анна сметала их в совок, а они звенели, будто жаловались мне. Я смотрел, еле поднимая ресницы.

Анна вышла, еще раз придирчиво пройдясь по углам веником. Ну наконец-то! Я откинулся на спинку кресла и с покорным наслаждением отдался сну.

О ЧЕМ КУКУШКА РЫДАЛА

Крики и шум разбудили Чжу! Ворвалась в его дом толпа. Глянул Чжу — один он в постели, нет рядом милой.

— Отвечай, где колдунья, где Серебряная Фэй?

— Может быть, она вышла полюбоваться родными звездами и скоро вернется?

— Вернется она к тебе, когда у ворона голова побелеет, а у лошади рога вырастут. Идем с нами — тогда увидишь, какие чудеса творит она по ночам! — выкрикнула старая Ай.

Вне себя от тревоги шел Чжу за соседями. Ветер гнал туманы тоски на его сердце. Те девушки, что были приведены в селение Серебряной Фэй и сейчас оказались в толпе, плакали, пытались остановить людей, но мужья подталкивали их вперед. Миновав последний дом селения, пошли крадучись. Вот и лес приблизился. И в глухой ночной темноте вдруг забрезжило сияние. Узнал Чжу

свет любви и счастья, который источала Серебряная Фэй. Бросился вперед — и наконец увидел возлюбленную.

Увидел ее Чжу... и со стонами поднял глаза к небу, воззвал к Нюйве-прародительнице, чтоб вырвала его глаза и забросила их в глубокие моря! Сладостный напиток его любви оказался разбавленным горьким вином ревности: нашел Чжу Серебряную Фэй в объятиях Ло-фу.

Этот Ло-фу был бедным одиноким юношей, до того невзрачным, что на него и смотреть не хотела ни одна девушка. Всегда жалела Фэй несчастного и говорила, что рано или поздно найдет ему подругу. Вот и нашла. Нашла! Те же губы обугленные, что целовали Чжу, в губы Ло-фу впиваются. Те же стоны, та же дрожь тела...

Почудилось Чжу, что под его ногами не холодная роса ночная, а раскаленные уголья. Вскрикнул он, пошатнулся. А сзади завизжала, захохотала толпа. Люди жадно глазели на любовников, будто тигры, которые сквозь тростниковые заросли добычу высматривают.

Разомкнул объятия Ло-фу. Упали руки, его обнимающие. И в этот миг всем почудилось, что двойится в глазах у них, не одна перед ними серебряная красавица.

О бессмертные!.. Только что Фэй лежала рядом с Ло-фу, а теперь она и на траве распростерта обнаженная, и в то же время поодаль стоит в парчовом одеянии, затканном серебряной чешуей!..

Что за наваждение? Напрасно, значит, Ай заставила односельчан омываться мочою жертвенного быка — это должно было отогнать привидение, да вот не подействовало. Где живая Фэй, где ее двойник?

— Серебряная Фэй! — застонал Чжу. — Как могла ты отдать другому нашу любовь?

— Наша любовь всегда с нами, — ответила ему та Фэй, что стояла в стороне. — Разве потускнеет костер, если его искры улетят в черную ночь и разгонят тьму? Посмотри на Ло-фу — неужто кому-то плохо от того, что счастлив он впервые в жизни?

— Но ведь это твое тело в его объятиях! — возопил Чжу. — Твое тело! Твое лицо смотрит на него твоими глазами! Сколько раз я видел в них свое отражение, а теперь там отражается другой!

— Сколько ни смотрело на меня мужчин, лишь в твоём взоре видела я свет истинной любви, — ответила Серебряная Фэй, и Чжу показалось, будто серебряными нитями она повела его, утешая и успокаивая. — С Ло-фу только мгновенное сияние моей души. Знаешь ли ты

древнюю легенду о стране Суймин? В небе над нею не было ни солнца, ни луны, там царил полный мрак, но в лесу иногда зажигались странные огоньки, словно это сверкали таинственные камни или цветы, озаряя все вокруг. Люди оживали при свете их! Так и вас оживила я светом своего сердца и своею любовью!

Она повела рукой, и люди невольно оглянулись на тех прекрасных девушек, которых время от времени приводила Серебряная Фэй на радость и утеху молодым мужчинам. И только теперь заметили они, что каждая из этих красавиц чем-то неувловимо напоминает Фэй... так схожи меж собою Тайбай, Тяньсин, Суйсин, Чэньсин, Инхосин*, хоть это разные, разные, далекие друг от друга звезды. И вспомнили мужья и возлюбленные красавиц этих, что в те мгновения, когда наступало их небесное блаженство, невольно чудилось им, будто бьется под их поцелуями Серебряная Фэй!..

Их мысли тотчас угадала Ай и захохотала:

— Выходит, Серебряная Фэй была общей женой, а ваши жены принадлежали сперва Чжу — вам только потому? Всем быть в девятой преисподней, где наказывают за блуд!

Невольно отшатнулись мужчины от красавиц, и даже Ло-фу оттолкнул ту, которую только что пылко обнимал.

— Правду говорят старые люди: ты можешь обтесать бревно как захочешь, но свойства дерева в нем сохранятся. — проговорил Чжу, и людям показалось, что это стонет умирающий тигр. С каждым его словом меркло сияние Серебряной Фэй, меркла прелесть волшебных дев. — Там, на ложе ночи, где я впервые увидел тебя, ты могла бы достаться любому смельчаку, как досталась мне. И здесь, на земле, ты изменяла мне, но не изменила себе!

Серебряная Фэй от этих слов сперва покраснела, будто красный шаюя**, а потом побледнела, будто белый шаюя.

— Ты путаешь простые камни с яшмою! Вспомни слова великого мудреца: у коня есть копыта, чтобы ступать по инею и снегу, шерсть — беречься от ветра и стужи; он щиплет траву и пьет воду, встает на дыбы и скачет — в этом истинная природа коня. Прелесть моего облика создана, чтобы прельщать, свет красоты — чтобы озарять

* Тайбай — Венера, Тяньсин — Сатурн, Суйсин — Юпитер, Чэньсин — Меркурий, Инхосин — Марс.

** Шаюя — пион.

тму обыденности, умение любить — чтобы воскрешать умершие души!

— И убивать живые, — перебил ее Чжу.

— Не говори так, любимый мой! — взмолилась Серебряная Фэй. Она закрыла лицо длинным рукавом, и от ее слез стал он тяжелым, словно камень. — Дороже всего для меня на свете — ты. Другим доставалась лишь тень моя. Я творила прекраснейших дев на радость мужчинам — и оставляла их, будто лишние одежды, и возвращалась к тебе. Я создавала маленьких детей на радость женщинам — и возвращалась к тебе.

Раздался оглушительный шум, словно начали трескаться горы в округе. Нет, это подняли крик люди — те, что слышали слова Серебряной Фэй.

Потрясая кулаками, бросились к ней мужчины и женщины, но Фэй успела обернуться серебряной кукушкой и ускользнуть, когда до нее оставалось не более чи*.

— Проклятая чародейка! — кричали люди. — Значит, жены наши — призраки, и дети — тоже?! Пусть наша жизнь была прежде скучна и тяжела, но это была настоящая жизнь! Ее испытания терпели наши отцы, деды и прадеды, и они с честью и достоинством уходили к Деятели Истокам, в загробный мир. Ты же ввергла нас в объятия призраков, поселила в призрачных домах, усладила призрачным счастьем, заставила забыть нашу извечную долю и судьбу. Говорят мудрецы, что трудное и легкое создают друг друга. Не нужны нам привидения твои!

— Даже если они озаряют ваши души? — воскликнула Серебряная Фэй.

— От этот света глухая ночь еще темней кажется, — ответила Ай, и ее поддержали остальные:

— Нам боги от сотворения мира единственный путь указали. Пусть некрасивы будут наши жены и неискусны в утехах любовных, зато умелые хозяйки, прилежные работницы, заботливые матери. Чтоб на поле она с мотыгой под стать мужу была, а вернувшись в дом, чистоту и порядок блюла, умела рис отменно приготовить, сама рожала ребенка, без помощи злого колдовства...

Зарыдала серебряная кукушка, да так, что из клюва ее потекла кровь.

— Но ведь только любовь может привести вас в Волшебную Страну! Ни пешком туда не попасть, ни в повоз-

* Чи — древнекитайская мера длины, около 2,5 см.

ке, ни в лодке — только мыслями и сердцем можно достигнуть ее. Жители ее ходят по воде — и не тонут, встают в огонь — и не сгорают. Они летают по воздуху так же легко, как идут по Земле. Облака и туманы печали не тревожат их. Жители той страны люди — и в то же время божества бессмертные. Путь туда...

— Укажи нам лучший путь на гору Сююйшань! — перебила ее Ай. — Там мы соберем волшебные узорчатые камни. Говорят, если положить такой камень в рот, можно не опасаться бесовского наваждения. Рассеются все призраки!

— Неужто вы хотите этого? — Теперь голос Серебряной Фэй был еле слышен. И ты хочешь этого, Чжу? Лучше прикрой меня белой травой, мертвой травой, только не говори «да»!

— Да, — ответил он, хотя смертная печаль, подобно змее, угнездилась в его сердце. — Ива растет в долине, орешник любит высоту. Мы ошиблись в тебе, ты ошиблась в нас, людях. Ты видела в нас таких же призраков без сил и воли, как и созданные тобою. А мы предпочитаем остаться собою, со своими бедами и радостями. Дай нам камни с горы Сююйшань, о Серебряная Фэй!

— Возлюбленный мой, если ты велишь мне, я вырву свое сердце и брошу его в море, — ответила Фэй, и ее слезы были подобны осеннему граду. — Подставьте ладони! Когда коснутся их мои слезы, вы получите волшебные камни с горы Сююйшань!

Так и случилось, как сказала Фэй. Люди пригоршнями запихивали камушки в рот. Первой была Ай. И только Чжу стоял неподвижно.

— Что же ты не попробуешь этого волшебного средства? — спросила Серебряная Фэй. Она вновь стояла рядом с ним на земле — но как чужая. И словно сливовый цвет, оборванный ветром, поблекла от слез ее красота.

— Я испробовал другое средство — напиток горя, — ответил Чжу. — Оно полноводно, как река. Ни испить его, ни осушить. Одно может утешить меня: возьми и ты камень, рассеивающий призраки, сделайся такой, как все люди, будь только мосей — и я позабуду про все.

— Я не совершила зла, которое нуждается в прощении, — покачала головой Фэй. — И не стану пробовать зелье. Феникса в клетке не запрещь — сгорит она вместе с ним. Знаю, что в разлуке с тобою мои волосы сделаются подобными высохшей траве, я поникну, как дерево в

пору ветров... но не зря говорят, что ручка Звездного Ковша — Байдоу всегда указывает на север, какие бури ни бушевали бы в небесных' высях. Видно, пришла нам пора проститься. Вернусь к себе на край Вселенной, смою с одежды дорожную пыль слезами, с попутным ветром пошлю тебе их туман. А не знаешь ли ты, травознай Чжу, где отыскать забвенную траву? Нет ее в отрогах Циншань, на вершинах Иньшань, в скалах Синшань... Подскажи, не проросла ли она в сердце твоём? Я б' из нее напиток настояла и выпила. Ведь мы с тобою теперь — как разбитый яшмовый круг...

Говоря так, Серебряная Фэй воздела руки, словно пыталась поймать порыв ветра. Ноги ее легко отделились от земли... Такая была тишина, что замерли в воздухе птицы.

И вдруг грянул с небес ветер! Дома в селении загудели, будто колокола. Отворил ветер двери и окна, вынес оттуда призрачных жен, невест, детей, смел их в стаю, закружил, понес над горами и долинами, чтобы в последний раз посмотрели на них мужья, женихи и матери. Они и смотрели, не в силах вымолвить ни слова... И даже Ай онемела в ту минуту.

В этом вихре каждый из оставшихся на земле разглядел последнюю улыбку, печальный жест, прощальную слезу... серебряный ветер окутал Фэй, наполнил ее одежду и волосы, словно ее творения вернулись к ней и влились в ее сияние. А ночь стала еще мрачнее. А потом Фэй кликнула на небеса стаи волшебных птиц — черных туч, и не стало видно возлюбленной Чжу. На миг блеснуло что-то в вышине... Край облака? Или тронутая изморозью Небесная Река*? Межзвездная метель? Вихрь лепестков сливы? Взмах прощальный белого рукава? Или крыло белого дракона? Нет, уж не видно там ничего. Неумолимы небесные выси и так далеки...

ЗАКЛЯТИЕ

Отступила тьма от глаз Найденовых, воротился он в избу свою, воротился в постель, где спит жена, — та, которую он выведывал.

Что же, вызнал он все потаенное, да и сам побывал в чужедальних мирах. То ль с Полудницей гулевал он там? То ль с иной какой девкой красною? Иль она другого

* Небесная Река — Млечный Путь.

голубила? Ох, зачем он наветов послушался, зачем только сердце отягчил?!

В этот миг пробуждалась Золота Краса, открывала она очи ясные.

— Что ты бледен так, что так помучнел, словно ночь превел в сырой могилушке?

Тут горюн ей все и выложил: про Плачею и про Догадиху, про совиное сердце вешее, про чародейку серебряную, про царицу, любовь продававшую, про забавы с кем не разберешь....

Как услышала это Полудница, возгоревала она, закручинилась. Она плачет — слезами умывается, печалью, что убрусом, утирается.

— Для меня любовь солнцем была, а теперь оно при туманилось. Развился венок, раздвоился путь, разомкнулось колечко дареное. Унесут меня ветры буйные, зацелуют меня дожди холодные, приласкают терны колючие, утрут слезоньки — звезды частые!

Злой обидою опьяненная, Золотая Краса оземь ударилась, обернулась она птицей медною, с медным гребнем да стрелами-перьями.

Тут взметнулся Найден в небо вслед за ней, да где! наземь он грянулся.

— Ты вернись,— кричит,— воротись ко мне, иль возьми с собой в дали звездные!

Отвечает ему Приполудница:

— Сумеешь меня поймать-удержать — вновь обернись Золотой Красой, женою твоею невенчанной. И любить тебя буду я до скончанья звезд, до небесного затемнения.

Так провещилась птица печальная — и растаяла на западе солнечном.

А Найден в тоску-печаль ударился — не найти слова, чтобы рассказать. Загилевал* в своем горьком он горюшке. Ночь не спит, другую и третью ночь, да не ворочается Полудница. Знать, забыла свои обещания!

Спал с лица Найден, ковыль-траве подобен он сделался, изнемог — краше в гроб кладут. И пришла к нему однажды Догадиха, принесла испить зелье дивно. Тот настой из травки из дивинки исцелит головную боль, кручину отведет.

Прогнал Найден от себя Догадиху — вдругорядь с нею Плачея пожаловала. Обоих Найден было выпро-

* Загилевать — начать буянить.

водил — привязались Говядариха с Гусарихой. Просят-молят:

— Пожалей свою победную головушку! Подкрепись, Найден, отведай зельяца!

Нет силушки уж противиться — выпил Найден злое зелье.

То не дивина-травя была настояна — сон-траву поднесли ему. Лишь один глоток отхлебнул — и упал, как сраженный стрелой, таково-то люто было зелье.

Вслед за тем бабенки, о зле скорбящие, разнесли по селу весть пугающую: мол, известно им сделалось доподлинно, что поверсталась в колдуньи Полудница, обернулась она ярым Аспидом, вот-вот нагрянет деревеньку жечь! Аспид — змеища крылатая, птичий нос у ней и два хобота, живет она в горах каменных, куда повадится летать не отвяжется, покуда округу не опустошит!

Кинулись селяне к Догадихе:

— Научи, как извести нам Аспида!

Догадихе того лишь и надобно. Плетет, мол, чтобы изловить птицу-змею, разложить в яме углие надобно, приготовить клещи разоженные, а когда зашумит, зашвищет крыльями, без раздумья хватать чудище, какой бы облик оно ни приняло.

Вот пошли ловцы воистые по совету Догадихи к Найдену в дом, затаились в подполе, приготовили клещи да углие. Ждут-пождут ночь и день — не летит змеища огнеклювая! А настала новая ноченька — озарились темные небеса, словно бы одна из дальних звезд прокатилась по Дороге Душ — да и сорвалась на подворье Найденово.

Начали тут твердить в подполе сидящие заклинанья от козюльки да скорпии, василиска, ехидны морской, облаковидной, огневидной, врановидной змеи, дубовсходной, черной, слепой, триглавой, стрельчатой, а пуще — от аспида, дуновения дьявольского.

Слышат — зашумели крылья в горенке, полились слова злат-серебряные:

— Что ж ты спишь, свет мой, иль не ждал меня, иль отпустишь вновь в небо холодное? Не горит звезда, не сияет луна, не греет меня ясное солнышко без любви твоей, вдали от рук твоих, вдали от сердца твоего жаркого!

Крепко спит Найден, да не спят удалые охотнички! Вмиг они из подполья выскочили, вмиг на чудище сети набросили, клещами раскаленными стиснули. В суматохе да страхе и не глянули, каков же тот Аспид облицием,

почему он бел, как лебедь белая. Но чуть коснулись его клещи раскаленные, как явилась перед ними... Полудница!

Ну и шум сделался тут, крик, да вопль, да вой!

— Ведьму сжечь!

— Удавить!

— Нет, живьем зарыть!

— Нет, проткнуть ее колом осиновым!

Отпылали горячие головы — да все добро Полудницы вспомнили. И лечьбу камнями чудесными, и красу ее небывалую. Не отпустить ли ее подобру-поздорову?

— Как же?! Ведьму пустить на все четыре стороны?! — закричала Плачя злокозненная. — А тащите-ка ее к Обимур-реке, а учиним-ка ей там испытание: коль потонет — невинная душа, а всплывет — стало, знается с нечистью.

Мужики в затылке почесывают, да бабенки их безрасудные, точно бы звери дивии, на Полудницу скопом набросились, повлекли к обрыву высокому. Тогда обернулась она Змеем Огненным, оземь с размаху ударилась — золотыми монетами рассыпалась. Да без счета золото, без мерушки!

Лишь увидела клад Догадиха, первой деньги подобрать она бросилась. Да как только коснулась их, так прилипла к траве ладонями: На четвереньках стоит — не разогнуться теперь!

— Ах ты ж плясавица* междузвездная! — набросилась Плачя на Полудницу да схватила ее за край одежд. — Не уйдешь, покоище змеиное! Ты не баба, а срамной сосуд! Не утешусь, пока не изведу тебя!

— Язык твой — стрела с чемером, — отвечает ей Приполудница. — Да не перебежать тебе пути солнечного! Заклинаю туманы и ветра, замыкаю губы злоречникам!

Тут и онемела Плачя навек.

Махнула рукою Полудница: — словно острием провела по сердцам. Свадились с них оковы нелюбви! Махнула вдругорядь — всех зажгла огнем. Помutilись у людей головушки, возгорелись тела томлением, и все, кроме Плачеи, Догадихи да Найдена полусонного, повалились в травы душистые, опьянились небывалым любострастием.

Поглядела на Найдена Полудница — а тот в землю врос, не может двинуться.

* Плясавица, иначе Трясавица — одна из 12 сестер-лихорадок, дочерей проклятых Иродовых.

— А тебе стоять подобно дереву, пока я с тоски не сгорю!

С этими словами чудодейными махнула она подолом сверкающим, созвездья в небе перепутала — да как буд-то ее и не было!

ГОРА УТРЕННИХ ОБЛАКОВ

А на земле, в покинутом Фэй селении, таяли роскошные дворцы, истлевали сады, обугливались растения на полях, заботливо взрошенные прихотью чародейки. Все становилось прежним, привычным... И, не владея собой рванулся Чжу к небу — да кто-то крепко схватил его за полы, потянул вниз:

— Неужто ты покинешь нас, Чжу?!

Это была старая Ай... девушка Ай... и причитанья людей, лишенных света любви, вторили ей. Это голоса и руки держали Чжу так же крепко, как земля держит корни дерева, в то время как его крона тянется к звездам. И если бы открылись ему сейчас лестницы-горы и лестницы-деревья, по которым можно подняться до ложа Серебряной Фэй, его ноги не в силах были б оторваться от земли. Только сердце...

Где-то там, в непостижимых странствиях любви, омывался он струями звездных потоков, вволю пил из чаши-лотоса хмельное белое вино, на плечи его опускались легкокрылые руки, а наперегонки с его ногами бежали стремительные ноги, и никто не обгонял в этом состязании, никто не отставал...

И закричал Чжу, надрывая горло, а людям показалось, будто шумит лес:

— Пусть я умру, но если позовешь меня, то и прах мой вспыхнет огнем!

Вытянулся Чжу высь, словно пламя свечи, — и в тот же миг ощутил, что его тело стало твердым, руки застыли, ноги вросли в склон горы, а к лицу прикоснулась прохлада небесного свода. И на Горе Утренних Облаков появилось новое дерево.

Необычайно высоко оно и красиво, отрадно шумит его листва, благодатна даже тень его, а запах белых цветов утишает сердечную скорбь, но нелегко добраться до них!

По утрам слетаются к нему облака, забывая свои небесные пути, и кружат вокруг него, пока не расцветит их вечерняя заря. Ночами звезды спускаются к этому дереву, а самая ясная возлежит иногда на его ветвях. Тогда

Печально, в лад с порывами ветра, **склоняющегося** от неба к земле.

Засвистало за окном, зашумело! Словно бы промчалась птичья стая.

— *Гусь летит к дождю, а лебедь — к снегу,* — вдруг нежно прошелестел кто-то на ухо Стрельцу.

— Там дождь со снегом, — отозвался не оборачиваясь Лучников. Хотя даже Стрельцу голос был едва различим! — Но то не гуси-лебеди летят. Они давно уж в теплых краях. Это прилетели птица Ночь, птица Сон, птица Забвенье. Ищут ветвей моих, на которых дают отдохнуть крылам своим.

Он постучал в стекло согнутым пальцем, и со стороны улицы тотчас забарабанили птичьи клювы.

— Кыш, кыш! — взмахнул Лучников руками, и тень на полу всплеснула ветвями. — Кыш, надоеды!.. Не до вас сегодня. Гость у меня. Я в гостях!

Он прижал к стеклу лицо, сисясь разглядеть далекое небо.

— Где-то там, за тучами, среди звезд... она скитается. Или нет, не знаю! Может, сидит, скорчилась в каком-нибудь забытом богом уголке Вселенной, невидимая никем, лишь маньяки вокруг мирячат, а она, рот кривя, лицом о руки бьется, крича и плача: «Не хочу тебя любить! Не буду больше!..» Да разве ж можно не любить?

Иль молится планетам и созвездьям: «О Рысь! О остроглазая! О, напряги свои ты очи и отыщи любимого скорее!..»

— *О Ворон, Ворон! Полети, сядь на плечи ему и провещуй, что гасну без него я, словно искра,* — опять зашелестело страстно около Стрельца. Он даже невольно оглянулся, а Лучников недоверчиво махнул рукой.

Тут, будто бы в ответ, из-за двери послышалось громкое рыдание.

— И Анна, бедная Анна! — перешел Лучников на шепот. — Она точно бы зыбкая тень полета той, другой, моей... В каждой женщине борется в смертельной схватке земное и небесное, и чтобы выжить, им, несчастным, надо небесное уничтожить, выжечь. Мы принуждаем их к этому. Но ведь для них это означает — уничтожать себя...

Он распахнул дверь, и Стрелец в последний раз увидел бледное лицо Анны. Бледное?.. Значит, миновал срок заклатья? Что же теперь?

И опять страх провел ладонью по плечам Стрельца.

А за порогом сгустилась тьма — и Стрелец понял: Анны здесь нет. И никогда не будет. И, может быть, не было никогда... На ветвях этого дерева нет для нее места. Какая Ночь, какой Сон, какое Забвение? Одна Любовь...

Он закрыл лицо руками и не видел, как тень дерева на полу воздела ветви.

А Лучников все шептал, словно ветер шумел в листве:

— Не могу сдержаться, все пытаюсь сам себе объяснить ясное, ея природу жажду постичь, хотя кому уж знать лучше... Чрез то и страданья многие претерпеваю, что не могу николи удержаться от дознаний, коими низводил ея до обыденности, выведывая тайны ея, мною ж самим и загаданныя...

— Но зачем?! — выкрикнул Стрелец — и даже не сразу узнал свой голос, на такой тоске он был настоян.— Зачем это тебе? Почему тебе, за что? Почему она выбирала тебя, лишь тебя во все века?

Лучников смотрел на него, растерянно улыбаясь, светлея, словно солнце прильнуло к нему.

— Она выбирала меня? — изумленно повторил он.— Она — меня? Да нет! Да нет же!

СВЕТ НЕБЕСНЫЙ

И, словно отозвавшись на его слова, нетерпеливый белый вихрь так ударился в окно, что не выдержали рамы, распахнулись со звоном, подобным звону литавр. А вихрь, добившись своего, взмыл ввысь и разметал тучи на небе.

О ночь, обиталище звезд!

Засветилсь перед Стрельцом жемчужное ожерелье Вселенной.

Вот Лебедь медленно, не качнув крылом, воспарил, и, подобный холодному голубому глазу, замерцал Денеб.

Расстелились в беге Гончие Псы, и Стрельцу почудилось, будто они вот-вот вцепятся в длинный звездный хвост Большой Медведицы.

Волопас смотрел печальным взором, не выпуская поводков, которыми он обречен вечно сдерживать прыть Гончих Псов.

Стремился куда-то в крылатых сандалиях Персей, крепко держа за пряди змееносных волос свою страшную ношу.

— Сфера! — воскликнул не помня себя Стрелец и простер руки ко всем друзьям своим.

Но что это?..

Змееносец в одеянии землепашца держал в объятиях Змея Огненного с женским ликом.

Чаша Гевелия имела вид крутобедрой вазы, вроде китайской, с изящным рисунком. На ней по кобальту был изображен белый изящный дракон, но он проступал сквозь сеть трещин.

Смотрела в зеркало, упиваясь красотою своею, Кассиопея, облаченная лишь в тяжелые ожерелья и браслеты, да богатые косы ее венчало изображение священной змеи — урея, словно у египетской царицы.

Андромеда же оказалась одетой в причудливые шелка, ее высоко поднятые волосы были пронзены двумя острыми шпильцами с золотыми шариками на концах. И Стрелец вспомнил, что они называются шэн.

Он уже видел это.

Где?

Да ведь это же картины! Те же образы Сферы — вот они, на стенах комнаты Лучникова! Как же...

И вспомнилось: «Это лишь копии... Однажды квартиру ограбили, но из всего добра вынесли только картины. Мои картины!.. Порою даже мерещились мне узоры моих пропавших полотен! Они жили в небесах своею странною жизнью, готовые подчиниться буйству человеческого воображения, и мне почудилось, будто там от века их место, там, а не здесь!»

Так вот что такое Сфера... Так вот кто творец ее и создатель!

А Сфера открывалась пред ним все шире, словно сердцевина необозримого цветка. Сладостное, дурманное головокружение! Чудилось, что эта сверкающая воронка затягивает его в свои глубины непостижимым, непредставимым с Земли круговращением созвездий.

И наконец-то, когда меж созвездиями Золотой Рыбы и Гидры вспыхнули Солнечные Часы, Стрелец увидел Деву, которая подняла свой вечно опущенный колос, словно свечу. И узнал ее.

— *Молюсь о дыхании твоём!*

И голос узнал Стрелец. Тот же голос, что звенел на всю Сферу. Тот же, что нашептывал-шелестел ему на ухо. Тот же, что изрекал заклятия и пел о любви.

И Лучников, услышав его, прижал руки к груди, словно от этого голоса у него останавливалось сердце.

Дева приникла к Земле, лаская Лучникова своим заревом. А одна из звезд ее возлегла на тень ветвей. И на-

чала таять тень дерева на полу, пока не исчезла вовсе. И почудилось Стрельцу, будто Лучников сам источает свет, а Дева, небо, Сфера — лишь отражение этого сияния, лишь порождение этого огня! Как солнечный луч, пронизав росинку, распалает и возжигает траву, так сердце этого человека преобразило слепую силу Вселенскую в Любовь Небесную, наделенную душою и наградившую создателя своего страстями и восторгами.

Стрелец смотрел в этот свет — и видел юношу, который ловил сетью страсти далекую звезду, словно птицу, — юношу, который заплатил жизнью за любовь, в ней и возродившись стократно, словно Протей.

Вот Найден поймал взором Солнце — и вызвал к жизни Полудницу.

Вот Чжу рассмотрел среди сонма светил черты Серебряной Фэй.

Вот пришелец из далеких северных земель возжег костер на ложе царицы.

Вот человек обратился в диковинное дерево — для того лишь, чтобы покоить на своих ветвях возлюбленную.

Вот слепой художник увидел в небесах рождение Вселенской Страсти.

Вот двое слепых... Вот спящие сном мертвым... Вот две молнии... Ибо Время — это бессмертный цветок, все лепестки которого равно свежи и прекрасны — всегда.

А Дева взывала с небес:

— Ты — свет очей моих. Солнце восходит по желанию твоему, река струит воду по воле твоей, и в ней отражаются звезды — это сны твои. Нет в мире никого подобного тебе! Ты сотворил меня — и мир вокруг меня. Из себя, единого, творишь ты миллионы образов твоих. Укрой же меня в объятиях и не размыкай их до скончания звезд и небесного затемнения!

И дрожь сотрясла тело Лучникова — эта ничем не укротимая сладострашная дрожь ожидания объятий:

— Любовь — твоя владычица, а ты — владычица моя!

Взметнула земля гриву свою — леса вздыбились. Белый Дракон вспенил Водяное Ложе свое, Волнуемое Бурями.

И самосветный всадник с луком в руках и стрелами в колчане, осыпая небосвод искрами-звездами, вознесся ввысь, где ждала, изнемогала без него Дева. Она обвилась вокруг него, словно лиана зеленая обвилась вокруг голубого кедра, растущего лишь на берегах Обимура.

Синяя, кобальтовая ночь задернула за ними свой полог. И только ветер долго еще бродил по дорогам земным и небесным.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Генваря 12 дня 183...

Друг!.. прощай. Не сомневаюсь, что сие письмо — последнее, кое написал к тебе друг твой Евгений Бушков. Прости, коли невнятно тебе покажутся слезы мои и моленья. Где-то затерялось то послание, в коем я изображал встречу с Cleopatra. Да она такая же египетская царица; как я — ветка для ея костра! Мнится мне, что веки вечные та же страсть вырывала нас из земли — и в землю же обращала, словно вихорь, вздымающий малое семечко с древа, сызнава роняющий его наземь — и лелеющий ветви новаго древа, из того же семечка проросшего... И так до беспредельности, вновь и вновь возмущая пространства и рождая миры. Сказано же более мудрыми, чем мы: «Любите, ибо все любят: и демоны в безднах, и боги в эфире!»

Нынче, стоя средь зимы в ожидании встречи с нею, я постигал суть превращений, коим подвергал себя. И виделось мне, точно бы я перенесся в мир иных, непостижимых веков, кои так любимы вами, сочинителями фантазий.

Господи! Благодарю, что сподобил мя, раба Твоего...

Да, о чем бишь я?.. Виделось мне некое место, вроде общественного сада для гуляний. Вот как если б Летний сад с берегов Невы перенесен был на берега Обимура! Рассветало, и еще неотлично было лицо от лица. Какой-то человек прикивал к студеной воде и бормотал, будто бы наговаривал на волну. Лик небес затаенно смотрел с высоты.

Мыслимо ль! я глядел на этаго человека со стороны — и в то ж самое время будучи им! В его образе звался я Стрельцом... или же Лучником, не вспомню наверное.

Иной человек, подметальщик в сем саду, тщательно сбиравший палый лист и первая снежинки, услышав причитанья мои, испугался и кинулся с возгласами о помощи в некую железную будку, притулившуюся под деревом. Оттуда слышались его вопли.

В то же самое мгновение я узрел тебя, друг мой единственный! Ты был в точности таков же, как в нашу последнюю встречу, однако одеяние твое напомнило мне тогу

римского сенатора, вдобавок богато расшитую золотом. Не мог я вновь разобрать слов, с коими обратился ты ко мне, ибо ветер, что голубил волну Обимура, шумел в моих ушах, однако ж я понял, что ты меня ласково журишь за некую оплошность, мною совершенную. Повторялось слово «браслет». И вслед за тем ты и впрямь взял мое запястье, словно бы желал ощутить биение моей крови,— и надел на руку мою браслет необычайно тонкой работы, украшенный замечательным изумрудом или же камнем в роде изумруда, распространявшем кругом себя некое магическое свечение.

Ветер улетел, слышно было в тишине, как облака и воды беспрерывно куда-то текут, а звезды утренние уходят.

Ты сказал, чтобы я был спокоен, вход в лабиринт открыт... И впрямь, в призрачном сиянии, кое распространял кругом себя камень в моем браслете, я увидел словно бы некие двери... не знаю, не смогу их словесно изобразить! Они означали и уход и возвращение, и вновь уход, и новое возвращение к себе, как если б я сделался не токмо Стрельцом, не токмо прапорщиком Бушковым, но обрел множество обличей, оставаясь при том собою. А еще мнилось, что я сделался неким зеркальным многогранником, однако ж какого б цвета и формы ни были зеркальца, в них вновь и вновь отражался один и тот же облик... Ея облик, владычицы моего...

Я еще успел узреть, как небо близится, земля уплывает... танцевала волна в Обимуре. Вернувшийся подметальщик глядел на чудесное древо, явившееся ему на том месте, где лишь сей миг стояли мы с тобою. По ветвям его порхали-перескакивали золотые птицы-солнца.

Уж и белый день настал, а он все терзал глаза, не то избавляючись от призрака, не то желая любоваться дивом вновь и вновь.

А я... что до меня, то я уж видел берега Обимура, ибо он всюду струит свои воды. Она там, она там меня ждет от встречи — сквозь разлуку — до встречи...

НИМЬ ДРАКОНА

...«По небу полуночи ангел летел, и грустную песню он пел». Ну, плагиат, конечно. Но нельзя удачнее изобразить словами зрелище, которое можно было наблюдать с южного отрога Змеинного хребта на закате одного из дней незабываемого июля. В сумеречном небе дрожала бледная еще Полярная звезда, похожая на туманное световое пятнышко от тусклого фонаря на глади тихой за-токи.

И вот со стороны звезды, держа курс к экватору, по темной лазури небосвода медленно скользил белый ангел. Его серебристые крылья мерцали розоватым отблеском исчезнувшего за горизонтом солнца. Последние лучи дневного светила огненными искрами горели в золотых гиацинтоподобных кудрях ангела. И он действительно пел грустную песню. Чем объяснить такое совпадение с классическим текстом? Может быть, у ангелов имеется обыкновение ширять вольным эфиром с песней и хрустальной лютней в изящных перстах?

Ну, как бы там ни было, он летел и пел, возвышенно не замечая происходящего на грешной земле.

Дивной красоты было зрелище, чего не мог не почувствовать старый мудрый дракон, который нежил свои дряхлые кости в прогретой за день шиферной складке горного отрога. Ну как бы отреагировали мы, узрев летящего ангела? Да глянули бы на него, пожали плечами и вернулись к своим обычным занятиям. Летит себе ангел и летит оттуда сюда по собственным делам.

Но дракон, как выше сказано, был стар, а следовательно — сентиментален. Поэтому вид безгрешного посланника небес вызвал у него судорожные вздохи, глущую слезу и печальные сожаления.

«Вот, — подумал дракон, — истинно совершенное и счастливое творение господне. Ни страх, ни страсть, ни ненависть, ни голод, ни корыстолюбие не терзают его безмятежную душу, и разум его обращен к высотам познания и безупречной гармонии. И нет в его равновесной

сущности места для бестолковых чувств, вечно-обуревающих жалких обитателей земли».

С этой огорчительной мыслью дракон обратил тоскующий взор в долину, где, завершив дневные заботы, многочисленное племя драконов готовилось отойти ко сну.

Он увидел, как под миртовым кустом трое сопливых еще подростков с плотоядным ржанием вышибали днище из славеньского толстенного бочонка. Вскоре к ним присоединился четвертый, который приволок украденного из стада барашка. Старец с огорчением наблюдал, как юные дракоши рвали когтями и клыками животное, вымазав довольные морды кровью, как они осушали бочонок, как возникла вялая, но отвратительная потасовка и как юнцы гонялись за почтенной драконессой. И в конце концов они захрапели под миртовым кустом, совершенно утратив драконий облик.

«Сколь это прискорбно,— подумал старый дракон.— Куда катится наше славное племя? Как низко и неправильно мы живем! Необходимо безотлагательно действовать, дабы древний народ наш смог достичь горного сада, всеобщей гармонии и счастья».

Надо сказать, что этот старый дракон был не просто дракон — иначе откуда бы в его огромной шишковатой башке могли завестись столь радикальные соображения? Был он правителем драконьего народа, королем этой обширной и богатой страны, и титул его звучал так: Его Великое Змейство Дракороль Восьмой.

Правил он с незапамятных времен, к власти привык, словно к собственному хвосту, а посему твердо знал, что даже самые туманные умопостроения его многодумной головы должны быть претворены в жизнь.

С этим намерением он и вернулся в прохладные покои беломраморного своего дворца. Там он испил ежевечернюю чашу настойки желчи завистника на гробовых змеях (весьма способствует пищеварению), отчитался в самочувствии почтителному лейб-медику и призвал к себе Секретарь-Советника. Тот вошел с озабоченным видом, имея под левым крылом сафьяновую папку с текущими бумагами. Но Его Великое Змейство от бумаг отмахнулся, что Секретарь-Советника не удивило. Зато удивил его последующий разговор.

Дракороль Восьмой, томно прикрыв глаза желтыми кожистыми веками, капризно протянул:

— Чешуйчатый мой, нам чрезвычайно надоело, что

в саду произрастают эти безобразные, кривые, колючие кактусы. Немедленно выкинуть сию гадость.

— Слушаюсь!

— Уберите камни, привезите тучную плодородную землю...

— Слушаюсь!

— И посадите там... э-э-э... посадите там... Вот интересно, а что произрастает в садах Эдема?

— Виноват, где?

— В садах Эдема, бестолочь!

— Не могу знать...

— Так узнайте! И вообще, приготовьте мне назавтра небольшой меморандум про сады Эдема, горний град и про ангелов. С иллюстрациями!

Сомнабулой в обмороке выполз из кабинета несчастный Секретарь-Советник (сокращенно — СС). В приемной он сел на хвост и долго отдувался. Над ним предупредительно склонился начальник караула Драбер.

— Старик, кажется, того...— прошептал СС, позабыв об осторожности.— Ангелов требует...

— Вызывать группу захвата? — деловито осведомился Драбер.

— Ты-то хоть с ума не сходи! — взмолился СС.— Академика мне сюда, быстро!

Доставили второстепенного седенького дракошечку, самого главного академика по имени Драфим.

— Что у вас есть по ангелам? — набросился на него уже пришедший в себя СС.

— Стихи-с...

— Ч-то?

— С вашего позволения, акафисты, молитвы, песнопения, утопии, сонеты, сказки, баллады, канцоны, рондо, альбы, сонеты наверле...

— Это что, все у нас? — профессионально подобрался Драбер.

— Помилуйте, как можно... Зарубежная, так сказать, литература, фольклор-с. А у нас откуда? У нас ангелами только хиленьких драконышей называют. Да меня и самого в розовом детстве-с, хи-хи-с.

— То же мне, ангелочек,— свирепо прошипел СС.— Вот что, Драфим, завтра где-то к полудню, когда Их Великое Змейство соизволят обратить свой милостивый взор к государственным занятиям, чтоб у меня в когтях были компактные материалы об ангелах и все такое, ясно?

— А как же-с... Позвольте телефончик, мы это сейчас...

Дрофим произвел несколько звонков, благополучнейшим образом свалив всю работу на референтов.

Бдительный Драбер академика из приемной не выпустил, но снизошел к его сединам: велел принести стаканчик яда гюрзы, плед и подушки. СС нервничал всю ночь, мерял шагами приемную и мучительно припоминал все известное ему про ангелов. Вспоминалось нечто несуразное и малоутешительное.

Утром на балкон спланировал с лихого виража бравый курьер из академии. Он вручил Драфиму грудку бумаг, шелкнул когтями по мраморному полу и отбыл.

СС яростно набросился на бумаги, быстренько раскидав их на три примерно равные стопки.

— Так, — сказал он, возлагая когтистую лапу на одну из них, — это мы покажем Его Великому Змейству в первую очередь. Это — если ему будет благоугодно подробнее разобраться в данном вопросе. А это, почтеннейший Драфим, можете забрать и как следует надавать по рогам тому умнику, который присобачил к ангельскому досье всякие сплетни из житья-бытья русалок Ян-Цзы, методику занятий дельтапланеризмом и анатомический атлас мухи цеце. Все! Свободен!

Следующие две недели Секретарь-Советник имел жизнь хлопотливую. Иногда он впадал в столбняк, получив очередной приказ Его Великого Змейства. Дивные, надо сказать, поступали распоряжения: засадить сад анемонами и нарциссами, доставить в покои лютю, раздобыть рецепт нектара и амброзии и тому подобное. «Что происходит?!» — спрашивал себя Секретарь-Советник и не находил ответа. А это ж были еще цветочки, так сказать, лютики-фиалки...

Драколь Восьмой таки одолел все предъявленные ему материалы по ангелам. Кто бы мог подумать... Секретарь-Советник очень надеялся на естественный старческий склероз, но жестоко ошибся в своих расчетах. Проклятые белые ангелы крепко угнездились в угрюмом воображении Великого Змейства и завладели всеми его помыслами. И, делая первый шаг по намеченному пути, Драколь как-то назвал своего бессменного секретаря «Дражайший мой...»

С бедным СС приключилась истерика: его, который двенадцать лет стережет порог короля, недосыпает, пребывает на посту и начеку, предан до кончиков когтей,

обозвать дражайшим! Но Дракороль Восьмой не отпустил Секретарь-Советнику времени на сложные душевные переживания. Он сказал:

— Дражайший мой, пригласите-ка ко мне Большой Совет. Ну, скажем, завтра к полудню.

Большой Совет собрался в указанное время. Матерые, с тусклой от старости чешуей, драконы с трудом узнавали друг друга — Большой Совет давненько не собирался в полном составе. Видимо, на сей раз Дракороль желает сообщить своим подданным нечто важное.

А в ожидании очередного исторического выступления своего повелителя члены Большого Совета плотоядно поглядывали на узкую боковую дверь, откуда обычно перед аудиенцией выдвигали столы с угощением. Драконы сладострастно вспоминали паштеты из печени отцеубийцы, зажаренных целиком кашалотов, фаршированные яйца птицы Рух, высокие кубки, наполненные кровью девственниц. Произошел даже вежливый спор двух гурманов, один из которых утверждал, что кровь брюнеток гораздо более приятна на вкус, нежели кровь блондинок. Его оппонент позволял себе не соглашаться. Зато они полностью сошлись во мнении относительно непередаваемого букета кипящей лавы из вулкана Ключевской.

Боковая дверь действительно раскрылась, и, по заведенному обычаю, юные драконицы выкатили столы. Одеты драконицы были как-то чудно: в широкие белые одежды, полностью скрывающие фигуру. На изящных головках девиц красовались трогательные веночки из роз. Члены Большого Совета не слишком удивились — может, у них тут, во дворце, нынче мода такая. С этим еще можно было как-то примириться. Но вот то, что Большой Совет увидел на столах, одобрить было никак невозможно.

На знакомом королевском фарфоре с монограммами сановные драконы не обнаружили ничего из привычного меню. Но зато... На длинных блюдах возлежали роскошные букеты нарциссов, латука, кресс-салата. В серебряных чашах горою высились охапки белых лилий и голубых лотосов. Пышные хлеба, усеянные зернышками тмина и кориандра, источали неведомые здесь прежде благоволия. В кубках и бокалах искрилась сладкая амрита. В довершение всего явственно запахло ладаном.

Ошеломленный Большой Совет, глаза на новые причуды монаршей кухни, даже не заметил появления самого Дракороль Восьмого. А тот, присмотревшись к пани-

хидному безмолвию своих придворных, ядовито-елейно спросил:

— А что это с вами, возлюбленные чада мои? С каких это пор вы брезгуете королевским хлебом-солью?

После сих слов двор молчаливо накинулся на предложенное угощение. Дракороль Восьмой с удовлетворением наблюдал, как исчезали со стола и хлебы, и лилии, и лотос. Не без злорадства следил он за тем, с каким плохо скрываемым отвращением выковыривал из клыков застрявшую желтую кувшинку престарелый главнокомандующий Драполеон.

Но, поскольку шуток при дворе издавна не понимали, вегетарианский ужин был послушно съеден, оскорбительная для любого порядочного дракона амирта выпита с мысленными проклятиями.

Притихший Большой Совет, совершенно деморализованный угощением, покорно выслушал небольшой концерт. Юные драконницы в светлых одеждах перебирали алмазными коготками струны арф и, сколь возможно высоко, тянули: «Войди в мой дивный райский сад...»

Члены Большого Совета уже окончательно не понимали, что собственно, происходит. А Дракороль медленно закипал на своем тронном ложе, глядя на верных придворных, которые сбились в кучку посреди зала для приемов. Поджавшие хвосты, опустившие крылья, они до странности напоминали вымокших под дождем летучих мышей.

— Что, не нравится? — взревел Его Великое Змейство. — Погрязли в грехе и разврате, высокое искусство не по вкусу? Я вас... я вам... Вы у меня научитесь любить все светлое и прекрасное. Я вас в бараний рог согну, но сделаю из вас ангелов! Свободны! Пока...

И члены Большого Совета, получив от Секретарь-Советника размноженные уже материалы — те самые, что были подготовлены группой Драфима, — выползли в приемную. Главнокомандующий Драполеон разглядел на верхнем листочке гриф «К неукоснительному исполнению» и высказался по-солдатски прямо:

— Абзац, мужики.

И повалился в обмороке.

А далее в драконьем королевстве начался полный бедлам. Народу был дарован высочайший указ, объявляющий программу превращения населения в ангелов в течение трех лет. После небольшого, вполне естественного, обалдения народ горячо откликнулся на очередное благо-

деяние Его Великого Змейства, который в неизреченной милости своей денно и ночью печется о благе своих подчиненных. Отклик этот выдился в манифестации и факельные шествия перед дворцом. На митингах был принят встречный план: драконье население взяло на себя повышенные обязательства и пожелало стать ангелами за два с половиной года.

В эти дни газеты и журналы шли нарасхват. Огромной популярностью пользовалась научная статья Драфима о древнем генетическом родстве ангелов и драконов. Мол, де, у тех крылья и у других тоже, те летают и эти не хуже. А перья из крыл ангелов есть не что иное как видоизмененные чешуи драконов.

— Ты гляди! — изумлялись драконы. — Надо же... А мы и не знали, так бы и померли необразованными. Чего ж тогда эти ангелы нос дерут? Встретишь бывало в небе, так не поздороваешь же, сквозь тебя пролетит, как и не заметил. Ну уж теперь-то мы им покажем, кто тут ангелы! То-то воспарим!

С помпой прошел показ новой коллекции дома моделей — хитоны, кисейные драпри, всевозможные чехлы, посредством которых кожистые летательные приспособления древних гигантских рептилий вполне прилично маскировались под крылья серафимов и херувимов. Уже на следующий день драконессы из высшего света щеголяли на приемах в новомодных уборах, с непривычки немного в них путаясь.

Некоторое уныние вызвала спешно изданная брошюра лейб-медика Дратира о вреде мясной диеты. В достойных поэтического слога выражениях лейб-медик превозносил отменные качества вегетарианских продуктов, нектара, амброзии, цветочной пыльцы. Но унывать особенно долго не пришлось, равно как и колебаться в вопросах диеты, потому что из лавок и магазинов подозрительно быстро исчезли туши буйволов и вообще все, что можно назвать мясом. В барах и ресторанах взяли манеру подавать молоко и фруктовые соки. Волей-неволей надо было привыкать.

Но, впрочем, голь на выдумки хитра. Однажды патруль службы «Вперед к ангелизму» явился по некоему адресу, любезно сообщенному бдительным гражданином, пожелавшим остаться неизвестным. Пылающий справедливым гневом заявитель обвинял своих соседей в посприании идей ангелизма, каковое выражалось в тайном мясоедении.

Патруль нагрянул и обнаружил именины хозяйки дома в полном разгаре. Над пиршественным столом и в самом деле витали криминальные ароматы. Но хозяйка не растерялась. Приседая в глубоком реверансе перед начальником патруля она подала ему большую чашу напитка, от запаха которого у бравого капрала сразу закружилась голова.

— Что это? — грозно рыкнул он.

— С позволения вашей милости, квас.

— Квас?

— Именно-с. Только... нижайше прошу прощения, он, изволите ли видеть-с, в тепле стоял, так что, может быть...

— Ах, в тепле! — и капрал лихо махнул всю чашу одним глотком.

А хозяйка, окутанная волнами голубого шифона, уже подносила капралу блюдо, на котором нахально блестел румяной корочкой жареный кролик.

— Мясо? — рявкнул капрал.

— Никак нет, что вы, как можно-с... Мясо отягощает дракона, не позволяя ему сподобиться ангельского чина, как мудро заметил величайший ученый Драфим. Это, с позволения вашей милости, так называемый фальшивый кролик — из лапши и моркови.

— Ах, из лапши и моркови... Ну-ну, это можно, это не запрещено.

Тонкие кроличьи косточки даже не хрустнули на зубах капрала. Он проглотил тушку целиком и с преувеличенным удивлением сказал:

— Действительно, из лапши и моркови. Оч-чень вкусно! Налево, кругом, ребята, здесь все в порядке.

И патруль, чеканя шаг, отбыл.

На центральной площади патруль несколько задержался возле Королевского музея искусств, из дверей которого летели на булыжник мостовой полотна и шелковые свитки с изображениями сверкающих драконов, писанными в далекой Желтой стране. Вместо них в залах галереи размещались холсты работы художников из Апельсинового края, специализировавшихся почти исключительно на рисовании ангелов.

Из-за ближайшего заборчика детского сада неслись голоса нестройного хора драконышей: «К светлому небу мы дружно летим. Великое Змейство восславить хотим».

Над стадионом эскадрилья хорошо тренированной молодежи осваивала приемы серафимского пилотажа.

С земли гремел хриплый рык начальника команды: «Легче, легче! А чтоб тебя... это же не ангел, а летающая бочка! Куда ты прешь, идиот, ложись на крыло и плавноенько этак разворачивайся... Глаза горé имей, что ты буркала выкатил?»

На центральном рынке толпа активисток движения «Вперед к ангелизму» долго и остервенело топтала полудозревая о том, что творится в столице, привез на продажу парную конину. Этот крестьянин мало интересовался политикой и даже не знал, что и Чертовых оврагов более не существует, а называется сия местность отныне Херувимский Чертог.

Патруль пресек беспорядки и уволок крестьянина под сломанные крылья в подвалы дворца, чтобы в тихой интимной беседе выяснить, по чьему вражьему наущению действовал сей недоумок.

Капрал для начала выбил крестьянину два клыка и велел стоять смиренно.

— Давай рассказывай, кто научил?

— Чего «научил»?

— Кто тебя паршивца, научил привезти в столицу эту проклятую конину?

— Чего «проклятую»? — Крестьянин даже обиделся. — Хорошая конина, господин капрал, парная. Мы завсегда...

— Мо-олчать! Я тебе покажу — «завсегда»! Не прикидывайся дурачком, я тебя насквозь вижу! Зачем мясо привез?

— Так что мы, господин капрал, завсегда мясом торговали. И дед мой, и папаня покойный, и я сколь годов мясо в город вожу, и никогда ж ничего, завсегда довольны были...

— Вот. Вот ты и попался. Это что ж получается — семейка ваша зловредная «завсегда» отравляла славное племя драконов убийственным для здоровья мясом и тем самым на долгие годы отодвигала приближение к ангельскому чину? Диверсант ты, и папаня твой покойный. Стой! А где ты это... мясо взял?

— Так что, господин капрал, мясо завсегда в Южной степи промышляем, а потом, значит...

— Все. Хватит. Ты еще и шпион к тому же. За сколько, убудок, продал южанам своих братьев-драконов, которые без пяти минут ангелы? Уберите вы его с глаз моих и утопите, не могу я больше на него смотреть.

В эти дни главнокомандующий Драполеон переживал серьезную семейную драму. Его жена, одна из красивейших драконесс страны, отлучила мужа от супружеского ложа.

Однажды вечером Драполеон в прекрасном настроении пришел в спальню своей жены. Та сидела возле окна в мечтательной позе, глядя на звезды. Ласковый летний ветерок играл ленточками ее лилового хитора. На ковре праздно валялась лютия, осыпанная лепестками роз из растерзанного букета. Увидев этот букет, Драполеон встревожился:

— Что случилось, дорогая?

Супруга устремила взгляд на изображение архангела Гавриила, который, мило улыбаясь, протягивал белую лилию, и томно молвила:

— Ах, отстань.

Драполеон примерился было поцеловать супругу в чешайчатое плечико, но она раздраженно отодвинулась.

— Не понял.

— Оставь меня.

— Что приключилось с моим пупсиком, моей маленькой птичкой? Почему она прогоняет своего маленького верного мужика?

— Драполеон, ты идиот. Отныне и навсегда двери моей спальни закрыты для тебя!

— Дорогая, не надо крайних решений. Может быть, мы обсудим все это спокойно и придем к соглашению? Чего желает моя птичка? Новое ожерелье из человеческих черепов или мантия из меха улитки?

— Кретин. У тебя не хватает ума сообразить, что твоя жена, как самая передовая драконесса в этой стране, всем сердцем восприняла идеи ангелизма.

— Надеюсь, дорогая. Но причем тут наша любовь?

— Любовь! Не смей называть этим возвышенным словом свои грязные вожделения! Ты дурной гражданин и плохой подданный, ты невнимательно изучил указания, пожалованные тебе Его Великим Змейством. А там написано, что ангелы, они... ну, словом, дверь моей спальни закрыта для тебя навсегда!

Между прочим, супруга Драполеона была не единственной драконессой в стране, глубоко воспринявшей идеи ангелизма. Именно поэтому вскорости в бункере, расположенном под фундаментом дачи Драполеона собрались отцы-учредители Лиги защиты драконства. Присутствовал там и озлобленный обедами из кресс-салата

Секретарь-Советник. Первое заседание Лиги было неконструктивным: все хотели жаловаться. В жалобах и стенаниях прошла вся ночь. На рассвете Лига съела двух слонов, после чего разъехалась.

А процесс ангелизации триумфально катился по стране. Внимательно изучив все собранные сведения о жизни обитателей горного села, теоретики школы Драфима сделали интересные выводы: ангелы как таковые являются просто... ангелами. А следовательно, не едят, не пьют вина, не крадут, не лгут, не убивают и так далее не. Но почему ангелы ведут себя столь по-ангельски? Очень просто: они не имеют собственности, каковая обладает свойство разжигать нездоровые инстинкты. Все их имущество: нимб, хитон, лютня да сандалии. Вывод: долой собственность во всех видах — и тогда драконы станут ангелами!

Ну какая может быть собственность у горожанина? Дверь, засов, тапочки и ночной горшок? Ясно же, что корень зла помещался в сельской местности, где крестьянин имел охотничьи угодья, дом и погреб с запасами. Пока эти прижимистые селяне не откажутся от своего имущества, не видать могучему государству всеобщей ангелизации, так и останутся граждане драконами сиволапами.

Объявили программу всеобщего раздраконивания села.

Раздраконили...

В Лигу защиты драконства срочно вступил видный писатель Драпир. На втором тайном съезде он, с отвращением озирая конспиративно сервированный травками стол, страстно возглашал:

— Что происходит, братья? Я желаю быть драконом и никем иным! Наше славное племя просуществовало тысячи лет вполне благополучно, почему же теперь оно должно исчезнуть? Жили, жили, не тужили — на тебе! По воле выжившего из ума маразматика... Не надо шипеть на меня, генерал Драполеон! Я повторяю: по воле выжившего из ума маразматика, который из-за своего гастрита может питаться только овсянкой, а про драконесс я вообще уже не говорю, сами знаете... По его прихоти наш народ лишен всех своих естественных прав! Да где же это видано, чтобы дракона заставляли есть сено! Чтоб ему запрещали вольно охотиться в Южных степях! А тут еще выясняется, что эти проклятые ангелы бесполо, размножаются вообще неизвестно как! Наш

народ вымрет в течение ближайших ста лет от вегетарианской диеты и ангельской морали! А соседи нас засмеют!

— Ты прав, брат,— роняя скупую слезу, сказал Драполеон.— Я вчера хотел удавиться. Приехал в казармы «Альфа», вышел на плац и глазам своим не поверил. Гарнизон стоит тройным каре, трепещет белыми крылышками, в лапах — лютни, и противными такими голосами псалом поют. Последние времена пришли, конец драконству!

— А вокруг короля вся эта драфимовская банда вьется,— мрачно наябедничал Секретарь-Советник и высморкался в платок размером с простыню.— В оба уха дуют: ах, Ваше Великое Змейство, до чего же Вам идут эти дивные крылышки, этот сияющий нимб над чудесным челом!..

— Какой нимб? Что ж, старикан от постной жизни уже светиться стал?

— Да нет. Проволочный нимб, с алмазами. Каким-то манером над головой его укрепили, а старик радуется, как дитя. А они ему: вы у нас почти что серафим. Скоро архангелом называть начнут. Старик тает, всему верит, честно цветочками питается. А эти... Иду вчера мимо кухни, смотрю — окровавленная баранья шкура валяется. Ага, думаю себе. И специально случайно попадаю на ужин. Что вы думаете? Мясо трескают! Я прямо онемел от такой наглости! А Драфим в глаза мне нежно смотрит, под локоток берет и блеет: это, мол, вовсе и не мясо, как Вам, может быть, показалось. Это новый синтезированный продукт, а все трапезничающие — добровольцы, жертвующие своим здоровьем для испытания сего продукта, которым вскорости завалят драконов, если эксперимент завершится успешно. Чего он мне вкручивает? Что я — мяса не видел?

При слове «мясо» все судорожно сглотнули слюну.

— Ну, в таком случае я вообще не понимаю, зачем это все Драфиму понадобилось? — взъярился один из членов Лиги.

— Да как же! Он старику потакает в его новой блажи, старик академика к себе приблизил, он теперь первый у короля советник. С-специалист по ангелам.

Глаза Драполеона зажглись мрачным огнем жажды убийства, сине-стальные когти медленно обнажались. Плохо пришлось бы Драфиму, окажись он здесь.

— Более всего удивлен я, судари мои, почему молчит

народ? Неужели ему нравится жевать на завтрах кувшинки, видеть в своей драконессе не супругу, а товарища по ангельству? Неужели клыки затупились, когти не чешутся? — Драпир обожал выражаться красиво.

— Черт его знает, феномен какой-то. Понимаешь, брат, опомниться никто не успел. Да и прикинь: десять тысяч лет правит страной Дракороль Восьмой. Ну, призывали ему подчиняться. А когти, между прочим, все-таки чешутся. Капрал из патруля недавно проболтался: не так уж все гладко и спокойно, как нас уверяет «Утренний пророк», да и другие газеты. Капрал такой помятый был. Ночью, говорит, пытались взять какого-то дракона на окраине. Застукали, когда он терзал украденного из зоопарка тигра — с голодухи на что не польстишься. Ну, патруль кинулся на бедолагу. А тот, с большого отчаяния, капрала помял, патруль раскидал, да и был таков.

— Вот! Есть еще герои! Пока живы такие, как этот доблестный незнакомец, дух драконства не умрет!

— Да подождите вы оды тут петь. Это еще не все. В провинции Кобра восстание.

— Ну?! А чего ж тут сидим?

— Хотя... восстание — это громко сказано. Но отряды ангелизации наткнулись на серьезное сопротивление тамошних аборигенов. Народ там темный, он вообще ничего про ангелов не понимает. А вот что охотничьи угодья отняли — это он понимает. В общем, заварушка там. И в провинции Боа, и в провинции Игуана...

— Плохо дело, драконы. Это гражданская война. Вегетарианская жратва, ангельская мораль — и гражданская война! Более ничего не требуется для уничтожения нашего славного племени. Конец... — Драпир уронил свою многдумную голову на стол.

Расходились подавленные. На крыльце Драпир долго разминал крылья для взлета. Его внимание привлек осторожный шорох в терновнике возле дома. Писатель взгляделся.

Лавируя меж колючих кустов, от дома во весь дух улепетывал небольшой крокодил.

«Лазутчик», — холодея, подумал Драпир. Эх, прошляпили... Догнать крокодила Драпир не мог, тот бегал быстрее. Достать шпиона с воздуха тоже было невозможно — уже стемнело.

Драпир не полетел домой, а отправился к знакомой драконнице пить запрещенное вино и ждать ареста. У него хватило благородства известить Драполеона и Секре-

тарь-Советника о том, что Лига, по всей вероятности, накрылась. На что совершенно озверевший Драполеон зарычал, что все это ему до смерти надоело и лучше умереть в честном бою за правое дело, чем пресмыкаться подобно презренному ужу. После чего умчался в казармы поднимать армию.

Умереть в честном бою Драполеону не пришлось. Гарнизон казармы «Альфа», совершенно разложенный пением псалмов и сильно ослабленный пайком из горного сена, к сражению оказался непригоден. Его окружили, ловко раздели, надавали каждому мятежнику по ушам и загнали обратно в казарму. Воевали «Ангельские роты» здорово, как архистратиг Михаил...

Генерала же скрутили и доставили в дворцовые подвалы. Дальше — дело известное. Мятежника надлежит допросить с пристрастием и вывести в расход. Но с первых же минут допроса возникла проблема: не желал отвечать, только дьявольски ругался. По зубам его — как-то вульгарно, генерал все-таки. Применять же к нему пытки не было никакой возможности. Как прикажете пытать бронированного чешуей дракона? Да чихать он хотел на металлические предметы и пылающие угли. В некотором замешательстве палачи оставили свою жертву пока что в подвале.

Именно этой задержкой объясняется, видимо, тот факт, что за Драпиром и Секретарем-Советником, равно как и за другими учредителями Лиги, на следующий день никто не пришел. Но зато когда полумертвый от страха и неприятных предчувствий СС приполз во дворец для несения службы у порога Его Великого Змейства, к нему с обычной ласковой улыбкой подошел Драфим и сказал:

— Что-то вы плоховато выглядите, милейший. Наш повелитель в неизреченной милости своей изволил обратиться на это обстоятельство свое высокое внимание. Он даже посоветовался с лейб-медиком. И тот прописал вам усиленное питание.

Надо сказать, что в последнее время СС постоянно находился на грани голодного обморока. Он-то не мог позволить себе на обед «фальшивых кроликов из лапши и моркови», как некоторые. Все-таки постоянно на глазах у повелителя, не дай бог чего, запах там и жирное пятно... Поэтому на проникновенную заботу Драфима только злобно скрипнул клыками. Драфим сделал вид, что ничего не заметил и продолжал:

— А посему Его Великое Змейство распорядился,

чтобы отныне вам еженедельно выдавали спецпак из продуктов повышенной калорийности...

При этих словах унылый ассистент Драфима поставил к ногам Секретарь-Советника объемистую корзину, от которой исходило умопомрачительное благоухание. Из корзины, нагло попирая все устои идей ангелизма, торчала половина бараньей туши и хвост белуги.

«Провокация!» — панически подумал бедный СС. Но гордо отвергнуть этот данайский дар он не успел, потому что Драфим наивно округлил глаза и зажурчал:

— Что с вами, дорогой мой? Вы лишились языка от вполне природного чувства благодарности за оказанную милость? Это так понятно... Не волнуйтесь, успокойтесь...

— Но это... что это?

— Видите ли, дорогой, в последнее время наш институт питания добился поразительных, невероятных успехов... синтезированы продукты, которые почти полностью имитируют греховные мясо и рыбу. Но сделаны они из вполне вегетарианских исходных ингредиентов. Вы можете быть абсолютно спокойны! Я сам употребляю такую же пищу! А то, что новые продукты питания даже внешне очень похожи на прежние, — есть маленькая невинная уступка нашим древним инстинктам, которые, согласитесь, нельзя истребить в одночасье. В дальнейшем мы обеспечим таким товаром всех драконов, пока у нас просто не хватает производственных мощностей, понимаете? А далее... о, какие перспективы раскрываются перед нами! Мы будем делать такие маленькие таблетки, проглотил ее — и сыт целый день. В идеале же, чтоб достичь подлинного ангельства, надо бы вообще отучить драконов от дурной атавистической привычки потреблять пищу. Но это — во благовремени... А пока берите корзину, благодарите короля, не болтайте... И помните: пока вы усердно исполняете свои обязанности, такая корзина будет ждать вас каждую неделю. Вы все правильно поняли?

Секретарь-Советник все правильно понял. Вечером за ужином его драконы наелись досыта, совсем как в прежние времена. Его драконесса восторженно славил короля и достижения науки. Она сетовала на то, что из-за бунта в провинциях почти прекратились поставки даже дозволенных продуктов. А теперь вот милостью правителя их семейство не умрет от голода, и ей не надо будет шустрить по рынкам в поисках съестного для малышей. А сам Секретарь-Советник жевал мясо и думал: «Побей

меня гром, Тифон меня заберу, но это же баранина! Я еще не успел забыть ее вкус! Ничего не понимаю. Кто кого обманывает? Драфим со своей бандой морочат голову королю, король — мне, я — жене, и все вместе мы обманываем народ. Что делается!»

Впрочем, СС скоро привык к еженедельному спецпайку. К таким вещам привыкают удивительно быстро. И уже не смущаясь выкладывал перед женой огромную печенку кашалота и говорил:

— А это, дорогая, сделано из красного клевера. Попробуй, не правда ли, вкус почти не отличим от настоящей.

Жена озабоченно пробовала и качала головой:

— Нет, пупсик, знаешь ли, все-таки есть разница. Натуральная как-то горчила вроде...

— Ну ничего, хорошо, хоть такая есть... Ты же знаешь, что в городе...

А в городе было тихо. Зоопарк давным-давно съели. Какое-то время драконы мужественно пытались продержаться на предписанном идеями ангелизма сене, но уже начинались голодные психозы, уже умирали дети, старики, больные... Ползли жуткие слухи о случаях драконоедства. А когда из охваченных бунтом провинций перестали подвозить даже сено, началось повальное бегство из столицы. Оголодавшие драконы паслись в речных заводях на кувшинках и рогозе, и даже самые бдительные патрули из «Ангельских рот» не могли уследить, когда вместе с охапкой водяной травы дракон отправлял в пасть попавшую в когти рыбу или неосторожную серую цаплю. Да и сами рядовые из «Ангельских рот» тоже ведь не ангелы... Жить-то всем хочется.

Стали достоянием общественности позорные подробности эмиграции некоторых драконов в сопредельные страны. Они тайно пересекли границу и, конечно же, сразу же набросились на тучные стада. Но нарушителей изловили и посадили в стальные клетки. И теперь они влчат жалкое существование в зверинцах на потеху праздным зевакам.

Все эти события страшно раздражали писателя Драпира. Он, глядя в окно, гневно лязгал клыками, трещал крыльями и сочинял яростные призывы, суть которых сводилась к нехитрой мысли: «Назад к истинному драконству!»

Он настолько одичал в одиночестве, которое уже не скрашивала до чертиков надоевшая подруга, что даже

обрадовался, когда за ним явились два сержанта из дворцовой охраны. Буйное писательское воображение быстро нарисовало картину несправедного суда, где он, конечно же, прогремит страстной речью, и публика будет рыдать, и преступные судьи, дрожа под черными мантиями, забудутся под стол, не смея взглянуть в глаза невинно судимому, не смея отвечать разгневанному народу... Конечно же, после процесса его триумфально вынесет толпа, драконицы закидают его цветами... Тут Драпир крепко тряхнули, и он опомнился. Оказалось, что стоит он прямо перед тронным ложем, с коего на него благосклонно взирает Его Великое Змейство Дракороль Восьмой.

Драпир сел на хвост и насторожился. В этот момент он удивительно напоминал умную собаку, ожидающую от хозяина спокойной выволочки за случайную провинность.

— Что же это, талантливый вы мой? — с доброй укоризной обратился к писателю король.— Хорошенькие вещи нам тут про вас рассказывают!

— Злопыхатели и завистники,— заученно-бодро рявкнул Драпир.

— Да-а? Ну, пусть их. Вы же знаете, гениальный мой, как мы к вам относимся. Мы и слушать их не стали... Тогда мне показали вот это...

В воздухе мелькнул и опустился на ковер желтый листок бумаги, исписанный характерным почерком Драпира. Писатель обмер: это был сочиненный вчера очередной манифест. В общем-то ничего особенного там не говорилось. Начинался манифест ностальгическим плачем по старым добрым временам. Потом яркими красками рисовалось печальное настоящее. И в заключение выражалась надежда на светлое будущее. Пока Драпир лихорадочно прикидывал тактику защиты, Дракороль Восьмой вдруг уронил слезу и, качая тяжелой головой, сказал:

— Ах, как вы правы, известный мой. И сколь прискорбно видеть, как лучшие умы нации блуждают во тьме устаревших догм и замшелых стереотипов, вместо того, чтобы, объединив свои силы в тяжелую для родины гонимую, честно послужить благородному делу прогресса драконов. Вдумайтесь, куда вы зовете наш многострадальный народ? Во тьму прошедших веков? Я же не спорю, когда-то, очень давно, наше племя было сильным и славным, владело почти всей землей, океанами и небесами.

Но ныне иные времена! Если мы хотим выжить, мы должны измениться — это закон природы. Да и дело даже не в этом. Что есть истинное драконство, которое вы так упорно защищаете? Дремучая дикость, жестокость, варварство — не более! Не возражайте, не надо! А подите лучше к Драфиму, пусть он вам покажет все материалы, разработанные группой теоретиков.

Неделю провел Драпир во дворце. Каждый день ему читали лекции, показывали фильмы, предъявляли безукоризненные расчеты, уговаривали, умоляли, убеждали. Скоро он ощутил явные признаки разжижения мозга и воззвал об отдыхе. На время его оставили в покое. Драпир лежал на теплом балконе и размышлял.

«Они во многом правы, — думал он. — И все это напрямую связано с древней философией. Были, были у нас мыслители, которые несколько преждевременно проповедовали равенство всех со всеми, милосердие и доброту. Правда, судьба их незавидна. Дракон с такими идеями не выживет в нашем жестоком мире. Смешно, право, дракон — и милосердие! И опять же, что значит — равенство? С чего это я — могучий, красивый, умный, талантливый — должен считать равным себе какого-нибудь косноязычного деревенского дурачка? Да, но это верно, пока мы с ним драконы. А будь мы с ним ангелы, чего нам ссориться? Мяса нам не надо, охотничьих угодий тоже, баб — само собой, при бестелесности-то. Из-за чего друг другу глотки рвать? Черт, привлекательно... Хотя вон покойники тоже не ссорятся, им тоже ничего не надо. Выходит, быть ангелом ничуть не лучше, чем покойником. Впрочем... Драфим бухтел там чего-то про высоты познания и нравственного совершенствования. Это надо обдумать...»

Кстати, о покойниках... Пока в канцелярии решали, что делать с упрямым Драполеоном, тот тихо угас в подземном каземате. От голода. Таков был бесславный конец славного когда-то воителя.

А Драпир так и не понял про нравственное совершенствование и сильно подозревал, что выдумал все это академик по одной простой причине. Хилый он, Драфим, науками замученный и от природы дохлый. Не пробиться ему к власти и всему тому, что она дает. А вот ежели Драфим уговорит всех драконов ангелами стать... Что ж, в курятнике и петух — птица. Орел... Драпир отправился за разъяснениями к академику.

Сей ученый муж за последнее время сильно изменился — раздобрел и приобрел вальяжно-покровительствен-

ные замашки. Он охотно снизошел до беседы с писателем. Для начала повторил все уже известное про горний сад и благотворность идей ангелизма для племени драконов.

А когда Драпир завопил, что драконы просто вымрут с голоду задолго до торжества идей ангелизма, Драфим жестко ответил:

— Да, да, друг мой. Мы отдаем себе отчет в том, что какая-то часть неселения страны должна пожертвовать собой, лечь костями в фундамент светлого будущего. Это неизбежно, к прискорбию моему. Но зато потомки их будут жить в райском саду. Прекрасная цель стоит жертв, не так ли? Но зато ангелы-то бессмертны, и наши дети, достигнув ангельского чина, станут вечными, совершенными созданиями. Вы только вообразите себе эту картину!

Потрясенный Драпир вообразил. Нескончаемой чередой уносились в сияющий зенит безгрешные существа, о происхождении которых напоминал лишь зеленоватый отблеск на могучих крыльях. Эфир звенел хором торжествующих песнопений. Хвала вечному счастью неслась над полями нарциссов и асфоделей...

Сие величественное видение произвело переворот в монументально сознании писателя. Он тяжело зарыдал, раскаиваясь в том, что когда-то ничтоже сумняшеся вступил в Лигу защиты драконства, эту компанию самодеятельных заговорщиков-ретроградов. Нет, долой постыдное прошлое! Отныне он желает служить своим пером делу возвышения нации!

Искренний порыв Драпира оценили по достоинству и предложили для начала сочинить проект некоего документа, условно названного «Моральные заповеди ангелизма». Польщенный высоким доверием писатель с энтузиазмом принялся за работу. Само собой, что и ему еженедельно доставляли пресловутые корзины с искусственной пищей, так что он мог спокойно работать, не отвлекаясь проблемами хлеба насущного.

И неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы однажды ночью Его Великое Змейство Дракороль Восьмой не захотел пить. На звук колокольчика почему-то никто не отозвался. Проклиная нерадивость слуг, Дракороль сполз с постели и побрел в кухню, которая теперь именовалась лабораторией синтетической пищи. В кухне пылали очаги и слышался лязг посуды, голоса поваров, шипение расплавленного жира на сковороде. Озадаченный

всем этим, Дракороль осторожно заглянул за дверь. То, что он увидел, его потрясло. В полутемном кухонном зале все было, как в прежние, приснопамятные времена. Суетились поварята, волокли освежеванные кровавые туши животных, рубили их на куски, загружали в котлы, жарили целые горы битой птицы.

Дракороль все понял. Академик и его хитроумная группа теоретиков осмелилась водить своего короля за нос! А он-то верил, что подаваемые ему паштеты синтезированы из овощей, фруктов и химии! Как они посмели обмануть его и предать великие идеи ангелизма!

Гнев короля был ужасен. От раскатов монаршего рева вздрагивал и шатался дворец. Его Великое Змейство бушевал весь остаток ночи. А утречком несчастного вопиющего Драфима в цепях поволокли на суд и расправу.

Но, как уже отмечалось выше, Дракороль был стар и мудр. Поэтому, поостыв, он крепко задумался над тем, что толкнуло почтенного академика на обман. Поразмыслив, король предположил: наверняка же победные религии о повсеместном торжестве идей ангелизма — такая же панاما, как и синтетическая пища. Теперь король не верил никому. С похвальным намерением проверить все самому король грузно поднялся в воздух, желая с высоты обозреть столицу. Старые крылья трещали, но еще держали хозяина.

Дракороль Восьмой слегка удивился, обнаружив над столицей абсолютно пустое небо, в котором раньше беспрестанно шныряло туда-сюда жизнерадостное драконье. Теперь же не видно было ни одного летуна...

Дракороль заложил вираж над столицей. Жалкое зрелище явилось ему. По запущенным, заваленным мусором улицам кое-где едва тащились изможденные драконессы. Они рыскали по задворкам столицы в поисках хоть какого-нибудь съедобного куска. Обветшавшие дома зияли провалами выбитых окон. Окраины совсем опустели. Не слышно было задиристых песен дракошей и дракониц. Патрули из «Ангельских рот» шатались буквально от любого ветерка. На перекрестке сидел известный всем городской сумасшедший по кличке Дракодивный и удивленно говорил двум дамам:

— Зачем плакать, зачем огорчаться? Какая цель драконьего народа, неразумные? Великий правитель объяснил: «Наша цель — ангелизм!» Так чем же вы недовольны, я прямо не понимаю и смеюсь с вас, дамочки! Холод-

но? Голодно? Обнищали? Правильно! Вот коньки сбросите и сразу, без хлопот, прямым ходом в ангельский чин! Пода-айте копе-ечку...

Чрезвычайно грустную картину увидел в своей столице Дракороль Восьмой. Словно пелена упала с его глаз. Он тяжело плюхнулся на крышу своего дворца, продышался, унял сердцебиение и твердо решил: «Хватит! Все ясно — произошла ошибка. Сама идея была хорошая, но к воплощению ее наш народ, сколь это ни огорчительно, не готов. Придется повременить, а то ведь и правда загнется нация. Подвели меня льстецы и лгуны! Надо исправлять дело».

Драконам что — им не привыкать. Приказано исправить — бросились исправлять. Кипит работа...

А Дракороль Восьмой однажды решил погреться на любимом южном отроге Змеиного Хребта. Лежал он и смотрел в долину, размышляя о дальнейших судьбах столь ослабевшего племени драконов. Отвлекся, заметив движение в зарослях. На поляну вышел Человек. Охотник.

Высокий, стройный, бронзовый от загара, он был очень красив, Дракороль Восьмой невольно залюбовался. Правитель драконов, как вы, наверное, уже успели заметить, был вообще чрезмерно впечатлительным. Затаив дыхание, он разглядывал смелое лицо Человека, длинные волосы, перехваченные ленточкой древесной коры, тонкую талию, повязку из луба на бедрах.

Крона дерева над головой человека дрогнула, из гуши листвы прыгнула вниз рыжая молния. Человек успел повернуться, выхватить нож и встретил ягуара в прыжке. Одной рукой он вцепился в горло хищной кошки, а другой всадил нож прямо в ее маленькое, объятое кровожадной злобой сердце. В секунду все было кончено: охотник вытирал лезвие ножа, а у ног его бездыханным лежал ягуар. Человек снял красивую шкуру зверя, небрежно кинул ее на плечи и скрылся в зарослях.

Дракороль Восьмой был в восхищении.

— Такой маленький, слабый! Ни когтей, ни клыков! Но как он отважен и красив! Как быстры его ноги, как умелы руки, сколь изощрен ум! В каком гармоничном равновесии с природой он пребывает! Вот поистине совершенное создание господне. Я понял... как это раньше не пришло мне в голову? Не ангелов надо делать из моих славных, но, увы, слишком земных подданных, но людей. За ними будущее!

Драконы, как вам это хорошо известно, вымерли.

ДОРОГА МИРОВ

Через неделю, когда стаял снег и мало-мальски прогрелась земля, все, что могло, пошло в рост.

Свалка проснулась. Там и тут лопались пластиковые квадраты, разваливались кучи пустых молочных пакетов. Между ними появлялись нежнейшие ростки и тонюсенькие веточки, которые с удовольствием поедали утильмены, проснувшиеся раньше всех и теперь жадно бросавшиеся на все, хоть чуть-чуть съедобное.

Лунными ночами из лесу приходили волки-оборотни. Когда до свалки оставалось метров сто, они останавливались, сбившись, долго внюхивались в бесконечное разнообразие запахов, а потом начинали выть. Услышав их вой, Мирон доставал из погреба заранее припасенный мешок мясных отходов и, взвалив его на плечо, уходил к лесу. Оборотни съедали все без остатка и убегали, а Мирон аккуратно сворачивал мешок и шел домой спать.

Незаметно наступило лето. Вот уже и за середину перевалило. Поспели яблоки, и именно с них-то и начались неприятности.

Однажды ночью один из утильменов залез к Мирону в сад, в надежде полакомиться яблоками, но напоролся на Хрюндика, который отвесил ему такого тумака, что незадачливый воришка перелетел через забор и, проломив стенку старинного фанерного автобуса, влетел в его нутро.

Наутро Мирон сходил к вожаку утильменов Трехглазу, поговорил с ним, а также подарил потерпевшему три расколотые японские вазы, бампер от «форда» и полмешка отходов с кондитерской фабрики. После этого избитый радостно признал, что он не в обиде.

Следующей ночью в сад приползло уже пять утильменов. Мирон проснулся и долго слушал, как они шастают по саду и подначивают Хрюндика, чтобы он кого-нибудь из них ударил. Мирон подумал, что таким образом можно и разориться, вышел в сад и, взяв шест, стал сбивать яблоки. Вечером следующего дня он отнес в кладовую

последний мешок, от которого тянуло яблочным духом, и запер дверь. Потом посмотрел, как утильмены уходят на свалку, и пошел спать.

На следующее утро один из «камаров» привез на свалку груз картонной тары. Когда он уехал, куча коробок рассыпалась, и из нее выбрался безухий домовый. Он сейчас же отправился на промысел и залез на территорию Трехглаза, что послужило причиной самой грандиозной, за всю историю свалки, драки между утильменами. Когда страсти поутихли и наконец-то появилась возможность докопаться до причин этого побоища, домовому пришлось бы, конечно, солоно, но к этому времени он уже жил у Мирона.

Поначалу они относились друг к другу несколько настороженно, но постепенно все вошло в норму. Вообще-то домовый был очень застенчив и попадался на глаза редко, но иногда, ясными летними ночами, в нем что-то просыпалось. Тогда они с Мироном сидели на крыльце до зари, и домовый подробно и увлекательно рассказывал про свою жизнь, про город, про хозяина той квартиры, где он жил, про то, что этот хозяин умел делать слова и однажды даже выиграл приз «красивой жизни», и еще...

А забот становилось все больше. Как назло, на свалке завелась ржавая плесень. Ну прямо какое-то наказание. Куда ни помотришь, абсолютно везде так и кишели прыткие рыжие пятна. На второй день этой катавасии Мирона осенило, и он приспособился ловить их сачком для бабочек. Дело пошло на лад. Но даже несмотря на это, недели две он приходил домой поздно ночью чуть живой от усталости. Домовой и Хрюндик его раздевали, кормили и укладывали спать. А утром он наскоро умывался и, схватив сачок, убегал на свалку.

Но вот с рыжей плесенью было покончено. Мирон пришел домой раньше обычного и с наслаждением отоспался. А рано утром, выйдя во двор, подобрал с земли желтый лист и, повертев его в руке, понял, что лето кончилось.

Но пока еще было тепло. Только ночи стали звездными — звездными, прозрачными до нереальности. А еще, если лечь на землю и поглядеть вверх, в черное с жемчужными крапинками небо, смотреть в него долго и внимательно, то можно было дожидаться того момента, когда вдруг почувствуешь, что летишь к этой черноте... ближе... ближе... еще ближе...

А днем нежаркие солнечные лучи, неторопливо и со

знанием дела, одевали леса и поля в красное и оранжевое. Пролетавшие журавли предвещали грядущие морозы, и даже время, казалось, текло лениво и задумчиво.

Именно в один из таких дней Мирон и поссорился со степным ветром.

И делов-то всего было, что разбитая чашка. Но за степным ветром уже числилась чертова уйма уничтоженной посуды, а капля камень точит. Разглядывая разноцветные черепки, Мирон не сдержался и сказал ветру, что это свинство. Он что, думает, так легко найти хорошую чашку или тарелку? Как же! Поди поищи! А эта так и вовсе была из дорогого сервиза.

Ветер, понятное дело, обиделся и улетел, забрав с собой запах травы и цветов. Сейчас же потянуло свалкой, и от этого настроение у Мирона испортилось еще больше. И даже мысль, что сегодня первая ночь дороги миров, уже не радовала.

Он надел старенькие джинсы, клетчатую рубашку, пригладил длинные седые волосы и вышел во двор.

Смеркалось. Хрюндик заготавливал дрова. Еще вчера он натаскал разбитых табуретов, шкафов и диванов и теперь азартно рубил все это на куски. Увидев Мирона, он опустил топор на землю и, обнаружив в усмешке желтые клыки, спросил:

— Надолго? Может, проводить?

— Да нет... не надо,— сказал Мирон и пошел к калитке в глухом двухметровом заборе.

Свалка начиналась метрах в двадцати дальше. Там громоздились мусорные кучи, из которых торчали покореженные автомобили, мотки ржавой колючей проволоки и разломанная мебель. Во многих местах все это было залито чем-то трудноопределимым, похожим на гниль.

А ведь когда-то здесь был обыкновенный лес, подумал Мирон.

И по крыше его избушки скакали белки. Туманными рассветами к ней приходили лоси, но, почувствовав запах человека, возвращались обратно в лес, бесшумно переставляя длинные ноги и настороженно оглядываясь...

А потом город оказался рядом. В лесу поселились: шум транспорта, ауканье грибников и грохот ружейных выстрелов, дым костра и пьяный смех. И ничего нельзя было сделать. Да и уйти он никак не мог. Должность у него такая — охранять дорогу миров.

И Мирону оставалось только надеяться на лучшее, на

какую-нибудь счастливую случайность, которая повернет все по-старому.

Но лучше не становилось, а наоборот, все хуже и хуже. Город был где-то совсем рядом, и настал день, когда неподалеку от избушки Мирона появилась первая куча дурно пахнущей дряни. И он долго стоял возле этой кучи, с ужасом глядя на мерзость, которая растекалась по траве, отравляя окружающий воздух тошнотворными запахами, и в ярости сжимал кулаки, так что хрустели костяшки пальцев.

Мусорные кучи росли, и Мирон как-то незаметно стал зрителем одной из множества городских свалок.

Для него это было очень тяжелое время, но, как известно, человек привыкает ко всему. И он постепенно привык к противному запаху, научился воевать с водителями «камаров», которые так и норовили вывалить свой груз куда угодно, лишь бы от него поскорее избавиться.

Жизнь более или менее вошла в колею. Но тут на свалке поселились алканавты.

Целыми днями они собирали стеклотару, а «гонцы» доставляли ее в город. Возвращались они обычно под вечер, и тогда свалка гуляла, шумела, дралась, горланила песни, да так яростно и громко, что обрушивались самые высокие мусорные небоскребы. И только полная темнота прекращала шабаш, но на следующий день все начиналось сначала.

Мирон пробовал с алканавтами бороться. Уговаривал, угрожал, применял физическую силу, вызывал стражников, которые прочесывали свалку и уходили, утаскивая десятка два самых пьяных...

Но полностью истребить было невозможно. Кстати, алканавты быстро сообразили, кто вызывает стражников, и началась настоящая война. Дважды кто-то высаживал стекла в избушке Мирона, раза три его самого били до потери сознания, потом стали обворовывать, а как-то раз даже попробовали поджечь избушку. Уцелела она только чудом.

И, наверное, алканавты бы победили, но тут на свалку пришли утильмены. Они появились ночью. Бесшумно обследовали каждую мусорную кучу, выбирая уголки поуютнее, а на следующее утро алканавты исчезли. Они ушли, потому что боялись утильменов как черт лаdana.

Поначалу Мирон утильменов тоже побаивался, но потом понял, что ребята они смирные и хулиганить не любят. Днем лежат неподвижно, закопавшись в мусор, а на

промысел выходят ночью. Да и то сказать, в первый раз их увидев — со страху помереть можно. Видок у них, конечно, не того...

Но соседями они оказались хорошими. А один, пожалуй, самый красивый из всех, даже привязался к Мирону и стал жить у него, получив прозвище «Хрюндик», которым чрезвычайно гордился.

Вот так оно все и шло...

Безусловно, поначалу Мирону было стыдно, что рядом с дорогой миров расположена свалка. Но ничего тут не поделаешь. Да и откуда те, кто приходил по дороге миров, могли знать, что это именно свалка? Слава богу, в других мирах бывают ландшафты и попричудливее...

А сейчас Мирон шел возле забора, который опоясывал сад и огород, искоса на него поглядывал и думал о том, что надо бы в ближайшее время его обновить. Вон некоторые доски совсем сгнили.

Он остановился и потрогал одну, которая выглядела самой ненадежной. Да, точно, надо заменить, и как можно скорее.

Вздыхнул и пошел дальше. Слева — забор, справа — свалка. Он поглядел на мусорное царство и подумал, что почти под каждой кучей лежит утильмен. Там, в глубине, где тепло, куда не проникает солнце и можно спокойно спать, переваривая все, что проглотил за ночь.

А вот там, под разломанным пианино, скрывается Трехглаз. Он очень начитанный. Ни одной книжки из тех, что попадают на свалку, не пропускает. Да, с ним можно бы, конечно, поговорить, но только не сейчас.

Стемнело. Мирон шел не спеша, поминутно останавливаясь и ощупывая доски забора. Потом вздыхал и шел дальше.

К дому он вернулся лишь тогда, когда взошла похожая на большую голову сыра луна. Хрюндик сидел на крыльце, обхватив мохнатые, кривые ноги длинными лапами. Возле него стоял домовый и держал копые с отполированным древком и широким, острым наконечником.

Мирон прошел в дом и, зачерпнув из кадки воды, напился. Открыв старый шкаф, вытащил кольчугу и натянул ее на себя. Потом прицепил к широкому поясу меч. Напяливая островерхий шлем, взглянул в зеркало...

Хорош!

Он вышел на крыльцо и, внимательно посмотрев на Хрюндика, который встал по стойке «смирно», сказал:

— Так, значит, говоришь — готов? Вижу, вижу...
Пойдем?

Хрюндик энергично кивнул и, отобрав у домового копые, побежал за Мироном, который уже исчез за деревьями.

Некоторое время они шли молча. Потом Хрюндик спросил:

— А что, точно — сегодня?

— Точно. Только ты не суетись... Тех, кто спокоен, — уважают больше. А мы ведь целую планету представляем. Смекай! На нас сотни миров смотрят!

Они прошли еще немного и, наконец, оказались на краю небольшой, метров двадцати в диаметре, полянки, посередине которой стоял полосатый шлагбаум. Мирон подошел к нему, опустил руки на крашеное дерево, остановился в ожидании. Рядом пристроился Хрюндик и, задрав голову, стал рассматривать небо.

Луна светила все ярче, неправдоподобно большая на фоне черного неба.

Мирон прислушался. Ночные птицы больше не кричали, перестали стрекотать кузнечики, да и на свалке воцарилась полная тишина.

Что-то произошло. Окружающий мир изменился, сделавшись непривычным и пугающим. Раздался резкий, пронзительный звук. От луны протянулся тоненький лучик, который, быстро ощупав листву деревьев, фигуры Мирона и Хрюндика, метнулся в сторону и вдруг остановился. Потом свернулся в спираль, которая превратилась в диск, а он постепенно стал овальным, метров пяти в ширину, окном, которое как раз и перегораживал шлагбаум. И видно было, что там, за окном, среди жемчужного марева, пролегает серебристая, уходящая обеими концами вдаль, лента — дорога миров. И если выглянуть, можно увидеть, что по обеим сторонам этой дороги расположено бесконечное множество таких окон. Но выглядывать было некогда, потому, что у шлагбаума уже останавливались первые пешеходы.

Мирон приосанился, Хрюндик взял копые «на караул», и они стали просеивать тех, кто хотел посетить их мир.

Это очень трудно, быть стражем дороги миров. Тот, кто не обладает определенным чутьем, завалит дело в первые же полчаса. Надо уметь с одного взгляда определить, что из себя представляет данное существо из другого мира. Опасно ли оно? Сможет ли оно существовать в этом мире? Принесет ли оно хоть какую-то пользу?

Смогут ли обыкновенные люди воспринимать это существо так, чтобы при его виде не падать в обморок? И еще... и еще... Свихнуться можно!

Вот Хрюндик преградил дорогу какому-то инопланетянину и сделал древком копыя недвусмысленный знак. Еще бы, с такими-то клыками! И как только клыкастый потопал дальше, очередь заволновалась, несколько разумных заявили, что они стояли вслед за ним и едва не подрались. А задние митинговали и собирались в группировки, так как маленький, похожий на бурундука житель планеты Альтаир пустил слух, что пропустят всего лишь пятерых, не больше. Новая разрядка пришла.

Передние урезонивали задних, задние обвиняли передних в том, что они стоят не на своем месте. А тощий серый фита-меркурианец сел прямо на дорогу и стал делать магические пассы по направлению к очереди. Толпа успокоилась, притихла и моментально заснула. А фита-меркурианец, довольно похихикивая, направился к шлагбауму.

Нет, надо быть дураком, чтобы такого пропустить!

Получив отказ, колдун сморщился, глаза его злобно сверкнули. Он сейчас же плюхнулся на дорогу и угрожающе взмахнул руками. Увидев это, Мирон схватился за меч, а Хрюндик поднял копые.

Пришлось фита-меркурианцу убраться восвояси.

Очередь сейчас же проснулась, и все началось сначала, даже еще хуже, так как во сне многие забыли, где они стояли, и теперь отчаянно спорили.

Часа через два Мирон и Хрюндик переглянулись. Пора было отдохнуть, и Мирон уже раскрыл рот, чтобы объявить перерыв на обед, но тут луну закрыли облака, и дорога миров стала исчезать на глазах.

— Ну, это надолго, — сказал Хрюндик. — Сегодня можно уже ложиться спать, работы не будет.

Мирон посмотрел на небо и кивнул.

Хрюндик увел небольшую группу тех, кого они допустили на планету, к выходу со свалки. Там он им покажет дорогу в город, а остальное уж как они сами хотят.

Мирон же сел на траву, поглядел на то место, где минуто назад была дорога миров и стал думать о том, что неплохо бы ему жениться. Чтобы дома был порядок, вкусный суп и чистое белье. В конце концов, наследник ему тоже нужен.

Рядом лежала грудка каких-то невероятных предметов — плата с тех, кто прошел на планету. С этими веща-

ми еще предстояло разобраться. Мирон сгреб все в специально приготовленную сумку и отправился домой.

Открывая калитку, он подумал, что утром надо бы съездить в город, за покупками. Спички кончились, да и соль на исходе...

Выпятив нижнюю губу и посапывая, Сергей рассматривал криво висящий на стене натюрморт. Покончив с этим занятием, он подумал, что, наверное, дом — живой. Нет, не то чтобы постоянно... Но рано или поздно он проснется, почувствовав, что желудки-квартиры уже полны людьми, мебелью и домашними животными. И вот тогда, чтобы пойманная добыча не ускользнула, он сократит свои бетонные мускулы. Стены, тяжело ухнув, станут смыкаться, сплющивая все, что находится в квартирах и впрыскивая желудочный сок. А когда все будет кончено, желудки снова станут квартирами...

Да когда это еще будет? Да и будет ли? Нет, всерьез думать об этом невозможно. Это ведь как лотерея. Может, завтра, а может, никогда...

Сергей поставил на газ чайник и, закурив сигарету, вышел на балкон.

Жил он на седьмом этаже и с балкона мог видеть многое. Например: как по тротуару, прямо под ним, проходят головы, головы, головы... Головы, из-под которых равномерно появляются коротенькие черточки ног. Правда, чем дальше человек удалялся, тем длиннее становились черточки. Но на это смотреть было совсем уже неинтересно. Вот тех, которые проходили под балконом, было жаль. Наверное, это неприятно, когда ноги превращаются в черточки. Да уж! Но как бы их утешить? Что-нибудь подарить? Вазу?

Она была большая; в каких-то немыслимых драконах и цветочках. Сергей снял ее с полки и взвесил на ладони.

Так, килограмма три в ней есть.

Жаль, конечно... Вещь-то полезная. Особенно если ее наполнить водой и использовать как гнет для соленых огурцов и капусты. Нет, капусту и огурцы он еще не солил, но кто знает...

Сергей снова перегнулся через перила и посмотрел вниз.

А ведь они даже и не подозревают, что для них уже приготовлен скромный, но очень практичный подарок.

Сергей размахнулся и стал зорко высматривать того, кого стоило осчастливить такой суперполезной вещью.

Может быть, этого, в желтых джинсах? Да, но если он не любит керамики? Ну не любит и — все! Не любит... Тогда ваза, пожалуй, уже не будет долгожданным подарком! А попробуй сверху определи, кто любит керамику, а кто нет?

Пришлось ему поставить вазу на место и закурить очередную сигарету. Сейчас же стало невероятно скучно.

Нет, можно было, конечно, выйти на улицу, прогуляться или поехать далеко-далеко, например, в кино. Но его просто пробирала дрожь при мысли о том, что придется ехать в переполненном автобусе и его, конечно же, стиснут, а кто-то наступит на ногу... Нет, в кино не стоит...

А погулять? Пожалуй, тоже нет... Вдруг пройдешь случайно под чужим балконом? И станешь огромной головой с коротенькими ножками... Спасибо, что-то не хочется!

Он ушел в комнату и включил телевизор.

Диктор явно сошел с ума, так как, объявляя новости, попутно занимался какими-то странными делишками, которые были абсолютно не к лицу такому как он, солидному, хорошо одетому мужчине. Например, в самом начале передачи он вместе со столом и микрофоном умудрился перекосяться куда-то в сторону, а к концу пошел волнистыми полосками и явственно загудел.

Сергей подумал, что это явно несерьезный тип, и выключил телевизор. Потом некоторое время маялся, стараясь придумать какое-нибудь занятие, но тут на кухне зашвистел чайник.

Соседи наверху что-то заколачивали. За стенкой слушали Аллу Пугачеву, да так, что заодно ее невольно слушало еще квартир четырнадцать. А чай был вкусным, пахучим, и так приятно было сидеть за облезлым кухонным столом в одной майке и трико, не думать ни о чем особенном, попивая чашку за чашкой.

Сергей блаженно вздохнул, вытер со лба пот, и тут же в его чашку упал кусок штукатурки.

— Так, — сказал он и посмотрел наверх.

Из стены сантиметров на пятнадцать высовывался гвоздь. Штукатурка вокруг него потрескалась.

— Так, — повторил Сергей и, взгромоздившись на табурет, потрогал острие гвоздя пальцем.

— Ах, собака, колется!

Настроение было испорчено.

Он выплеснул недопитый чай в раковину и пошел к соседям — разбираться...

Постоял возле двери, разглядывая звонок и сомневаясь. Вдруг укусит? Очень подозрительный звонок, ну просто очень подозрительный звонок!

Нерешительно надавил кнопку.

Смотри-ка, ведь не укусил!

Послышались легкие шаги, дверь открылась. На пороге стояла миловидная девушка.

Сергей поскреб в затылке и спросил:

— Это... а... какой размер обуви носите?

— Тридцать шестой,— удивленно сказала она.

— Это хорошо...

— Но почему?

— Почему? — удивился он.— Разве можно знать что-нибудь «почему»? Странно...

Он мягко отстранил ее в сторону и прошел в комнату.

— Хм, а вы славно живете... Нет, даже очень славно...

— Да уж... как могу,— смутилась она.

— Нет, положительно славно,— сказал он и сел в кресло. Она устроилась в другом и решительно спросила:

— А вы кто?

— Я? Сосед я, за стенкой живу... Вы знаете... живем рядом, а так как-то, все мимо проходит... Вот, значит... и вообще все проходит... А ведь что-то надо, понимаете? Чтобы кто-то рядом... совсем близко, чтобы можно его коснуться и почувствовать... Впрочем, что это я?

— Нет, нет,— она улыбнулась и провела ладонью по его щеке.

— Да, вот так... впрочем... Как вас зовут? Машенька? Машенька! Ничего, пойдет... Маша, слушайте... так вот, я о том, что как-то рядышком — проще... Впрочем... А! Что говорить?

Она снова провела ладонью по его щеке и нужда в словах отпала. Хотелось только сидеть и сидеть, чувствуя тепло ее ладони, впав в сладкую истому.

Но потом что-то изменилось и ощущение прошло.

Он шевельнулся. Она убрала с его лица руку, выдержала другую из его ладони и, наверное, в следующую секунду им стало бы неловко, но тут Сергей вспомнил:

— Слушай, Маша, я вот к тебе по какому делу. Тут гвоздь ты в мою стену вбила... Так вот — он прошел насквозь и бить его больше нельзя.

— А что такое гвоздь и за что его бьют? — спросила она.

Вместо ответа Сергей взял ее за руку и потащил на кухню.

— Вот, смотри! — Он сделал эффектный жест в сторону его стенки, которая была у них общей. — Вот это и называется — гво...

И замер, разглядывая абсолютно девственную стену. На ней не было даже намека, что в нее когда-либо что-либо забивали...

Белый крокодил просыпался, постепенно кусочек за кусочком извлекая свое невероятно огромное тело из старых домов, утреннего тумана и расшатанной мостовой. Потом он слился в огромную тучу и, став дождем, побежал веселыми ручейками по каменным плитам тротуаров, соединяясь в единое целое и уплотняясь. А потом превратился в самого себя, звучно клацнул зубами и, ловко перебирая коротенькими лапами, побежал по улице.

Что-то должно было произойти. Он был в этом уверен и весело трусил по тротуару, заглядывая в каждую дыру и подворотню.

Может быть, это то, что он ищет? Или это?

Безусловно, если бы он захотел, он мог бы подняться над городом черной тучей, обхватить его дождевыми щупальцами и тогда... Но все же ему было гораздо приятнее видеть мир обыкновенными, крокодилскими глазами и ощущать, как под бронированной кожей ходят стальные мускулы.

Люди шарахались от него в разные стороны, испуганно оглядываясь и исчезая в нишах и подъездах, но это его совсем не волновало. Он только думал, что давно уже не просыпался и от него отвыкли.

Но не забыли.

Он сунулся в очередную подворотню и до истерики напугал целовавшуюся там парочку. Потом побежал дальше, попутно ударив по ближайшей двери гребенчатым хвостом.

Выдержала. Крепкая, стало быть. Да и черт с ней...

Потом ему попался броневик, который шарахнулся в сторону и, въехав на тротуар, сшиб афишную тумбу. Один из башенных люков со звоном откинулся, над его краем показалась пара любопытных глаз на длинных стебельках и стала разглядывать крокодила. Он щелкнул зубами и начал подбираться к броневичку. Люк мгновен-

но захлопнулся, мотор взвыл, и через минуту его рычанье смолкло за ближайшим углом.

Если бы крокодил мог это сделать, он бы пожал плечами, а так только с размаху шлепнул хвостом о стену ближайшего дома и побежал дальше.

Нет, то, из-за чего он проснулся, было еще где-то впереди. Оно ожидало именно его — крокодила, и надо было спешить.

На бегу он вспомнил, что все это уже было. Безусловно, он уже не раз бежал по этим улицам, в тщетной попытке найти что-то, что бесконечно манило и завораживало, тянуло к себе как магнит. Но никогда не находил. Почему?

Очевидно, виной всему был приказ, который жил внутри его черепа. Вот сейчас он проснулся и заворочался, а потому крокодил встал как вкопанный.

— Что, не надоело бегать? — поинтересовался приказ, обживая клетки мозга.

«А жаль», — подумал крокодил, чувствуя, как изменяется, исчезает, превращаясь в орудие приказа. Борьба было бесполезно. Оставалось только затаиться до следующего пробуждения, в надежде, что уж тогда-то...

Да, теперь он стал другим, мгновенно восстановив чудовищную память и быстроту реакции. Теперь он знал, что проснулся не случайно, что в нем появилась необходимость.

И причиной послужила вероятностная волна. Крокодил всей кожей ощущал, что она уже где-то рядом, вот-вот накатит на город и пройдет по нему, изменяя все и вся. Вот тут-то и надо держать ухо востро! Должны, обязательно должны быть люди, которые останутся неизменными. Вот их-то и надо будет уничтожить.

Слишком неустойчив этот мир. И тот, кто не желает изменяться вместе с ним, сам начинает изменять его, подделывать под себя, тем самым рождая очередную волну. Эта, кстати, появилась так же. Скорее всего, из-за разгильдяйства другого крокодила, который где-то там, далеко, вовремя не убрал неизменного человека. И вот результат!

Нет, конечно, можно бы этих людей изолировать от окружающего мира. Так, конечно, гуманнее. Но для этого придется строить специальные помещения и нанимать обслуживающий персонал, что потребует огромных финансовых затрат. Причем не будет никакой гарантии, что в один прекрасный день кто-то из изолированных не сбе-

жит. А тогда все труды насмарку. Один крокодил на каждый город — гораздо удобнее. Так сказать, дешево и сердито. И надежно. Вот так!

А пока он обо всем этом думал, волна вошла в город. Она в общем-то и не очень спешила, эта волна, кое-где даже ненадолго останавливалась. Но то, что она уже в городе, крокодил почувствовал сразу и насторожился.

Теперь все зависело от его внимания и чутья. А уж оно-то не подведет.

Они спускались по лестнице. Конечно, существовал лифт, но им пользуются только дураки. Ведь если дом живой, то лифт не может быть ничем иным, как паразитом, который пристроился в желудке этого огромного животного, для того, чтобы время от времени перехватывать лакомые кусочки. И каким же идиотом надо быть, чтобы стать этим самым кусочком!

Лифт понимал, что остался без обеда и поэтому, пока они спускались, несколько раз пронесся мимо них, возмущенно воя.

— Сердись, сердись, — усмехнулся Сергей. — Мы не желторотые птенцы, чтобы шагнуть тебе в пасть.

Правда, еще существовала входная дверь, и вот через нее-то надо было проскользнуть как можно быстрее. С грохотом сбжав с лестницы, они рванули вперед. Сергей толкнул дверь грудью. Она от неожиданности распахнулась, потом спохватилась и судорожно захлопнулась, но опоздала.

На улице было солнечно, и известный всему дому дядя Петя, в потертой тубетейке, трико и майке, уже восседал на скамейке, сосредоточенно изучая журнал «Наука и религия».

— Привет! — крикнул Сергей и взял Машу под ручку.

— Привет, привет... — обрадованно сказал дядя Петя. — Нет, вы послушайте... Оказывается, у алеутских племен существует обычай...

— Потом, дядя Петя, потом! — улыбнулся Сергей. — Мы торопимся!

— Эх, молодежь, молодежь, — пробормотал дядя Петя. — Вот так всегда...

Когда они свернули за угол, Маша спросила:

— А теперь?

— Теперь? Конечно же — жаловаться. Да ведь это

безобразии! Какие-то там гвозди! Неизвестно откуда!.. Нет, я справедливость найду.

И они пошли жаловаться, даже не предполагая, что только это их и спасет.

— Остановись,— сказал Мирон.

Скрипнули тормоза.

— Спасибо! — Мирон пожал водителю мусоровоза ложноножку и, придерживая ножны меча, мягко спрыгнул на асфальт.

Минут через пять он уже выходил из продовольственного магазина, пряча в кожаный мешочек на поясе десяток коробков спичек и пакет с солью.

Так, теперь можно и поразвлечься.

Он постоял, прикидывая, чем бы дальше заняться, разглядывая окружавшие его одинаковые двенадцатиэтажные дома, ободранные скамейки с чугунными каркасами, безжалостно остриженные деревья. В конце улицы бродили какие-то трехногие и стояли грибообразные дома с прозрачными стенами, но это было далеко.

А близко, метрах в десяти, имелся незатейливый, с чебурашкой вместо вывески, пивной ларек. Возле него уже тусовалась группка мужчин, и толстая продавщица быстро и сноровисто обжуливала их на пене — только успевай забирать кружки.

Вздыхнув, Мирон двинулся к киоску и некоторое время спустя уже стоял у шаткого столика, сжимая в руке мокрую кружку. Он осторожно сдул пену и замер от наслаждения, аж зажмурился.

Потом открыл глаза и стал пить холодное, вкусное пиво размеренными, экономными глотками.

Из соседнего дома вышла парочка. Впрочем, очень странная. Но кому какое дело? Мирон их просто запомнил, хотя бы потому, что они перешли улицу на красный свет, обычным прогулочным шагом, не обращая никакого внимания на пронзительные гудки и возмущенные крики водителей.

— Вот пострелы! — покрутил головой Мирон и снова припал к кружке...

Начальник сидел в своем кресле так, что казалось — пятью бульдозерами не своротишь. Каким-то чудом он умудрялся поддерживать у себя на лице одновременно слащавое и брезгливое выражение. Когда Сергей и Маша вошли, он даже не поднял на них глаз, а продолжал

очень внимательно рассматривать пухлый еженедельник, который лежал перед ним на столе.

— Слушаю,— через некоторое время сказал Начальник и стал что-то царапать в еженедельнике. Зрение у Сергея было хорошее, и со своего места он очень ясно видел, что Начальник просто в десятый раз ставит замысловатую, в завитушках подпись: «Большой Начальник».

С этим дядей было все ясно, и Сергей, совершенно спокойно вытащив из безупречного ряда стоявших возле стены стульев — пару, поставил ее напротив стола Начальника. Потом уселся, вольготно заложив ногу на ногу. Маша тихо опустилась на другой стул.

Расписавшись еще раз пять, Начальник наконец-то поднял глаза и, увидев, что посетители сели, ошарашенно помотал головой. Наверное, ему показалось, что вот-вот на землю обрушится небо, если не случится что-нибудь похуже. Но ничего особенного не произошло. Четко это осознав, Начальник сжал кулаки и стал медленно и мучительно краснеть.

Сергей, лениво прикинув, до каких оттенков красного этот чинуша сможет довести цвет своего лица, приготовился терпеливо ждать и даже зевнул. Но тут же сообразил, что время-то уходит и надо что-то делать.

— И до каких пор это будет продолжаться? — спросил он зловещим шепотом.

Тут начальник с облегчением подумал, что не могут простые люди вести себя с такой поразительной наглостью. Давно уже отучили. А следовательно...

— А что, собственно говоря? — утиным голосом спросил Начальник, с трудом сдерживая трясущиеся пальцы и делая чудовищные усилия, чтобы улыбнуться.

— Что?! И он еще спрашивает? — возмутился Сергей.— Ну-ка погляди на меня и попытайся угадать, что именно. Да быстрее!

Но начальник уже прямо на глазах приходил в норму. Полностью оправившись, он поглядел по сторонам, снова каким-то чудом умудряясь удержать на своем лице одновременно плутоватое и бесконечно честное выражение, кашлянул и зашептал:

— Шифер...

— Шифер? — не понял Сергей.

— Ну да,— обрадовался Начальник.— Тонны две...

— Две?

— Ну хорошо... хорошо... дам три... из фонда ветера-

нов картофелеуборочных компаний... А вы уж будьте добры — не губите...

— Да плевал я на шифер. Я насчет гвоздя...

— Все, все понял. Виноват. Сколько? Тонны хватит?

— Зачем тонну? Я насчет одного.

— Ах, одного...— Начальник тяжело задумался, потом просиял.— Это в смысле — золотой?.. Ну, куда-нибудь там вбить... первый гвоздь железной дороги... Так, понял. Вес и размеры?

— Какие размеры? — спросил Сергей.— Гвоздь у нас из стены лезет. Не забивали мы его, а он лезет...

— Гвоздь, говорите?— Начальник снова мучительно задумался и наконец сообразил:

— Так вы, получается, у нас живете?

— В самую точку, лапонька,— ласково сказал Сергей.

Некоторое время Начальник не дышал, потом судорожно глотнул воздуха и просипел:

— Да вы знаете, что я с вами сделаю? Да я вас сгною! Я вас уничтожу! Вы у меня кровавыми слезами плакать будете! Да я...

— Ну-ну, не кипятись, симпатяшка,— безмятежно сказал Сергей.

— Подонок! Да я...

Маша вдруг встала и, подойдя к столу начальника, заглянула под него.

— Я думала, может, его кто там кусает...— пояснила она Сергею.— Но нет! Разве что вши. Так пусть он сам их ищет. Я этого делать не намерена.

И она с достоинством вернулась на место.

Цвет лица Начальника снова стал сочно-фиолетовым, он запыхтел как самовар, и Сергей с сожалением понял, что ничего у него с этим болваном не выйдет. Они переглянулись с Машей и тихо-тихо, вышли из кабинета, аккуратно-аккуратно притворив за собой дверь.

Наверное, им не стоило так сердить Большого Начальника, но что сделано, то сделано.

Ясное дело, подобного оскорбления он стерпеть не мог и, едва придя в себя, тотчас же позвонил по известному ему одному номеру. На другом конце провода трубку снял широкоплечий парень с удивительно дегенеративным лицом. Выслушав приказ, он довольно хмыкнул. Двое таких же, как и он, типов отложили карты и встали, ожидая приказаний.

А вероятностная волна тем временем уже настигла

Начальника. Он положил трубку телефона, как-то странно вздрогнул и, мгновенно изменившись, стал сползать в дальний угол, тараща блюдцеобразные глаза и медленно передвигая псевдоподии.

Волна была совсем близко, метрах в пятидесяти. Крокодил лежал в каком-то подъезде, выставив нос на улицу, а хвост засунув под лестницу. Он ждал.

Инстинкт подсказывал ему, что не изменяющиеся люди появятся именно здесь и теперь оставалось всего лишь вовремя засесть и быстро их уничтожить.

А еще крокодил чувствовал, что где-то совсем неподалеку находится страж дороги миров. Он тоже был неизменяющимся, и у крокодила давно уже чесались лапы... Но приказ запрещал трогать стража дороги, и поэтому крокодил лежал себе тихонько, поджидая вероятностную волну, и только иногда вслушивался в биоволны стража, сладострастно прикидывая... Но нельзя! А жаль...

Мирон отставил кружку и положил ладонь на рукоять меча. Да, сомнений быть не могло. Если мысленно проследить путь вот тех троих, то нетрудно догадаться, что они берут в оборот парня и девушку, которые вышли из ближайшего подъезда. Стоп, да ведь это именно та парочка, которая так неосторожно вела себя на дороге полчаса назад! Ну да!

А троица даже не волновалась. Вот как-то раз им пришлось бить профессионального боксера, так это была — да! А эти двое — тьфу, семечки...

Секунд за пять до того, как главарь оказался за спиной парня, Мирон выдернул меч из ножен и, опрокинув столик, бросился к ним. В руке главаря блеснул кастет. Он замахнулся.

Мирон едва успел ударить его по шее мечом. Плашмя. Потом замахнулся еще раз, но один из хулиганов уже отпрыгнул в сторону, бестолково размахивая полусогнутыми руками, а другой пытался вытащить из кармана что-то круглое, похожее на фонарик. Мирон шагнул в его сторону, резанул по руке с бластером и в этот момент получил удар по затылку. Уже лежа на асфальте, он перевернулся, увидел ботинок, который, мгновенно увеличиваясь, летел ему в лицо, и увернувшись, вскочил.

Меч описал широкий полукруг. Воздух так и засвистел. Хулиган едва успел отскочить в сторону.

Так, теперь можно и оглядеться. Один лежит непо-

движно, другой сидит на корточках и стонет, придерживая пораненную руку. Отлично! Остался только один!

Э, парень, с мечом шутки плохи! Да я им тебя от плеча до пояса разваляю! А, побежал!

— Вот я тебя! — крикнул Мирон вслед убежавшему и пронзительно, как бывалый голубятник, засвистел в два пальца.

Потом вложил меч в ножны и, все еще запально дыша, стал рассматривать тех, кого спас.

— Что, перетрусил? Меня зовут Мирон. А вас?

Маша с Сергеем ошарашенно смотрели на него и молчали.

— Черт, — вдруг осекся Мирон, — А вы не...

Докончить он не успел. Над головой что-то гроыхнуло. Ближайшее к ним здание стало плавиться и стекать к самой мостовой, словно исполинское мороженое в жаркий день. А потом в лица им шибанул холодный ветер и чуть-чуть сместились тени, но от этого возникло ощущение, что они стоят посередине огромного театра марионеток. Вот-вот раздвинутся облака и на небе возникнет уродливая физиономия того, кто всем этим управляет.

Кто-то истошным голосом кричал:

— Волна!

Мимо пронеслась с диким воем собака, отчаянно работая лапами и роняя на пузырящийся асфальт клочья пены. Отбежав от них метров десять, она вдруг подпрыгнула, взлетела и, мгновенно отрастив крылья, рванула обратно.

Пролетая над головой Мирона, она щелкнула зубастым клювом и гадко зашипела.

— Кышь, погань! — крикнул Мирон и повернувшись, схватил Сергея за руку. — Бежим, ребята, сейчас здесь будет плохо!

Сергей хотел возразить, но у Мирона больно-то не сопротивляешься. Он вывернул Сергею руку, поддал ему коленом под зад, другой рукой схватил Машу за шиворот и погнал их вдоль по улице, мимо кондитерского магазина, который прямо на глазах превращался во что-то низенькое, но зато широкое и длинное, обставленное множеством бочкообразных колонн. Пробегая мимо парня с пораненной рукой, Мирон успел заметить, как он отрастил себе третий глаз, пару добавочных ног и, смешно подскакивая, пошлепал в проходные дворы.

Впрочем, смотреть по сторонам просто не было времени, надо было спасаться. Метрах в десяти от них уже

дрожал асфальт и на его поверхности плыл гигантский остроконечный плавник, который метнулся было в сторону, но потом передумал и взял курс прямо на них.

Бежать!

Они свернули за угол, потом в проходной двор. С трудом преодолели полуразвалившийся каменный забор, поросший чахлой травой садик и вылетели на следующую улицу, где волна уже прошла.

И тут можно было отдышаться. Что они и сделали.

Мирон прислонился к витрине, в которой были выставлены образцы блюд из майских жуков, и стал разглядывать эту странную парочку.

А Сергей тем временем спросил у Маши:

— Ну как, не ушиблась по дороге?

— Нет. Ни гламма. И вообще, мне нравится подобное. Давай по утрам бегать кроссы. В конце концов, если ты не будешь бегать, то рано или поздно отрастишь себе брюшко, станешь заплывшим и некрасивым. Ужас!

— Хорошо, хорошо, обязательно. Вот с завтрашнего же дня. И еще куплю гантели.

— Вы что, рехнулись? — спросил Мирон.

— Нет, а что?

— Какая зарядка, какие гантели? — негодуя спросил Мирон и вдруг замолчал, только сейчас сообразив, в какое он дело вляпался.

Ведь если они не изменяющиеся... Черт!

Он неожиданно вспотел и за те секунды, что отодвинулся от витрины, проклял этот день, эту поездку, дурацкое пиво и еще много чего. Именно сейчас он осознал, что вляпался в дело, которое не сулило ничего хорошего. А как из него выбраться? Да аллах его знает! Скорее всего — никак!

Крокодил, который наблюдал за ними с крыши ближайшего дома, ухмыльнулся и подумал, что пожалуй пора действовать. Только надо все хорошо рассчитать.

Он ничуть не волновался, потому что делал свою привычную работу, а попутно размышлял на разные отвлеченные темы. Например, он думал о том, что дело может оказаться посложнее. Страж миров, конечно, противник сильный, но крокодил знал, что рано или поздно он это дело сделает. А как же? На то он здесь и поставлен. Это его работа — убирать остатки. Что ж, он ее сделает. Вот только надо все тщательным образом рассчитать.

Сергей неожиданно понял, что испытывает к Мирону

необъяснимую симпатию. Правда, его немного беспокоила эта полоса металла, которая висела у Мирона на поясе и которой он так лихо действовал. Только чем ему не понравились те люди? Ведь он же их бил так, будто они были его врагами. А может, и действительно? И вообще, зачем он заставил Сергея с Машей бежать? Станный какой-то. Впрочем, эта пробежка им только на пользу.

А еще Сергею понравились добротные кожаные сапоги Мирона и его кожаный, усеянный бляхами пояс. Лицо у Мирона тоже было интересное. Собственно, лицо как лицо, вот только возле глаз слишком уж много морщинок, да где-то возле губ пролегла хитроватая складка. Но самым лучшим в нем все же были глаза. Умные, очень умные глаза. Еще Сергею показалось, что Мирон от них с Машей чего-то хочет. Но чего? Ладно, проживем...

А Мирон тоже разглядывал их, мучительно выискивая выход из положения, в которое попал.

Нет, так просто бросить их он не мог. Но ведь они не изменяющиеся! И значит, потенциально опасны для этого мира. И что-то с ними надо делать. Не бросать же их здесь. Они же понятия не имеют о том, что им грозит.

Конечно, есть простое решение. Уйти — и все. Существует же кто-то, который таких, как они, уничтожает. Но ведь они же люди!

Нет, придется, видимо, тащить их на свалку, больше некуда...

Вот такие, брат, дела!

А теперь надо действовать, и чем быстрее, тем лучше!

Крокодил лежал на крыше и от удовольствия даже глаза закрыл. Те, внизу, все еще разглядывали друг друга и, похоже, усиленно обдумывали свое положение. Значит, можно еще немного поблаженствовать, погреться на жарком полуденном солнышке, отдаться неторопливому течению мыслей. В общем-то, он был оптимист, этот крокодил. И верил в то, что все будет прекрасно. Вот только как-нибудь бы отделить этих двух от стража дороги! Меч у него длинный, и владеет он им хорошо.

Нет, надо их обязательно разделить. А уж потом все будет просто, как манная каша. Хорошая засада, молниеносный прыжок — и вот, можно опять в спячку.

Облезлая кошка вышла из-за печной трубы, но, увидев крокодила, отчаянно мяукнула и, задрвав хвост, бросилась наутек. Крокодил ухмыльнулся и, приподнявшись, поглядел вниз.

И надо же было случиться, что как раз в этот момент Мирон поглядел вверх. Их глаза на мгновение встретились, а потом крокодил опустился на нагретое железо и исчез из виду.

— Ух ты,— пробормотал Мирон и вытер пот со лба.

— Что это с тобой? — спросил Сергей.

— Да так, ничего.— Мирон поправил меч, нахлобучил шлем и сказал: — Ну что, пошли? Имейте в виду, надо торопиться!

— Куда? — спросил Сергей и обнял Машу, а она не отстранилась.

— Вот что,— сказал Мирон.— Объяснять мне некогда. Есть тут одно местечко, куда мы должны вовремя попасть. Там я вам все объясню.

После этого он повернулся и побежал по улице. Сергей и Маша переглянулись и неохотно последовали за ним.

Мирон вел свою группу с таким расчетом, чтобы поблизости было как можно больше людей. Пусть все ноги пообступают, но зато можно быть уверенным — в такой толпе этот зверь не нападет...

Он оглянулся. Сергей и Маша бежали вслед за ним.

— Так, пошли шагом,— сказал Мирон, и они сбавили ход.

Дома, мимо которых они проходили, теперь стали более пышными. На них появилось множество лепных украшений. Всякие там карнизы и фризы, барельефы и горельефы. А улица была прямая-прямая и только впереди, может, в километре, может в полутора, терялась в тумане, стоявшем там сплошной стеной.

Народу стало значительно меньше. Здесь, похоже, идти было уже опасно.

— Ну, все,— сказал Мирон.— Побежали!

Теперь Мирон уже не нравился Сергею.

Да кто он такой? Вот, понимаешь ли, благодетель! Набежал — потащил, да еще и командует. Если он сильнее, так теперь на задних лапках перед ним бегать?

Маша, наверное, думала так же, потому что они, не сговариваясь, после того, как Мирон еще раз оглянулся, быстро свернули в сторону и мгновенно растворились в толпе.

Просторный, с чахлыми клумбами и полуразрушенным фонтаном двор принял их в свое нутро. Они сели на источенную временем и изрезанную перочинными ножами

скамейку, их руки встретились и окаменели, не в силах разомкнуться и прервать это небывалое ощущение — чувствовать тепло друг друга.

И двор все понял, разгадав их своим мудрым-мудрым, необычайно древним, сохранившимся еще с тех времен, когда и двором-то не был, нутром. И он, привычный к громкому хлопанию дверей и ночным перебранкам, мату и крику дерущихся, замкнулся, отгородив этих двоих от окружающего мира, захлопнувшись как цветок, сокрыв в себе эту странную, неожиданную любовь, чтобы ей случайно не помешали. Он приглушил и постепенно свел на нет шорох льющейся воды, скрип прораставшей травки и шум ветра. А потом замер, чутко прислушиваясь к их шепоту, вспомнив прежние времена...

А тем временем кто-то пытался выйти во двор и не мог открыть дверь, бессильно проклиная шутников и потрясая партией домино. Кто-то никак не мог открыть окно, поскольку ничего нельзя было разглядеть через затянутое странной, непрозрачной пленкой стекло. Один из жильцов уже вызывал полицию, пожарных, органы контрразведки и еще многие нужные и ненужные в этом случае службы. И только тогда, когда прошло много времени, а снаружи, на улице уже предлагали проложить путь во двор динамитом, двор очнулся и тихонько кашлянул фонтаном.

И пока Маша и Сергей возвращались из прозрачно-розового мира, в котором находились, с изумлением оглядываясь по сторонам и пытаясь сдержать дрожь пальцев, двор открылся и пустил в себя всех, кто так к этому стремился.

Через полчаса Сергей и Маша успокоились окончательно, полицейских и машин не было уже и в помине. Двор сотрясали равномерные удары домино и истошные крики: «Рыба!» В дальнем конце ребяенок уже тянул кошку за хвост, из чистого любопытства, понятное дело. Невдалеке от него подвыпившая компания хором исполняла песню:

Эх, раз... да еще раз,
да с размаху — вилкой в глаз!

И один из них, с сизым крючковатым носом, все приставал и приставал к толстой женщине, развешивавшей невдалеке продранное во многих местах, только что выстиранное белье.

Сергей и Маша сидели на скамейке, не в силах уйти,

вновь вспоминая и переживая все, что с ними случилось, и лишь когда сизоносый пьянчуга стая подмигивать Маше и делать ей непонятные знаки, они встали и рядышком, не смея взяться за руки, пошли прочь. Так они и вышли на улицу, не глядя друг на друга от смущения и, наверное, от тайны, которая их теперь соединяла.

Сергей шел возле Маши и думал, что теперь знает, как это происходит. Это когда ничего не надо, лишь бы рядом была она.

Он чувствовал, что изменился, став для себя чужим и непонятным.

Сергея уже не пугали трещины в асфальте, которых он совсем недавно боялся просто панически. Как же, ведь провалиться можно! А теперь он наступал на них, пусть не совсем твердо, но уже достаточно уверенно.

И еще он думал о Маше. Она, наверное, тоже изменилась? По крайней мере, она тоже спокойно наступала на асфальтовые трещины. Сергею снова захотелось прикоснуться к Маше, и он это сделал, удивляясь, что такой запретный и страшный жест получился у него абсолютно просто.

Приближался туман. Теперь до него оставалось квартала три. Они прибавили шагу, миновали лепные колонны театра Отпора и Берета, прошли мимо седого усача-гренадера, потом мимо побитого молью шарманщика.

Дальше был туман. Он дрожал, колыхался и на самой границе видимости завивался тугими спиралями.

Это было интересно, и они смотрели на него до тех пор, пока из тумана не вышел человек с окладистой бородой и седыми усами, одетый в странные шкуры. За ним появился кентавр, который тотчас же остановился, пораженно рассматривая город и людей, словно видел все это впервые.

— Пойдем, Крокен,— засмеялся бородатый.— Ты еще успеешь на все это насмотреться. Да пойдем же...

И они пошли прочь, а потом нырнули в проходной двор и исчезли.

— Туда? — Маша зябко прижалась к плечу Сергея и вопросительно на него посмотрела.

Он прислушался. Туман казался живым. Из него доносились странные звуки: скрип, стоны, лязганье...

— Нет, пожалуй,— решил Сергей.— Нам, наверное, туда не надо. Нам, наверное, сюда...

Они повернулись и пошли в глубь города. И не увидели, как из тумана на секунду выглянул белый крокодил,

усмехнулся и снова скрылся за белесым шевелящимся занавесом.

Мирон свернул в ближайший сквер, присел на скамью и, отдышавшись, стал ворошить носком сапога опавшую листву.

А все потому, что ты лопух! Самый настоящий идиот. Понадеялся! А они не захотели. И правильно сделали. За таким болваном не стоит идти. Кто ты им? Неизвестный дядька, который мечом размахивает да грозит. Как от такого не сбежать? Честное слово — грех.

И где их теперь искать, сердешных?

Да... да... надо подумать...

Ну хорошо... вспомним...

Значит, проверял я их в последний раз в конце западного сектора. Если они направляются к тому кварталу, где раньше жили, то, скорее всего, пошли по проспекту. Он широкий, а в незнакомых местах все нормальные люди стремятся ходить по широким улицам. Значит, допустим, что они пошли по проспекту, в конце которого стена тумана. Туда они сунуться не осмелятся... Потом поворот. И вот тут-то они попадают в нежилые районы, где их и будет ждать наш друг — крокодил. Еще бы! Идеальное место для нападения. Значит, надо спешить.

И он побежал. Этот район он знал неплохо и поэтому все время пользовался переулками и проходными дворами, что значительно сокращало путь. Ему приходилось перепрыгивать через мусор, спотыкаться о гнилые корзины из-под бананов и ананасов, получать по физиономии развешанным для просушки бельем. А из-под ног шаркались тени, то ли крысы, то ли молоденькие домовые. И пахло мерзопакостно.

Безусловно, на бульваре пахнет лучше, но успеть можно только этим путем.

Он поднажал, проскочил еще пару улиц, углубился в переулок и вдруг увидел, как впереди мелькнул белый крокодилий хвост.

Ишь ты, тоже торопится. Значит, направление я взял верное. Теперь бы его обогнать... А там можно и сразиться. Мечом я владеть пока не разучился...

Город обезлюдел. Дома вокруг были старые и полуразрушенные.

— Может, вернемся? — спросила Маша.

— Прорвемся, — Сергей решительно сжал губы. —

В конце концов, хотим мы вернуться домой или нет? Хотим! Тогда вперед!

Они пошли дальше, и эхо их шагов гулками мячиками рассыпалось по лабиринтам улиц, отражаясь, дробясь и снова возвращаясь.

— Ты знаешь, а в детстве мне мама подарила куклу,— сообщила Маша.— Она была такая красивая и имела две головы. Одна блондинка, другая брюнетка... Ой, что это?

В одном из домов что-то с треском обрушилось.

— Чепуха,— сказал Сергей, и они пошли дальше.

Маша стала рассказывать про куклу, про то, как ее отобрали соседские мальчишки. И что из этого вышло. А потом она рассказывала еще, еще — и вроде успокоилась. Да и Сергей почувствовал себя гораздо лучше, совершенно машинально выбирая направление движения и уже не оглядываясь по сторонам. Даже рассказал, как искупался в великой луже.

Понятное дело, что за всеми этими рассказами они не сразу услышали топот. А потом было поздно.

Из-за угла, метрах в трехстах от них, выскочил белый крокодил. На бегу он открывал и с треском захлопывал пасть. Следом за крокодилом бежал Мирон. Он размахивал мечом и кричал:

— Стой, тварь! Стой, животное!

Крокодил не обращал на него никакого внимания, совершенно недвусмысленно взяв курс на Сергея и Машу.

— Интересно,— спросил Сергей,— что ему надо? А Мирону?

— Действительно, странно,— пожала плечами Маша.— Они что, мухоморов с утра поели?

В этот момент Мирон догнал крокодила, замахнулся, но тут же, обо что-то споткнувшись, со страшным грохотом растянулся посреди дороги.

На бегу крокодил обернулся, насмешливо рыкнул и еще сильнее заработал лапами.

— Надо бы Мирону помочь,— сказал Сергей.— Вдруг ушибся?

— Пойдем,— встревоженно сказала Маша и взяла его за руку.

Но тут крокодил оказался настолько близко от них, что Маша увидела его маленькие злобные глазки, а также клыки, на которых пузырилась желтоватая слюна. Она закричала.

Эхо ее голоса отразилось от противоположного дома,

многократно усилилось, ударило в следующий, еще, еще и наконец вернулось. Стена соседнего дома дрогнула и рухнула вниз, еще в падении разваливаясь на отдельные обломки, которые с тяжким стоном ударились об асфальт и погребли под собой белого крокодила...

— Идиоты,— горячился Мирон.— Сколько раз вам говорить, что назад возвращаться нельзя! А если бы попали на обед это зверюге?

— Но ведь она погибла,— возразила Маша.

— Глупенькая. Появится другая, и уж от нее-то вы не спасетесь. Вам сейчас надо вообще исчезнуть с этой планеты. Понимаете? И я вам могу это устроить. Вот только бы к сумеркам успеть на свалку...

Улицы, по которым они шли, постепенно становились все чище и чище. Стали попадаться люди и даже не совсем люди.

Ярко покрашенная красotka с огромным бюстом и умопомрачительно длинными ногами шла в обнимку с туго набитым мешком из грубой холстины, ковылявшем на несгибающихся палках. В верхней его части поблескивали оловянные пуговицы, заменявшие глаза. Чуть дальше трехметровый богомол, вцепившись в телеграфный столб, бился об него головой и кричал: «Ну поговорим же, поговорим!»

А столб вдруг вытащил из тротуара две приземистые сильные ноги и перешел на другую сторону улицы. Богомол увязался было за ним, но, получив пинок, отстал и поплелся прочь.

А они все шли и шли... Теперь Мирону уже не надо было оглядываться. Сергей и Маша чуть ли не наступали ему на пятки.

Мирон подумал, что в них что-то изменилось. Они явно стали более похожи на нормальных людей, а это хорошо и одновременно плохо. Плохо потому, что нормальным людям почти невозможно жить на этой свихнувшейся планете... Ну ничего, дайте только добраться до свалки...

Потом потянулись деревянные дома. Народ здесь был попроще. Улицы были более грязные. Кое-где вместо асфальта были положены деревянные мостки, по которым гулко топали ватаги ребятишек, запуская змея или играя в войну.

— А куда мы идем? — спросила Маша. На щеке у нее краснело пятно кирпичной пыли. Но она его даже не

пыталась стереть, а все оглядывалась и оглядывалась, видимо, никак не могла опомниться от встречи с крокодилом.

— Я же сказал — на свалку, — ухмыльнулся Мирон.

— На свалку?

— Ну куда же еще? В этом мире нам только там и место.

— А что там будем делать?

— Там увидите, — снова ухмыльнулся Мирон. — Вы только не пугайтесь... Я же сказал, что все беру на себя. Доставлю куда надо и в самом лучшем виде.

Город кончился. Они шли лесной дорогой. Под ногами хрустели осколки битого стекла и шелестела грязная, скомканная бумага.

Наступила ночь, и лес сделался незнакомым и таинственным.

— Быстрее, быстрее! — торопил Мирон. — Вдруг не успеем. Чувствуете, как пахнет? Значит, уже близко. Быстрее, быстрее!

Под конец они даже побежали, запинаясь в темноте о кони, железки, кучи битой черепицы.

Не нагружали бы машины так полно, ничего на дорожку бы и не падало, угрюмо подумал Мирон, услышав, как под подошвой хрустнуло что-то пластмассовое.

Совсем близко, метрах в пяти от тропинки, раздался волчий вой. Потом им показалось, что из темноты их разглядывают. Но уже через минуту это ощущение прошло. А вой раздался снова, но уже несколько дальше. Сергей подумал, что вой странный, но тут же чуть не запнулся и дальше думал только о том, как бы не упасть.

Еще один поворот... Деревья раздвинулись, и они увидели свалку. В темноте она казалась сказочным полем боя, на котором кучей навалены тела погибших витязей, расколотая броня, поломанные мечи, а также поверженные штандарты.

— Вот теперь можно не спешить, — сообщил Мирон. — Успели. И оставили с носом этого крокодилишку! То-то он будет беситься! Ух, здорово! И дорога миров вот-вот появится. Лишь бы облака не набежали. Ну, что стоите? Пошли!

Запах свалки теперь стал почти нестерпимым. Мирон пошел вперед, и Сергей с Машей, зажимая носы, следовали за ним.

Наконец последний кирпич откатился в сторону и кро-

кодил выбрался наружу. С минуту он лежал на брюхе и внюхивался, пытаясь обнаружить запах ускользнувших людей, потом радостно взмахнул хвостом и бросился по направлению к окраине.

Он был зол на весь мир, хотя и понимал, что в первую очередь надо злиться на себя. Сам виноват, голубчик. Не учел, что стена может рухнуть от такой смехотворной причины, как крик перепуганной женщины.

Хотя еще не все потеряно. Он их догонит. Вот только надо бежать как можно быстрее...

Мелькали стены домов, испуганные люди шарахались в подворотни, а крокодил и не думал сбавлять ход. Времени было в обрез.

Стемнело. Теперь он был уже на окраине, которая вскоре кончилась, уступив место лесу. Собственно, здесь была граница владений крокодила. Но кто сможет ему противостоять? Да никто!

И все же свернув на узкую тропинку и, разглядев впереди незнакомые полускрытые деревьями силуэты, он побежал тише. словно бы кто-то шепнул: «Осторожно».

Он остановился, не добежав всего несколько десятков метров до зыбких, сделанных из неплотной черноты, но все же удивительно реальных существ.

Волки! Только они странные. Оч-чень странные!

А темные фигуры все надвигались, бесшумно разворачиваясь в полукруг, центром которого был он, крокодил. А потом в свете луны блеснули длинные клыки, и над лесом пронесся заунывный вой, который перешел в истошный безумный хохот, и этого было достаточно. Крокодил понял все.

Мгновенно развернувшись, он побежал назад, хотя и был готов укусить себя за хвост от досады. Конечно, можно было попытаться это место обойти. Но крокодил почти не сомневался, что, как только он свернет с прямой дороги в город, оборотни появятся снова. Вполне может быть. Это была их территория. Да еще к тому — лунная ночь.

Нет, в обход идти не имело смысла. Те, кого он преследовал, в это время убегают все дальше и дальше. Что же тут можно придумать?

Он выбежал на дорогу, которая вела на свалку, и все стало ясно. Нет, по дороге, конечно, тоже не проскочишь. Но вот вопрос: сможет ли оборотень вскочить в кузов машины на полном ходу? Вряд ли.

Что же, ждать оставалось совсем немного.

Действительно, минут через пятнадцать на него упал сноп света, и крокодил быстро взобрался на ближайшее к дороге дерево. В тот момент, когда машина проходила под ним, крокодил прыгнул. Уже в полете он успел подумать о том, что оборотни все же пропустили тех троих. Ну не странно ли? Он думал об этом до самой свалки, но ответа так и не нашел...

Высоко и необозримо далеко мерцала луна, заливая серебряным светом холмы свалки и яблони в саду у Мирона, а также окошечко на дорогу миров. Сегодня пешеходов было почему-то маловато. Видимо, основная масса прошла вчера.

У шлагбаума стоял верный Хрюндик, крепко сжимая в мохнатых лапах копые и укоризненно покачивая головой:

— Хозяин, что-то ты задержался.

Мирон не ответил, а подтолкнул вперед оробевших Сергея и Машу. Они сделали несколько шагов и остановились, вцепившись руками в крашеное дерево шлагбаума.

— Это что? — спросил Сергей.

— Это дорога миров, — тоном терпеливого учителя объяснил Мирон. — А вот те окошечки — окна миров. Пойдете по ней. Какой мир понравится, туда и заходите. А стражу этого мира отдайте.

Он пошарил в кармане и достал что-то похожее на маленькую янтарную звездочку.

— Зачем? — спросила Маша, опуская ее в кармашек кофточки.

— Таков порядок, — Мирон пожал плечами. — Это вроде платы. Понятно?

Они помолчали. Совсем недалеко выли оборотни. По другую сторону шлагбаума мохнатый тип, обутый в лапти, все возмущался и требовал, чтобы его пропустили вне очереди. Но на него шикнули, и он привычно притих.

— Ладно, — сказал Мирон. — Пора вам, ребята. Для вас только один путь — другой мир. И давайте поторопимся. Не дай бог, здесь объявится образина, что за вами гонится... Уходите и постарайтесь выбрать себе мир получше.

Он пожал Сергею руку и легко прикоснулся губами к щеке Маши.

— Пора.

Они шагнули на дорогу миров осторожно, неуверенно,

словно ожидая, что она вот-вот под ними развалится, развеется, как дым. Шагов через сто, Сергей обернулся и помахал рукой.

Хрюндик вдруг сорвался с места и побежал за ними:
— Стойте!

Догнав, он вручил Сергею копье и пошел назад, бормоча под нос:

— Вот так-то лучше. С ним, знаете ли надежнее. А у меня есть еще одно.

— Спасибо! Спасибо за все! — крикнул Сергей, и они пошли вперед, все дальше, дальше, не оглядываясь. Минут через пять они стали двумя черными черточками, а потом слились с дорогой миров и исчезли.

Невдалеке ревел мотор «камара».

Мирон сказал Хрюндику:

— Сходи-ка возьми другое копье, а то ночь только начинается и, пожалуй, придется отстоять ее до конца.

Хрюндик убежал. Несколько существ по ту сторону шлагбаума было возмутились, но опять затихли, а когда Мирон через минуту взглянул в сторону свалки, он увидел, что почти рядом с ним стоит крокодил и ухмыляется.

— А... пришел, — сказал Мирон и присел на корточки. — Поздно... ушли они уже и тебе их не догнать. Все, теперь можешь убираться.

— Ха... — сказал крокодил, лег на брюхо и с иронией посмотрел на Мирона. — Глупенький. Разве можно от меня уйти? Нет уж, что кому положено, тот свое и получит. Хотя, действительно, — бывает всяко. Особенно с людьми. Странные вы существа — люди. Не знаешь чего от вас ждать.

— А здорово я тебя надул? — спросил Мирон, закуривая сигарету.

— Надул? Да нет, тебе просто повезло. Если бы не эта стена да еще оборотни, черт их раздери... Куда бы они от меня делись?

— Может быть, может быть, — согласился Мирон, не желая обижать крокодила.

— Не может быть, а точно, — гнул свое крокодил. — Эх, вот ведь невезуха. Так недолго и вообще завалить службу.

— Службу? А кому ты служишь?

— Да тем же, что и ты.

— Ну, положим, я-то служу этой сумасшедшей планете. Слежу, чтобы на нее кто попало не проник. А вот ты?

— Ну и я так же. Представь, что могут наделать два таких типа, если будут бродить где попало? Впрочем, ты и сам это прекрасно знаешь! Главное то, что в нашем мире, хоть он и кажется сумасшедшим, все таким образом связано и перепутано, что никогда не знаешь, во что выльются твои поступки. Впрочем, что говорить...

Они опять помолчали. В лесу хохотал филин. Возле мусорных куч шуршали бумагой утильмены. С треском завалилась какая-то конструкция. На минуту воцарилась полная тишина, а потом шорох и возня возобновились.

— Слушай, а как тебе удалось приручить оборотней? — поинтересовался крокодил.

— Оборотней? — Мирон пожал плечами. — Да никак.

— Врешь, — убежденно сказал крокодил. — Да ладно, это твое дело. Черт, в город надо, а неохота. Надоело все... Ох, как надоело.

Он вздохнул, поцарапал землю лапой и спросил:

— А ты помнишь тех, кто создал этот мир?

— Кого?

— Ну, тех, кто сделал дорогу и изменил наш мир. Раньше-то планета была как планета. А сейчас...

Мирон недоуменно посмотрел на крокодила. Тот удивился:

— Как, ты их не помнишь? Впрочем, чего это я, тебя же тогда еще не было... И нечего так удивленно смотреть... Они были, вот только не помню, какие именно. И ушли они не дорогой миров, а другим способом. А может, и не ушли, может, просто спрятались и за нами наблюдают? Вдруг в нашем мире есть какой-то смысл? Ведь не зря же он сделан? Вот только найти бы его, этот смысл, а уж тогда я выбью себе свободу, зубами выгрызу... Впрочем, что это я?..

Из темноты появился Хрюндик и, остановившись в стороне, крепко сжал копые, готовый броситься на крокодила по малейшему знаку Мирона.

— Не бойся, — сказал ему Мирон. — Все в норме.

Хрюндик вроде бы успокоился, встал за спиной Мирона, но копые все же держал наготове.

— Я только одного не могу понять, — сказал задумчиво крокодил. — Ты зачем ввязался в это дело? Ведь они же чокнутые, ненормальные! Или просто хотел со мной поиграть: кто кого?

— Да нет, — устало сказал Мирон. — Нет, дело не в том. Все гораздо проще. Они люди, и я человек. Впрочем, ты не поймешь...

— Где уж мне,— крокодил сокрушенно покачал головой.— Только зря ты это. Чтобы быть человеком, нужно доказать, что ты на это имеешь право. Вот и доказали бы... А я, быть может, их бы и отпустил. Впрочем, даже уйдя в другой мир, они остались прежними, прежними... Так что, я думаю, для них эта проблема, проблема отличия от окружающего, далеко не решена.

Мирон пожал плечами. И тогда крокодил повернулся и убежал в темноту. А Хрюндик сообщил:

— Ждут...

— Угу,— сказал Мирон и повернулся к шлагбауму.— Сейчас мы их, голубчиков. Кто первый?

Дорога тянулась вдаль и не было ей конца. Идти по ней было приятно. Звездное полотно слегка пружинило под ногами, а когда Сергей приложил к нему ладонь, то почувствовал, какое оно теплое и шелковистое.

Собственно, освоились они быстро и теперь смотрели на мелькавшие окошечки миров, как на обычную вещь.

— Ну что, какой мир выберем? — спросил Сергей.

— Наверное, вот этот,— сказала Маша.

Они остановились и некоторое время смотрели через окно на этот мир... Он им понравился.

Маша вытащила звездочку и сунула ее лохматому толстому стражу дороги. Он довольно заурчал и перестал целить в них своим оружием, похожим на гигантскую мясорубку.

— Проходите,— услышали они, хотя могли поклясться, что страж не издал ни звука.

Шлагбаум поднялся и они вступили в мир, который должен был отныне стать их домом.

В лица им пахнула теплым ветерком. А невдалеке начинался лес, в который уходила извилистая тропинка. Вдали виднелись крыши деревянных строений.

Сергей и Маша пошли по тропе мимо холмов, поросших яркими цветами, мимо прямоугольного, решетчатого сооружения, которое басовито гудело. Вступили в лес, окунувшись в его прохладную и влажную полутьму, где совершенно не было ветра. Прошлогодние листья пружинили под ногами, а они шли и шли, взявшись за руки и улыбаясь.

Они не видели, что позади них, из-за дерева, высунулось и тотчас спряталось что-то очень похожее на белый крокодилий хвост.

ОСЕННИЕ МИРАЖИ

Огромная лужа начиналась сразу у лестницы подъезда. Судя по тому, что ступенек стало на одну меньше, была к тому же глубокой. Всю ее стального цвета поверхность покрывали расходящиеся круги. Зарождаясь, они расширялись, набегали друг на друга, исчезали. Но тут же возникали новые. Мокро шуршали шины проезжавших автомобилей. По тротуару скользили серые тени прохожих...

Запоздало пожалев, что не поверила с утра прогнозу погоды и ушла на работу в легкомысленных открытых туфлях, она обреченно вздохнула. Хотя, по правде сказать, если верить этим предсказателям, то уже третий день ходила бы в сапогах: в который раз обещают дождь во второй половине дня. Чему их только учили?! Ладно, хорошо хоть зонтик с собой. Раскрыв его, она спустилась по лестнице и осторожно вдоль стены здания обошла новоявленное море.

Первый по маршруту магазин встретил консервными банками. Изобретательно расставленные, они занимали все пространство витрин. Несколько сортов рыбы. Почти все в томате. Все на один вкус. Странно только, почему цены разные?.. Во втором магазине повезло больше — давали любительскую колбасу. Заняв очередь, она подошла к мясному прилавку. Лотки были чисто вымыты, мясники рассказывали друг другу анекдоты. На вопрос, будет ли мясо, тот, что помоложе, важно облокотившись на воткнутый в колоду топор, назидательно бросил:

— Ты что, тетка? С луны свалилась? За мясом с утра надо... — и отвернулся, показав откормленную спину.

Черт с ним, с мясом, но почему «тетка»? Уже отходила, когда услышала ядовитый комментарий молодого, адресованный приятелю и разъяснивший, в чем дело:

— Во баба! Можно дать и тридцать и семьдесят. Ни кожи, ни рожи. Хотя бы подмазалась да тряпки поприличней напялила.

— Не поможет, — донесся голос второго. Они не

очень заботились, слышит она или нет.— Крокодила как ни мажь — безнадега. Интеллигенция эта вшивая. Витают в своих науках. А туда же — мясо им подавай! Мне приплати, я с такой не...

Больше она не выдержала: глотая слезы, почти бегом кинулась прочь. Подходила очередь за колбасой...

С троллейбуса сошла уже затемно. Сквозь сетку дождя светились окна. Поднявшийся ветер вырывал зонт. Отяжелевшая сумка оттягивала руку. В туфлях хлюпало. Не разбирая дороги, она ступала по лужам. До дома оставалось два переулка...

— Какая точка была! Всегда свежее пиво,— промолвила неожиданно возникшая впереди тень.— Закрыли. Балаган какой-то устроили.

— Все кооператоры проклятые,— отозвалась вторая, стоявшая рядом.— Пиво-то и сейчас, наверное, там есть. Только поди купи: цены о-го-го! Грабят, сволочи, трудовой народ!

— К ногтю бы их всех.

Она произвольно обернулась. И искренне удивилась. Еще вчера, вот также затемно возвращаясь с работы, она в этом месте, как всегда, перешла на другую сторону тротуара, чтобы не столкнуться с толпой страждущих, стремившихся попасть в заветный подвальчик, над которым тускло горела вывеска «П...ВО». Когда погасла буква «И», вряд ли кто помнил. Ее и не пытались оживить: забегаловка была районного значения, клубом выпивох всей округи и не нуждалась в броской рекламе. Но сейчас эта вывеска пропала. Вместо нее над входом затейливым узором ярко светилось — КАФЕ «ОСЕННИЕ МИРАЖИ». Привычной толпы не было... Не было и очереди, как обычно вечером в любое кафе. Любопытство ли, может, что-то еще подтолкнуло ее ко входу, но, уже взявшись за ручку, она в нерешительности остановилась: в мокрых туфлях, с хозяйственной сумкой в руках, с зареванным лицом — не выставят ли? Но дверь, будто сама собой, предупредительно распахнулась. За ней стоял элегантный молодой человек с бантом-бабочкой.

— Добро пожаловать, девушка. Мы рады видеть вас.

И посторонился, приглашая войти. Она еще колебалась, когда ноги переступили порог.

— Позвольте,— провожатый помог ей снять плащ, принял сумку и зонт.— Не беспокойтесь, все высушим и вернем в лучшем виде. Вам сюда.

Откинув мягкую портьеру, она вошла в небольшую прихожую. На стене висело зеркало в богатой бронзовой раме. По бокам от него в канделябрах горели свечи. С противоположной стороны колыхался еще один занавес, из-за которого доносились негромкие голоса. Всмотревшись в свое отражение, она несколько раз провела по волосам расческой, поправила воротник платья и решительно направилась в зал.

Помещение оказалось огромным. Трудно было предположить такое в бывшей пивнушке. Дом, где она помещалась, был мал ростом, всего в два этажа, а здесь своды зала терялись в сумраке неяркого освещения. Столики стояли просторно. Ближайшие были заняты, и, поискав глазами, она пошла по проходу. Люди, мимо которых проходила, замолкали и оборачивались. Такое внимание насторожило ее и заставило еще раз окинуть взглядом зал. Невероятно! Они все были изумительно красивы. Нарядные женщины и мужчины, теперь взгляды всех устремились на нее. Не насмешки ль ради ее заманили сюда?! Шаг непроизвольно стал короче. На мгновение ощутив себя замарашкой на королевском приеме, в ту же минуту она гордо вскинула голову — что ж, пусть так, принимаю вызов! — и твердой поступью направилась к свободному столику. По залу прокатился возглас восхищения. «Издеваетеесь?! Давайте!» Она даже не обернулась.

Этот столик стоял в самом центре зала на небольшом возвышении. Возле него притулился одинокий стул. Других свободных мест не было. Впрочем, она их уже не искала.

— Прошу! — Неизвестно откуда возникший, все тот же молодой человек отодвинул стул. — Что желаете? — продолжил он, когда она села.

— Дайте меню.

— Это лишнее — заказывайте, что пожелаете. У нас есть все.

— Неужели?! — Усмешка тронула ее губы. — Тогда легкий ужин, сообразный моему положению, возрасту и комплекции, и вино... Ну, скажем, бургундское мушкетерских времен. Никогда его не пробовала.

— Минуту, — от отошел.

Но прошло лишь несколько мгновений, как заказ появился на столе. Улыбаясь, молодой человек откупоривал непривычной формы запыленную бутылку. С хлопком вылетела пробка.

— Позвольте, я сама.

Она взяла бутылку и провела пальцем по стеклу.

Пыль была настоящей. На этикетке проступали цифры: 1627, наверное, год урожая. В бокал потекла бархатная влага, источая тонкий аромат.

Под стать вину был и ужин. На старинном серебряном блюде в обрамлении диковинных овощей лежала небольшая куропатка с распростертыми крыльями. Рядом стояла ваза с фруктами.

— Ваш кооператив, должно быть, процветает. Только не пойму, почему швейцар, гардеробщик и официант в одном лице. Может быть, вы еще и повар?

— Может быть,— он загадочно улыбнулся.

— Как вы все успеваете? Наверное, по профессии волшебник?

— Отчасти... Приятного аппетита.— Он поклонился и исчез.

Именно исчез! Пожав плечами, она принялась за куропатку. Глаза, устремленные со всех сторон, для нее не существовали.

— ...Итак, все в сборе!

Сказанные негромким голосом, эти слова эхом разнеслись по всему мгновенно затихшему залу. Она отставила бокал и подняла глаза. Он опять стоял рядом, но обращался сейчас ко всей аудитории. Его пурпурный, богато расшитый золотом плащ, ниспадавший с плеч, трепал невесть откуда влетающий ветер. В поднятой руке сверкал небольшой жезл, призывая ко вниманию.

— Мы собрались сегодня, чтобы чествовать царицу в день ее Славы! — Его голос поднялся.— Начнем!

— Начнем! Начнем! — отозвалось со всех сторон, слилось в громоподобный рев, лавиной ворвалось в уши. Она не знала, что думать. Взгляд был прикован к сверкающему жезлу. Вот он описал огненную дугу, еще одну... и пропал. Но рев толпы лишь усилился. К нему примешался металлический лязг, гортанные выкрики, кажется, ржанье коней...

Вспыхнувшее солнце осветило картину битвы.

Казалось, им нет числа, этим стройным шеренгам воинов, выходявшим из густой рощи. В сияющих шлемах, ошетилившихся копьями, они спорым шагом надвигались на холм, где стояла она. Внизу, у подножия, шла отчаянная сеча. Встретив неприятеля градом стрел, амазонки сомкнутым строем врубались в его ряды. Взлетали мечи, трещали копья. Падали иноземные воины, падали амазонки... От топота тысяч ног дрожала земля.

— Хвала богам, царица! Меропа одолевает! — воскликнула стоявшая рядом Атис, указывая рукой на правый фланг.

Там, опрокинув вражеские шеренги, амазонки гнали неприятеля назад. Смешавшись, воины толпой бежали под прикрытие спасительной роши, преследуемые по пятам. Она различила белый гребень шлема Меропы.

— Слава Меропе!

— Слава! Слава! — раздалось рядом несколько голосов.

Она обернулась к Атис:

— Почему медлит Альциона?! Прикажи ее кавалерии немедленно атаковать! Пусть отсечет эту толпу от роши и гонит в болото!

Тронув коня, Атис стремглав понеслась выполнять приказание. Царица взглядом провожала ее. Вот Атис спустилась с холма и во весь опор поскакала к небольшому пригорку, за которым пряталась кавалерийская засада. Вот скрылась из глаз, обогнув возвышенность. Сейчас оттуда появятся сомкнутые ряды отважных всадниц и всеокрушающей лавиной довершат разгром левого крыла врагов... Но где они? Почему задерживаются? Всегда решительная Альциона не может не видеть, что настал ее час. Промедли она еще немного, и Меропе придется туго. Царица перевела взгляд на поле битвы. Так и думала! Оторвавшиеся от своих преследовательниц, вражеские воины в некоторых местах успели образовать круги. Внутри стояли лучники, которые на выбор поражали нападавших амазонок. Кругов становилось все больше... «Эх, Альциона! Скорее! — Она была готова закричать, когда из-за пригорка показалась всадница. В лучах солнца в ее руке сверкнул меч.— Наконец!» Стоявшие около царицы подруги облегченно вздохнули вместе с ней. Но радость оказалась преждевременной: за одинокой всадницей никто не последовал, да и сама она, повернув коня, поскакала к холму. Тут только царица поняла, что это не Альциона — гребень на шлеме был другого цвета, другой масти была и лошадь. Беспокойство закралось в душу, и она пустила коня навстречу.

— Царица!.. — Незвестная амазонка в нескольких шагах натянула поводья. Ее голос сорвался, она с трудом перевела дыхание.— Царица! Нас обошли... Конница... Много... Ее ведет сам царь!.. Альциона вступила в битву и пала! Ее место заняла Атис... Она послала меня к тебе. Помоги...

Окровавленный меч скользнул из руки всадницы, и она повалилась на шею коня, судорожно цепляясь за гриву. Мятый шлем с изрубленным гребнем покатился по траве. Безжизненно рассыпались густые каштановые волосы... Кто-то из подруг подхватил ее, и царица увидела оперение стрелы, глубоко пронзившей спину.

Минутная растерянность сменилась решимостью. Она обернулась к начальнице кавалерии:

— Тайгета! Возьмешь полутысячу и лучниц. Иди на помощь Меропе. Конницу навстречу царю поведу я сама!

— Прости, царица...— хотела возразить Тайгета, но она прервала:

— Я сказала! — и поскакала с холма.

Осадив коня перед строем замерших всадниц, она выхватила меч:

— Там, в неравной схватке, умирают наши подруги! Пала бесстрашная Альциона! Смерть врагам!

Опустив на лицо забрало, ударила лошадь мечом плашмя по крупу и понеслась вперед. Позади топот множества копыт смешался с диким визгом — конница амазонок пошла в атаку.

Едва миновали пригорок, царица увидела Атис. Без шлема, с разметавшимися волосами, в изодранном плаще, окруженная горсткой подруг — все, что осталось от тысячи Альционы, — она бешено рубилась с вражескими кавалеристами. Издав воинственный клич, направила коня к ней. Ураганом ворвались амазонки в ряды нападавших. Все закружилось в пляске смерти.

— Где царь?! — прокричала она, поравнявшись, в самое ухо Атис, и тотчас увидела его сама.

Могучий воин в глухом золоченом шлеме, скрывавшим лицо, стремительно надвигался. Шутя отбив щитом брошенный ею дротик, он замахнулся мечом. Желая спасти царицу от страшного удара, Атис приняла его на свой щит, который в ту же секунду развалился на куски. Всадница полетела с коня. Они остались лицом к лицу.

Сделав ложный замах, она обрушила удар на незащищенный участок шеи. Казалось, ничто не может его спасти — столь молниеносным было ее движение, — но в последний момент их мечи со звоном скрестились. Тяжела была его рука, давящая подобно падающей скале, и в душе ее шевельнулся доселе неведомый страх.

— Сдавайся, царица! Не женское это дело — война! — прозвучал его голос, а под забралом насмешливо сверкнули глаза.

Яросто зарывчав, она ускользнула из-под его меча и обрушила град ударов на ненавистный золоченый шлем.

— Амазонку можно убить, но взять в плен — никогда!

Искусно защищаясь, царь хохотал:

— Ты нравишься мне все больше! Именно такая же-на мне нужна: непокорная и горячая!

— Не обожгись! Мои поцелуи смертельны! Дарю тебе прощальный!

Оттолкнув его меч щитом, она резко выбросила руку, направив удар в лицо. Но он уклонился, и оружие лишь скользнуло по шлему.

— Как ты нежна! Вот мой ответ!

Неуловимо быстро царь наклонился к шее коня, его меч оказался у нее за спиной. Защититься было невозможно, и она, вся сжавшись, простилась с жизнью в ожидании смертельного удара. Мгновения замедлили свой бег: казалось, она затылком видит, как острая полоса металла, зажата в сильной руке, не спеша приближается к спине, чтобы, разбив панцирь, впиться в ее молодое прекрасное тело... Легкий шлепок по ягодицам вывел из оцепенения. Кровь бросилась в лицо. Разгибаясь, царь на долю секунды оставил голову незащищенной, и ее меч тут же опустился ему на затылок. В последний момент она, как могла, постаралась ослабить силу удара, но было поздно: он покачнулся и упал под ноги своего коня.

Не помня себя, царица спрыгнула на землю и, склонившись, подняла забрало его шлема. Красивое мужественное лицо было искажено гримасой боли, но — и это ее поразило — глаза улыбались. С трудом разжав губы, он, тем не менее, внятно произнес:

— Ты победила, и я не прошу пощады...

— Мне не нужна твоя жизнь. Скажи лишь, зачем ты пришел сюда и почему не убил меня, когда держал мою судьбу в руках?

Опершись о землю, он сел и, поморщившись, стянул с головы помятый на затылке шлем. Отбросил его далеко в сторону.

— Я пришел, чтобы связать наши судьбы, прекрасная царица. Мог ли я убить тебя?! А это, — он дотронулся до затылка, — дань вашему варварскому обычаю: ведь амазонка находит мужа в бою!

— С чего ты взял, что я прекрасна? Не помню, чтобы виделась. Да и сейчас мое лицо скрыто забралом.

— Ты всегда со мной! — Он снял с шеи золотую цепь

с медальоном и протянул ей.— Возьми на память о сегодняшнем дне, а я надеюсь получить взамен живой образ.

На золотой пластинке был выбит ее профиль. Она... она не знала, что ответить. Но внезапно накатила волна гнева.

— И ради меня ты устроил всю эту бойню?! Погубил столько моих подруг и своих воинов? Соизмерима ли цена?! Ты назвал наш обычай варварским, но кто заставлял тебя следовать ему столь кроваво? Варвар — ты! К тому же, ты забыл главное — амазонка должна быть восхищена своим избранником. А ничего кроме боли и ужаса сейчас в моей душе нет. Уходи!

— Постой! — Он попытался поймать ее за руку. Она вырвалась. Размахнувшись, хотела подальше закинуть цепь с медальоном, но что-то удержало.

— Постой,— еще раз мягко проговорил царь.— Ты ужаснулась битве? Но... ее не было! — Опираясь на щит, он, пошатываясь, поднялся и встал рядом.— Оглянись!

И тут она поняла, что ее удержало: вокруг было тихо! Ни звона мечей, ни криков... Лишь фыркание лошадей да дзеньканье сбруи. Обернувшись, она замерла в изумлении. На почтительном расстоянии вокруг них попеременно стояли воины и амазонки. Пешие и конные. Прямо за спиной увидела «погибшую» Альциону и Атис, обеих верхом, в компании двух молодых всадников. Рядом заметила Меропу. Рослый воин держал ее щит и шлем, а она поправляла волосы и что-то выговаривала ему. Он послушно кивал. Поймав на себе взгляд царицы, все трое смущенно потупились.

— Это что?.. Заговор против меня?..— Дыхание срывалось, и она дрожащей рукой, наконец, подняла забрало.

— И да и нет, царица! — Самая храбрая, Альциона выехала вперед.— Царь так любит тебя... А ты, верная нашим законам, никогда бы иначе не обратила на него внимания... Мы решили помочь, и вот...— она осеклась.

— И я ничего не знала? — с недоверчивой улыбкой царица растерянно покачала головой.

— Владыка может многого не знать, если этого не хотят подданные,— услышала она голос царя.— Прости их, во всем виноват я! И мои воины...

— А они тут при чем?

— Многие давно приглянулись твоим подругам. Наши народы — соседи.

— Да, царица! — Она и не заметила, как рядом оказалась Меропа.— И в сегодняшней битве мы, согласно традиции, выбрали себе мужей. Если ты позволишь, конечно...

— Эх вы, предательницы! Что вы обо мне знаете?! — И, подняв руку, провозгласила: — Пусть будет так!

Гром ликования сотряс окрестности. Не он ли заставил дрогнуть ее сердце? Нет, причина была иной.

— Значит, ты единственный, кто сегодня рисковал жизнью?.. И все ради меня? Да? — робко спросила она царя.

В ответ он виновато развел руками и, смущенно улыбнувшись, кивнул.

— Но ты прогнала меня, и я уйду.

Будто во сне она увидела, как воин помог ему сесть на коня, и он с места стрелой полетел по равнине. Заливаясь счастливым смехом, сбросив шлем и отцепив плащ, вскочила на своего скакуна:

— Не уйдешь! Я быстрее!

И понеслась вдогон...

— Ну что, красавица? Или выгнали?

Она отпустила ручку двери и обернулась. Тень теребила рукав плаща.

— А?

— Что там, спрашиваю? Выпивка-то есть?

— Есть. Вино старое...

— Дорогое поди. Не по карману. Не задержалась ты там... Слушай, пойдем с нами — есть бутылочка красненького. Ну, может, еще чего сочиним...

— Царице?! Красненькое?! — Она засмеялась.

Тень отшатнулась.

— Фу, черт, чокнутая!

Раскрыв зонт, она удобней перехватила сумку и зашагала по лужам.

Руки были заняты, ключи где-то глубоко в кармане. Ткнув зонтиком кнопку, позвонила. Из-за приоткрытой двери показалась мордашка пятилетнего сына. Показалась и скрылась. Ножки часто затопали в глубь квартиры.

— Папа, там какая-то тетя,— услышала она, войдя в прихожую.

Раздался шелест газеты, скрип дивана.

— Вам кого? — На пороге комнаты появился муж.

— Простите, видно, ошиблась адресом.— Она скинула мокрые туфли и с удовольствием ступила в тапочки.

— Ну, ты даешь! Не мудрено, что ребенок не узнал. Хоть бы предупредила, что пойдешь в парикмахерскую. Я уже волноваться начал.— Он принял сумку.— Сынок, это же мама. Пойдем посмотрим, что вкусенького она принесла.

Сын выглянул из-за отца.

— У мамы голова не такая...

— Теперь будет такая.— Она взяла ребенка на руки и подошла к зеркалу.— Неужели не нравится? По-моему, хорошо...

— Здорово! — Отец и сын ответили одновременно.

Она обернулась и перехватила восхищенный взгляд мужа. Как давно не видела ничего подобного...

Стол в комнате был накрыт, ваза в центре едва вмещала огромный букет ее любимых астр. Играл светом хрусталь двух бокалов. Чудеса продолжались!

— По какому поводу гуляем? — Она вопросительно посмотрела на мужа.

— Дожила! — протянул он в ответ.— Вспоминай! Я-то решил, что ты и прическу по этому случаю...

Она вспомнила. Сегодня исполнилось ровно десять лет со дня их знакомства.

Было далеко за полночь. Сын давно посапывал в своей кроватке за стенкой, а они все сидели за столом, пили шампанское, вспоминали, смеялись... Неожиданно он поднялся.

— Совсем забыл, у меня для тебя подарок! — И вышел.

Вернулся через минуту, увлек ее под лампу и разжал ладонь.

— Примерь!

Изящной работы золотая цепочка и на ней медальон. Тонкий профиль гордой амазонки.

— Старинная вещь, но я обомлел, когда увидел — вылитая ты!

— Спасибо, милый...

Ее рука непроизвольно погладила его затылок...

Осенний дождь чертил по стеклу, а в их доме было тепло и уютно...

Дрелестъ

еобычайного

СЛАВОМИР КЕНДЗЕРСКИ
(Варшава)

ВАЛЕРИЙ РОДИКОВ
(Москва)

АЛЕКСАНДР КАШИРИН
(Москва)

**НЕ ЧИТАЙТЕ В СУМЕРКАХ,
ИЛИ
РАССКАЗ О ПОЛЬСКИХ ПРИЗРАКАХ***

Во время встречи с делегацией ВТО МПФ в Варшаве мы обсуждали некоторые организационные вопросы совместного участия в предстоящей международной конференции писателей-фантастов. И, так как деталей всегда оказывается больше, чем можно было ожидать, из стен редакции журнала «Фантастика» разговор переключался на улицы весенней столицы.

Древние стены «Старувки» придавали особое очарование разговору — конференция должна состояться в старинном замке над Вислой, в Баранове.

В какой-то момент я в шутку сказал, что прежде всего надо приручить местные привидения, чтобы не мешали работать, ведь и разговоры, наверное, будут длиться далеко за полночь. Все дружно посмеялись, кто-то спросил, много ли в Польше призраков, и как-то неожиданно мне предложили написать об этом.

Я взялся за литературу по данному предмету — и удивился. Конечно, у нас в Польше нет такого количества призраков, как, например, в Великобритании, где приличный дворец или замок не обходится без хотя бы одного привидения. Можно даже сказать, что количество и качество призраков в этой стране служит доказательством старины и престижа семьи. «Мое привидение свидетельствует за меня!»

Надо сказать, что англичане довольно серьезно подходят к этой теме.

Издаются путеводители по «ghost-infested places**», описания различных встреч с потусторонними силами, причем выдержаны они в строгом научном, отнюдь не сенсационно-литературном стиле. Надо подчеркнуть, что

* Перевод с польского Ирины Игнатьевой.

** Местам обитания привидений; букв.: местам, наводненным, кишашим привидениями (англ.)

иногда это очень интересные работы с великолепно разработанным историческим фоном и поражающим количеством любопытных рассказов очевидцев. Прекрасным примером служит книга «Призраки Тауэра», где описано так много привидений, что их хватило бы на средней величины страну.

Конечно, здесь полякам не сравниться с англичанами, но, надеюсь, и лицом в грязь не ударим — нам тоже есть чем похвастаться. Пусть польские призраки не так многочисленны, но если описать их всех, то получится довольно внушительная книга. Поэтому я решил ограничиться небольшой группой привидений и, кроме того, воспользоваться чрезвычайно удобной криминалистической формулой (после некоторой ее модификации для литературных целей). Посему я не просто брошу в читателя пригоршню «ужасных рассказов», а постараюсь ответить на его вопросы: Кто? Где? Как? Когда? Почему?

Итак, начинаем!

КТО? (ИЛИ ЧТО?)

Читая многочисленные описания встреч с привидениями, трудно не обратить внимание на такой факт: чуть ли не половина всех призраков — представительницы, если можно так выразиться, женского пола. Дамы в одеждах XVII—XVIII веков в изобилии «водятся» в самых разных дворцах, замках, старинных домах.

Иногда ясность видения совершенно поразительна. В Тюркском апартаменте дворца в Ланьцуте одна из туристок увидела лежащую на софе даму в старинном платье. В это время в Ланьцуте снимался исторический фильм, и туристка хотела заговорить с актрисой, облаченной в изысканный театральный наряд. Но дама в напудренном парике не стала отвечать на вопросы, а... исчезла.

Интересно, что одеяния призрачных дам чаще всего четко определенного цвета. Подавляющее большинство предпочитает белый, причем, как ни странно, вне всякой связи с общепринятой символикой этого цвета как воплощения безгрешности, невинности, чистоты души и плоти. В белый цвет облачаются одинаково охотно как отпетые преступницы из тех, с кем я бы не хотел встретиться при их жизни, так и жертвы различных злодеяний, трагических случаев. Обожают его особы и нравственно нейтральные.

Но мне кажется, что пристрастие к белому цвету можно легко объяснить. Так как ночь — самое любимое время призраков, то в качестве рабочего цвета удобен именно белый. Он так хорошо смотрится на фоне старинных стен, звездного неба, видно издали! И верно, что проку в привидении, особенно женского пола, которое никто не замечает? Ему просто было бы обидно!

Второй цвет, охотно употребляемый дамами-привидениями, — черный. Но справедливости ради надо отметить, что «черных дам» раза в два меньше, а дам «голубых», «желтых» или других цветов и вовсе единицы. И, будто в подтверждение моей гипотезы о «рабочем цвете», все они являются или в хорошо освещенных местах (случаи в Кельцах, Яновце, Ланьцуте, Неборове), или днем.

Бывают эпизоды, когда цвет вообще не имеет значения и привидения облачаются в одежду, типичную для какого-то исторического периода. В Уневе они предпочитают гардероб XIX века, в Тучне и Оджиконе — средних веков.

Привидения-мужчины отдают предпочтение одеждам, свидетельствующим об их военной профессии. Самой многочисленной группой являются всевозможные рыцари, как пешие, так и конные. Некоторые из них весьма живописны (я бы даже сказал, что они намного интереснее женских призраков, в отличие от реальной жизни). На замковой стене в Хойнике, недалеко от Зеленой Гуры, встречали конного рыцаря в латах, по стенам замка в Кжыжтопоре проезжает хусяж — тяжеловооруженный всадник с характерными «крыльями» за спиной. В XVII веке хусяжи составляли главную ударную силу польской кавалерии. Но всем им сто очков вперед дает рыцарь в Гродзьце. Напоминает он самые лучшие западноевропейские готические привидения. Это скелет, одетый в полные доспехи и в ниспадающий до земли пурпурный плащ. Он крайне подвижен, если только можно так сказать о привидении, — его видели и слышали и на замковой стене, и на башне, и в комнатах. Все, кто имел сомнительное счастье повстречать «Красного упыря из Гродзьца», подчеркивают потрясающее впечатление от такой встречи. И неудивительно.

Кроме рыцарей, довольно многочисленную группу составляют всевозможные всадники в штатском — с головами и без оных. Они имеют обыкновение носиться по лесам и лугам, иногда даже днем, не оставляя следов,

или являться в своих бывших усадьбах и дворцовых садах.

Встречаются среди привидений и духовные лица. Можно упомянуть и монаха из Загужа, и кардинала из Неборова, и комтура из Бытова (комтур — это высокий чин военного ордена крестоносцев, своеобразное соединение в одном лице монаха и рыцаря).

Вообще, как я уже сказал, мужские привидения намного разнообразнее и живописнее женских. Кроме упомянутых групп, в которых есть нечто общее, встречаются и шут в «служебной» одежде, и охотник, и карлик, и алхимик, и мужчины в одежде начала XIX века, и даже студент Академии Сташицы (высшей школы горного дела) в положенной по уставу форме.

Привидениями становятся не только люди, но и звери, а то и вовсе неодушевленные предметы. Кроме того, отмечены случаи, когда решительно ничего и никого не видно, зато слышны звуки явно потустороннего характера.

Среди привидений-зверей чаще других встречаются лошади (без всадников), вороны, белые, неопределенного цвета. А вот в замке в Огорозеньце и его окрестностях уже двести лет бегает огромная черная собака с длинной цепью на шее, в Яновце — черный баран. По-видимому, привидения-звери вообще предпочитают черный цвет.

Порой очевидцам встречаются, как я упомянул выше, и неодушевленные предметы: черная карета или аморфные массы (Баранув), удушливый туман (замок в Шидловце), несмываемое пятно на стене (тоже Баранув), звуковые или звукосветовые явления: стоны, топот лошадей, бряцание цепей, тархтение бочки, — иногда сопровождаемые блуждающими огнями, ударами ветра, резким понижением температуры.

Но, вне всякого сомнения, наиболее интересным и впечатляющим событием становится появление сразу целой группы призраков, а такие случаи тоже бывают.

Вот, например, в Рыдзыне стоит замок князей Сулковских. До того как он был сожжен и частично разрушен в начале 1945 года, в ночь с первого на второе ноября там являлась молодая женщина в белом. Она приходила в замковую часовню, и одновременно, под звук колокольчика, из противоположной двери навстречу ей выходил скелет в траурной ризе, а вместе с ним двое служителей в темных перелинах. Священник-призрак со своими двумя помощниками служил мессу. Женщина в белом слушала. Когда же призрак священника отступал от алтаря, дама

вставала с колен, подбегала к нему с протянутыми в немой мольбе руками, но ксендз-призрак отстранял ее, говоря, что время покаяния еще не наступило.

Теперь замок в Рыдзыне на реконструкции. Как знать, может быть, в обновленный замок вернутся и его привидения?

ГДЕ?

Наверное, кто-то думает, что привидение можно встретить только в каком-то особенном месте? Это вовсе не так. Мне пришлось выслушать не один рассказ достоверных свидетелей о встречах с потусторонними явлениями в многоэтажных современных зданиях, наперекор распространенному мнению о «привязанности нежити к старинным постройкам».

Если бы заняться этим делом скрупулезно, по-английски, то нашлось бы немало интересного материала о призраках, облюбовавших больницы, библиотеки, вокзалы, не говоря уже о местах сражений. Особую группу представляют многочисленные рассказы о «призраках гор» — странных явлениях, роковых предметах, духах погибших альпинистов. К сожалению, в большинстве случаев документально они не оформлены, маловато «перекрестных свидетельств», но в подавляющем большинстве своем посещаемые духами места были связаны с какими-то трагическими случаями, происшествиями и пр. Иначе говоря, как всегда оказывается, что дыма без огня нет, и любому явлению призраков можно найти в какой-то степени достоверное объяснение.

Но мне как автору не хочется отвлекаться от первоначального желания представить в этой статье только группу призраков, так сказать, исторических, связанных с прошлым Польши. О них написано немало. Места «выступлений» призраков иногда очень живописны и охотно посещаемы туристами, и они связаны чаще всего с историческими, иногда весьма известными персонажами.

Конечно же, все эти призраки облюбовали старинные здания — дворцы, замки, усадьбы и «действуют» по месту своего прижизненного жительства, зачастую не обращая внимания на аварийное состояние некоторых строений. Правда, необходимо сказать, что, хотя в Польше старинных костелов много больше, чем замков и дворцов, случаи потусторонних явлений в костелах исключительно редки. Конечно это нетрудно объяснить, ведь характер

этих мест сам по себе препятствует обитанию в них в какой-то степени «нечистых сил».

Но бывают исключения — тем более, что не все привидения являются «нечистыми», а их действия не всегда только наказание своего рода, но и предостережение, назидание. Примером может служить призрак монаха, являющийся иногда в развалинах монастыря в Загуже близ Санока, но именно в развалинах, а не в самом действующем монастыре. А назидательный характер своеобразного «спектакля» призраков в Рыдыне несомнен.

Если попытаться определить географию потусторонних явлений исторического типа, то нетрудно заметить, что посещаемые духами места будто охватывают Польшу с трех сторон — севера, запада и юга с характерным выступом в районе Краковско-Ченстоховской возвышенности. Объяснить это просто. На севере и западе находятся замки, построенные и польскими князьями из династии Пястов, и орденом крестоносцев, и брандербургскими маркграфами, и раубриттерами, а юг — места до перемещения политического центра страны из Кракова в Варшаву — буквально усыпан резиденциями магнатов и разными оборонительными сооружениями, в их числе знаменитый Путь Орлиных Гнезд — пояс замков на вышеупомянутом выступе Краковско-Ченстоховской возвышенности. Конечно же, призраки обитают и в центре Польши, но в гораздо меньших количествах.

Как правило, большинство встреч с привидениями происходит в зданиях, развалинах или их непосредственной близости. «Исторические» привидения как будто оставляют вольные просторы лугов, лесов и болот еще более древним существам: лешим, кикиморам, водяным. О них — особый сказ, но мне бы хотелось упомянуть здесь о Боруте. Он обитает в замке в Ленчице (на севере от Лодзи) и представляет собой что-то среднее между обыкновенным лешим и призраком. Является он чаще всего в контуше польского шляхтича и, как говорят, не очень вредит людям. Наоборот, это очень компанейское существо и даже, в каком-то смысле, патриот. Рассказывают, что в сентябре 1939 года он в форме польского улана сражался под Бзурой, помогал польским солдатам, проводил их по секретным тропам сквозь непроходимые болота, а гитлеровцев заманивал в топь.

Но все же некоторые призраки предпочитают открытые пространства уединенным старинным апартаментам. Так, в лесах у села Данкув, что недалеко от Ченстоховы,

женщины, собиравшие хворост, летним днем встретили всадника в меховой шубе и рейтарских сапогах. Удивительный всадник расстаял в воздухе, не оставив следов на песке.

На полпути между деревнями Крушина и Боровно, тоже у Ченхстовы, стоит таинственный старинный обелиск. Лошади боятся этого места, да и любому храбрцу становится не по себе, если доведется ему услышать раздающийся здесь ночью жалобный плач.

В окрестных лесах некоторые видели странного всадника в развевающейся пелерине. А на узкой дороге, что пробирается сквозь буковый лес к замку Липовец, появляется иногда черная карета, запряженная шестью воронами. Появление ее всегда предвещает внезапный удар ледящего ветра.

В Унеёве, над рекой Вартой, в живописном саду прогуливается хрупкая дама в длинном платье 40-х годов XIX века и широкополой шляпе с вуалью.

И наконец в Решле, недалеко от Кентжина, у готического моста XIV века над рекой Сайна, видели блуждающие огни, сопровождаемые стонами и плачем. Случались там и необъяснимые дорожные катастрофы, что нетипично, так как все остальные привидения вообще не вредят людям.

Надо сказать, что в большинстве своем призраки работают по принципу «Один объект — один призрак». Но, как уже могли заметить читатели, бывают и исключения. Явление группы призраков в Рыдзыне стоит здесь особняком, но есть и другие места, перенаселенные призраками, если можно так сказать. Там привидения «выступают» попарно или посменно. Так, в Баранове, который стал первопричиной этого очерка, можно встретить и вороную лошадь и черного призрака. А на случившемся там страшном пожаре 24 сентября 1849 года, где погибла огромная коллекция произведений искусства, собранная семейством Красицких, тоже погрела руки нечистая сила.

В Тучне видели призрачную пару влюбленных, в Ланьцуте — «Голубую даму» и призрак Станислава Стадницкого — «Ланьцутского дьявола».

В Вилянове проживает одетый в темное пальто и цилиндр призрак Станислава Костки-Потоцкого и привидение дамы в черном кринолине — Изабеллы Любомирской; в Неборове — призрак кардинала Радзеевского и Анны Ожельской и, наконец, в замке Голюб-Добжинь слышны

стоны замученных крестоносцами узников и блуждает «Белая дама» — призрак Анны Ваза.

КАК И КОМУ ЯВЛЯЮТСЯ ПРИВИДЕНИЯ?

Я решил ответить сразу на оба этих вопроса, так как, по-моему, они тесно связаны между собой.

С некоторым удивлением обнаруживается, что о своих многократных встречах с потусторонними явлениями абсолютно серьезно рассказывают люди, так сказать, «вне подозрений», не склонные ни к истерии, ни к розыгрышам. Очень часто показания свидетелей полностью друг друга подтверждают в мельчайших деталях. Встречаются и вполне материальные последствия действия нематериальных сил.

Никого, кто имел дело с призраками, не удивит, что довольно большую часть свидетелей составляют люди, по роду службы тесно связанные со старинными зданиями: музейные смотрители или работники расположенных в древних замках турбаз.

Так, работники турбазы в замке Хойник рассказывают, что летними ясными ночами, особенно в полнолуние, заливающий замковый двор лунный свет меркнет и становится видна передвигающаяся по замковой стене, будто сотканная из тумана или дыма, фигура. Очертания ее напоминают всадника. Довольно много людей слышали и цокот копыт по булыжной мостовой и шаги невидимки на лестницах...

Весьма бурную деятельность развивает уже упомянутый мною «Красный упырь из Гродзца» — живописный скелет в доспехах и длинном пурпурном плаще. О нем рассказывали легенды еще в средние века. Однажды, говорят, явился он во время пира строгому кастеляну Яну, и тот, потрясенный, освободил всех узников, роздал все свое достояние нищим и всю остальную жизнь провел в постах, молитвах и благотворительности.

В начале нашего века упырь смертельно напугал строителей-реставраторов. Затем польские переселенцы видели отблески своих костров на его латах, а совсем недавно встретился с ним и хранитель замкового музея.

Он рассказывает, что однажды ночью, во сне, увидел знакомые до мельчайших деталей комнаты замка, а в них какую-то тень, которая вдруг превратилась в упомянутую фигуру рыцаря в латах и в плаще цвета крови. Привидение вошло в так называемую «рыцарскую комнату», по-

дошло к стене с пейзажем замковой горы, подняло руку в железной перчатке... и хранителя разбудил звон бьющегося стекла. Он побежал в рыцарский зал и все время, пока от волнения не мог зажечь свет, слышал удаляющуюся тяжелую, бряцающую поступь... Когда же выключатель наконец нашелся, хранитель увидел пейзаж с растрескавшимся стеклом на полу, а дубовая, окованная железом дверь в противоположном конце зала оказалась открытой. Хранитель же клянется, что собственноручно запер ее накануне.

Во Дворце епископов в Кельцах сотрудники музея встречают «Черную даму», чей портрет висит в одном из залов, и студента Академии Сташица. Рассказывают о своих встречах с привидениями музейные работники из замков в Нидзице, Курнике, Ланьцуте, дворце в Вильянове. Но все же одними из самых впечатляющих остаются рассказы из дворца в Неборове. Там, в восьмидесяти километрах от Варшавы, в прекрасном дворце, построенном по приказу кардинала Радзеёвского, случаются странные дела. На втором этаже, в библиотеке, вся обстановка сохранилась в неприкосновенности со времен кардинала. Там же висит огромной величины портрет самого Радзеёвского. Художник изобразил его сидящим в одном из кресел этой же библиотеки. Правой рукой кардинал будто бы тянется за серебряным колокольчиком на столике.

И вот звон этого-то колокольчика и слышали много раз работники музея или люди, которые занимались в библиотеке, в том числе и знаменитый искусствовед, директор Национального Музея, профессор Станислав Лоренц. Однажды, допоздна засидевшись в библиотеке, он услышал, как через соседние комнаты приближается звук колокольчика. Одновременно над его головой начала раскачиваться громадная хрустальная люстра. Профессор глянул на часы, увидел, что близится полночь, и благоразумно отправился в свою комнату спать.

Но самая потрясающая история случилось летней ночью 1973 года.

Все помещения были закрыты, пломбы наложены, сторож, как всегда, сидел в дежурке, как вдруг из библиотеки раздался страшный грохот. Сторож бросился вверх, открыл дверь и зажег свет. Верхняя часть гигантских напольных часов была сброшена, а кресло на портрете пусто. Сторож кинулся за помощью, позвал коллегу, главного хранителя. Когда они все вместе вновь вошли в ком-

нату, кардинал Радзеёвски по-прежнему смотрел на них с картины, но надстройка часов действительно лежала на полу. Для ясности надо пояснить, что часы были прикреплены к стене, а надстройку весом более восьмидесяти килограммов обыкновенно ставили на место и снимали двое крепких мужчин. А сторож утверждал, что, когда зажег свет, увидел в углу библиотеки высокого мужчину в пурпурной сутане и камилавке.

Но не только кардинал Радзеёвски посещает дворец. В один зимний вечер 1966 года сотрудник музея, работавший во дворце еще при Радзивиллах, топил печи на третьем этаже. Неизвестно откуда выбежала в коридор маленькая, странной породы собачка. Пан Ян (так звали сотрудника) удивился, так как собак во дворец не пускали, но протянул руку и стал звать собаку к себе. Внезапно дверь красного салона отворилась и в ней, как в раме, встала высокая, красивая женщина в темном кринолине. Собачка подбежала к ней, и женщина начала бесшумно двигаться к пану Яну. Тот не выдержал — и сломя голову бросился вниз по лестнице.

«Я узнал ее, — говорил потом пан Ян. — Я не мог ошибиться, ведь во дворце работаю уже пятьдесят лет. Несомненно, это была Анна Ожельска (необыкновенной красоты дочь Августа II — короля Польши и Саксонии), портрет которой находится в Красном салоне. Еще во времена Радзивиллов говорили, что ее можно встретить на третьем этаже, но сам я ее увидел в первый раз».

Но, конечно же, у музейных работников нет монополии на необыкновенные встречи. Призраки довольно часто являются туристам, художникам, и это понятно, ведь они тоже часто бывают в местах, посещаемых привидениями. Много интересного могут рассказать и крестьяне, которые живут поблизости от старинных замков. О своей встрече с таинственным всадником недалеко от Крушины говорит медицинская сестра. Даже Анджей Бенеш, видный политический деятель, вице-маршал польского сейма, еще студентом юридического факультета встретился в Нидзце с «Белой дамой» — но это была семейная встреча, а почему семейная, об этом немного позже.

Попадаютя весьма любопытные очевидцы. Например, как-то раз пытался собственноручно поймать вороную лошадь возле барановского замка председатель сельскохозяйственного кооператива. Попытка успехом не увенчалась — вороной в одно мгновение как сквозь землю провалился.

Кто-то скажет, что председателям иногда мерещатся вещи похлеще призрачных черных коней. Ну а что они скажут о фининспекторах? Особенно прусских фининспекторах? А ведь именно прусские фининспекторы дважды в прошлом веке встречали в Лагове рыцаря-монаха ордена иоаннитов — точь-в-точь такого, как надгробная скульптура в костеле у замка. Один из очевидцев даже подал командующему крепостью Костжинь подробный рапорт об этом происшествии.

Вот такие дела. А если кому-то не нравятся свидетельские показания шестидесятилетней давности, про запас у польских привидений есть еще одна история. Например, такая.

В замке Суха Бескидзкая уже 260 лет появляется очередная «Белая дама» — призрак Анны-Констанции Любомирской. Ее визиты были столь часты, что все члены семьи графов Тарновских, живущие в замке, принимали их как нечто совершенно естественное. Еще в двадцатые и тридцатые годы нашего века хозяева любезно предупреждали гостей о возможной встрече с прапрабабушкой. Но немецких солдат, которые в конце 1939 года заняли замок, об этом, конечно же, никто не предупредил. Храбрые солдаты вермахта морозной декабрьской ночью жгли во внутреннем дворе замка книги бесценной библиотеки, и не было предела их ужасу, когда на галерее второго этажа появилась высокая женская фигура в длинном белом наряде явно старинного покроя. Солдаты открыли по даме в белом огонь из автоматов, но та, не обращая внимания на пули, прошла галерею и... расстаяла в воздухе. Немцы в ужасе бежали из замка.

Выстрелы по привидениям раздавались и после войны, но уже в другом замке — в Дембно, недалеко от Тарнова. В то время в замке был милицейский участок, а стрелял дежурный милиционер в расположенную напротив дверь, пока не кончился диск ППШ. В свое оправдание он сказал коменданту участка, что открыл огонь по неизвестному лицу в старинной одежде, проникшему в помещение через закрытую дверь... В настоящее время бывший милиционер ни с кем разговаривать о той памятной ночи не желает, а его тогдашний коллега по участку рассказывает, что очень часто в комнате, где находилась дежурка, был слышен вой ветра, даже если двери плотно закрыты, а воздух неподвижен, ящики столов имели обыкновение выдвигаться сами по себе, иногда раздавались странные стоны и крики. Однажды же ночью

он сам видел низенького незнакомца, одетого «как в театре», который пересек комнату... и пропал за дверью, запертой на ключ. Тут рассказчик неизменно объясняет, что если бы только успел выхватить автомат, несомненно, тоже бы «врезал».

Какое тут можно сделать заключение? Оказывается, странные встречи с духами и призраками бывали у самых разных людей, независимо от их образования, профессии, состояния нервной системы. Среди них попадались скептики — и, наоборот, люди, которые случившееся воспринимали как что-то нормальное.

Показания очевидцев имеют разброс по времени, их можно встретить вкрапленными в ткань старинных легенд, в рассказах девятнадцатого века, в современных свидетельствах, так что образуется своеобразная временная цепь. А самое интересное, что очень часто очевидцы говорят, будто заранее ничего о необыкновенных явлениях в этом месте они не знали.

КОГДА?

Здесь все довольно просто.

Подавляющее большинство потусторонних явлений происходит, как полагается, ночью, хотя и не всем призракам хватает терпения дожидаться законной полуночи. В общем, можно сказать, что встречи чаще всего случаются глубокой ночью, но некоторым привидениям вполне достаточно для «выхода в свет» полутьмы или сумерек. Есть духи, совсем отбившиеся от рук. Они пугают людей среди бела дня, как дама из Ланьцута, или даже в полдень, как всадник из Данкова.

ПОЧЕМУ?

И вот, наконец, самый главный вопрос.

Все эти явления не так уж необоснованны, как иногда кажется. Конечно, в зависимости от мировоззрения человека возможны различные интерпретации.

Человек верующий скажет о наказании за грехи и назиdании всем прочим. Другой объяснит это воздействием психического поля, которое будто бы остается в месте особенного накала страстей. Можно здесь найти объяснение фольклорно-исторического характера и связать все эти приключения с потусторонними силами, с влиянием преданий, сказок и исторических происшествий. Самые

трезвомыслящие говорят, что вообще все это — вздор, что необычность обстановки и древние стены внушают романтические бредни, а призраки — и не призраки вовсе, а простая игра воображения.

Давайте, пожалуйста, последнюю интерпретацию исключим, так как в этом случае мне просто не о чем будет писать. А вот три первые версии словно накладываются, взаимно дополняя и обогащая друг друга.

И верно, все эти явления очень четко связываются с действительными, конкретными случаями, персонажами, страстями, как положительными, так и отрицательными. Были и грехи, и смерть без покаяния, безвинно убиенные и невероятная жестокость, великая любовь и ненависть.

Иногда это просто любовь к месту. Любил свой дворец в Неборове кардинал Радзеёвски. Гордилась своим прекрасным садом со множеством редчайших декоративных деревьев и кустарников жена русского генерала Толля — и посещает его до сих пор. Очень тесно связаны с королевским дворцом в Вилянове и княжна Изабелла Любомирска, и князь Станислав Костка-Потоцки, который в конце XVIII — начале XIX века владел дворцом, а в 1805 году открыл виляновские коллекции произведений искусства «для народного пользования и просвещения», и в своем завещании приказал потомкам блюсти его волю.

Иногда причины этих многовековых посещений бывают очень романтическими. В замке на Тучне, в начале XIV века, молодая жена старого кастеляна Веделя-Тучинского полюбила молодого сокольника. Влюбленные встречались в башне, где женщина для камуфляжа приказала поставить прятку. Но однажды на охоте произошла трагедия — молодая женщина целилась из арбалета в скрытую камышом дичь, но стрела, по роковой случайности, попала в ее любовника. Вечером молодой человек скончался. Несколькими днями позже женщину нашли бездыханной на полу комнаты с пряткой. И началось... В башен слышен иногда стук прятки, например, слышал его реставратор, после войны работавший в замке. Некоторые видели молодого человека в зеленом охотничьем костюме и с соколом на руке, а возле него молодую девушку в длинном белом платье.

В замке Дембно, том самом, где милиционер стрелял по призраку, произошла не менее трагическая история. Дочь одного из Тарлов, еще в колыбели обрученная отцом со Спытком из Мелштына (это в восьмидесяти кило-

метрах от Дембно), в пятнадцать лет влюбилась в одного из слуг. Троекратно в замковой часовне поклялась она в любви к своему избраннику и, когда отец объявил, что настала пора венчаться со Спытком, призналась ему во всем. Ярость отца была беспредельна. Юноша был предан мучительной смерти, а девушку в свадебном платье непреклонный во гневе родитель повелел замуровать живьем в юго-западной башне замка. Несколько лет назад, когда во время реставрации сняли штукатурку в комнате, граничащей с этой башней, то под толстой кладкой открылось таинственное углубление в стене размером около двух метров в ширину. Углубление находилось на уровне бывшего пола.

А вот жена одного из Кмитов глубоко любила мужа. Когда же, вскоре после свадьбы, Кмита отправился на войну и погиб, она дала обет до конца дней своих оставаться верной памяти мужа и не снимать никогда вдовьих одежд. Осталась она верна обету и после смерти. В 1702 году вдова явилась на балу, прошла сквозь балльную залу, спустилась во двор, пересекла его и... исчезла. Когда смертельно напуганные гости выбежали туда, их изумленным взорам не удалось найти никаких следов на свежем снегу. Перед войной ее встретил житель Леска — слесарь, позванный в замок наладить засовы дверей на втором этаже. В какой-то момент обернулся и увидел высокую женщину в черном платье, с закрытым вуалью лицом. Сначала он подумал, что это кто-то из замковых гостей, но когда дама развеялась в воздухе, понял, кого он видел.

Но бывают случаи противоположные. Вот, например, Маргерита из Гродно, обвенчанная со старым и нелюбимым мужем, пригласила его на прогулку по замковой стене и — столкнула в пропасть. К сожалению, все это видел отец Маргериты, и ей не удалось выдать преступление за несчастный случай. Маргериту по приказанию отца замуровали в подвале замка. И теперь иногда, в полночь, ясной лунной ночью, на башне замка появляется женщина в белом, идет медленно по стене и, дойдя до определенного места, под вой ветра бросается вниз.

Бывают и призраки жертв преступлений. В Нидзице бродит «Белая дама», а вот ее история. В XVIII веке Себастиан Берзевицы отправился в южную Америку. В Перу он женился на инкской принцессе и от этого брака родилась его дочь Умина. Впоследствии она вышла замуж за юношу королевской крови, которого звали Ту-

пак Амару. После подавления испанцами восстания инков, в 1779 году, Берзевицы с зятем и дочерью (жена умерла во время родов), бежал из Перу, опасаясь мести испанцев. С собой они взяли клад — часть королевских сокровищ инков. Но руки испанцев оказались длинными, и в 1788 году в Венеции ударом стилета был убит молодой Тупак Амару. Себастиан и Умина с младенцем — сыном, получившим имя по отцу, — бежали в Польшу. Но и это не спасло Умину — удар стилета настиг ее в замке, у входа в часовню. Убийцу так никогда и не нашли, но с тех пор именно в этом месте является призрак. Чтобы спасти от рук убийц молодого Тупак Амару, его по просьбе Себастиана усыновили Вацлав и Анна Бенеш. Мальчика стали звать Анотоним Бенеш. В час своей смерти он передал семейные документы сыновьям, но подчеркнул, что большого интереса проявлять к ним нельзя, иначе с любопытным может случиться большое несчастье. И только в 1946 году упомянутый уже мною Анджей Бенеш, тот самый, что встретил однажды «Белую даму», прочел документы и узнал тайну усыновления. Узнал он и о существовании клада инков. С официальной комиссией прибыл в Нидзицу, и там, под порогом верхнего замка, нашел свинцовую трубу, запаянную с обеих концов. В трубе оказались три ремня с особыми узлами — кипу, что когда-то использовались инками вместо письменности. На концах ремней были прикреплены золотые пластинки с надписями: «Виго», «Титикака» и «Дунаец» (Дунаец — название реки, протекающей внизу, у подножия замковой горы). Все эти сведения были оформлены официальным протоколом, но клада пока не нашли и, может быть, уже не найдут никогда — на Дунайце подходит к концу строительство водохранилища. Ремни с кипу отправили на экспертизу в Перу, но Анджей Бенеш уже не сможет узнать, что там написано, — несколько лет назад он погиб в автомобильной катастрофе. Что касается «Белой дамы», то, говорят, ее можно встретить и в наши дни.

Не находят покоя различные злодеи, как например, раубриттеры — рыцари-грабители из замков Хойник или Гродзец, фальшивомонетчики — в Живце, поджигатели — в Крушине. Такая же судьба досталась многим людям, известным своей жестокостью, например, кастеляну Вершицки из Данкова, о поместье которого говорили, мол, построено оно на человеческом поте и крови. Кроме того, Вершицки содержал в своем замке в Огороденьце личного палача и замучил там множество людей, в том

числе собственную жену. Согласно преданиям, Вершички не умер, а был еще при жизни низвергнут в ад, и не спасло душу его ни то, что был он несомненным патриотом и храбро сражался во время шведского нашествия в XVII веке, ни то, что защищал Ченстохову, никогда не изменив королю Яну Казимежу, ни то, что большую часть своего огромного состояния он отдал на борьбу с захватчиками. За свои нечеловеческие поступки, в назидание потомкам, является он в полдень у своего бывшего поместья: то как всадник в меховой шубе и рейтарских ботфортах, то пешком в шляхетском контуше. Кроме того, у замка в Огродзеньце часто видят громадную черную собаку с длинной цепью, и можно не сомневаться, что это именно он, ведь общеизвестно, что жестокие люди превращаются после смерти именно в таких собак.

В наказание за свою жестокость блуждают по земле Анна-Констанция в Сухой Бескидзкой, Станислав Стадницки в Ланьцуте и Дубецке, Миколай Налэнч-Хвалович из Венеции. Эти два последних за свой необузданный нрав были прозваны дьяволами ланьцутским и венецким еще при жизни и стали в Польше притчей во языцех.

Не заслужил вечного покоя и комтур в Бытове, который в лунную ночь, облаченный в доспехи и белый плащ с черным крестом (традиционную одежду монаха-рыцаря немецкого ордена Девы Марии — крестоносцев-тевтонов), спускается с крыльца, пересекает двор и пропадает в Пытошной башне, где по его приказу и в его присутствии некогда были замучены сотни людей.

Не легче участь предателей родины. В Ольштыне, недалеко от Ченстоховы, на замковой стене, зимой, в полнолуние, является призрак Мацка Борковича, который был осужден на голодную смерть в башне ольштинского замка за вооруженный мятеж и предательство.

Намного сложнее оценка Спытка из Мельштына. Прославленный рыцарь, очень образованный, широкого ума человек, он был одним из выдающихся польских гуситов. Он не соглашался с политикой епископа Олесьницкого, первого советника малолетнего короля Владислава III. Епископ грозил еретику анафемой, страсти накалялись, и, в конце-концов, Спытек провозгласил «конфедерацию» и поднял вооруженный бунт против епископа. Бунт окончился сражением, в котором войско Спытка было разбито наголову, а самого его, тяжелораненного, нашли на поле брани, немедленно осудили за измену и казнили. С того дня очень часто по ночам у замка в Мельштыне видят

всадника — то в латах, с флагом на древке копья, то в развеваемом плаще. Иногда бывает и так, что ничего не видно, лишь слышен глубокой ночью по дороге в мельштынский замок топот невидимого конного отряда. И как знать, может, нет душе его покоя именно из-за соседской дочери, замурованной заживо за то лишь, что не сумела его полюбить? Так что благие намерения, а такие у Спытка, несомненно, были иногда, не в счет.

А в развалинах монастыря в Загуже, недалеко от Санока, сгоревшего дотла 16 июня 1822 года, довольно часто среди бела дня встречаются темную, немного размытую фигуру монаха или нечто вроде тумана, приглушающего солнечный свет. Говорят это призрак погибшего в огне отца-настоятеля монастыря. Именно настоятель Негож Нечуя, бывший наполеоновский солдат, видя, что монахи ведут себя не самым подобающим образом и не обращают внимания на его упреки и приказы, отчаявшись, бросил горящий факел в монастырский амбар, а сам погиб в огне. Похоронили его под полом сгоревшего костела.

Но существует и другая версия. Будто монастырь был подожжен не настоятелем, а австрийским солдатом, действовавшим по приказу правительства, (земли, где расположен монастырь, после разделов Польши и конгресса в Вене в то время принадлежали Австро-Венгерской империи). Почему австрийцы так круто обошлись с монастырем? А по той причине, что монастырь был очагом освободительного движения, и в его стенах находили убежище поляки-дезертиры из австрийской армии и политические эmissары.

Бывают случаи, когда потусторонние явления связываются с преданиями о жестокости и несправедливости правосудия. Стоны и блуждающие огни нашли себе место в Решле, там, где 21 августа 1811 года, по приговору прусского суда, сожгли на костре обвиненную в колдовстве Барбару Здунк. Ее чарам приписывали жестокий пожар 1807 года, в котором сгорел решельский замок и часть города. Но, как утверждают историки, причины пожара были совсем иными — произошел он во время бунта политических заключенных, что сидели под стражей в замке. После разгрома охраны бывшие узники перешли границу и присоединились к польским отрядам генералов Домбровского и Заенчка. Конечно же, такая правда прусским властям была невыгодна, и потому нашли они козла отпущения в лице несчастной женщины. И наверное, нет ничего странного в том, что жертва посещает место своей страшной и безвинной казни.

Общеизвестно: самоубийство является самым тяжелым грехом, поэтому не стоит удивляться, что именно призраки самоубийц встречаются едва не чаще прочих. Так, в Рычове, у Освенцима, в конце прошлого века жил барон Блажевски, но пристрастившийся к алкоголю и азартным играм. Очень быстро состояние стало таять, появились долги, и осажденный кредиторами барон решил свести счеты с жизнью с помощью пистолета. И, конечно же, этим делом не кончилось: с того памятного дня многим стал попадаться одетый в сюртук всадник.

В Баранове, во дворце замка, довольно часто появляется призрачная фигура в черном. Она пересекает весь двор и попадает в галерею. Возникает она всегда в одном и том же месте, у входа в северо-восточную башню, где примерно двести лет назад двое братьев Красицких по неизвестным причинам покончили жизнь самоубийством. И до последней реставрации на стене башни в роковом месте всякий мог увидеть всегда влажное пятно.

Напоследок скажем о посещающих место своей безвременной смерти жертвах трагических случаев. Самый яркий пример — это уже знакомый читателю студент из дворца епископов в Кельцах. В этом здании, в его северной части, в конце XVIII — начале XIX века находилась Высшая школа горного дела, так называемая Академия Сташицы. И вот однажды один из юношей неосторожно подошел к пылающему камину. Его одежда вспыхнула, и молодой человек скончался от ожогов. А теперь именно в северной части дворца работники музея встречают юношу в темно-синем сюртуке с золотыми пуговицами и белых штанах в обтяжку (именно такой была в то время форма школы горного дела), который шагает по освещенным залам, и яркий свет ему не помеха...

Но, мне кажется, довольно уж примеров. И, может быть, с разрешения читателя, мы не будем во что бы то ни стало пытаться сделать из всего сказанного выводы, решая, правда ли все это, действительность или сказка. Пусть каждый думает о призраках что хочет. А что думаю я сам? Некоторая таинственность, особенно связанная с прошлым, историей, народными преданиями, всегда украшает и обогащает жизнь...

Ну, а говоря совсем откровенно, я все-таки старался не засиживаться над этим очерком допоздна. Кто знает!..

В очерке автором использованы материалы книг: Богна Верниховска и Мацей Козловски «Польские духи», Томаш Юраш «Тайны польских замков».

РАДИАЦИЯ И КОСМОС

Лет 50-60 тому назад любители фантастического чита, да и не только они, полагали, что наибольшая опасность для будущих звездолетчиков будет исходить со стороны разных чудовищ, похожих на тех, которыми заселил свои «марсианские» романы популярный в те годы фантаст Берроуз. С тех пор наши знания о космосе лавинообразно расширились, и сейчас ученые могут с уверенностью сказать, что главная опасность — это не фантастические монстры, а враг невидимый, но от этого отнюдь не менее страшный и коварный. Название ему — радиация.

С ней земляне познакомились в конце прошлого века, когда были открыты рентгеновские лучи и явление радиоактивности. Для многих рентгенологов и исследователей радиоактивности знакомство окончилось трагически — преждевременной смертью от рака. По крайней мере 336 человек, работавших с радиоактивными материалами в то время, умерли в результате облучения.

Радиоактивность и сопутствующие ей излучения существовали на Земле до зарождения на ней жизни и присутствовали в космосе до возникновения самой Земли. Ионизирующее излучение сопровождало и Большой взрыв, с которого, как полагают ученые, началось существование нашей Вселенной около 20 миллиардов лет назад. С того времени радиация постоянно наполняет космическое пространство. Звезды, в том числе и наше Солнце, являют собой огромные термоядерные бомбы, исторгающие радиацию. Земная магма, кипящая под нашими ногами, тоже источник радиации. Сама земная кора содержит радиоактивные скопления со времени рождения нашей планеты. Даже человек слегка радиоактивен, так как во всякой живой ткани присутствуют в ничтожных количествах радиоактивные вещества.

И никуда не деться от естественной радиации. Она повсюду. Например, многие из нас, сидя на гранитной скамейке, не подозревают, что гранит радиоактивен. Об-

лучается любой житель Земли, правда, в разных дозах, в зависимости от места, где он живет. В Бразилии, километрах в двухстах от Сан-Паулу, есть небольшая возвышенность. По каким-то причинам она оказалась необитаемой. Уровень радиации здесь превышает средний в 800 раз. Чуть меньший уровень зарегистрирован в 600-х километрах к востоку от возвышенности на курортном пляже городка Гуарапари. Есть подобная аномалия и в прибрежной полосе на юго-западе Индии. Песчаные пляжи там богаты торием. В Иране, вблизи городка Рамсер, бьют ключи, насыщенные радием. Уровень радиации в этом месте превышает средний почти в 1300 раз.

Человек облучается не только снаружи, но и изнутри: радиоактивные изотопы он получает вместе с пищей. Так, например, нуклиды свинца-210 и полония-210 концентрируются в рыбе и моллюсках, поэтому люди, потребляющие много рыбы и других даров моря, могут получить относительно высокие дозы облучения. Жители Крайнего Севера питаются мясом северного оленя (карибу), в котором оба упомянутых радиоактивных изотопа присутствуют в довольно высокой концентрации. Они попадают в организм оленей зимой, когда животные кормятся лишайником, в котором эти изотопы накапливаются. Дозы внутреннего облучения от полония-210 при этом могут в 35 раз превышать средний уровень. А в другом полушарии люди, живущие в Западной Австралии, в местах с повышенной концентрацией урана, получают дозы облучения, в 75 раз превосходящие средний уровень, поскольку едят мясо и требуху овец и кенгуру.

Но главным из естественных источников радиации, и это лишь недавно поняли ученые, является невидимый, не имеющий вкуса и запаха тяжелый газ радон, в 7,5 раз тяжелее воздуха.

В природе радон встречается в двух основных формах: в виде радона-222, члена радиоактивного ряда, образуемого продуктами распада урана-238, и в виде радона-220, члена радиоактивного ряда тория-232. Вообще говоря, большая часть облучения исходит из дочерних продуктов распада радона, а не от него самого.

Радон высвобождается из земной коры повсюду, но его концентрация в наружном воздухе существенно различается для разных точек земного шара. Как ни парадоксально это может показаться на первый взгляд, но больше всего человек облучается радоном в закрытом, непрветриваемом помещении. В зонах с умеренным кли-

матом концентрация радона в закрытых помещениях в среднем примерно в восемь раз выше, чем в наружном воздухе.

Просачиваясь через фундамент и пол из грунта или выделяясь из строительных материалов, газ накапливается в помещении. Если дом стоит на грунте с относительно повышенным содержанием радионуклидов и если при его постройке использовались материалы с повышенной радиоактивностью, то уровень радиации может оказаться довольно высоким. Особенно это относится к герметичным помещениям.

Экономные шведы для сокращения расходов на отопление увлеклись герметизацией своих жилищ. За экономию приходится расплачиваться повышенной долей облучения: концентрация радона в комнатах подскочила более чем в три раза. Положение усугубляется еще и тем, что шведы живут в основном в малоэтажных домах, а чем ближе к земле — источнику радона, тем больше его концентрация в помещении. В этом отношении живущие на первом этаже проигрывают своим более «высотным» соседям.

В некоторых районах Франции, Нигерии, Мадагаскара излучения радона, которым подвергается население, значительно превышает максимальные дозы, допустимые для работников атомных электростанций.

Радон вездесущ. Под землей он проникает в природный газ. Хотя после предварительной переработки газа большая часть радона улетучивается, тем не менее его концентрация в помещении может возрасти, если кухонные плиты и другие нагревательные приборы, в которых сжигается газ, не снабжены вытяжкой. Поэтому без особой на то надобности оставлять газовую горелку включенной не стоит.

Сейчас общественность многих стран, в том числе и нашей, обсуждает проблемы ядерной энергетики. Многие выступают против атомных электростанций. Их опасения понятны, проблем много: радиоактивные выбросы, катастрофические аварии, захоронение радиоактивных отходов АЭС и пустой породы урановых рудников. Но не надо забывать, что облака, извергаемые трубами тепловых электростанций, хоть и в малой степени, но радиоактивны, приводят к дополнительному облучению людей, а оседая на землю, частички золы могут вновь вернуться в воздух в виде пыли. Интересно, что к 1980 году суммарная доза облучения, полученная человечеством от эксплу-

атации тепловых электростанций, в четыре раза превышала дозу от АЭС и связанных с ней производственных циклов (таких как добыча топлива и переработка отходов).

А теперь поднимаемся с земли на небеса. Чем ближе к ним, тем выше уровень радиации. Дополнительно облучаются летчики, жители высокогорных селений. Но источник радиации уже другой. Она вызывается космическими лучами, рожденными в глубинах Вселенной, а иногда вспышками на солнце. Нашу землю, сравниваемую иногда с гигантским космическим кораблем, защищают от губительных космических лучей магнитное поле нашей планеты и ее атмосфера.

Магнитное поле отклоняет заряженные частицы. Преодолеть магнитный барьер удастся лишь самым энергичным гостям из космоса. Только к Северному и Южному полюсам прорываются и более спокойные их «коллеги». Поэтому в Арктике и Антарктике полярники купаются под более интенсивным космическим душем, нежели остальные жители планеты. Здоровье зимовщиков должно быть отменным. Радиация сразу же выявляет изъяны.

Пройдя сквозь магнитный «экран», высокоэнергетические атомные ядра, из которых состоят космические лучи, сталкиваются с атмосферными частицами в верхних слоях нашего воздушного океана. В результате ядерных превращений рождаются вторичные частицы. Те, в свою очередь, сталкиваются с другими атмосферными частицами. И так далее. Возникает своего рода ливневый дождь, только роль водяных капель в нем исполняют заряженные частицы. От беспрестанных столкновений частицы теряют энергию. Каждое новое поколение частиц появляется на свет ослабленным. До поверхности Земли добираются лишь мюоны, электроны и случайные нейтроны.

Возможно, столь благоприятная радиационная обстановка, как на Земле, вообще является необходимой предпосылкой для возникновения, развития и поддержания жизни. Земная атмосфера служит противорадиационным экраном, который по эффективности действия можно сравнить со слоем воды толщиной 10 метров. Вместе с магнитным полем планеты ее атмосфера надежно защищает Землю от космической радиации.

А как защищены от нее космонавты?

На орбитах, там, где летают пилотируемые космические корабли и орбитальные станции, магнитное поле планеты сравнительно неплохо оберегает космонавтов от галактических лучей. Но это не значит, что там нет

радиации. Околоземной космос является своего рода геомагнитной ловушкой для заряженных частиц. Магнитное поле планеты не дает им вырваться в безбрежные просторы Вселенной. Они обречены сопровождать нашу Землю в ее звездном путешествии. Среди этих частиц есть электроны, тяжелые ионы. Но их энергия, слава богу, мала, и экран из алюминия надежно защищает экипаж от этих частиц. Правда, опасность все равно остается со стороны «захваченных» протонов и продуктов их взаимодействия с частицами верхних слоев атмосферы.

В наш атомный век все мы более или менее знакомы с дозами радиации. Напомним, что в качестве измерения поглощенной дозы для любого вида ионизирующий излучений, часто употребляется рад. Представление о величине этой единицы дает следующее сравнение: чтобы нагреть грамм воды на один градус, нужна энергия в 420 тысяч раз большая, чем рад. Как видим, величина это довольно малая, но для измерения дозы облучения живых организмов она широко используется, прибегают даже к услугам в тысячу раз более мелкой единицы — миллирад.

Но эта величина не учитывает разницу в опасности разных излучений. Так, например, при одинаковой поглощенной дозе, альфа-излучение гораздо опаснее бета- или гамма-излучения. Чтобы привести к общему знаменателю разные виды излучений с точки зрения их биологического влияния на живой организм, вводят коэффициенты, которые отражают способность излучения данного вида повреждать ткани организма. Для тяжелых ионов этот коэффициент равен 25, для нейтронов — 20. Поглощенная доза в рад, умноженная на коэффициент, дает эквивалентную дозу, измеряемую в бэр (биологический эквивалент рентгена).

Максимальная доза облучения среди погибших в Чернобыле — 1600 рад. Величина большая даже без коэффициентов. По американским данным, считается, что при кратковременном воздействии радиации на человека доза около 118 бэр является смертельной для 10 из каждых 100 облученных, а доза около 345 бэр — для 50 из 100. Доза порядка 200 бэр вызывает помутнение хрусталика глаза, что приводит к ухудшению зрения. Кумулятивный эффект делает опасным и менее мощные дозы. Так, доза 1 бэр, получаемая каждый год в течение 10 лет, увеличивает вероятность заболевания лейкемией и другими формами рака. Точное значение этой вероятности не определено, но можно предположить, что при эквивалент-

ной дозе 1 бэр в год она составляет примерно один процент.

Опираясь на эти данные, американцы установили следующие предельно допустимые дозы облучения: 0,5 бэр в год для гражданского населения, 5 бэр в год для работающих в условиях повышенной радиации, 50 бэр в год и 200 бэр за 10 лет для космонавтов.

Максимальная доза, которую получили американские астронавты во время экспедиции на Луну и на околоземных орбитах, составила для кожных покровов 18 бэр, а для кроветворных органов — 8 бэр.

В будущем намечается освоение Луны, пилотируемые полеты на Марс, в точки либрации системы Земля-Луна. В этих путешествиях люди лишаются спасительного магнитного поля Земли и могут сделаться «добычей» космических лучей галактического происхождения. Хоть их и не так много, но энергией они обладают большой. В основном это сильно ионизированные тяжелые ядра атомов углерода, кислорода, неона, магния, кремния, железа... По-видимому, они ускоряются при взаимодействии с магнитными ударными волнами, возникающими при вспышках сверхновых.

Космические лучи могут проникнуть сквозь стенки корабля и вызвать лучевое поражение членов экипажа. Кроме того, столкнувшись с оболочкой корабля, лучи вступают в ядерные взаимодействия с веществом. Следы этих реакций: ядерные осколки, мезоны и глубоко проникающие нейтроны — еще более увеличат дозу радиации.

Ученые считают, что от радиации есть щит — противорадиационные алюминиевые экраны. Они защитят космонавтов в длительных полетах на Марс, позволят долгое время жить на Луне. Чем больше толщина экрана, тем меньшую дозу радиации получают космонавты. На Луне вместо алюминиевых экранов можно использовать лунный грунт. Крыша толщиной в два метра обеспечит безопасность жителей будущих лунных поселков. А на крыше можно будет устроить оранжерею для выращивания сельскохозяйственных культур.

Участникам экспедиции на Марс придется лететь в такой же радиационной среде, в какой пребывал экипаж «Аполлона» во время лунной эпопеи. Однако при современном уровне развития химических ракетных двигателей такая экспедиция продлится около трех лет — в 100 раз дольше, чем полет к Луне, а следовательно, и полученная доза радиации возрастет в 100 раз. Применение алюми-

нивого экрана толщиной девять сантиметров снизит годовую дозу до 35 бэр. За три года полета космонавты «схватят» около 100 бэр, то есть половину предельной дозы, предусмотренной для космонавтов за 10 лет. На поверхности Марса годовая доза составит около 20 бэр.

Ученые считают, что к середине следующего столетия, когда широко освоют сверхпроводящие материалы, удастся создать термоядерный двигатель. Тогда скорости космических кораблей возрастут в 1000 раз по сравнению с теперешними. Но быстрее, чем со скоростью, равной пяти процентам от световой, корабль лететь не сможет. Не выдержит современная радиационная защита. При более быстрой скорости каждый квадратный сантиметр поверхности космического корабля будет испытывать бомбардировку миллиардной лавины энергичных частиц межпланетного или межзвездного газа. Эта бомбардировка приведет к ядерным взаимодействиям, которые рожают глубоко проникающие гамма-лучи и потоки нейтронов в смертельных дозах. Обычные экраны здесь не спасут, и если не будут найдены радиационностойкие материалы или принципиально новые способы радиационной защиты, то до ближайших звезд космонавтам придется «плестись» со скоростью 15 тысяч километров в секунду. По времени это составит около ста лет.

«ИСКАТЕЛЬ»

Нет почетнее задачи, как помогать человеку-искателю, и я от души желаю, чтобы новый альманах в этом трудном деле оправдал свое название.

И. А. ЕФРЕМОВ (из пожеланий, опубликованных в первом выпуске «Искателя»)

За долгие годы увлечения фантастикой мне приходилось слышать разные мнения об «Искателе» (приложение к журналу «Вокруг света» издательства «Молодая гвардия»). Вот некоторые из них.

Мнение читателя-библиомана:

«Искатель» — это новые имена писателей-фантастов. Это новые произведения, которым либо суждено остаться в единственной публикации, либо успешно выдержать испытание читательским спросом и выйти в большое фантастическое плавание».

Мнение попутчика:

«Искатель» — это литература для чтения: фантастика, приключения, детектив. В дороге и в очереди вещь незаменимая, только страниц уж больно маловато. Говорят, раньше их было 160, а не 128, как сейчас».

Мнение ответственного работника:

«Искатель» — это единственный в СССР журнал, целенаправленно и регулярно печатающий фантастику, и, мне кажется, редакция весьма удачно справляется со своими обязанностями».

Мнение школьника:

«Искатель» — это... это... что надо. Вот!».

Мнение интеллектуала:

«Искатель» — это просто читиво. Непонятно, как люди могут читать такое».

Мнение спортсмена-профессионала:

«Искатель» — это серия из шести выстрелов в год, не всегда в яблочко, но обязательно в цель. Всего выстрелов

за 28 лет произведено 168. Общая сумма очков (экземпляров) 39 190 тысяч. Солидная мастерская сумма, но соперников на стенде, увы, нет, да и качество стрельбы частенько страдает».

Мнение человека из очереди за «вечеркой»:

«Искатель» — это мираж. Все читают, а купить нельзя. За время издания, хотя тираж вырос со 100 до 300 тысяч экземпляров, поговорить с человеком, который пришел и купил «Искатель» в киоске «Союзпечати» «просто так», мне ни разу не удалось».

Но мне повезло. Настойчивость, время... немножечко денег. И вот передо мной на книжной полке выстроились все 168 номеров «Искателя».

Про каждый из них можно рассказать свою, пусть небольшую, но занимательную историю, о том, как попал он ко мне. Одни выменивались в отделах книгообмена букинистических магазинов, либо у таких же, как я, собирателей журнала. Другие просто покупались на «черном» рынке по сходной цене, третьи получал в подарок от людей, понимающих толк в этом деле, радовался этому маленькому, но очень приятному подарку.

Разной сохранности, немного отличающиеся друг от друга внешним оформлением, они для меня обладают некой притягательной силой, заставляющей время от времени брать их в руки и перечитывать.

Побудительные причины довольно просты: желание сравнить новое произведение автора, прочитанное недавно, с ранее опубликованным в журнале; очередная простуда, приходящая на исходе зимы с неотвратимостью времени года и укладывающаяся в постель; желание перебить нервный и ломаный ритм жизни с помощью любимого автора и т. п.

Естественно, что перечитываю не все и не всех. Можно сказать, что выработался некий стереотип и рука сама тянется за нужным в данный момент номером. Поймав себя на этой привычке, я стал записывать, что перечитываю. Получился небольшой список произведений (всего 19 из 325 опубликованных). В нем есть как советские, так и иностранные авторы, но чего в нем нет, так это романов. Почему-то редакция считает для себя возможным (вернее, считала, так как очень этим увлекалась в конце 60-х, в начале 70-х годов) публиковать их (романы) в сокращенном виде, называя это «журнальный вариант». В результате подобной варварской операции произведения выглядят как рыбацкий невод, в сюжете одни дырки.

И зачастую непонятно, неужели это писала рука мастера или это проба пера? Наверное, поэтому И. А. Ефремов никогда не публиковался на страницах «Искателя».

Анализировать все, как хорошие, так и не очень, фантастические произведения, опубликованные в журнале за почти три десятка лет, не моя задача. Хотя в литературе последних лет совсем нет литературоведческих работ на эту тему. Я хочу только обратить внимание читателя на два, на мой взгляд, характерных для журнала произведения.

«Люди превратили океан в огромную помойку, в свалку, им нечем дышать. ...Они имеют право на жизнь, такое же право, как люди». Эти слова принадлежат некоему разумному образованию, с которым сталкивается главный герой повести Е. Гуляковского «Шорох прибоа».

Возможность параллельного существования иного разума на Земле, его пути развития, реакция на плоды человеческой деятельности — вот что волнует автора, концентрирующего внимание читателя на самой «горячей» точке всего спектра проблем: на ответственности человечества за результаты своей деятельности.

Бездумное расходование природных богатств, неумение, а чаще всего — нежелание серьезно заниматься проблемами утилизации отходов своей деятельности, и как результат — реальная угроза всему живому.

Эти аспекты «разумной» деятельности человечества (чего стоит одно только высказывание И. В. Мичурина: «Мы не должны ждать милости от природы, взять их у нее — вот наша задача»). Больше похоже на строки из боевого приказа о наступлении на вражескую армию, чем на рассуждения ученого о взаимоотношениях человека и природы) по-разному использовались писателями-фантастами, и, казалось бы, предложить что-либо новое трудно. Но тем больше, мне кажется, удача автора. Яркий язык повести, динамично развивающееся действие (так и просится на экран), удачно найденный образ контактера (девушки — посланца иного разума) не оставляют читателя равнодушным. И еще. В повести нет наигранного розового оптимизма, свойственного некоторым произведениям того времени (повесть опубликована в 1984 году). Повесть предлагает читателю непростую проблему: правильно оценить свое место на земле. И, кажется, главному герою, а, следовательно, и автору удалось это сделать: человек — венец природы, а не порабититель.

Совершенно в противоположном ключе написан рассказ Д. Биленкина «Город и волк». Взаимопонимание с природой, речевой и психологический контакт с представителями фауны, совместная борьба с инопланетной «псевдо»-жизнью — так видится автору возможный результат разумного отношения человека к природе.

Журнал постоянно уделяет внимание вопросам окружающей среды, публикуя произведения, рассматривающие различные аспекты взаимоотношений человека и природы. Я так же люблю перечитывать и рассказ А. Ван-Вогта «Чудовище», и повесть И. Варшавского «Петля Гистерезиса», и рассказ Р. Брэдбери «Лед и пламень», и рассказ «Бедолага» К. Сошинской, профессиональной художницы, постоянно иллюстрирующей книги серии «Зарубежная фантастика», и некоторые другие.

Этими заметками я хотел бы привлечь внимание заинтересованных людей к уникальному для нашей страны явлению — «Искателю», чтобы подробная и доброжелательная (какая редкость в наше время!) критика помогла избавиться журналу от небольших, но досадных недостатков и усилить то множество достоинств, которые у него есть. Эту же цель преследует и публикуемая ниже библиография. В ней указаны все фантастические произведения, опубликованные в журнале за период с 1961 по 1988 годы. Знаком * (звездочка) отмечены произведения, пока не имеющие книжной публикации.

АБРАМОВ Сергей Александрович (1944)

В ЛЕСУ ПРИФРОНТОВОМ (повесть) 1974 г. № 5

ВРЕМЯ ЕГО УЧЕНИКОВ (повесть) 1977 г. № 1

АДАМЕНКО Виктор,

КИРИЛЛОВ Юрий

НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ (повесть) 1986 г. № 4

АЗАРЬЕВ Олег Геннадьевич (1956)

* ДОЛЖНИК (рассказ) 1988 г. № 2

АЗИМОВ АЙЗЕК (1920), США

ЖЕНСКАЯ ИНТУИЦИЯ (рассказ) 1971 г. № 2

ЧУВСТВО СИЛЫ (рассказ) 1962 г. № 6

АЛЬТОВ Генрих (АЛЬТШУЛЛЕР Генрих Саулович) (1926)

ОСЛИК И АКСИОМА (рассказ) 1966 г. № 5

АМНУЭЛЬ Павел (АМНУЭЛЬ Песах Рафаэлович (1944)

И УСЛЫШАЛ ГОЛОС (рассказ) 1987 г. № 3

АНДЕРСОН Карин

* ТАРТЕССКИЙ ДОГОВОР (новелла) 1971 г. № 2

АНТОНОВ В.

- ДВЕНАДЦАТАЯ МАШИНА (рассказ) 1974 г. № 2
- БАБЕНКО Виталий Тимофеевич (1950)
 ПРОКЛЯТЫЙ И БЛАГОСЛОВЕННЫЙ (рассказ)
 1976 г. № 4
- * ФЕНОМЕН ВСАДНИКОВ (рассказ) 1977 г. № 3
- БАЛАБУХА Андрей Дмитриевич (1947)
 * ВЫБОР (рассказ) 1975 г. № 5
- * КОКТЕЙЛЬ ДЕКСТЕРА (рассказ) 1976 г. № 3
- ОПЕРАЦИЯ «ЖЕМЧУЖИНА» (рассказ) 1973 г. № 4
- ПОБЕДИТЕЛЬ (рассказ) 1977 г. № 3
- РАВНОВЕСИЕ (рассказ) 1976 г. № 3
- * РЕШЕНИЕ (рассказ) 1975 г. № 5
- БЕЙКЕР Роджер
 * БЕТОННЫЙ ОСТРОВ (рассказ) 1974 г. № 2
- БЕЛЬЯР Октав, Франция
 * ВЕСТНИК ИЗ ГЛУБИНЫ ВРЕМЕН (рассказ)
 1970 г. № 5
- БЕЛЯЕВ Александр Романович (1884—1942)
 АНАТОМИЧЕСКИЙ ЖЕНИХ (рассказ) 1961 г. № 1
- БЕСТЕР Альфред (1913), США
 * О ВРЕМЕНИ И О ТРЕТЬЕЙ АВЕНЮ (рассказ)
 1974 г. № 5
- БИГГЛ-МЛАДШИЙ Ллойд, США
 ПАМЯТНИК (рассказ) 1981 г. № 1
- БИЛЕНКИН Дмитрий Александрович (1933—1987)
 ВЕЧНЫЙ СВЕТ (рассказ) 1978 г. № 4
- ВО ВСЕХ ГАЛАКТИКАХ (рассказ) 1968 г. № 4
- ВРЕМЯ СМЕНЯЮЩИХСЯ ЛИЦ (рассказ) 1985 г.
 № 1
- ГОРОД И ВОЛК (рассказ) 1970 г. № 6
- ДАВЛЕНИЕ ЖИЗНИ (рассказ) 1970 г. № 1
- ЗАПРЕТ (рассказ) 1968 г. № 6
- МОРЕ ВСЕХ РЕК (рассказ) 1983 г. № 5
- ОШИБКА (рассказ) 1965 г. № 5
- ПРИНЦИП НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ (рассказ)
 1973 г. № 6
- ПРОВЕРКА НА РАЗУМНОСТЬ (рассказ) 1972 г.
 № 2
- СНЕГА ОЛИМПА (рассказ) 1976 г. № 2
- БОГАТ Евгений Михайлович (1923—1985)
 ЧЕТВЕРТЫЙ ЛИСТ ПЕРГАМЕНТА (повесть)
 1969 г. № 2
- БОЛЛАРД Джеймс Г., Великобритания
 * ВЫ БУДЕТЕ ПОКУПАТЬ, ДОКТОР (рассказ)
 1970 г. № 2

- БРЭДБЕРИ Рэй Дуглас (1920), США
* ГОРОД (рассказ) 1974 г. № 2
ДИКОВИННОЕ ДИВО (рассказ) 1975 г. № 2
ЗОЛОТЫЕ ЯБЛОКИ СОЛНЦА (рассказ) 1961 г.
№ 3
ЛЕД И ПЛАМЯ (рассказ) 1970 г. № 1
НЕВИДИМЫЙ МАЛЬЧИК (рассказ) 1966 г. № 2
ПОЧТИ КОНЕЦ СВЕТА (рассказ) 1966 г. № 5,
1986 г. № 1
УЛЫБКА (рассказ) 1961 г. № 3
- БУЛЫЧЕВ Кир (МОЖЕЙКО Игорь Всеволодович (1934)
КОГДА ВЫМЕРЛИ ДИНОЗАВРЫ? (рассказ)
1967 г. № 2
- ВАЛЕНТИНОВ Альберт (ВАЙНШТЕЙН Альберт Абра-
мович (1932)
* НАРУШИТЕЛЬ (рассказ) 1967 г. № 1
- ВАН-ВОГТ Альфред (1912), США
ЧУДОВИЩЕ (рассказ) 1965 г. № 2
- ВАРШАВСКИЙ Илья Иосифович (1908—1974)
ИНСПЕКТОР ОТДЕЛА ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕ-
МЫХ (повесть) 1974 г. № 4
ПЕТЛЯ ГИСТЕРЕЗИСА (повесть) 1968 г. № 4
- ВЕЙНБАУМ Стенли (1905—1935), США
МАРСИАНСКАЯ ОДИССЕЯ (рассказ) 1974 г. № 6
- ВЕРН Жюль (1828—1905), Франция
ВЕЧНЫЙ АДАМ (повесть) 1972 г. № 2
- ВИРЕН Георгий (1953)
ПУТЬ ЕДИНОРОГА (повесть) 1988 г. № 5
- ВОЙСКУНСКИЙ Евгений Львович (1922),
ЛУКОДЬЯНОВ Исай Борисович (1913—1984)
ПЛЕСК ЗВЕЗДНЫХ МОРЕЙ (роман) 1969 г. № 4, 5
УР, СЫН ШАМА (роман) 1975 г. № 1, 2
- ВОЛКОВ Александр Мелентьевич (1891—1977)
* ЧУЖИЕ (рассказ) 1961 г. № 3
- ГАГАРИН Станислав Семенович (1935)
* ДЕРЕВНЯ СЕРЕБРОВКА (рассказ) 1984 г. № 5
- ГАНСОВСКИЙ Север Феликсович (1918)
ГОЛОС (рассказ) 1963 г. № 2
ДОСТУПНОЕ ИСКУССТВО (рассказ) 1965 г. № 3
- ГАРРИС Говард, США
* РАСТЕНИЕ-ЛЮДОЕД ПРОФЕССОРА ДЖОНКИ-
НА (рассказ) 1967 г. № 1
- ГАРРИСОН Гарри (1925), США
ПОЛИЦЕЙСКИЙ УЧАСТОК «МАРС» (рассказ)
1967 г. № 3

- ГЕМАН Ричард США
 МАШИНА (рассказ) 1972 г. № 1
- ГОЛОВАЧЕВ Василий Васильевич (1948)
 БЕГЛЕЦ (рассказ) 1979 г. № 5
 КАТАСТРОФА (рассказ) 1979 г. № 5
 ОБОРОТЕНЬ (повесть) 1981 г. № 2
- ГОЛУБЕВ Глеб Николаевич (1926)
 ГЛАС НЕБЕСНЫЙ (повесть) 1968 г. № 2
 ГОСТЬ ИЗ МОРЯ (роман) 1967 г. № 1, 2, 3
 ОГНЕННЫЙ ПОЯС (повесть) 1965 г. № 1, 2, 3
 ОГОНЬ-ХРАНИТЕЛЬ (повесть) 1964 г. № 1, 2
- ГОР Геннадий Самойлович (1907—1981)
 ХУДОЖНИК ВАЙС (рассказ) 1966 г. № 4
- ГРЕБНЕВ Григорий (ГРИБОНОСОВ Григорий Никитич
 (1902—1960)
 НЕВРЕДИМКА (рассказ) 1962 г. № 1
- ГРИГОРЬЕВ Владимир Васильевич (1934)
 И НИЧТО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ НАМ НЕ ЧУЖДО
 (рассказ)
- ГРИГОРЬЕВ Сергей (ПАТРАШКИН Сергей Тимофеевич
 (1875—1953)
 * ЗА МЕТЕОРОМ (рассказ) 1962 г. № 6
- ГРУННЕРТ Карл (1865—1918), Германия
 * ГОЛОВА МИСТЕРА СТАЙЛА (рассказ) 1978 г. № 1
- ГУЛЯКОВСКИЙ Евгений Яковлевич (1934)
 БЕЛЫЕ КОЛОКОЛА РЕАНЫ (главы из романа)
 1980 г. № 6
 ДОЛГИЙ ВОСХОД НА ЭННЕ (роман) 1984 г.
 № 3, 4
 ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА (повесть) 1978 г. № 6
 ШОРОХ ПРИБОЯ (повесть) 1982 г. № 1
- ГУРЕВИЧ Георгий Иосифович (1917)
 ВОСЬМИНУЛЕВЫЕ (отрывок из романа) 1967 г.
 № 4
 ПОД УГРОЗОЙ (повесть) 1963 г. № 2
- ДАВИТАШВИЛИ Джуна
 * Я ЗНАЮ: ТЫ СПАСЕШЬ МЕНЯ (рассказ) 1986 г.
 № 3
- ДЕ-СПИЛЛЕР Дмитрий Александрович (1938)
 МЕЖЗВЕЗДНЫЕ ЗВОНЫ (рассказ) 1983 г. № 2
- ДЕКАМ Л. Спрагю, США
 * ПРИКАЗ (рассказ) 1974 г. № 6
- ДЕМОТ Мишель (1935), Франция
 ЧУЖОЕ ЛЕТО (рассказ) 1966 г. № 4
- ДЖЕЙВОР Дж. Э.

- * СЧАСТЛИВОЙ ОХОТЫ (рассказ) 1981 г. № 6
 ДИКСОН Гордон Р., США
 ВСТАВИТЬ ПАЛКУ В КОЛЕСА (рассказ) 1967 г.
 № 2
 ПЕРФОКАРТЫ НЕ ОБСУЖДАЮТ (рассказ)
 1972 г. № 5
 ДМИТРУК Андрей Всеволодович (1945)
 АУРЕНТИНА (рассказ) 1978 г. № 5
 ЛЕСНОЙ ЦАРЬ (рассказ) 1981 г. № 6
 ЧУДО (рассказ) 1978 г. № 5
 ДНЕПРОВ Анатолий (МИЦКЕВИЧ Анатолий Петрович
 (1919—1975)
 ДВЕ МИНУТЫ ОДИНОЧЕСТВА (повесть) 1962 г.
 № 6
 СЛЕДЫ НА ПАРКЕТЕ (рассказ) 1964 г. № 3
 ТАМ, ГДЕ КОНЧАЕТСЯ РЕКА (рассказ) 1966 г.
 № 4
 * ТУСКАРОРА (повесть) 1963 г. № 5
 ЕМЦЕВ Михаил Тихонович (1930),
 ПАРНОВ Еремей Иудович (1935)
 КОНГАМАТО (рассказ) 1964 г. № 2
 ЛОЦМАН КИД (рассказ) 1964 г. № 1
 * НА ЗЕЛЕНОМ ПЕРЕВАЛЕ (рассказ) 1962 г. № 1
 ПОСЛЕДНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПОЛКОВНИКА
 ФОСЕТТА (повесть) 1964 г. № 6
 ТРИ КВАРКА (рассказ) 1967 г. № 4
 ЖЕМАЙТИС Сергей Георгиевич (1908)
 АРТАКСЕРКС (рассказ) 1971 г. № 6
 * ОСТРОВ ЗАБЫТЫХ РОБОТОВ (рассказ) 1969 г.
 № 3
 ЖУКОВ Дмитрий Анатольевич (1927)
 СЛУЧАЙ НА ВУЛКАНЕ (рассказ) 1986 г. № 6
 ЖУРАВЛЕВА Валентина Николаевна (1933)
 ЛЕТАЮЩИЕ ВО ВСЕЛЕННОЙ (рассказ) 1973 г.
 № 3
 * МЫ УХОДИМ К АЭЛЛЕ (рассказ) 1961 г. № 1
 ЗАКС Роберт
 * КОНТРОЛЕКС (рассказ) 1964 г. № 4
 ЗАХАРОВА Лариса,
 СИРЕНКО Владимир
 ПЛАНЕТА ЗВЕЗДЫ ЭПСИЛОН (роман) 1984 г.
 № 1, 2
 ЗЕЛИКОВИЧ Эммануил Семенович
 * СЛЕДУЮЩИЙ МИР (главы из романа) 1966 г. № 1
 ЗУБКОВ Борис Васильевич (1923),

- МУСЛИН Евгений Салимович (1930)
 * НЕМАЯ ИСПОВЕДЬ (рассказ) 1966 г. № 3
- КАЗАНЦЕВ Александр Петрович (1906)
 КОЛОКОЛ СОЛНЦА (отрывок из романа) 1984 г.
 № 2
 СИЛЬНЕЕ ВРЕМЕНИ (главы из романа) 1968 г. № 4
 ТАЙНА ЗАГАДОЧНЫХ ЗНАНИЙ (повесть-гипотеза) 1986 г. № 1, 2
 ТАЙНА НУЛЯ (повесть), 1988 г. № 6
 ФАЭТЫ (роман) 1971 г. № 3, 4; 1972 г. № 4, 5; 1973 г.
 № 2, 3
- КАЙДОШ Вацлав (1925), Чехословакия
 * ИГРА С ПРИЗРАКОМ (рассказ) 1977 г. № 4
- КАЛИНОВСКИЙ Иван Александрович (1904)
 СКАНДАЛЬНЫЙ СЛУЧАЙ С МИСТЕРОМ СКОУНДРЭЛОМ (рассказ) 1961 г. № 6
- КАРСАК Франсис (БОРДА Франсуа (1919—1977)), Франция
 РОБИНЗОНЫ КОСМОСА (повесть) 1961 г. № 4, 5, 6
- КЛАРК Артур Чарлз (1917), Шри-Ланка
 ЛЕТО НА ИКАРЕ (рассказ) 1964 г. № 3
 * СВЕРКАЮЩИЕ (рассказ) 1977 г. № 3
- КЛИМОВ Александр Всеволодович
 * ПОВЕЛИТЕЛЬ (рассказ) 1986 г. № 5
 САД ГЕСПЕРИД (рассказ) 1985 г. № 2
 * СЕЛЬВА (повесть) 1987 г. № 5
- КОНАН-ДОЙЛ Артур (1859—1930), Великобритания
 * УЖАС ВЫСОТ (рассказ) 1970 г. № 4
- КОРНБЛАТ Сирил М., США
 ДОМИНО (рассказ) 1979 г. № 6
 КАРТОЧНЫЙ ДОМИК (рассказ) 1961 г. № 4
- КОТЛЯР Юрий Федорович (1917)
 МЛАДШИЙ ПИЛОТ (рассказ) 1964 г. № 4
- КУСОЧКИН Григорий
 * ПОНЯТЬ И ПОМОЧЬ (рассказ) 1982 г. № 5
 * РЕПОРТАЖ (памфлет) 1980 г. № 5
- КЭРИ Джулиан
 КОМБИНАЦИЯ «ГОЛОВОЛОМКА» (рассказ)
 1961 г. № 1
- КЮРТИС Жан-Луи, Франция
 * ИДЕИ НА ПРОДАЖУ (рассказ) 1978 г. № 1
- ЛАГИН Лазарь (ГИНЗБУРГ Лазарь Иосифович)
 (1903—1979)
 ГОЛУБОЙ ЧЕЛОВЕК (главы из романа) 1966 г.
 № 3

- ПОЛЕТ В НИКУДА (отрывок из романа) 1963 г.
№ 1
- ЛАРИОНОВА Ольга (ТИДЕМАН Ольга Николаевна,
(1935)
- «ЩЕЛКУНЧИК» (рассказ) 1978 г. № 2
ВАХТА «АРАМИСА», или НЕБЕСНАЯ ЛЮБОВЬ
ПАОЛЫ ПИНКСТОУН (повесть) 1966 г. № 2
КОЛЬЦО ФЕРНСУОРТОВ (повесть) 1976 г. № 3
ПЕРЕБЕЖЧИК (рассказ) 1967 г. № 1
СОНАТА МОРЯ (повесть) 1985 г. № 3
- ЛАССВИТЦ Курд (1848—1910), Германия
* НА МЫЛЬНОМ ПУЗЫРЕ (рассказ) 1974 г. № 6
- ЛЕВИ Примо, Италия
* ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ ЗАЩИТА (рассказ) 1974 г. № 4
- ЛЕЙНСТЕР Мюррей (ДЖЕНКИНС Уильям)
(1896—1975), США
* ОДИНОКАЯ ПЛАНЕТА (рассказ) 1972 г. № 6
* ЧУЖАКИ (рассказ) 1962 г. № 1
ЭВМ «ДЖОННИ» (рассказ) 1978 г. № 1
- ЛЕМ Станислав (1921), Польша
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ИЙОНА ТИХОГО
(рассказ) 1967 г. № 1
* ЛУННАЯ НОЧЬ (рассказ) 1963 г. № 1
О ШАЛОСТЯХ КОРОЛЯ БАЛЕРИОНА (рассказ)
1968 г. № 1
ПРАВДА (рассказ) 1966 г. № 1
СЛОЕНЫЙ ПИРОГ (киносценарий) 1972 г. № 4
- ЛОГИНОВ Святослав (ВИТМАН Святослав Владимиро-
рич)
* МИКРОКОСМ (рассказ) 1987 г. № 6
- ЛОММ Александр Иозефович (1925)
* СКАФАНДР АГАСФЕРА (рассказ) 1966 г. № 6
- ЛУКИНА Любовь Александровна (1950),
ЛУКИН Евгений Юрьевич (1950)
* РАЗНЫЕ СРЕДИ РАЗНЫХ (повесть) 1987 г. № 1
- МАКЛИН Кэтрин, США
ИЗОБРАЖЕНИЯ НЕ ЛГУТ (рассказ) 1968 г. № 4
- МАКСИМОВ Герман
* ВЕРОЯТНОСТЬ РАВНА НУЛЮ (рассказ) 1965 г.
№ 2
- МАКСИМОВИЧ Геннадий Васильевич (1943)
ЕСЛИ ОН ВЕРНЕТСЯ... (рассказ) 1977 г. № 3
* СЕКРЕТ МОЛОДОСТИ (рассказ) 1979 г. № 3
* ШЕРШЕ ЛЯ ФАМ! (рассказ) 1976 г. № 5

- МАЛИНОВСКИЙ Кшиштоф (1945), Польша
 * ТРЕТЬЯ ПЛАНЕТА ПРОЦИОНА (рассказ) 1979 г.
 № 6
- МАЛОВ Владимир Игоревич (1947)
 АКАДЕМИЯ «БИССЕКТРИСА» (повесть) 1968 г.
 № 5
 РЕЙС «НАДЕЖДЫ» (повесть) 1976 г. № 5
 СЕМЬ ПЯДЕЙ (повесть) 1970 г. № 4
 * ТОТ, КТО ВЕРНЕТСЯ! (рассказ) 1980 г. № 4
 ФОРПОСТ (рассказ) 1982 г. № 4
- МАНДАЛЯН Элеанора Александровна
 СФИНКС (повесть) 1983 г. № 6
- МАРТИН Янина, Польша
 * РАЗЛУЧИЛ ВАС НАВСЕГДА (повесть) 1987 г. № 4
- МАРТЫНОВ Георгий Сергеевич (1906—1983)
 ВСТРЕЧА ЧЕРЕЗ ВЕКА (главы из романа) 1961 г.
 № 2
- МЕДВЕДЕВ Юрий Михайлович (1937)
 ЧАША ТЕРПЕНИЯ (повесть) 1983 г. № 1, 2
- МЕКЕЛЬ Клаус (1943), ГДР
 * ГРАНИЦА ДОСТИГНУТА (рассказ) 1988 г. № 3
- МЕЛЕНТЬЕВ Виталий Григорьевич (1916—1984)
 ИНДИЯ, ЛЮБОВЬ МОЯ (рассказ) 1972 г. № 5
 ШУМИТ ТИШИНА (рассказ) 1966 г. № 5
- МИЛЛЕР-МЛАДШИЙ Уолтер М.
 Я ТЕБЯ СОЗДАЛ (рассказ) 1985 г. № 4
- МИХАЙЛОВ Владимир Дмитриевич (1929)
 «АДМИРАЛ» НАД ПОЛЯНОЙ (рассказ) 1973 г.
 № 4
 ДЕНЬ, ВЕЧЕР, НОЧЬ, УТРО (рассказ) 1968 г. № 4
 ОДИССЕЯ ВАЛГУСА (рассказ) 1965 г. № 6
 ОСОБАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ (повесть) 1962 г.
 № 3, 4, 5
 СПУТНИК «ШАГ ВПЕРЕД» (отрывок из повести)
 1964 г. № 2, 3, 4, 5
 ЧЕРНЫЕ ЖУРАВЛИ (рассказ) 1963 г. № 4
- МИХАНОВСКИЙ Владимир Наумович (1931)
 ДВОЙНИКИ (повесть) 1968 г. № 2
 ЖАЖДА (рассказ) 1974 г. № 2
 МАСТЕРСКАЯ ЧАРЛИ МАКГРОУНА (рассказ)
 1965 г. № 4
 ОКО ВСЕЛЕННОЙ (повесть) 1982 г. № 2
 * ПЕРВЫЙ КОНТАКТ (повесть) 1985 г. № 5
 ПУТЬ «КАРАВЕЛЛЫ» (повесть) 1980 г. № 5
 СТРЕЛА И КОЛОС (рассказ) 1973 г. № 1

- ТАБОР ПЕРВЫЙ (повесть) 1977 г. № 1
- МЭТЭСОН Ричард (1926), США
- СТАЛЬНОЙ ЧЕЛОВЕК (рассказ) 1968 г. № 3
- НАЗАРОВ Вячеслав Алексеевич (1935—1977)
- ЗЕЛЕННЫЕ ДВЕРИ ЗЕМЛИ (повесть) 1977 г. № 4, 5
- НЕФФ Ондржей (1945), Чехословакия
- * ВСЕЛЕННАЯ ДОВОЛЬНО БЕСКОНЕЧНА (повесть) 1988 г. № 2
- НЕЧИПОРЕНКО Валерий Петрович (1947)
- АВАРИЯ (рассказ) 1983 г. № 6
- НИЛЬСЕН Нильс Е. (1924), Дания
- ИГРАЙТЕ С НАМИ (рассказ) 1971 г. № 2
- НОР Раду, Румыния
- * ОКЕАН В ОГНЕ (рассказ) 1961 г. № 4
- О'ГЕНРИ (1862—1910), США
- ИСТОРИЯ ПРОБКОВОЙ НОГИ (рассказ) 1967 г. № 2
- ОСИНСКИЙ Владимир Валерианович (1932)
- УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ЯЗЫК (рассказ) 1974 г. № 2
- ОХОТНИКОВ Вадим Дмитриевич (1905—1964)
- ШОРОХИ ПОД ЗЕМЛЕЙ (рассказ) 1964 г. № 3
- ПАВЛОВ Сергей Иванович (1935)
- МЯГКИЕ ЗЕРКАЛА (2-я кн. романа ЛУННАЯ РАДУГА) 1983 г. № 4, 5
- ПАНАСЕНКО Леонид Николаевич (1949)
- * ГНЕВ НЕНАГЛЯДНОЙ (рассказ) 1982 г. № 6
- НАДО ЗЕЛЕНЕТЬ... (рассказ) 1980 г. № 3
- СЛЕДЫ НА МОКРОМ ПЕСКЕ (рассказ) 1980 г. № 3
- СТАТИСТЫ (рассказ) 1988 г. № 4
- ШКОЛА ЛИТТЛМЕНА (повесть) 1985 г. № 5
- ПАНОВ Павел (1955)
- * БАЛЛАДА О ГОРАХ (рассказ) 1984 г. № 6
- ПЕТРОВ Владислав Валентинович (1956)
- * ПОНИМАТЕЛЬ (рассказ) 1988 г. № 5
- ПЛЕННИКОВА Татьяна (1944)
- * ЛЕТАЮЩАЯ КОЛЕСНИЦА ПУШПАКА (повесть) 1988 г. № 3
- ПЛОНСКИЙ Александр Филиппович (1926)
- ВРЕМЯ БЕССМЕРТИЯ (отрывок из повести) 1985 г. № 1
- * ЕСТЬ БЕСКОНЕЧНОСТЬ БОЛЬШАЯ (рассказ) 1986 г. № 2
- * ПОСЛЕДНИЙ ТЕСТ (рассказ) 1985 г. № 1
- ПРОВИДЕЦ (отрывок из повести) 1987 г. № 5

- ПОДОЛЬНЫЙ Роман Григорьевич (1933)
 СОГЛАСЕН БЫТЬ ВТОРЫМ (рассказ) 1973 г. № 1
 * УМЕНИЕ ЖДАТЬ (рассказ) 1968 г. № 3
- ПОЛОЖИЙ Виктор Иванович
 ЧТО-ТО НЕЛАДНО... (повесть) 1982 г. № 5
- ПРОКОП Герт (1932), ГДР
 * МОЙ УБИЙЦА РЕДКО ПРИХОДИТ ОДИН
 (рассказ) 1988 г. № 3
- ПРОСКУРИН Петр Лукич (1928)
 УЛЫБКА РЕБЕНКА (рассказ) 1972 г. № 3
- ПУХОВ Михаил Георгиевич (1944)
 * РАЗВЕТВЛЕНИЕ (повесть) 1985 г. № 5
 СЕМЯ ЗЛА (рассказ) 1981 г. № 3
 * СТАНЕТ СВЕТЛЕЕ (повесть) 1982 г. № 6
- РАССЕЛ Эрик Фрэнк (1905—1978), США
 АЛАМАГУСА (рассказ) 1966 г. № 6.
 * ДЬЯВОЛОГИКА (рассказ) 1987 г. № 3
 И НЕ ОСТАЛОСЬ НИКОГО (повесть) 1975 г. № 6
 НОЧНОЙ МЯТЕЖ (рассказ) 1964 г. № 3
- РЕНАР Морис, Франция
 ТУМАННЫЙ ДЕНЬ (рассказ) 1972 г. № 1
- РОНИ-СТАРШИЙ Жозеф (БЕКС Жозеф-Анри)
 (1856—1940), Франция
 * НЕВЕДОМЫЙ МИР (рассказ) 1974 г. № 3
 * СОКРОВИЩЕ СНЕГОВ (рассказ) 1963 г. № 6
- РОСОХОВАТСКИЙ Игорь Маркович (1929)
 БЕССМЕРТНЫЙ (рассказ) 1982 г. № 5
 * ВЕРХОВНЫЙ КООРДИНАТОР (рассказ) 1965 г.
 № 4
 ГЛАВНОЕ ОРУЖИЕ (рассказ) 1979 г. № 4
 ЗАКОНЫ ЛИДЕРСТВА (рассказ) 1986 г. № 3
 МОСТ (рассказ) 1961 г. № 6
 МЫСЛЬ (рассказ) 1981 г. № 3
 НАПИТОК ЖИЗНИ (рассказ) 1969 г. № 4
 ПО ОБРАЗУ И ПОДОБИЮ (рассказ) 1974 г. № 2
 * СИГОМ И СОЗДАТЕЛЬ (рассказ) 1967 г. № 6
- РУДЕНКО Борис Антонович (1950)
 * ЦЕНА ИСКУПЛЕНИЯ (рассказ) 1981 г. № 5
- РЫБИН Владимир Алексеевич (1926)
 ГИПОТЕЗА О СОТВОРЕНИИ (рассказ) 1982 г. № 3
 «ГОЛУБОЙ ЦВЕТOK» (рассказ) 1977 г. № 2
 ЗЕЛЕНЫЙ ПРИЗРАК (рассказ) 1975 г. № 6
 ИЛЛЮЗИОН (рассказ) 1979 г. № 6
 РАССКАЖИТЕ МНЕ О МЕЦАМОРЕ (повесть)
 1983 г. № 3

- СИМБИОЗ (рассказ) 1980 г. № 5
- РЮЭЛЛАН Андре (1922), Франция
- * МЭМО (роман) 1988 г. № 4
- САЙМАК Клиффорд (1904), США
- ВЕДРО АЛМАЗОВ (рассказ) 1971 г. № 6
- ВОСПИТЕЛЛЫ (рассказ) 1970 г. № 4
- ДОНЕЖНОЕ ДЕРЕВО (рассказ) 1966 г. № 3
- ТЕАТР ТЕНЕЙ (рассказ) 1973 г. № 1
- * ШТУКОВИНА (рассказ) 1981 г. № 6
- САМБРОТ Уильям, США
- СТЕНА (рассказ) 1969 г. № 2
- САПАРИН Виктор Степанович (1905—1970)
- НА ВОСЬМОМ КИЛОМЕТРЕ (рассказ) 1966 г. № 1
- * РАЗГОВОР В КАФЕ (рассказ) 1970 г. № 1
- СВИРИДОВ Тимур Георгиевич (1957)
- * «СПАСАТЕЛЬ» (рассказ) 1984 г. № 6
- СЕЙН Джи Маун, Бирма
- * ДВЕ ВСТРЕЧИ В ДОЛИНЕ МРОХАУН (рассказ) 1966 г. № 4
- СЕРЛИНГ Род (1925), США
- МОЖНО ДОЙТИ ПЕШКОМ (рассказ) 1968 г. № 6
- СИМОН Эрик (1950), ГДР
- * ЧЕРНОЕ ЗЕРКАЛО (рассказ) 1988 г. № 3
- СЛУКИН Всеволод,
- КАРТАШЕВ Евгений Ростиславович (1936)
- СМЕХ ПО ДОРОГЕ В АТЛАНТИС (рассказ) 1967 г. № 3
- СМИРНОВ Сергей Анатольевич (1958)
- * БОЛЬШАЯ ОХОТА (рассказ) 1978 г. № 5
- СМИТ Джордж, США
- * ОТЩЕПЕНЦЫ (рассказ) 1968 г. № 5
- СОШИНСКАЯ Кира
- БЕДОЛАГА (рассказ) 1966 г. № 3
- * КОСМОТЕХНИКА (рассказ) 1966 г. № 6
- СТОЛЯРОВ Андрей Михайлович (1950)
- * ДВЕРЬ С ТОЙ СТОРОНЫ (рассказ) 1987 г. № 6
- СТРУГАЦКИЙ Аркадий Натанович (1925),
- СТРУГАЦКИЙ Борис Натанович (1933)
- ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ИНСПЕКТОР (главы из повести) 1962 г. № 2
- ПОНЕДЕЛЬНИК НАЧИНАЕТСЯ В СУББОТУ (отрывок из сказки) 1964 г. № 6
- ТАББ Э. Ч.
- * БЕССМЕННАЯ ВАХТА (рассказ) 1974 г. № 1
 - * ПОСЛЕДНИЕ ИЗ ГРОВОВЩИКОВ (рассказ)

- 1976 г. № 1
- ТАРАСЕНКО Александр Александрович (1965)
* ПИСЬМО УШЕЛЬЦА (рассказ) 1988 г. № 5
- ТЕМКИН Григорий
* ДАРЫ ОТ ДАНОВ (рассказ) 1986 г. № 1
- ТЕПЛОВ Лев
* ИВАН ИВАНОВИЧ (рассказ) 1961 г. № 2
- ТЕСЛЕНКО Александр Константинович (1949)
ИСКРИВЛЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО (повесть)
1985 г. № 6
ПРОГРАММА ДЛЯ ВНУТРЕННЕГО ПОЛЬЗОВА-
НИЯ (рассказ) 1983 г. № 5
- ТОКАРЕВ Станислав Николаевич
* ФУТБОЛ НА ПЛАНЕТЕ РУССО (повесть) 1981 г.
№ 4
- ТОМАН Николай Владимирович (1911—1974)
В СОЗВЕЗДИИ ТРАПЕЦИИ (отрывок из повести)
1963 г. № 3
- ТОМАС Теодор Д. (1926), США
СЛОМАННАЯ ЛИНЕЙКА (рассказ) 1966 г. № 5
- ТОМАС Теодор Д. (1926), США
КЕЙТ Вельгельм, США
КЛОН (роман) 1973 г. № 6
- ТОРОСОВ Анри
* СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ (рассказ) 1979 г. № 1
- ТУПИЦЫН Юрий Гаврилович (1925)
* ЗЕЛЕНАЯ ЖЕМЧУЖИНА (рассказ) 1975 г. № 4
ЛЮДИ НЕ БОГИ (рассказ) 1975 г. № 4
* МЭЙДЭЙ (рассказ)
ПЕРЕД ДАЛЬНЕЙ ДОРОГОЙ (роман) 1976 г.
№ 5, 6
СИНИЙ МИР (рассказ) 1969 г. № 1
СТАРТ (роман) 1977 г. № 6
ХОДОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ (рассказ) 1970 г. № 1
- ТЭНН Уильям (КЛАСС Филипп) (1920), США
БЕРНИ ПО ПРОЗВИЩУ ФАУСТ (рассказ) 1971 г.
№ 4
* ОСВОБОЖДЕНИЕ ЗЕМЛИ (рассказ) 1988 г. № 3
СРОК АВАНСОМ (рассказ) 1969 г. № 3
- УСПЕНСКИЙ Лев Васильевич (1900—1978)
ПЛАВАНИЕ «ЗЕТЫ» (рассказ)
1970 г. № 3
- УЭСТЛЕЙК Дональд, США
СМЕРТЬ НА АСТЕРОИДЕ (рассказ) 1972 г. № 2
- ФАДИН В.

- * ИЗОПЕРТИЛОВАЯ ЛИХОРАДКА (рассказ)
1966 г. № 6
- ФИАЛКОВСКИЙ Конрад, Польша
 - * МЕНЯ ЗОВУТ МОЛЬНАР (рассказ) 1969 г. № 3
 - НУЛЕВОЕ РЕШЕНИЕ (рассказ) 1965 г. № 5
 - * ОПАСНАЯ ИГРУШКА (рассказ) 1986 г. № 6
 - * РАЗНОВИДНОСТЬ НОМО SAPIENS (рассказ)
1986 г. № 6
 - * УТРО АВТОРА (рассказ) 1986 г. № 6
 - ЦЕРЕБРОСКОП (рассказ) 1961 г. № 2
- ФИРСОВ Владимир Николаевич (1925—1987)
 - * ГЕНИЙ ПО ЗАКАЗУ (рассказ) 1986 г. № 5
 - * УЖЕ ТРИДЦАТЬ МИНУТ НА ЛУНЕ (рассказ)
1966 г. № 1
- ФРАНКЕ Герберт В. (1927), ФРГ
 - * КЛЕТКА ДЛЯ ОРХИДЕЙ (роман) 1984 г. № 4
- ФРИШ Отто, Австрия
 - ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЙ НА
УГЛЕ (рассказ) 1966 г. № 5
- ФРОЛОВ Иван Дмитриевич
 - ДЕЛОВАЯ ОПЕРАЦИЯ (повесть) 1987 г. № 2
- ХАЙНЛАЙН Роберт (1907), США
 - * ВЗРЫВ ВСЕГДА ВОЗМОЖЕН (повесть) 1965 г.
№ 4, 5
- ХАЛЛ Стив
 - * КРУГЛЫЙ БИЛЛИАРДНЫЙ СТОЛ (рассказ)
1967 г. № 4
- ХАЧАТУРЬЯНЦ Левон Суренович,
ХРУНОВ Евгений Васильевич (1933)
 - ПУТЬ К МАРСУ (хроника) 1978 г. № 5
- ХОЛЛАНЕК Адам, Польша
 - * ЕГО НЕЛЬЗЯ ПОДЖИГАТЬ (повесть) 1985 г. № 2
- ХУДЕНКО Борис
 - * ЗДРАВСТВУЙ, САПИЕНС! (роман) 1961 г. № 4, 5
- ЦУРКОВ Ю.
 - * ЛАБИРИНТ (рассказ) 1965 г. № 5
- ШАЙХОВ Хаджиакбар Исламович (1945)
 - НАСЛЕДСТВО (рассказ) 1977 г. № 3
- ШАЙХОВ Хаджиакбар Исламович (1945),
АБДУЛЛАЕВ Яшим
 - ПАМЯТЬ ПРЕДКОВ (повесть) 1980 г. № 5
- ШАЛАМОВ Михаил Львович (1958)
 - ЭСТАФЕТА (рассказ) 1986 г. № 1
- ШЕКЛИ Роберт (1928), США
 - * ЗЕМЛЯ, ВОЗДУХ, ОГОНЬ И ВОДА (рассказ)

- 1965 г. № 1
 КАПКАН (рассказ) 1973 г. № 2
 * ЛОВУШКА ДЛЯ ЛЮДЕЙ (рассказ) 1974 г. № 5
 МАКС ВЫПОЛНЯЕТ СВОЙ ДОЛГ (рассказ)
 1978 г. № 3
 «ОСОБЫЙ СТАРАТЕЛЬСКИЙ» (рассказ) 1965 г.
 № 6
 ПРЕМИЯ ЗА РИСК (рассказ) 1962 г. № 3
 РУКАМИ НА ТРОГАТЬ! (рассказ) 1978 г. № 1
 ШЕНДЕРОВИЧ Виктор Анатольевич (1958)
 * СТРАДАНИЯ МЭНЭЭСА ПОТАПОВА (рассказ)
 1988 г. № 1
 ШПАНОВ Николай Николаевич (1896—1961)
 УРАГАН (главы из романа) 1961 г. № 1
 ЩЕРБАКОВ Владимир Иванович (1938)
 ГОЛУБАЯ КОМНАТА (отрывок из романа) 1981 г.
 № 5
 ДАЛЕКАЯ АТЛАНТИДА (повесть) 1986 г. № 4
 «МОГУ РАССКАЗАТЬ ВАМ...» (рассказ) 1979 г.
 № 2
 СЕМЬ СТИХИЙ (роман) 1980 г. № 1, 2
 ТЕНЬ В КРУГЕ (отрывок из романа) 1983 г. № 6
 ЧЕТЫРЕ СТЕБЛЯ ЦИКОРИЯ (рассказ) 1982 г.
 № 5
 ЭДЖУБОВ Лев Георгиевич (1926)
 * ВО ИМЯ РАЗУМА (рассказ) 1966 г. № 4
 ЭЙДЕЛЬМАН Натан Яковлевич (1930)
 * ПЕТЯ КАНТРОП (рассказ) 1966 г. № 5
 ЭМИС Кингсли (1922), Великобритания
 ХЕМИНГУЭЙ В КОСМОСЕ (рассказ) 1966 г. № 3
 ЭНСТИ Ф. (1856—1934), Великобритания
 * СТЕКЛЯННЫЙ ШАР (рассказ) 1965 г. № 6
 ЮРЬЕВ Зиновий Юдович (1925)
 БЕЛОЕ СНАДОБЬЕ (роман) 1973 г. № 4, 5
 ПОЛНАЯ ПЕРЕДЕЛКА (роман) 1975 г. № 4, 5
 ЮФЕРЕВ В.
 * «ТИХАЯ» ПЛАНЕТА (рассказ) 1976 г. № 2
 ЮШКО А.
 * СТО МЕТРОВ ДО МАРСА (рассказ) 1976 г.
 № 2
 ЯНГ Роберт Ф. (1915), США
 СРУБИТЬ ДЕРЕВО (повесть) 1967 г. № 6
 ЯРОВ Ромэн
 * ВЕТЕР С ВЕРШИН (рассказ) 1969 г. № 3
 * ОДНО МГНОВЕНИЕ (рассказ) 1967 г. № 2

Цена 3 руб.

